

В. А. Босенко

**ДИАЛЕКТИКА МСТИТ
ЗА
ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ К НЕЙ**

Киев 2010

УДК 101.8 ББК
4210.566

Босенко В. А.

Диалектика мстит за пренебрежение к ней. — Киев, 2010. 368 с.

Эта книга является продолжением (второй частью) вышедшей в свет в 2001 году «Всеобщей теории развития». Центральная проблема этой книги — кризис. Не просто кризис финансовый, экономический, но кризис, который можно охарактеризовать как глобальный кризис предыстории. И хотя автор ушел из жизни более чем за год до начала сегодняшнего кризиса, а большинство материалов книги написано в начале этого десятилетия, блестяще владея диалектическим методом, он не только с поразительной точностью вскрывает его исторические причины, но и предсказывает печальную перспективу общества, если эти причины не будут устранены. В качестве дополнений в книгу включены лучшие работы автора разных лет, посвященные решению центральных проблем диалектики.

1БВМ 978-966-7802-99-9

Вместо предисловия

Где мы находимся и что с нами произошло? Но главное, куда дело идет? Каково будущее и есть ли оно у нас, у нашего народа, у человечества? Как все это объяснить с позиции теории развития? И, наконец, что нужно делать, чтобы делать то, что нужно соответственно саморазвитию необходимости объективной действительности?¹ И так, что с нами случилось и случилось ли? Что это: какой-то сбой, отклонение или закономерность? Или это не случай, а неизбежный финал того пути, который был избран, по которому шли десятилетия, звено в системе отрицания отрицания или таки зряшное отрицание, внешний сбой, отклонение? Или это что-то похожее на случайное столкновение планеты с астероидом, метеоритом, подобным

---

¹На философском языке, что соответствует объективной необходимости, и потому разумно.

«тунгусскому», с той только разницей, что не обошлось повалом леса на сотни километров: воронка — более чем в одну шестую земной суши и повал строительных лесов развивающегося общества. Если бы глянуть из космоса, то видно было бы, какая это прорва образовалась. Гигантский шрам на теле планеты, на дне которого в хаосе, в болезнях, в дыму, в пыли, что-то копошится, выживает в грязи. То, что случилось с нами — это и в самом деле равно космической катастрофе. Вернее, это и есть действительная катастрофа вселенского масштаба, но не геологическая на уровне физической формы движения или химической, а на уровне самой высшей — общественной формы движения. Тем трагичней деградация, разложение, гниение, при

котором деструкция произведена не стихийными и не физическими силами, не химическими, а *общественными* же: был взорван процесс саморазвития и отброшено назад человечество на целую ступень исторической развитости (подобно возврату от млекопитающих к рептилиям). Вместо продолжения развития вперед, восходящего, поступательного, теперь придется человечеству после такого отбрасывания назад как бы повторить виток, заново достигнуть уровня, уже ранее достигнутого (перед которым нас остановили), а потом опять таки продолжать доразвитие. На это уйдет время².

Одно ясно, что процесс этот должен быть революционным по своему содержанию и роли, а не эволюционным, реформистским, и на том же самом основании, что и в прерванном предыдущем акте — революционном цикле (мировая катастрофа, кризис, травма лечится мировой же революцией — не меньше), ибо шаг этот в развитии осуществляется на том же самом основании: и как развертывание, и как разрешение (как два неразделимых полюса) того же самого противоречия между способом производства и способом присвоения, что и тогда. Этот процесс был прерван вторжением контрреволюционных сил в период революционного становления нового, революционного превращения. Взрыв, взламывание, откат, разрушение, деградация собственно потому и произошли, что своевременно те самые противоречия между производительными силами и производственными отношениями, которые являются двигателем общества, не получили разрешения и теперь должны будут быть доведены до кондиции. А это значит, что революционный момент довершающего, прерывающего (завершающего) эволюцию истории товарного производства и затем революционное завершение процесса всего цикла развития, кроме прочего, не получили разрешения, во-вторых, потому, что не готовым оказалось то, что называют в науке об обществе *субъективным фактором* (включая сознательную организацию революционного класса и его революционное активное действие). Те, кто должны были на

---

²Правда, такой путь может быть, по мнению Ленина, пройден быстрее, если в распоряжении имеются теоретические знания, опыт, особенно опыт поражений, и возможность внесения поправок на смещение, произошедшее от отсутствия опыта, пока человечество не «вернется» на прежнюю финишную площадку, которая должна стать (быть) стартовой.

революционном основании организовывать практические революционные действия по своевременному разрешению противоречия, продолжению развития, которое дозрело и перезрело, оказались теоретически не столь сильны, чтобы осуществить и организовать практически такое дело своевременно и умело (даже понять, что происходит, и какие конкретные нужные дела следует делать). Тут и робость от этого, и нерешительность, и трусоватость руководящих деятелей, теоретическая неосведомленность и малограмотность политическая, организаторская и т. п. Руководители страны не очень спешили с переходом к коммунистической фазе. Как Галушка в пьесе Корнийчука: «Не тягніть мене в комунізм, я тільки в соціалізмі пристроївся».

А Ленин ведь предупреждал, что происходит смещение центра тяжести борьбы антимарксизма от внешнего к внутреннему, т. е. к ревизионистскому.

Все время учитывалась постоянная угроза чужеродного вторжения со стороны зарубежных капиталистических стран, особенно под впечатлением от опыта Отечественной войны. Но это одного рода — непосредственные внешние противоречия. Другого рода внешние противоречия — внутри страны, а потому — коварнее и на поверхности незаметные. Внешние факторы были понятны само собой. Находясь в капиталистическом окружении, постоянно следует ожидать неожиданных коварных ходов противника. Да и капиталистический мир постоянно напоминал о себе и своих намерениях откровенными угрозами, начиная с Черчилля, откровенно угрожавшего удушить Октябрьскую социалистическую революцию в младенческой колыбели. Чего стоили форсированные гонки вооружения и постоянная угроза войны, навязывание гонки на уровне космического оружия и т. п. (Чтобы революционной власти быть сильной, надо иметь сильных врагов).

Стратегическим просчетом, если не ревизионистскими действиями, кроме прочего возможного, была нерешительность и затяжка ликвидации остатков товарного производства и отношений, недооценка этого элемента из остатков капитализма в социализме (например, буржуазное право без буржуазии, международные торговые и т. п. связи). И особенно, освящение рынка, признание его, признание т. н. принципа материальной заинтересованности, выдвижение на

первый план «прибыли» в оценке производительности труда и т. п. довело в своей эскалации до пресловутого «рыночного социализма».

Ленин предупреждал, что при наличии мелкой собственности, если стоит сохранить т. н. свободный рынок, они (мелкие собственники) за несколько месяцев после Октябрьской социалистической революции восстановят капитализм.

У нас же вдруг начали оживлять и товарное производство, и рыночные отношения и этим подготавливать, подталкивать фактически страну к реставрации капитализма, подготавливать сползание к фактическому капитализму, через госкапитализм и мелкий товарный капитализм. Оставалось только перехватить политическую власть и закрепить политически и юридически капиталистические цели и затем отношения. Делалось это под видом улучшения социализма, т. н. соединения (гибрида) положительных моментов капитализма и социализма (по словам устроителей). Например, социальное обеспечение, бесплатное образование и здравоохранение соединить с капиталистическими стимулами к «производительной» работе и тому подобная чушь³, что вообще невозможно в принципе. А потом последовал и полный отказ (даже на словах) от всего социалистического, и открытый переход к капитализму. То, чего изволите, как прикажет парламент, то и строить будем (Кучма в бытность свою и. о. премьер-министра), а потом — докладываем Конгрессу США, что «Советы ликвидированы и возврата к ним не будет» (Ельцин). «Самое радостное событие нашего времени — это то, что на территории бывшего Советского союза народы отказались от Советов и социализма...» (Клинтон).

Реставрация, оживление зачахнувшего клопа капитализма таились совсем рядом. Гарантировать себя от внешнего капиталистического врага мы научились и, кстати, не без того, что враги нам преподавали уроки постоянно и не давали задремать, напоминали о себе и своем вооружении и заставили таки создать паритет. А вот насчет

---

³Рыночный социализм — это все равно капитализм; середина, эклектика — такого не бывает. Социализм и капитализм несовместимы, это как чужеродные белки, несовместимые группы крови, отторгающие друг друга по основанию. Сердцевиной этого постоянно воспроизводимого антагонизма является частная собственность. Где есть частная собственность и свободный рынок, там постоянно зарождается и классовый антагонизм. В наше время это и реставрация капитализма.

внутренней опасности для социализма не подозревали даже его враги. Для них все случившееся — полная неожиданность. Они совсем не предполагали такого и в какой-то степени готовились к «обороне» от симпатии народов к социальным преимуществам, и симпатий к социализму народов Азии, Африки, Латинской Америки.

Знать о внутренней опасности (а это мелкобуржуазность, остатки товарных отношений, многоукладность и вся недоразрешенная внутренняя для социализма пятая форма классовой борьбы стали «пятой колонной» контрреволюции) возможно только зная, владея теорией марксизма, чего ожидать от буржуазных идеологов было бы нелепо. А вот что не оказалось достойного знания и у руководителей социалистической страны и партии — это совсем плохо и непростительно.

В свое время Каутский был уверен, что в полуфеодальной России мелкобуржуазная крестьянская масса задавит (подавит) и ассимилирует завоевания пролетариата, и пролетарская революция погибнет. Ленин показал пути, идя по которым, этого можно избежать. Он даже показал пример и возможности доделки, разрешения противоречий буржуазно-демократического этапа революции в ходе непрерывно социалистической революции. Показал также как блокировать угрозу мелкобуржуазности (помните, дайте нам на полгода госкапитализм и мы через год будем иметь социализм)⁴. Вот так плотно и следовало делать революцию по социально-революционному изменению социально-экономического строя (под эгидой политической власти пролетариата). Каутский же был, конечно, не прав, когда предлагал отказаться от социалистической революции. Прав был Ленин на все 100%, когда с броневика провозгласил в самый разгар буржуазно-демократической февральской революции: «Да здравствует социалистическая революция!» И рекомендовал оркестру вместо символа буржуазной революции — «Марсельезы» — играть символ социалистической революции — «Интернационал». Но это не значит, что подмеченной Каутским опасности не существовало. Она была, и Ленин постоянно советовал, рекомендовал быть осторожными и бдительными. Но не отказываться от социал-демократической программы-минимум, не пасовать перед ее опасностями, а знать,

---

⁴Ныне нельзя рассчитывать на госкапитализм. Индустрия уже есть и без него.

понимать и блокировать их. Причем не пассивно, оборонительно, а наступательно, ликвидируя мелкобуржуазные причины. Поэтому он ратовал за временное внедрение госкапитализма, который помог бы ликвидировать мелкого собственника (мешочника), как это он (госкапитализм) сделал уже давно в странах индустриально развитых⁵. Сам российский пролетариат, считал Ленин, не справится с мелким собственником и его стихией. На то и «разжигание» (не бойтесь этого слова) классовой борьбы в деревне, поляризация и дифференциация социальная с опорой на беднейшее крестьянство, сельских пролетариев-батраков против кулаков, нейтрализация середняка. Социалистическая революция в деревне совершилась позднее и шла она лет пять, но под эгидой, под опекой политической революционной власти — диктатуры пролетариата⁶. Ленин знал об этой постоянной опасности, но знал и как ее предотвращать, как избежать и даже разработал рекомендации на случай победы контрреволюции (смотри речь Ленина на VII съезде). **И одной из главных мер является недопущение свободного рынка, который и есть реаниматор-оживитель капитализма.**

Руководители Советского Союза (из последних) оказались малограмотными, не только теоретически несостоятельными, но и практически ввели рынок (рыночные отношения в общественные отношения), назвав этот искусственный «гибрид» рыночным социализмом. Сняли блокаду и открыли шлюзы для стихии товарных отношений. Но главное, что все это сделали, отменив диктатуру пролетариата.

Вместе с тем, и это главное, эта катастрофа — есть результат внешнего противоречия в диалектическом понимании последнего. При всем том, что эта внешность имела место внутри страны. Внутреннее и внешнее в диалектике, это не по рассудочному типу — чего-то внутри емкости, внутри ящика и т. п. Тут не между странами столкновение, а классовое столкновение, но оно, как результат внешнего противоречия, а не внутреннего движущего. Мелкотоварность крестьянская и крестьянская собственность — это не одна из сторон

---

⁵ А у нас хотят делать ставку на так называемый средний класс.

⁶ Наши интеллигенты-чистоплюи стыдаются говорить о диктатуре пролетариата, стесняются произносить такие слова.

движущего противоречия⁷, а остатки (рудименты) недоразрешенного еще буржуазной революцией противоречия. Но и оно от затягивания во времени, нерешительности мер в состоянии потянуть к реанимации капитализма. Дайте этому клопу только кровь, подпустите к питательной среде, и вы получите восстановление. Такой средой является то, что называется «свободным рынком».

В ходе политической буржуазной революции в Европе (которой в свое время завершилась в Западной Европе капиталистическая, социально-экономическая революция), которая то побеждала, то терпела поражения, была и реставрация монархии, и наоборот. Наполеон, (который сыграл немаловажную роль в утверждении буржуазного строя, а потом подался в императоры, поэтому подобные вещи надолго получили название, бонапартизм⁸; накат — откат, снова накат), повернул на 180 градусов. Но, в конечном итоге, капитализм утвердился почти повсюду в промышленных странах (все действительное разумно как то, что необходимо), и капитализм был в то время разумен. Он был неодолим. Как народникам хотелось избежать капиталистических отношений в крестьянской России, но это было безнадежно, предопределено. Плеханов и Ленин это показали со всей ясностью. (Энгельс предупреждал, что социальная революция в крестьянской России возможна лишь при наличии второго издания Парижской коммуны (диктатуры пролетариата), сами же крестьяне побеждать не могут, только в роли союзника пролетариата. То же самое при переходе от рабовладения к феодализму. Восстания рабов расшатывали рабовладение (как и крестьянство расшатало феодализм). Сколько было при этом восстаний и их поражений. Рабы были обречены как и крестьяне. Но, в конечном счете, утвердился феодализм (капитализм). То же самое и в социалистической революции, начиная от коммуны и дальше были и откаты, и накаты. Когда пролетарская политическая власть в России просуществовала на один день больше, чем Коммуна, Ленин считал это большим

---

⁷Крестьянство, которое было одним из основных классов в феодальном обществе, в условиях господства капитализма вырождается в мелкую буржуазию и не является одним из ведущих классов, каким оно было при феодализме. Крестьянство не имеет основания, будущего при социализме, оно — исторически исчезающий класс.

⁸Напрасно забыли это понятие «бонапартизм». Эта опасность существует и в наше время.

достижением, а когда на год — великим делом. Что же, поражение оставалось возможным, но даже этим революция была ценной. Семьдесят лет с их опытом обороны от капиталистического окружения — это не мало. (Ленин: не было бы поражения революции 1905 года, не было бы победы Великой Октябрьской революции).

«Я спрашиваю вас: чего же стоят “революционеры”, которые пугают начавшуюся революцию тем, что она может потерпеть поражение? Не бывало, нет, не будет и не может быть таких революций, которые не рисковали бы поражением. Революцией называется отчаянная борьба классов, дошедшая до наибольшего ожесточения... даже если бы завтра большевистскую власть свергли империалисты, мы бы ни на секунду не раскаялись, что мы ее взяли. И ни один из сознательных рабочих, представляющих интересы трудящихся масс, не раскается в этом, не усомнится, что наша революция тем не менее победила. Ибо революция побеждает, если она двигает вперед передовой класс, наносящий серьезные удары эксплуатации. Революции при этом условии побеждают даже тогда, когда они терпят поражение. Это может показаться игрой слов, но для того, чтобы показать, что это факт, возьмем конкретный пример из истории.

Возьмем великую французскую революцию»⁹. Вот это и есть прогресс через регресс.

«В знаменитом обращении Интернационала от 9 сентября 1870 г. Маркс предупреждал французский пролетариат против несвоевременного восстания, но когда оно все же наступило (1871 г.), Маркс с восторгом приветствовал революционную инициативу масс, “штурмовавших небо” (письмо Маркса к Ку-гельману). Поражение революционного выступления в этой ситуации, как и во многих других, было, с точки зрения диалектического материализма Маркса, меньшим злом в общем ходе *и исходе* пролетарской борьбы, чем отказ от занятой позиции, сдача без боя: такая сдача деморализовала бы пролетариат, подрезала бы его способность к борьбе»¹⁰.

Разве не подобная «сдача без боя» произошла с нами и особенно в октябрьские дни 1993 года, когда КПРФ поспешно отрелась от

---

⁹ Ленин В. И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. — ПСС, т. 38, с. 366-367.

¹⁰ Ленин В. И. Карл Маркс. — ПСС, т. 26, с. 81.

революционных масс, и разве не к тем же результатам она привела — деморализация и подрезание способности к борьбе?

Похоже, задали мы работу, загадку историкам будущего. Будут ломать голову, что произошло, и как могло случиться, какая вдруг катастрофа произошла, что, вопреки действительному положению страны (стран социализма), в одночасье все подверглось развалу. По всем законам развития и судя по положению на тот период, такого совершиться не должно было. Невероятно! Это какая-то катастрофа, стихийное бедствие, что-то вторглось в процесс развития и разрушило нормальный процесс, исторически обусловленный. Какая-то нелепая трагическая случайность. Какая? Даже главный враг социализма и весь его аппарат, включая разведку ЦРУ, не предвидел «такого», не предполагал вовсе такого внезапного обвального разрушения. Готовились к сложному военному решению, очень затратному и рискованному, потом окончательно убедились, что военное разрешение — самоубийственно, и гонка вооружений была превращена в способ истощения сил противника, для которого милитаризм был естественным и убыточным в отличие от капитализма, который получал от этого большие прибыли. Никакой надежды на саморазрушение социалистических стран не было. И вдруг — полная неожиданность, получить на блюдечке с голубой каемочкой все; и даже то и столько, чего и сколько они не ожидали в самых смелых мечтах, и даже не могли примыслить. Невероятно! Им сдали все без боя и единого выстрела. Отдали страну на милость даже не победителя. Какой-то кошмар. Не было такого в истории. Капитуляция по своей собственной инициативе, без ультиматума.

То, что планировал капитализм в лице немецкого фашизма осуществить военным путем, но что так ему и не удалось, обломал зубы, вдруг капитализм получил добровольно. Все планы перевыполнены: и символы, флаги, даже названия городов, должностей государственных, развал союза (перекройка по гитлеровским планам буквально), экономика, социально-политический строй. Ну все абсолютно капитализм получил. Разница лишь в том, что получил не только германский капитализм и не военным путем, но без откровенного сопротивления и по своей инициативе. Да иного и не может быть желания у мирового капитализма. Ельцин и доложил конгрессу США, что «с Советами покончено навсегда», с

коммунизмом тоже и т. д.

Сдали сами, предали, перешли на службу капитализму, коллаборанты, предатели, изменники.

Но это-то откуда? Перерождения от капиталистов и ожидать нечего. Они делают свое дело. А почему революционные силы Страны Советов своего дела не сделали? Наивно было бы ожидать, что капиталисты перестанут стремиться уничтожить социализм в нашей стране и не станут хотеть добровольной реставрации капитализма. Тогда они не были бы капиталистами. Ленин в одной из своих работ так и говорит об этом, предостерегает, чтобы не наивничали. Но, как назло, именно такие иллюзии стали преобладать под дурацким лозунгом — об «общечеловеческом», о «новом мышлении», о «социалистическом плюрализме», «деидеологизации», о «рыночном социализме» и т. п. чуши. Эскалация, сперва в виде «подправления», «улучшения», «совершенствования» социализма, улучшения организации производственной системы управления, а не производственных отношений. Многие думали, что их призывают к улучшению, совершенствованию организации производства и взаимоотношений на производстве. Но не это зовется производственными отношениями. То все (организация производства) остается в пределах производительных сил, а производственные отношения — это не отношения между людьми на производстве, а форма собственности, вытекающая из положения людей (классы), когда один класс присваивает труд других. Дальше больше: надо-де «улучшать» производственные отношения, которые тормозят развитие производства. Допустим. Но, что значит изменить, улучшить производственные отношения в условиях социализма? Внушая, что производственные отношения — это отношения между я и ты, он и т. д. на производстве, в промышленном и сельскохозяйственном.

Затем пошли т. н. реформы, потом стали откровеннее. Бурбулис заговорил, что речь идет о смене строя. Проглотили и это. Многоукладность, потом господство частной собственности. Даже стали называть происходящее — этот буржуазный контрреволюционный переворот — революцией, где «бархатной», где «нежной». Осуществляя обычную контрреволюцию.

Обратите внимание, ни в одном из клочков, на которые разорвали территорию Советского Союза, те, кто ратовал за усовершенствование

социалистического строя с «человеческим лицом», придя к власти не сохранили социалистический строй и политическую власть Советов. Вполне понятно, что совершив такой антиреволюционный раздел, они укрепились в своей политической власти — контрреволюционной. Разговоры о реформе — это фиговый листок для прикрытия греха и завершения антисоциалистических контрреволюционных мер.

По сей день дурачат народ болтовней о реформах, а делают-то фактически изменение социально-экономического строя: разрушают социалистические общественные отношения и проводят поспешно капиталистические так называемые реформы¹¹ (приватизация, установление частной собственности, рыночные отношения и т. д.) через посредство мелкого собственника — среднего класса. Сам факт раздела и согласие на эту акцию есть высшей пробы контрреволюционный шаг, который несовместим с социализмом. Поэтому наивными дурачками являлись те, кто думал, что отделяясь от России, они спасают себя ибо, мол, там теперь утверждается буржуазная власть Ельцина и т. п. Отделялись-то не от России, а от Советского Союза. Ни одна ведь из республик не заявила, что брезгует быть вместе с необуржуазной ельцинско-гайдаровской Россией, а остается социалистической территорией Советского Союза и сохраняет социалистический способ производства и Советский политический строй, даже название сохраняет СССР с установлением новой столицы. А все туда же, куда и российские новые правители — в капитализм, но свой, национальный. Никто не схватил за руку проходимцев и не сказал, что они выступают против конституции страны, в том числе и армия с ее присягой о защите общественного строя и территориальной целостности. Не говоря уже о рабочем классе, шахтерах. Зато потом, когда они сварганят свои конституции, юридически освящающие капиталистические порядки, они постоянно будут ссылаться на законную конституцию и пытаться объявить неконституционными любые критические замечания в адрес властей. Армия предала страну, нарушила присягу. С легкостью перепри- сягнули командиры Советской Армии сверху донизу, не моргнув глазом, встали под знамена вчерашних своих врагов, против которых всю жизнь воевали и

---

¹¹ Реформы — это изменения в пределах одного и того же основания: улучшение, модернизация существующего положения вещей.

побеждали, поцепили их символику.

Я уже как-то говорил, что буржуазные элементы — предатели и изменники, захватив власть (по всем правилам восстания — банки, почту, средства связи, информации и т. п.) срочно начнут гатить частокол юридических законов, ограждающих частную собственность криминальной буржуазии (иной она в социалистической стране и не могло быть), не зарплату же честного человека им защищать. Начнет организовываться постоянный капитал путем экспроприации общественной народной собственности, присваивают предприятия, разграбливают их. Так что буржуазия в этих странах изначально криминальна. Не за накопленные, сэкономленные от зарплаты деньги, а путем приватизации общественной собственности оттяпали они богатства, превращенные в капитал.

Так все и вышло. Юристы — Собчаки — настрогали частнособственнических законов в свою пользу, капиталистическую, и отхватили народное богатство. Им не нужно никакое производство и капиталовложения в него. На спекуляциях, перепродажах они имеют сотни процентов прибыли, которую держат в зарубежных банках. Сотни процентов, а не единицы, как у капиталистов западных стран. Дальше пойдет частокол пожелезнее. Пойдет люстрация, запреты на профессии, потом снятие «срока давности» и т. п. (как в Чехии). У Черномырдина, Березовского и других откуда миллиарды на счетах? Не из зарплаты же!

Будут ломать голову историки и выискивать и у современников событий «тех лет» хоть какие-то намеки на причины того, что произошло, чтобы сделать выводы, обобщения. Но пусть попробуют разобраться в хаосе мнений и продрасться сквозь дебри лжи работы спецслужб, если инициативу перехватили идеологи новой власти типа Волкогонова и других, которые нагородили всякой ерунды, а следующим поколениям — поди разберись.

Есть и еще одна сложность: нельзя, как говорит Маркс, быть современником событий и понимать, что происходит. Точнее, нельзя понять без овладения диалектикой, диалектической логикой и искусством оперирования ими (как это делал Маркс с помощью метода восхождения от абстрактного к конкретному).

Более того, не понять не только происходящих событий вокруг, но и не понять самого марксизма без этого. Ленин так и говорил в канун

Октябрьской революции, что никто из марксистов (т. е. называющих себя марксистами и верующих в него, признающих его учение как свое мировоззрение) *не понял* Маркса полвека спустя. *Не поняли* марксизма марксисты. Вон как! И потому, что не знали диалектики, не читали «Логик» Гегеля.

Никто не думал, не гадал, не предполагал, не подозревал, что придется защищать марксизм от марксистов. И где? — на территории страны, где произошла первая в мире победоносная пролетарская революция, совершенная (свершенная) на основаниях, раскрытых марксизмом.

Кто мог предположить, что в разгар развития социализма и после победы над фашизмом, который хотел стереть с лица земли социалистическую страну, но получил в итоге полный отпор и полный разгром, кто мог подумать, предположить, что социалистическую страну подстерегает удар в спину, под которым не устоит социалистическое марксистское государство. Даже если бы удалось предположить такую возможность, никто, однако, не подумал бы, что марксисты-теоретики, преподаватели марксизма, руководители партийные и т. д. пойдут на измену, на открытое предательство и встанут в ряды врагов его, в ряды антимарксистов, станут оголтелыми антикоммунистами, коллаборантами, сотрудничающими с кровавым врагом, воинственно нападая на марксизм, хуля его, изощряясь в его адрес, сочиняя пасквили, анекдоты, грязную стряпню, стараясь друг перед другом плюнуть (и похуже) в сторону марксизма.

Прежде всего, следует заметить, что поражение потерпел не марксизм и кризис нынче не марксизма, а марксистов-недоучек. Кризис не доктрины, теории, а марксизма как движения, его организационных основ, плохой организованности. А сама «машина», конструкция его (марксизма) не виновата, если водитель оказался неквалифицированный и свалил ее в кювет по неумелости, по пьянке: собрались, сообразили на троих и развалили Советский Союз. Открытые законы аэродинамики не виноваты и не отменяются от того, что пилот, управляющий самолетом, не сумел распорядиться знанием их и справиться с управлением аппарата тяжелее воздуха на основании этих законов. Машина же, потеряв управление, вошла в штопор, и пилот не смог ее выровнять.

Или по-другому. Корабль, потерпевший кораблекрушение от

неверных действий экипажа, неверных расчетов при прокладке курса штурманами, которые допустили просчеты ибо не очень были компетентны в навигационной теории штурманского дела и нарушили в итоге, посадив на мель корабль и разбив его о прибрежные скалы. А то и бросили корабль с перепугу, оставив его без управления.

Итак, «свои», вчерашние «свои», а теперь чужие, представляют опасность для марксизма. Это гниды, которые так тихо и незаметно прилепились к социализму — коммунизму как движению. Теперь из них выползают паразиты и кусаются. И не только кусаются, а являются разносчиками заразы, разносят риккетсии. Это идеологический педикулез, черт возьми, массовая завшивленность.

Корабль и самолет может потерпеть катастрофу не только потому, что оказался несовершенной конструкции, а и по причине плохого управления со стороны слабо квалифицированного водителя, пилота, капитана, плохого штурманского обеспечения и т. п. В социалистической стране были хорошие матросы, кочегары, в какой-то момент и капитаны с большим революционным опытом и теоретической подготовленностью. Но вот произошла смена руководства, и в руководящем составе произошли изменения не в лучшую сторону. Квалифицированность не та, опыта не хватает, теоретическая подготовленность оказалось слабой. Штурманское обеспечение желало быть более квалифицированным. Руководителей больше заботило внести в период своего правления какую-то формальную отличительную особенность вроде т. н. «развитого социализма» или «рыночного социализма», «социалистического плюрализма» и т. п. А когда корабль дал крен на правый борт, капитан, предварительно открыв кингстоны, вдруг сиганул с капитанского мостика и пустил на дно корабль с 18 миллионами своих однопартийцев, предварительно задраив люки, то это уже было явное предательство. Пенять при этом на устройство корабля было более, чем неверно.

Ленина беспокоило, что слой революционеров — профессионалов все тоньнел. Он думал, как это компенсировать. Дело не просто в технической грамотности государственных чиновников — управленцев, а в изменении самого основания государства.

Пролог

*Нация, желающая стоять на высоте
науки, не может обойтись без
теоретического мышления.*

Ф. Энгельс

*Без теории нам, смерть, смерть,
смерть.*

И. В. Сталин

В предыдущей книге «Всеобщая теория развития» эпицентром рассмотрения была проблема тотальности развития, как способа существования, атрибута (неотъемлемого свойства) материи вообще, составляющего бесконечный мировой круговорот. Было обращено внимание на то, как на основании господства всеобщего объективного закона отрицания отрицания циклы круговорота, в свою очередь, вяжутся в циклы (как круг кругов) в бесконечном восхождении все более широкого масштаба и все большей степени общности {см. *дополнение # 1*} и т. о. составляют единство мира (не только сохранения количества, но и сохранение качества движения), превращение всего во все. Таким образом, круговорот осуществляется как бесконечно-конечное, непрерывно-прерывное движение и в то же время, и в том же отношении — *как восхождение и поступательность*. Сущность движения — развитие, сущность развития — противоречие, сущность противоречия — борьба. Борьба абсолютна. Она и есть тотальный источник не только самодвижения, но и движитель, «пусковая причина»¹² саморазвития материи вообще.

Ленин не зря рекомендует «соединить, связать, *совместить* (курсив мой — В. Б.) всеобщий принцип развития с всеобщим принципом единства мира, материи, движения». В мире кроме форм движения материи ничего иного нет и познавать кроме них нечего.

---

¹²Это понятие позаимствовано нами из работ Ю. А. Жданова. На наш взгляд оно очень удачно.

Формы движения приходят и уходят, «мелькают», а движение вообще остается, реализуясь через превращения, становления сменяющихся (сменяющих себя) форм¹³. Единство мира не в бытии, а в материальности (см. дополнение 2). Мировой круговорот осуществляется через систему отрицаний отрицания синтезированных основных взаимопревращающихся «типических единств» (Маркс) (своего рода качественных «завихрений»), основных (и основных) форм движения: механической, физической, химической, органической и общественной форм движения. Это такие и столько форм, какие и сколько (качественно и количественно) в своем круговороте взаимопревращений обеспечивают превращение всего во все (и т. о. обеспечивают единство мира) и восхождение, начиная от механической формы движения и кончая мышлением (Ф. Энгельс), где мышление — продукт «законов движения материи» (Ф. Энгельс), но непосредственно высшей, общественной формы движения, а не органической, естественной, природной¹⁴ (см. дополнение № 2).

Для понимания всеобщности развития материи не следует искать и коллекционировать примеры развития под наши представления (по сходному признаку), бытующих вокруг в виде форм бытия, диалектикообразных картин, которые остается только подмечать, выявлять, фиксировать, суммировать, классифицировать, группировать по сходному признаку и изображать в соответствующей мысленной форме. Ни увидеть, ни воспринять каким-либо непосредственно чувственным образом развитие, диалектику невозможно. Не дается это нам в форме объекта, в форме созерцания. Задача также и не в том, чтобы, перебрав и пересвязав все формы

¹³ «Но в теоретическом естествознании, которое свои взгляды на природу насколько возможно объединяет в одно гармоническое целое и без которого в наше время не может обойтись даже самый скудоумный эмпирик, нам приходится очень часто оперировать с не вполне известными величинами, и последовательность мысли во все времена должна была помогать недостаточным еще знаниям двигаться дальше. Современное естествознание вынуждено было заимствовать у философии положение о неуничтожимости движения; без этого положения естествознание теперь не может уже существовать. .. Неуничтожимость движения надо понимать не только в количественном, но и в качественном смысле». (Энгельс Ф. Диалектика природы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 360). Последние нужно понимать как атрибут материи (см. дополнение Ж¹ 2).

¹⁴В том числе и мозг — общественный продукт, а не органический. «Человек мыслит не мозгом, а при помощи мозга» (Маркс). Руки всему голова.

бытия, выстроить их соответственно с общим принципом развития и получить выстроенную в виде дурной бесконечности гигантскую панораму вселенского, сквозного развития всеобщей картины мира космических тел. Это тоже и безнадежно, и не нужно. Не говоря уже о том, что за пределами досягаемости органов чувств в бесконечности вопрос о бытии, о его формах и т. д., как говорит Энгельс, вообще открытый вопрос. Даже «...видимое движение небесных тел делается понятным лишь для того, — предупреждает Маркс,— кто знает их действительное, но чувственно не воспринимаемое движение»^{4,5}. И тем более не постигнуть таким способом развитие. «Эмпирическое наблюдение само по себе никогда не может доказать достаточным образом необходимость»¹⁵. А без последней ни о всеобщности, ни о развитии нечего сказать. (А все действительное — разумно, если оно

потому, что она сплошь состоит из скачков» (Ф. Энгельс). А количество — это не нечто самостоятельное наряду с качеством, схватываемое отдельной категорией, а ограничивающее себя качество.

Многие склонны исключать развитие из области, например, микромира, физики вообще, химии, астрономии и т. д. именно потому, что не подпадают, обнаруживаемые в этих областях процессы, «наблюдаемые объекты», формы существования под устоявшиеся критерии развития и таким образом не соответствующие принятому стандарту («своего рода «ГОСТу»), а фактически просто не соответствуют ходячему представлению о развитии и всеобщем. (А такое несовпадение в свою очередь используется как аргумент против всеобщности развития, конечно, понимаемого как вездесущее (куда ни кинь — в развитие попадешь), а не как сущее, существенное). И это при всем том, что представлению-то как раз в освоении всеобщего и развития вообще делать нечего, так как такого рода сущности не представимы (в сущности все относительно, в сущности — противоречие). Они совсем недоступны, неприступны такой форме (ступени) познания. Ни то, что называется диалектическим развитием, ни то, что всеобщим представить невозможно, его можно только понять. Понять же значит — выразить в движении понятий. И важно как раз не поддаться представлению, а преодолеть его, выйти за его пределы, что и возможно только посредством развития понятия с помощью метода восхождения от абстрактного к конкретному. Из-за неумения это делать довольно частой стала, например, ситуация, которую можно охарактеризовать следующими словами Гегеля: «... если количество непосредственно берется из представления и не опосредуется мышлением, то очень легко может случиться, что оно будет переоцениваться в отношении границ его применимости и даже будет возведено в абсолютную категорию. Это и на самом деле происходит, когда признают *точными* только те науки, предметы которых могут быть подвергнуты математическому исчислению» (Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 244). Не это ли происходит, когда категорию «материя» сводят к атомам и элементарным частицам, полям, энергиям и т. п.

⁶ЭнгельсФ. Диалектика природы. — МарксК., ЭнгельсФ. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 544.

обладает необходимостью, разъясняли Гегель и Энгельс). Можно ли рассчитывать на познание Вселенной? «... точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть получено только диалектическим путем...»¹⁶.

Значит — так можно получить знание о вселенной, а не только об отдельных конечных формах (фрагментах) ее существования, более того — о ее *развитии*. К тому же *точное*. Развитие единое, доведенное до продолжения в форме развития человечества и, таким образом, до отражения этого развития в головах людей (в формах мышления, получаемых непосредственно из общественной формы развития обобществившегося человечества, из практики). Фактически воспроизводящей в уплотненном виде мировой круговорот превращения всего во все. Это все и есть то, что составляет способ получения знания *диалектическим, путем*. Способ же познания получает свое объективное основание от способа производства, идеальной иноформой которого оно и является. Элементарный способ производства частичного рабочего дает и элементарную логику (т. н. формальную) частичных вещей. Диалектическое познание дается способом производства обобществившегося человечества (причем не производства частных вещей, а производства мира, непосредственно производства человека, осуществляемого на основании непосредственно общественного характера труда, непосредственной коллективности).

«Всякое истинное познание природы есть познание вечного, бесконечного, и поэтому оно по существу абсолютно»¹⁷. Для чего и нужно обращаться к вселенскому абсолютному, всеобщему масштабу, когда собираемся решать, конечные, отдельные, относительные проблемы, явления (порой бесконечно малые). «Чтобы не спотыкаться о частности», говорит Ленин, чтобы иметь масштаб своего роста и развития, чтобы получить это отдельное и особенное как развитие, в процессии. Общее — это отрицающее себя отдельное. Чтобы постигнуть сущность отдельного, нужно довести его до всеобщего и найти место этого отдельного в системе всеобщего, во всеобщем

---

¹⁶Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 22.

¹⁷Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 549.

развитии (как и всеобщность в отдельном).

Для этого отдельное должно выйти за свои собственные пределы, границы путем отрицания своей особенности. Определить — значит определить, установить предел, установить границу. А для этого нужно отрицать границу (первое отрицание), выйти за ее пределы и т. д.

Итак, если хочешь получить познанную вещь, объективную истину — то это возможно лишь выйдя практически за ее пределы, переступив границу, оглянувшись в ее сущность конечную, можно установить границу (нарушенную), получить вещь, нечто в состоянии развития, то есть установить ее место в системе саморазвития необходимости, в мировом бесконечном круговороте, благодаря чему данная вещь станет выступать как лишь отдельный момент общего. В сущности же — все относительно.

Что значит определить, дать определение?

Это значит подвести менее широкое понятие под более широкое. Вплоть до самого широкого, предельно широкого понятия — «материя» (далее которого — некуда) и сознание. Например, дерево — это растение, растение — это форма существования белковых тел, белковое тело — это органическая форма движения. Последняя — объективная реальность, независимая от нашего сознания и данная нам в ощущении (т. е. материя). Что и должны делать представители научного познания всех областей познания — доводить до основного вопроса философии (до отношения сознания и бытия).

Мало нам данных наших геоцентричных наук и масштабов космического «хутора» «Земля» (на задворках галактики), подавай всеобщность (даже при решении сугубо земных вопросов, проблем). Только и слышно: где мы находимся? И что делать, чтобы сделать то, что нужно? Вопрос «что и как делать?» касается конечной планеты Земля (относится к конечной «Земле» с ее геоцентрическими науками, а ответы ищем в бесконечном пространстве и времени на уровне объективной необходимости). Не в глобальном планетарном масштабе (и даже не гелиоцентрических наук системы нашего желтого карлика и вообще не в пределах форм бытия, а всеобщих законов материи), во вселенском, всеобщем тотальном развитии движущейся материи вообще (см. дополнение Ж^е 1).

Понятие материи нужно довести до материальности, до ма-

териализма, (а не низводить до форм бытия, которые выдают за материю вообще) и тогда возможно постигнуть единство мира и всеобщие абсолютные законы, так сказать, «в целом». *Вопрос о единстве* мира в целом это, другими словами, вопрос о единстве мира *не о как внешнем единении различий*, не объединение на основании схожего признака, не в смысле всей суммы различных форм населяющих все мировое космическое пространство (приращение по типу бесконечности: + 1 + 1 + 1 и т. д.), а именно вопрос о всеобщих законах способа существования материи.

Для получения результата в рассматриваемом вопросе речь должна идти и не о «наблюдении материальных объектов» (распространенное выражение естествоиспытателей) в природе, в «натуре», и *не о наблюдателе* — натуралисте. Результативность и объективная истинность человеческого познания вообще, в том числе и познания развития — не в том, что берутся вырываются, выдергиваются, высмыкиваются, абстрагируются непосредственно из окружающей действительности явления в натуре, встретив которые следует донести нетронутыми в их натуральности до адекватного изображения в мысленной форме. И не прерогатива это индивида, разглядывающего окружающий мир, а компетенция обобществившегося человечества, активно действующего по *изменению* мира с позиций определенных конкретных исторически обусловленных общественных отношений (совокупностью /«ансамблем»/ которых выступает каждый отдельный человек). Вещи должны быть подвергнуты изменению и под воздействием общественного человека перестать быть собой (такими, какие они есть), чтобы стать такими, какие они есть в содержании знания (без единого прибавления и независимые от нас)¹⁸, т. е. в форме *объективной* истины. А это как раз осуществляется в практике, в предметно-практической, преобразовательной деятельности. Последняя «... *изменяет* внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (= меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (= объективно истинной)»¹⁹. Она же, практика, своим производством и воспроизведением вещей обеспечивает постижение того, что

---

¹⁸Это и будет называться материализмом.

¹⁹Ленин В.И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 199.

недоступно вышеупомянутому эмпирическому наблюдению: необходимости и формы проявления последней — всеобщности, а также всеобщего развития. В свою очередь, лишь в человеческой практике «... человек не теряет себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным*, предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в этом предмете»²⁰.

«Теоретическое познание, — пересказывает Ленин мысль Гегеля, — должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении *an und für sich* (в себе и для себя — *Red.*). Но человеческое понятие эту объективную истину познания «окончательно» ухватывает, уловляет, овладевает ею лишь когда понятие становится «для себя бытием» в смысле практики. Т. е. практика человека и человечества есть проверка, критерий объективности познания»²¹. И основа познания. Вспомним, что понятия — это не просто внешние мыслительные формы для обозначения форм бытия и их наименования, а орудия постижения необходимости, причинности, закономерности, т. е. формы преобразовательно-революционной практической деятельности и т. о. ступени выхождения человека из природы. Как и логика — это учение не о мыслительных формах, а о всеобщем развитии материальных и духовных вещей и их познании.

«...несомненно, практика стоит у Гегеля, как звено, в анализе процесса познания и именно как переход к объективной («абсолютной», по Гегелю) истине. Маркс, следовательно, непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерий практики в теорию познания: см. тезисы о Фейербахе»²².

Ничего человеческого человек не получает непосредственно от природы. Все человеческое он *делает* сам общественным путем, коллективно. Средневековый способ производства, например, не

---

²⁰МарксК. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — МарксК., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 121.

²¹ЛенинВ.И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 193.

²²МарксК. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 193.

может вызвать потребность в диалектическом способе мышления и дать ему соответственное объективное основание и содержание²³.

«Чувства в своей практике становятся теоретиками» (Маркс). Разделение труда позволяет мышлению претендовать на эмансипацию от материального бытия. То есть материальное (в практике) отделяет себя от самое себя и противопоставляет себе как абсолютное противопоставление относительных противоположностей (= основной вопрос философии) (см. дополнение Ж^е 1).

В предлагаемом тексте будет уделено внимание не столько всеобщему круговороту, и не отдельным фрагментам, его составляющим, а объективным основаниям всеобщего²⁴. В философской литературе раскрыты и теоретически разработаны упомянутые фрагменты системы связи (отдельные формы движения как составные части развития, а так же науки о них: механика, физика, химия, биология = естествознание и обществознание). Но более полно, последовательно и глубоко это проделывается в отношении самой сложной по степени развитости формы движения — общественной²⁵ с ее системой восхождения (опять же, круг кругов, отрицание отрицания) — пяти общественно-экономических формаций (первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической). И пяти укладов в революционный *переходный*²⁶ период от капитализма к социализму, где борются (кто кого) нарождающийся в революции социалистический уклад против четырех укладов — остатков формаций всей формы отношения господства и подчинения. Упомянутый революционный переходный период есть не только и не

А лишь потребность в элементарном рассудочном мышлении т. н. логика стен домашнего обихода, логика начальной школы.

²⁴Это было в основном проделано в предыдущей книге «Всеобщая теория развития». Киев, 2001.

²⁵И это так: понимание простого раскрывается через более сложное, а не аналитически. Например, тайна строения организма обезьяны раскрывается через строение организма человека, а не наоборот.

²⁶Когда говорится о переходном периоде в диалектическом понимании, то имеется в виду не «мост» для соединения противоположаемых пункта «А» и пункта «В», а то, что представляет собой «революционный скачок, прерыв постепенности, единство бытия и небытия, разрешение противоречия» (Ленин). Это такой момент, когда и уже не то, что было, и еще не то, что будет. Например, когда капитализм разгромлен, но не уничтожен, а социализм победил, но не построен.

столько переход от капитализма к социализму, но уже переход от всей формы господства и подчинения к форме сотрудничества и взаимопомощи, и потому борьба идет против всех форм эксплуатации, а значит, переход *от, предыстории к настоящей истории человечества*^{1^}, не просто переход к очередной формации. Коммунизм — это последняя формация, которая уже собственно не формация, а становление (свободной деятельности как самостоятельности, т. е. на совершенно ином невиданном ранее основании, без нормы и вознаграждения). Энгельс говорил об нелепости утверждения о т. н. «совершенном обществе». Коммунизм не претендует на абсолютное совершенство, на законченность. То было бы концом развития, истории. Коммунизм не совершенное, а бесконечно совершенствующееся общество, пребывающее в постоянном становлении. То, что называется становлением не в процессе формирования, создания коммунистических отношений, а сам уже способ существования, функционирования их.

«... 3) при всех прошлых революциях характер деятельности всегда оставался нетронутым, — всегда дело шло только об ином распределении этой деятельности, о новом распределении труда между иными лицами, тогда как коммунистическая революция выступает против прежнего *характера* деятельности, устраняет *труд* и уничтожает господство каких бы то ни было классов вместе с самими классами, потому что эта революция совершается тем классом, который в обществе уже не считается более классом, не признается в качестве класса и является уже выражением разложения всех классов, национальностей и т. д. в теперешнем обществе; и 4) как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в *революции*²⁷; следовательно революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»^{28^1,22}. Коммунизм — не идеал, не цель, а реальное движение

---

²⁷Но зато, если не довести до разрешения в противоречии эти моменты, то будет кризис, разложение, гниение.

²⁸Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3,

по закону отрицания отрицания. Могут сказать, что это противоречие. Вот именно, и именно здесь «зарыта собака». Из человеческих отношений нужно изгнать отчуждение, убить отчуждение, а то оно убьет человека. А хочешь убрать отчуждение, целясь в частную собственность²⁹.

Последние строки предыдущей книги «Всеобщей теории развития» заканчиваются призывом обратиться к диалектическому противоречию, и никто нас умными не назовет, если мы это не сделаем. И это не сигнал тревоги: «Полундра! Опасность!», и не просто панегирик в честь противоречия, а призыв взять на вооружение орудие познания для постижения истины в сложившейся ситуации. Оно больше сродни команде «В ружье!», «В атаку!», «Полундра!».

Когда говорится, что познание мира возможно только диалектическим путем, то нужно не забывать, что главное при этом то, что имеется в виду — противоречие.

«Противоречие — вот что на деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить», — предусмотрительно подсказывает Гегель³⁰.

Классик плохого не посоветует³¹.

Дальше Гегель уточняет насчет распространенного тезиса, что противоречие нельзя мыслить. «Правильно в этом утверждении лишь то, противоречием дело не может закончиться и что оно (противоречие) снимает себя само через себя. Но снятое противоречие не есть абстрактное тождество, ибо последнее само есть лишь одна сторона противоположности»³².

«Противоположность и противоречие» разграничивал в своей

с. 70.

²⁹Нет, с одной стороны, да с другой стороны — это эклектика. Дуализма нет (Гегель, Маркс). Есть одна сторона и ее свое-другое (другое себя).

³⁰ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 280.

³¹ И вообще нужно больше вслушиваться вчитываться в теоретические положения классиков (выдержавшие вековые испытания на прочность и эвристичность), и ставшие надежным оружием в борьбе. Особенно в наше смутное время сплошной переоценки ценностей и безудержного ревизионизма.

Они могут своими работами служить своего рода экспертами в оценке наших решений и действий. Их теоретические положения могут освещать путь дальнейшей практике (а не просто интерпретировать результаты практики), осуществлять предвидение, отвечать на вопросы «что делать?» и «с чего начать?».

³² Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 280.

“Науке логики” Гегель. В противоположности отношение двух сторон таково, что каждая из них определяется другой и поэтому является только моментом, но в то же время каждая сторона определяется и сама собой, и это сообщает ей самостоятельность; в противоречии, напротив, отношение таково, что каждая сторона в своей самостоятельности содержит другую, и в связи с этим оказывается исключенной самостоятельность обеих³³.

Комментируя Гераклита, Гегель говорит: «Познание того, что бытие и небытие суть только лишенные истины абстракции, первым же истинным является только становление, представляет собой большое достижение. Рассудок считает, что оба в отдельности истинны и имеют значимость; напротив, разум познает одно в другом, познает, что в одном содержится его другое» (№6 «его другое»), — «вот почему следует Вселенную, Абсолютное определять как становление»³⁴.

И дальше. Такое *единство противоположностей* «... как раз есть абсолютное становление, изменение, — не становление другого, сейчас одно, а затем другое. Существенно то, что каждое отличное, особое отлично от какого-либо другого, но не абстрактно от какого-либо другого, а от *своего* другого; каждое существует лишь постольку, поскольку в его понятии содержится его другое».

И дальше сравнивается с музыкальными тонами: «...они должны быть различны, но так, чтобы они могли быть едиными»³⁵ (как и формы движения в мировом круговороте).

Причем, заметьте, противоречие высшей — общественной формы движения, и в сфере высшего уровня, ступени. Только такой высоты масштаб дает возможность получить диалектический обзор действительного противоречия, пригодного для диалектической обработки, в искусстве оперирования теоретической мыслью диалектического типа.

А что будет, если не выполнить предлагаемую рекомендацию? Как свершается угроза диалектики, упомянутая в названии книги, и насколько «страшна» ее «мечь»?

Ответ возможен такой: «Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недо-

---

³³Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 467.

³⁴ Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 234.

³⁵ Там же, с. 235.

статочно для его совершения, — тогда общество гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия»³⁶. Это о нас. Гнием, братцы, гнием. В понятие «необходимой силы» включается владение теорией диалектики как формой классовой борьбы.

А если имеем не революционный переворот, а реакцию, контр-революционный переворот??? И в самом деле, что произойдет, если противоречия дозрели и перезрели, а их своевременно не доводят до (становления) разрешения и выхода в высшее, на новое основание?

Застой и гниение будет уделом такого общества, его экономики, науки, культуры и т. д. Одним словом, всеобщий кризис.

Рассмотрим некоторые моменты такой ситуации.

Изложение в предлагаемой работе осуществляется как размышление вслух о некоторых последствиях пренебрежения к диалектике и изложено в форме очерков (и добавлений к ним по мере необходимости более подробного рассмотрения затронутых проблем).

---

³⁶ Ленин В. И. Последнее слово «искровской» тактики или потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания. — ПСС, т. 11, с. 367.

Очерк 1

Заметки о кризисе

Переворот может, назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для свершения, — тогда общество гниет,, и это гниение затягивается иногда, на, целые десятилетия

В. И. Ленин

В общем теперь неплохие времена. История явно готовится взять новый старт, и заметные повсюду признаки разложения приводят в восторг всякого, кто не склонен сохранять вещи такими, как они есть

К. Маркс

Ни о чем в наше время так много не говорят, как о кризисе. У всех на слуху и на устах это слово^{1,2}. Другие к этому непременно добавляют: «Вы только посмотрите вокруг, что творится!

С этим надо что-то делать, а то такая ситуация чревата непредсказуемыми последствиями: катастрофой, а то и взрывом!»

Возможно, это так и есть, но почему «непредсказуемо»? (Получается в наши дни единственно, что предсказуемо — так это непредсказуемость). Это, во-первых. А во-вторых, смотря вокруг, делая ставку на созерцание, ничего существенного не увидишь. В видимости созерцание схватывает только внешность, кажимость, явление, а до сущности еще дистанция огромного размера. Нам же нужно не видение того, что есть, а ПРЕД-видение. И пора бы предвидеть, куда дело идет, где мы находимся сейчас и что с нами происходит, а для этого надо определиться, где мы находимся сейчас в

системе необходимости саморазвития материи³⁷. Правда, для этого нужно исходить из революционной практики и владеть диалектическим методом, диалектическим теоретическим мышлением, без посредства (опосредствования) которого не раскрывается истина, не выказывается сущность. Таким средством и является диалектическая логика = теория познания. Больше того, если дело дошло до «ситуации», то не следует ее оставлять непредсказуемой. Раз имеет место «ситуация», то она может быть или *революционная*, или *реакционная*, *консервативная*, *контрреволюционная*, *кризисная* (застой и гниение). И в том, и в другом случае науке известно, чем она чревата и к чему ведет. Даже если — к взрыву, то надо знать диалектическую сущность (а не бытовое содержание) понятия «взрыв». Тогда, может быть, и не так страшен взрыв, как его малюют?³⁸ Взрыв нам обычно видится в абстрактной односторонности, наполненной содержанием, полученным от субъективного представления (чаще всего, идущего от картины детонационного взрыва).

Во всех этих понятиях («кризис», «взрыв», «антагонизм» и др.) следует разобраться прежде, чем они выступят не просто в роли внешних мыслительных форм для обозначения, фиксации форм бытия, примеров, а как категории, орудия постижения сущности, закономерности, причинности, то есть прежде чем включать их в теоретико-познавательный процесс, в диалектический «механизм» своего рода ускорителя («циклотрона») диалектико-логико-теоретико-познавательного действия и через движение и развертывание противоречия понятий (раздвоение единого и затем доведение противоположностей через взаимоисключение до тождества, до разрешения противоречия) получить раскрытие его (понятия) процессионности, развития и таким образом через понятие «развитие», через развитие понятия развития получим действительное объективное положение вещей, но уже в его развитии (то есть, в его сущности)³⁹.

Это совершенно верно, что для постижения сущности кризиса нужно доводить понятие до противоречия. Но в данном случае — до

---

³⁷И что делать, чтобы делать, то что нужно.

А то и «пусть сильнее грянет буря!» (Максим Горький).

³⁹ В этом отношении искусство оперирования понятиями в диалектической логике возникает как теоретическая реконструкция практической реконструкции действительности, но уже на уровне сущности, а не явления.

невозможности своевременного разрешения противоречия. Ибо тогда обнажается то, что зовется кризисом.

А если возникает внешняя помеха нормальному процессу развития, и если своевременно не довести противоречие до его разрешения и перехода скачком на новое основание? Что тогда? — Вот тогда — кризис!

Возьмите текст энгельсовской характеристики сущности общего экономического кризиса и вы получите адекватное отражение объективной картины механизма любого из имевших место кризисов на протяжении полутора столетий, независимо от того, когда, в какой из развитых капиталистических стран этот кризис совершается⁴⁰ (хотя бы, например, в США летом 2002-го года, да и зимой тоже):

«Расширение рынков не может поспевать за расширением производства. Коллизия становится неизбежной, и так как она не в состоянии разрешить конфликт до тех пор, пока не взорвет самый капиталистический способ производства, то она становится периодической. Капиталистическое производство порождает новый “порочный круг”».

И действительно, начиная с 1825 г., когда разразился первый общий кризис, весь промышленный и торговый мир, производство и обмен всех цивилизованных народов вместе с их более или менее варварскими придатками приблизительно раз в десять лет сходят с рельсов. В торговле наступает застой, рынки переполняются массой не находящих сбыта продуктов, наличные деньги исчезают из обращения, кредит прекращается, фабрики останавливаются, рабочие лишаются жизненных средств, ибо они произвели эти средства в слишком большом количестве; банкротства следуют за банкротствами, аукционы сменяются аукционами. Застой длится годами, массы производительных сил и продуктов растрачиваются и уничтожаются, пока накопившиеся массы товаров по более или менее сниженным ценам не разойдутся, наконец, и не возобновится постепенно движение производства и обмена»⁴¹.

---

⁴⁰Понятие кризиса, там, в тексте энгельсовской формулировки, достигло предельной всеобщности и по форме, и по содержанию, и выступает как законченный, абсолютный, не имеющий дальнейшего расширения закон природы и действительности, независимый от воли тех, кто участвует в его совершении, осуществлении. Для получения такого богатого внутренними определениями понятия

И так через каждые десять-одиннадцать лет все сначала (по кругу — процветание, спад, застой, кризис).

Сравните с этим текстом сообщение в газете «Комсомольская правда» (которую нельзя заподозрить в антипатии к капиталистическому миру) от 23 июля 2002 года о положении экономики США под заголовком «У них шатается доллар». Один к одному с приведенным выше энгельсовским текстом. «В воскресенье вечером американская телекоммуникационная компания WorldCom объявила себя банкротом. Это самое крупное банкротство в истории США. Активы WorldCom оцениваются в 107 миллиардов долларов.

В прошлом месяце разразился грандиозный скандал, связанный с миллиардными приписками в этой компании.

На состоянии американской экономики и настроении инвесторов это банкротство, безусловно, скажется негативно».

И вы верите, что такая машина с тремя буквами «USD» на борту может пойти ко дну вроде «Титаника»? Тем не менее, новости американской экономики пока не вселяют оптимизма. Скорее наоборот. И в этот водоворот, как щепки, затянет все остальные гордые, но слабые государства.

Россию⁷ в первую очередь. Она не только в фарватере USA плывет, но и привязана к нему канатом — долларом. 80—90% золотовалютных запасов России — зеленые бумажки, отпечатанные в Америке. 25% банковских вкладов россиян — опять в баксах. И еще под матрацы наш народ сложил, как считают эксперты, \$30-35 млрд. наличных — половину бюджета страны.

Да, Америку косят скандалы на фондовых биржах. Но это игры спекулянтов, торгующих акциями. А торгуют ими в США практически все. Даже детям на день рождения дарят не плюшевых зайцев, а ценные бумаги.

И мы проигрываем. Акции наших компаний дешевеют вслед за

нужно, чтобы они (эти внутренние определения) возникли и существовали на основании реального объективного процесса, практики, да так, чтобы это понятие не могло существовать без возникновения жгучей практической потребности в идеальном выражении этого процесса. То есть, чтобы понятие кризиса получило статус категории (= идеальное выражение общественных отношений, общее — значит общественное), в обществе должен реально сложиться процесс всеобщего кризиса. И он сложился.

⁷Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 287.

американскими. Вчера наш фондовый рынок резко упал — аккуратно после пятничного обвала акций в США.

Наша экономика неразрывно связана с мировой. Поэтому волны от кризиса «за бугром» доходят и до нас. Дешевеют и наши сбережения. По отношению к евро доллар с начала года полегчал на 15%.

Растут государственные долги. В США только внешний долг составил три триллиона долларов, не считая внутреннего⁴².

взаимы или в аренду), было клеймо — изображение огромного синего орла со звездами. Это федеральный знак, указывающий, что это изделия кризисного периода тридцатых годов (!), которые запрещено продавать на территории США. Их нужно уничтожить, что и делалось в те годы: зерно сжигалось в топках паровозов, молоко выливалось в океан, скот миллионами голов зарывали на полях (закапывали) в качестве удобрений. И не только продукты уничтожались, но и средства производства, машины, целые заводы закрывались. Но самое главное — уничтожению подвергся основной элемент производительных сил — рабочие, производители оставались без производства, безработица (около 20 миллионов) и разорение мелкого собственника и таким способом сохранение крупного собственника. Люди голодали, но не смели реализовать продукты с клеймом синего орла. Рабочий люд был рассредоточен по огромной территории страны, где они за чечевичную похлебку строили бесконечные дороги из подручных материалов. И были настолько распылены, что не имели возможности организовываться для коллективного сопротивления.

Крутые дельцы дождались войны через десять лет, заработав немалые барыши. Пакеты с яичным порошком, банки свиной тушенки получили рынок на территории военных союзников. И даже после войны еще в Западной Европе под эгидой «Плана Маршала» несколько лет витал синий орел. Кстати, война в эпоху империализма для того и ведется, чтобы получить рынки сбыта. Парадокс кризиса, непонятный простому труженику — в стране перепроизводство всевозможной продукции, и в то же время — это причина массового обнищания населения, голода и т. п. Механизм один и тот же для любого кризиса в любой стране. На то он и общий кризис. Даже после мировой войны в так называемое мирное время дополнительно развязали десятки военных конфликтов для амортизации кризисных последствий.

Интересно, что в СССР бывали такие мощные рывки в производительности труда, что будь такое в капиталистической стране, это было бы роковым перепроизводством, которое порождает кризис. В условиях социалистической системы хозяйствования это, наоборот, желательное явление — повышение производительности труда. Кто не помнит ежегодные снижения цен в апреле месяце и призывы еще повышать производительность труда и напоминания слов Ленина, что «коммунизм — это в конечном счете высочайшая производительность труда», способная обеспечить производство с *избытком* на душу населения (эту формулировку Маркса как-то забывают обычно). А каким твердым и устойчивым был советский рубль (червонец), даже не только, когда он был отлит (в двадцатые годы) из чистого червонного золота, а

---

⁴² Люди старшего поколения, вероятно, помнят, что во время войны на товарах, присылаемых из США в СССР по ленд-лизу (помощь союзников;

полтинники из серебра!

При этом такие вещи как цены, стоимости, товар, прибыль, сдельная плата и деньги даже потеряют смысл. Продуктообмен сделает все эти атрибуты капиталистической системы пережитками, которые еще при социализме функционируют в виде ослабленной культуры (наподобие прививки от оспы) как остатки буржуазного права без буржуазии (которые, кстати, вернее, со-

В наши дни и в сельском хозяйстве полным ходом идет укрупнение в капиталистических странах. В США крупные хозяйства, равные по площадям советским совхозам-гигантам, уже дают сельскохозяйственной продукции около 90 с лишним процентов. А пять миллионов фермеров — остальные приблизительно 10%. Фермерство не имеет будущего даже в США.

Наши дураки, наоборот, потрошат землю да еще и разрешат продавать ее. Кстати, в Америке фермеры берут землю в аренду осторожно — на год, два. Но все равно разоряются сотни тысяч в год.

Судя по всему, с такими неграмотными кадрами капитализма не выстроить.

всем некстати, еще имея место при социализме, таят опасность оживления капитализма при определенных условиях, например, сохранения т. н. свободного рынка (как «рудимента») и преждевременного демонтажа диктатуры пролетариата).

На смену всему этому придет труд без нормы и вознаграждения. Исчезнет даже воспоминание о пресловутой т. н. личной материальной заинтересованности отдельного работника, частичного рабочего. Исчезнет управление людьми. Останется управление вещами и процессами.

Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и противоположности, а вместе с тем — и государство как государство. Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое движется в классовых противоположностях, было необходимо государство, то есть организация эксплуататорского класса для поддержания внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определенных данным способом производства условиях подавления.

Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним.

Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества, — является в то же время последним самостоятельным актом государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыхает. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», а отмирает. Точнее, конкретное государство (буржуазное) уничтожается, а государство вообще отмирает, «засыхает».

Авторитетный американский экономист, лауреат нобелевской премии Василий Леонтьев заявил, что России (и странам СНГ) понадобится 70 лет, чтобы построить рыночную экономику (то бишь капиталистическую) и достичь того уровня, который СССР имел до перестройки («Маяк» 23.10.92).

Так на кой черт стоило отдавать в жертву уровень, который имели и который за 70 лет стал бы еще выше, чтобы отступить на 140 лет назад в капиталистическую экономику со всеми ее слабостями и даже ужасами? Вопреки разглагольствованиям демократов, что имеет место развитие после переворота, и т. н. реформы, это — скачок назад. И на какой зад — на самые зады конкурентного капитализма!

Нет, нашей стране капитализм противопоказан.

Украина была в первой шестерке развитых стран мира, а теперь 120 место, т. е. сама стала «шестеркой». Этого ей мало, она стремится раствориться в Евросоюзе.

Универсальность представленного изложения сути того, что зовется экономическим кризисом, подходит под любой конкретный случай после 1825 года (ни прибавить, ни убавить), потому, что «... конфликт между производительными силами и способом производства... существует в действительности, объективно, вне нас, независимо от воли или поведения даже тех людей, деятельностью которых он создан. Современный социализм есть не что иное, как отражение в мышлении этого фактического конфликта, идеальное отражение его в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно, — рабочего класса»⁴³.

В чем же состоит конфликт?

«До появления капиталистического производства, т. е. в средние века, всюду существовало мелкое производство, основой которого была частная собственность работников на их средства производства: в деревне — земледелие мелких крестьян, свободных или крепостных, в городе — ремесло⁴⁴. Средства труда — земля, земледельческие орудия, мастерские, ремесленные инструменты — были средствами труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на единоличное употребление, и, следовательно, по необходимости оставались мелкими, карликовыми,

---

⁴³ЭнгельсФ. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 279.

⁴⁴У классиков есть такое выражение: ветряная мельница дает нам общество во главе с феодалом, а паровая мельница — во главе с капиталистом.

ограниченными. Но потому-то, они, как правило, и принадлежали самому производителю»⁴⁵.

«.. Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации»⁴⁶. Вот это и есть кризис.

«Таким образом, продукты общественного труда стали присваиваться не теми, кто действительно приводил в движение средства производства и действительно был производителем этих продуктов, а капиталистом. Средства производства и производство по существу стали общественными»⁴⁷.

«Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией»^{bt}.

«Следовательно, упразднение классов предполагает такую высокую степень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, — ас ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства, — не только становится излишним, но и является препятствием для экономического, политического и интеллектуального развития. Эта степень теперь достигнута. Политическое и интеллектуальное банкротство буржуазии едва ли составляет тайну даже для нее самой, а ее экономическое банкротство повторяется регулярно каждые 10 лет».

«Возможность обеспечивать всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных

⁴⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 279.

⁴⁶ Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — ПСС, т. 1, с. 138.

⁴⁷ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 281.

способностей, — эта возможность достигнута теперь впервые, но теперь она действительно *достигнута*.

Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.

Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самоё природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения»⁴⁸.

Производственные отношения, которые донныне соответствовали

---

⁴⁸Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 294-295.

уровню, характеру производительных сил, перестали им соответствовать, пришли к конфликту и требуют революционного преобразования производственных отношений для движения вперед. Мешает отсутствие своевременного разрешения противоречия между производительными силами и производственными отношениями, которое и соответствовало бы новому способу производства. Иначе — застой, кризис и гниение, разложение самих производительных сил.

Но почему же все это «непредсказуемо»?!⁴⁹ Если есть универсальный метод познания и преобразования, тогда чего же такая уверенная непредсказуемость стала главным и единственным предсказанием? Кризисы, их природа, причина, закономерность, периодичность, цикличность и возможность предвидения в экономических отношениях досконально раскрыты в работах Маркса и Энгельса. С открытием материалистического понимания истории и закона прибавочной стоимости появилась та самая наука, которая в состоянии вообще раскрыть будущее человечества. Образцы предвидения на основании теоретического метода мышления есть у Энгельса.

Результатом грандиозного общего кризиса капитализма явилось нечто новое, доселе небывалое, предсказанное Энгельсом задолго до его появления. Энгельс уверенно заявил, что следующая война, которая грянет, будет уже мировая. Он вскрыл причины и ход ее развития, указал и ее последствия. Показал какие группировки каких стран будут *четыре* (!) года душить друг друга. Эта четырехлетняя война будет равна тридцатилетней, массовое одичание будет уделом народов, втянутых в эту войну. В результате, завершится она тем, что будут валяться короны по дорогам Европы и некому будет их поднимать (подбирать), так как тому жандарму Европы, который обычно этим занимался (а это царская Россия) будет не до этого, ибо она потерпит сокрушительное поражение и все закончится победоносной социалистической революцией на берегах Невы.

Полная предсказуемость. Но это был еще только первый этап

---

⁴⁹Что же касается экономических кризисов, то тут все легко предсказуемо, как предсказуемость времен года. То, что зима следует за осенью, очевидно для всех. Нас же интересует экономический кризис не сам по себе, а как модель кризиса вообще. Энгельсовское пояснение сути экономического кризиса наиболее ярко высвечивает характер кризиса вообще, его диалектический механизм в развитии вообще.

общего кризиса капитализма. Первая мировая война уничтожила миллионы (10 миллионов людей).

Вот и следует разобраться в этих упомянутых понятиях с помощью и опираясь на опыт тех, кто, владея эффективным методом, получил необыкновенные результаты, анализируя понятия «кризис в науке», «всеобщий кризис», «взрыв», «катастрофа», учат как с этим бороться. Тем более, что есть чему и у кого учиться.

Рекомендации типа «смотри и убеждайся», что такое кризис, ничего не дают. Развал, разор вокруг есть следствие кризиса, а что есть он сам (в сущности)? На уровне созерцательного материализма, получающего действительность в форме созерцания, в форме объекта, и не возможно знать больше, чем кажимость, внешность формы, видимость, явление, но не сущность. Сущность не раскрывается непосредственно чувственным образом, как было сказано. Ее можно только понять, а это значит выразить в движении понятий, то есть логически. Иначе получится как у древних элеатов: когда спрашивали, что такое движение, и человек пытался ответить тем, что начинал ходить. Вот мол, это и есть «движение», смотри и убеждайся. Так его били палками за такое объяснение. Чем надо бить в наши дни, когда при объяснении, что такое кризис, поступают подобным же образом? Смотри и убеждайся, что эти безобразия — кризис?

Гораздо позже стало ясно, что и как нужно довести до понятия, *до противоречия* и таким образом раскрыть сущность движения. Механическое движение (перемещение) значит — находится в данном месте и одновременно не находится. Качественная вещь и является тем, что она есть, и в то же время не является, она есть единство того, что она есть и не есть, покой — это движение и т. д.

Спросите солдата, что такое война? Он не ответит, ибо не знает, или, вернее, понятия не имеет. При всем том, что он прошел все фронты и все видел своими глазами. Он скажет, что война это когда стреляют, ходят в атаку, наступают, отступают, убивают, ранят, берут в плен и т. п. Что же такое война, он не скажет. На эмпирическом уровне такие вопросы не решаемы (тем более по типу: это, например, когда ...)

Так и с кризисом. Все гутарят о кризисе, пугают кризисом, но понятия о нем не имеют. Одни эмпирические картинки. Нужно получить предельно всеобщее, богатое определениями понятие для

диалектического оперирования. А для этого нужно обратиться к соответствующей степени общности действительности, то есть не к частному, частичному кризису (финансовому, политическому, правовому и т. п.), а всеобщему общественному и всеобщественному.

Но к такого типа действительности, которая бы, не переставая быть определенным, отдельным, особенным, была бы одновременно общим, всеобщим, и опять-таки, не в смысле наряду с отдельным, особенным в их внешнем эклектическом соединении, а через *самоотрицание* отдельности, особенности, как свое другое первого. И так вплоть до предельной всеобщности.

Оперирование такого ранга, такого наполнения понятиями (богатými определениями богатой практики) позволяет через движение логического раскрывать сущность действительного.

То же самое и насчет кризиса. Чтобы получить всеобщее понятие кризиса, нужно иметь дело с настоящим реальным кризисом всеобщего, и значит всеобщественного, развития, характер которого и вызовет к жизни потребность в соответствующей понятийной форме, богатой определениями. Кстати, такой период наступил, и человечество дожило до такого вселенского кризиса.

Кризис в самом разгаре, и для его завершения, кроме прочего, как раз и не хватает соответствующего логического, теоретического понятия, посредством которого (как было сказано, через раздвоение единого и т. д., через опосредствование (от слова «средство»)) возможно постижение сущности.

Результативным в освоении этой проблемы (кризиса) является обращение к опыту тех, кто уже занимался выявлением и раскрытием кризисов и получил научные результаты. Примером в этом соотношении может служить работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», где анализируется кризис в науке, в частности в физике.

Обычно диалектика формирует свои понятия на образцах революций. А тут кризис. Что с него взять для диалектики (хоть шерсти флок)? Не скажите. Даже в период контрреволюции идет развитие⁵⁰. И

---

⁵⁰ «История не стоит на месте и во время контрреволюций. История шла вперед и во время империалистской бойни 1914-1916 годов, которая была *продолжением* империалистской политики предыдущих десятилетий» (Ленин В. И. Поворот в мировой политике. — ПСС, т. 30, с. 344).

в период кризиса тоже. В этом всем следует разобраться на основании опыта тех, кто достиг результата в применении диалектического метода.

Маркс считает, что именно кризисы ведут к пониманию торжества диалектики даже у самых упрямых ее противников.

То же самое и наличие разрухи ничего еще не говорит само по себе. Смотри, что разрушается: устаревшие окаменевшие формы, препятствующие развитию, или, наоборот уничтожаются, вымирают, рождаются ростки нового. Ленин говорит, что в Октябрьскую революцию поколением революционеров-профессионалов достаточно сломано того, что следовало сломать, сейчас идет расчистка обломков того, что изжило себя исторически, а созидать будет новое поколение. Понятнее о разрухе сказал Маркс: «В общем теперь неплохие времена. История явно готовится взять новый старт, и заметные повсюду признаки разложения приводят в восторг всякого, кто не склонен сохранять вещи такими, как они

^{19 20}
есть»⁵¹.

«Только утопист, сочиняющий фантастические планы расширения средневековых союзов (вроде общины) на все общество, может игнорировать тот факт, что именно “неустойчивость” капитализма и есть громадный прогрессивный фактор, ускоряющий общественное развитие, втягивающий все большие и большие массы населения в водоворот общественной жизни, заставляющий их задумываться над ее строем, заставляющий их самих “ковать свое счастье”»⁵¹.

---

⁵¹ Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма. — ПСС, т. 2, с. 208.

Очерк 2

Марксизм о кризисе марксизма

Материалы к размышлению

На такие непростые деликатные вопросы получить бы прежде всего принципиальные ответы и разъяснения из первых рук от основателей этого учения и затем распространить эти принципы к анализу современности. Что нам и предстоит сделать, обратившись к соответствующим авторитетам и их фундаментальным работам.

А то у нас грамотеи умудрились как-то в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения Ленина выдать точку зрения оппортуниста Каутского за ленинскую. Цитировали слова Каутского, а сказали, что ленинские. Так и пошло в печать. Причем, ведь, прежде чем опубликовать, этот материал читали редакторы всех уровней, которые участвовали в написании и издании тезисов (материала), больше того, все члены ЦК. И никто не заметил фальши, пока из-за рубежа Китай не ткнул наших идеологов носом в ошибку. Как нужно не знать свою теорию, чтобы им не резало ухо явно антимарксистское положение. Это выходит, что враг может подсунуть⁵² фальшивку, подделку, а скажет, что это положение марксизма, и оно войдет в общественное сознание⁵³.

А ведь Ленин предупреждал, что либеральный оппортунизм «переодевается» марксизмом.

Вот что пишет Ленин — борец номер один против ревизионизма и оппортунизма, анализируя исторические судьбы марксизма:

---

⁵² А, может, и подсунули-таки Яковлевы какие-нибудь, которые хвастают, что никогда не верили в социализм?

⁵³ Как это и вышло с проблемой НЭПа, который называют «новым ленинским видением социализма». Ленин же называл политику НЭПа уступкой буржуазии (вынужденное тактическое отступление, а не от хорошей жизни), шагом назад, рассчитанным на год-два, чтобы потом «разогнаться и прыгнуть». И партия не скрывала от господ капиталистов, что это временно.

«Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами. Внутренне сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического *оппортунизма*. Период подготовки сил для великих битв они истолковывают в смысле отказа от этих битв. Улучшение положения рабов для борьбы против наемного рабства они разъяняют в смысле продажи рабами за пятак своих прав на свободу. Трусливо проповедуют «социальный мир» (т. е. мир с рабовладением)⁵⁴, отречение от классовой борьбы и т. д. Среди социалистических парламентариев, разных чиновников рабочего движения и «сочувствующей» интеллигенции у них очень много сторонников»⁵⁵.

Как сегодня писано! «“Переоценка всех ценностей” в различных областях общественной жизни повела к “ревизии” наиболее абстрактных (всеобщих — В. Б.) и общих философских основ марксизма»⁵⁶.

«С другой стороны, дух веховщины, дух отреченства, охвативший самые широкие слои буржуазии, проник и в то течение, которое стремится уложить марксистскую теорию и практику в русло “умеренности и аккуратности”. Марксистской здесь осталась уже одна только фразеология, облекающая насквозь пронизанные либеральным духом рассуждения...»⁵⁷. Это и о нас, и нашем, извините за выражение, «славном времени», «не терпящем догматизма».

При этом Ленин подчеркивает, что не останавливаясь на рассмотрении этих рассуждений, «достаточно указать на них, чтобы иллюстрировать сказанное выше о глубине переживаемого марксизмом кризиса, о связи его со всей общественно-экономической обстановкой переживаемого периода. От вопросов, поднятых этим кризисом, нельзя отмахнуться. Нет ничего вреднее, беспринципнее, как попытки отделаться от них посредством фразы»⁵⁸.

И Ленин предоставляет возможность убедиться и поучиться, как

---

⁵⁴ Вплоть до сформированного в эпоху империализма «довольного наемного раба».

⁵⁵ Ленин В. И. Исторические судьбы учения Карла Маркса. — ПСС, т. 23, с. 3.

⁵⁶ Ленин В. И. О некоторых особенностях исторического развития марксизма.-ПСС, т. 20, с. 88.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, с. 88-89.

именно следует это делать. Достаточно внимательно прочесть находящуюся в 23-м томе статью «Разногласия в европейском рабочем движении», чтобы увидеть действенность диалектического метода, материалистического, философского способа анализа в области не только стратегии, но даже тактики пролетарской борьбы.

А разве сейчас в наши дни не те же два направления господствуют в антимарксизме, в искажении марксизма, в отступлении от марксизма? Они — самые постоянные спутники рабочего движения. И это постоянство не случайно, «оба эти отступления от господствующей в рабочем движении марксистской теории и марксистской тактики наблюдаются в различных формах и с различными оттенками во всех цивилизованных странах на протяжении более чем полувековой истории массового рабочего движения»⁵⁹.

«Уже из одного этого факта, — считает Ленин, — явствует, что нельзя объяснять этих отступлений ни случайностями, ни ошибками отдельных лиц или групп, ни даже влиянием национальных особенностей или традиций и т. п. Должны быть коренные причины, лежащие в экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран и постоянно порождающие эти отступления»⁶⁰.

«Именно потому, что марксизм — не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не мог не отразить на себе поразительно резкой смены условий общественной жизни. Отражением смены явился глубокий распад, разброд, всякого рода шатания, одним словом, — серьезнейший *внутренний* кризис марксизма. Решительный отпор этому распаду, решительная и упорная борьба за *основы* марксизма встала опять на очередь дня»⁶¹.

«Буржуазная пресса создает на этот счет гораздо больше заблуждений, чем прежде, и распространяет их шире. Распад среди марксизма особенно опасен при таких условиях. Поэтому понять причины неизбежности этого распада в переживаемое время и сплотиться для последовательной борьбы с ним является, в самом

---

⁵⁹ Ленин В. И. Разногласия в европейском рабочем движении. — ПСС, т. 20, с. 62.

⁶⁰ Там же, с. 62.

⁶¹ Ленин В. И. О некоторых особенностях исторического развития марксизма. — ПСС, т. 20, с. 88.

прямом и точном смысле слова, задачей эпохи для марксистов»⁶².

Нетрудно заметить, что все это звучит архисовременно и это — не просто внешнее совпадение. Все дело в том, что объективные основания одни и те же. Причем, именно такие и на таком уровне всеобщности, что форма выражения, если она хочет быть научной, не может не быть одинаковой и по форме (внутренней) и по содержанию (а главное, по сущности). Иного выражения эта всеобщность иметь не может (как, например, и определение материи, истины, классов, и тому подобное). Это как и любой естественнонаучный закон, например, Бойля-Мариотта. Там, где есть газы, температура, давление — закон срабатывает неизбежно, и в этом его абсолютность. Но *лишь* там, где есть газы, давление, температуры. И в этом его относительность. Одновременно и относительность, и абсолютность (непризнание абсолютности есть непризнание объективности)⁶³.

Так, марксизм и его законы — научные, объективно истинные. Где есть присвоение чужого труда, прибавочная стоимость, постоянный капитал, переменный капитал, наемный (т. н. «свободный») труд (та же рабочая сила), такой специфический товар на рынке рабочей силы как пролетариат, классы, там есть классовая борьба. А где есть классовая борьба капиталистического уровня — там угнетенный класс не может освободить себя, не устранив противоположный класс. А устранить противоположный класс не может, не ликвидировав при этом и себя как класс, и с этим — классы вообще. Все это не может он сделать, не доведя свою классовую борьбу до политической формы, до общегосударственного масштаба и завоевания политической власти, до слома буржуазной государственной машины, установления диктатуры пролетариата. Это, в свою очередь, именно для того, чтобы было орудие для защиты от контрреволюционной реставрации капитализма, для ликвидации классов вообще (и себя как классовой диктатуры), совершения социальной революции, ликвидации частной собственности и построения бесклассового общества, создания условий для непосредственно общественного характера труда. Вот так

---

⁶²Там же, с. 89.

⁶³Интересно, что это положение Ленина в работе «Материализм и эмпириокритицизм», насчет того, что непризнание абсолютности есть непризнание объективности, не понравилось редакторам ПС С, и они в примечании утверждают, что это, вероятно, «описка». «Знатоки» диалектики.

и срабатывает закон. И пока вы это не реализовали практически, существующая теория остается. Попытка ее отбросить — показатель ревизионизма.

В такие периоды упадка следует объединяться всем коммунистическим силам, но не на позициях соглашательства и эклектического буржуазного плюрализма, а на позиции марксистского материалистического пролетарского классового монизма. Более того, следует помнить, что угроза ревизионизма будет всегда, пока есть классы, и в ряды пролетарского авангарда рекрутируется и вливается постоянно контингент людей из разлагающихся классов, не имеющих будущего. Общество не состоит ведь из чистых пролетариев¹³. Большое засилье мелкой буржуазии, которая плодит идеологию анархизма и практику взбесившегося хозяйчика.

^{10,,} и том, как у вчерашнего разорившегося ремесленника, влившегося в ряды фабричных рабочих, сознание отстает от нового пролетарского бытия, хорошо показано в работе Сталина «Анархизм или социализм».

Отсюда и воспроизводство ревизионизма⁶⁴ и анархо-синдикализма. Вы только посмотрите, что делается с некоторыми вчерашними марксистами: разброд и шатание, разочарование и уныние, упаднические настроения, отчаяние и отречение от марксизма, который-де видите ли «не оправдал» их надежд. Склоняются и отдаются в объятия самым реакционным псевдоучениям. Ударяются в мистику и богостроительство.

Свируется пандемия мировоззренческого СПИДа. Налицо полное отсутствие материалистического иммунитета. Интеллигенция массово становится жертвой такого иммунодефицита, и не только в результате беспорядочных связей с буржуазной культурой. Нынешние руководители государств (ныне буржуазных) из состава советских республик, вчерашние лидеры коммунистического руководства становятся воинствующими антимарксистами, простаивают со свечами в руках в церквях, крестят своих чад, доказывают, что сами давно крещенные, исповедуются у попов, целуют кресты и ручки батюшке,

---

⁶⁴Интересно, что идеологию для господствующего класса будущей формации вырабатывают обычно представители предшествующей формации (капиталистам — дворяне, пролетариату — представители буржуазии). Рабочему теорией, науками заниматься и «некогда и незачем» (Ленин). А что собой представляют в классовом обществе т. н. «образованные», хорошо показал Энгельс.

совершают освящения офисов, редакций, правительственных кабинетов. Вчерашние коммунисты, боевые командиры, курсанты военных училищ коленопреклоненно позволяют обрызгивать себя «святой» водой из рук попа, освящают военные корабли, дипломы выпускников вузов. Рядом с попом собственной персоной — бывший секретарь вузовского парткома активно участвует в процедуре «изгнания беса» из помещения бывшего парткома. Того самого беса, который в прошлом «попутал» хозяина кабинета. На полном серьезе обсуждают депутаты Верховного совета: совершать присягу на библии в целом или на евангелии. Уму непостижимые вещи. Только и слышны причитания: «нас обманули, конец марксизму, подвел он нас». «А мы не знали», «а мы не ведали». Идет отказ от марксизма по всему фронту; собственно, никакого фронта нет и в помине, все — «братья во Христе» и апологеты православия. Ссылки на Маркса, Энгельса, Ленина — теперь крамола. Не говоря уже, что пылали костры марксистских книг на улицах Москвы и других городов, прямо у домов политпросвещения, а то и в мартенах (переплюнули Геббельса). Кафедры политэкономии закрыли в вузах, зато открыли кафедры религиоведения, на подходе — кафедры теологии, в школе — даже начали предмет «православная мораль». Музей истории атеизма в Ленинграде закрыли, а в здании бывшего музея попы правят богослужение, изгоняют беса.

Не говоря уже о прямом предательстве, совершенном лидерами КПСС, измене даже секретарей ЦК по идеологии.

Интересно, что такая кризисная ситуация уже была в истории марксизма, и из этого следовало бы извлечь уроки. Такое бывает не просто случайно, а вполне закономерно (на что указывает сам марксизм, называя это *кризисом марксизма*), во времена после поражения революции и контрреволюционного наступления. Вот тут-то и начинается спад, разброд, шатание, гниение, падение нравов, разочарование в революционных учениях. И у нас уже было такое после поражения революции 1905-го года. Гниение, разложение во всех сферах духа, декаданс не только в искусстве, художественной литературе, философской, но и политической, партийной. Тогда даже дан был научный анализ теоретиками марксизма и указаны пути выхода из создавшегося положения. И это характерно, что сам

марксизм говорит о «кризисе марксизма»⁶⁵ и сам же указывает на выход из него. Вот этот опыт и следовало бы использовать и принять советы классиков на вооружение сегодня.

Весь трагизм положения состоит в том, что сейчас пока нет организованной и организующей силы, которая объединяла бы людей революционного класса в одну единую волю, нет целеполагания общественного. Разброд, броуновское движение, хаотичное и разрушительное⁶⁶. Люди содрогнутся от увиденного и результатов дела рук своих. Ну и что? Если для изменения положения не будет ни организованности, ни организации, ни воли, ни даже порыва, а так — вялая констатация факта и вялое созерцание, игра в поддавки с событиями (как и иллюзорные надежды на парламентаризм и избирательные маневры), то это легко может сделать народ жертвой реакции, анархо-синдикализма, авантюризма, диктаторства, (бонапартизм уже зреет).

Т. н. «национальное единство» не может быть объединителем и движителем. И, прежде всего, потому, что нет единства в обществе товарных отношений и частной собственности. Это суррогатное единство, общность^{17,18}. Тем более, в многонациональной стране — это только детонатор к еще большим разрушениям, деструкциям, с разгосударствлением, сепаратизмом.

КПСС, в таком виде, который она приобрела к восьмидесятым

---

⁶⁵Следует заметить, что когда говорится о «кризисе марксизма», то имеется в виду кризис не теории марксизма, не программы, не доктрины, не стратегии, а кризис организации движения марксистов-недоучек, предателей движения вроде лидеров П интернационала. Характерная деталь. Кто занял руководящие посты во вновь образовавшихся в результате уничтожения СССР буржуазных государств? Вышние руководители КПСС, кланут Советский Союз, прославляют Европейский союз (ЕС), лебезят, унижены — но просят: отдают свои территории под базы США (базы НАТО уже есть в восьми из пятнадцати бывших советских республик), мечтают влиться в НАТО, обещают интегрироваться, ассимилироваться в капиталистическую Европу, аннигилироваться — где тот хваленый патриотизм подевался?

⁶⁶В наше время о необходимости единства говорят много. Но речь идет о единстве людей «доброй воли», желающих добра, о «гуманных действиях» и т. п. пустых пожеланиях. Не говорят о классовом единстве, без которого никакое единство невозможно. Причем, единство в борьбе.

Пока в странах СНГ получается, что есть хорошие ребята и есть плохие ребята. И есть доброе пожелание, чтобы хороших ребят пропихнуть во власть, а плохих не допустить к власти.

Призывы к единству нации — несбыточная чепуха.

годам, — не то, что требовалось для продолжения поступательного наступательного революционного движения вперед. Дряблая, гучная, бесхребетная организация с ее инерционным движением не может выполнить роль объединителя, движителя⁶⁷. Из локомотива истории она стала превращаться в локомобиль, который пыхтит, шумит, трясется, дребезжит, гудит, но сойти с места не может, колеса есть, но они не вращаются от двигателя (нет привода, приводных ремней), а существуют для буксировки. Она поэтому и рассыпалась от первейших толчков противника, что внутренне уже была бесхребетной. Она даже внутри себя, почувствовав оппортунистическую «хворь» своих лидеров-предателей, не смогла их обуздать и, тем более, вовремя избавиться от них⁶⁸. Трусоватость лидеров, теоретическая малограмотность превратили ее в кашеобразное нечто. Она потеряла свою социальную, классовую основу и авангардную активность. И совершила это своей претензией на бесклассовость, на общенародность, чего в принципе не может быть. А упорство в этом отношении приводит к развалу, дохл ости. Именно это и получилось. Партия, отрицающая свой классовый характер, это — нонсенс⁶⁹, и сторонников такого подхода Ленин советовал возить по улицам в клетке и показывать, как австралийского кенгуру. Партия своих лидеров возить и показывать не стала, не смогла и избавиться от них, боясь раскола, боясь показать отсутствие единства, боясь потери авторитета. Неудивительно, что при первых же небольших сотрясениях стали откалываться «фракции», а потом «крысы» хлынули с корабля, получившего первые пробоины. Вместо «лево-руля», аврала и борьбы за плавучесть, вместо того, чтобы избавляться от балласта, вместо того, чтобы даже в таких условиях вести бой, члены партии оставались наблюдателями, пассивными созерцателями: «посмотрим,

---

⁶⁷Говоря словами Ю.А. Жданова, орден меченосцев превращается в орден псаломщиков.

⁶⁸Социал-демократические шатания Горбачева были очевидны. Но воспринимались в начале как оригинальные па. Людям еще не стало ясно, чем это балянсе закончится. Яснее стало, когда солист закружил в тридцать три фуэте. Но никто не решился вовремя остановить процесс, который пошел.

⁶⁹ Ленин разьяснял, что так называемая народная революция — это буржуазно-демократическая революция, классовая. Когда будет бесклассовое общество, то партий не будет.

что будет, какая будет команда свыше»⁷⁰. Некоторые партийные руководители самого высокого ранга вспоминают, как они увидели опечатывание своих кабинетов по телевизору на даче, и продолжали оставаться на дачном участке, копать картошку.

Даже в самый ответственный момент, когда мизерная группка авантюристов и предателей («дружбанов», «паханов») собралась в белорусском лесу уничтожить СССР, партийцы не шелохнулись и запросто дали опечатать свои штабы. Как не шелохнулась и армия, присягавшая на верность социализму и целостность Советского Союза, в августе 1991-го и в октябре 1993-го. Когда в бою подразделение теряет павшего командира, то младший чин вплоть до рядового выкрикивает: «Командир убит! Я сержант такой-то, слушай мою команду!» Так это, если командир погиб. А если перебегает к противнику сдаваться? По предателю — огонь! Но этого не произошло. Предатели пошли под знаменами врага

и открыли огонь по своим .

Контрреволюция смогла организовать дезорганизацию. Трусоватость руководства партии, если можно так выразиться, помноженная на липовую организацию и заорганизованность анемичную, которой хватало только на то, чтобы кроить резолюции собраний, заранее отштампованные и отпечатанные, принимать их на словах и славить себя и свое «единство» с народом. Уступки и эскалация уступок позволили противнику взять партию голыми руками, что называется, «без единого выстрела», и ликвидировать. И она позволила. Вместо того, чтобы послать в отставку (подальше) недееспособного руководителя, она позволила отправить в отставку целую многомиллионную партию, распустить ее. Генсека удовлетворяло переименование в президенты как в «цивилизованной» (читай, капиталистической) стране.

Вопрос теперь в том, извлечены ли будут уроки из такой трагедии. Сейчас есть опасность, что сторонники т. н. левых сил начнут скраивать парламентские партии (как у Гашека пародийная, шутейная «партия реформ и прогресса в рамках законности») или бесклассовую, патриотическую. На этом и погорят (одной из причин поражения

---

⁷⁰ Кто бы мог подумать, что эти лидеры через несколько лет скажут, что они еще тогда не верили в коммунизм и социализм.

Парижской коммуны было смешение вопросов классовости с патриотизмом⁷¹). После второго поражения, если таковое случится, коммунизм надолго потеряет авторитет у масс, тот невиданный в мировой истории, который имела партия большевистского типа. Поэтому следует действовать умело и грамотно, радикально, получая каждый день революционный успех, практический результат. Трудность будет состоять в том, что нужно будет строить классовую партию — рабочего класса, а у него чувства этой классовости почти нет, совсем выветрилось, утратилось революционное чувство классовости, классового самосознания, даже того, что зовется «классовым инстинктом». Народ содрогнется, увидев до чего буржуазные демократы довели страну, а кто и куда поведет, кто и как организует массы и на какое дело? На какое практическое действие, да так, чтобы все как один, и не в колонну для парадной демонстрации, а в боевой отряд, где каждый знает свое место в общем деле? Какими идеями будут вооружены бойцы, не завязнут ли в липких сетях и соблазнах буржуазного парламентаризма и других легальных формах, сводящихся к совершенствованию аппарата эксплуатации? Известно, что для того, чтобы провести легальную забастовку («в рамках законности») в США, нужно подготовить бумажных документов до трех тонн.

А то могут впопыхах создать партию не рабочих, а для рабочих, что-то вроде партии в домино с «рыбой», «ничьей» в конце, говоря словами доминошников, или «клуба по интересам». Эти партии, создаваемые сверху (либеральными интеллигентами), куда призывают вступать и трудящихся для массовости электората, недееспособны, их члены — наподобие болельщиков на стадионе, которые болеют за цвета своего клуба (много шума и ноль действия), не говоря уже о том, что «команды» игроков куплены олигархами как товар. А нужно формировать снизу, от дела (классового) фактического, участия в одной из организаций. Причем, это должны быть «железные батальоны организованного пролетариата» (Ленин). Партия нового типа.

Пролетарием рабочий в нашей стране быть перестал, но про-

---

⁷¹ Когда Ленин получил радиogramму, сообщавшую ему об образовании компартии Италии, он продиктовал ответную, в которой поздравлял итальянских коммунистов и пожелал им освободиться от «патриотических намордников».

летарского самосознания не изведаль. Сознание его о мелкобуржуазилось и деклассировалось, растворилось в «общенародном» патриотическом бульоне (киселе).

Произошла потеря того, что называют классовым инстинктом. К тому же «... переходы отдельных лиц, групп и слоев от мелкой буржуазии к пролетариату не могут не порождать, с своей стороны, колебаний в тактике этого последнего»⁷². У нас этого добра, ох как много! Мелкобуржуазностью заражен и сам пролетариат, и интеллигенция. Как ни странно, меньше всего на первых порах — крестьянство, хотя ему-то вроде на роду написано быть по историческому происхождению мелкобуржуазным. Его спасает то, что оно—*колхозное* крестьянство, получившее больше всего от коллективизации, наибольшую долю коллективности в характере непосредственного труда без частной собственности, на основании коллективной собственности на землю и средства производства. Отсюда у него яснее ум и социалистическая предрасположенность, выдержка (надолго ли его хватит?). Пришедшая к власти буржуазия делает все, чтобы привить вкус к собственническому хозяйству, спешит создать матерого хозяйчика, ликвидирует колхозы, распаивает землю, норовят допустить продажу земли, полным ходом идет поляризация на кулаков (сельских буржуа) и батраков (сельский пролетариат). Пролетариат сильно деклассирован (помните шахтеров?). Как уже было сказано «...нельзя объяснять этих отступлений ни случайностями, ни ошибками отдельных лиц или групп, ни даже влиянием национальных особенностей или традиций. Должны быть коренные причины, лежащие в экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран и постоянно порождающие эти

26

отступления».

Пока существует капитализм, неизбежно будут эти отступления, которые есть лишь отражение внутренней противоречивости объективного развития капитализма в самом его основании. Отражение шатания. «Эти два направления — ревизионизм (оппортунизм, реформизм) и анархизм (анархо-синдикализм, анархо-

---

⁷² Ленин В. И. Разногласия в европейском рабочем движении. — ПСС, т. 20, с. 69.

социализм). Оба эти отступления от господствующей в рабочем движении марксистской теории и марксистской тактики наблюдаются в различных формах и с различными оттенками во всех цивилизованных странах на протяжении более чем полувековой истории массового рабочего движения»⁷³.

Прибавьте еще отрезок более чем полувековой истории. А что изменилось? Да ничего из того объективного, что изменило бы основания ревизионизма и оппортунизма. Есть еще классы, классовые противоречия, есть классовая борьба, которая, как это стало ясно, усиливается во времени, а не ослабляется, есть шатания и «Шаталины», есть цепные псы, расшатывающие социализм, охраняющие капитализм в условиях империализма, есть и сорвавшиеся с цепи, есть правые, левые, красные и белые, центристы, розовые социал-демократы, реформисты и анархо-синдикалисты. Есть наивный соблазн заигрывать с религией, с духовенством, не понимая, что «коренные причины, лежащие в экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран и постоянно порождающие эти отступления»⁷⁴ остаются.

Ленин часто предупреждал, что ревизионизм будет всегда, пока существуют классы. И кроме прочего, потому, что в ряды рабочего класса, его партию особенно в качестве идеологов включается все больше представителей не из рабочего класса, а представители умирающего класса (мелких собственников, т. н. среднего класса, не имеющего исторического будущего), из интеллигенции, которая собственной сущности не имеет, а является или буржуазной интеллигенцией или социалистической, пролетарской, после революции возникшей). Отсюда и мелкобуржуазность сознания, шатания, неустойчивость, половинчатость. Т. е. все как на рынке у мелкой буржуазии (полутруженника-полуэксплуататора): крайняя революционность и крайняя реакционность в зависимости от удач или неудач в колебаниях рынка. Он готов идти на бой против крупной буржуазии против безжалостного конкурента, но для того чтобы самому стать таким крупным.

Т. е. *реальные* основания в самом социально-экономическом

---

⁷³Там же.

⁷⁴Там же.

основании и положении капиталистического мира моментально воспроизводятся в общественном сознании, идеологии (которая, как известно, собственного развития не имеет, а лишь является иноформой материального развития способа производства, разделения труда и классовых сил). Вот такие же шатания и колебания находят воспроизведение в сфере отчуждения духа, общественного сознания, мировоззрения. Идеологические колебания — это тоже классовая борьба (одна из пяти форм классовой борьбы в революционный период). Безыдейность — это идеология (умирающего класса, потерявшего историческую потенцию).

От всего этого некуда деться, как и от фактической поляризации на классы, классовые интересы, политическое и организационное оформление их в партии со всеми формами борьбы: политической, экономической, теоретической. Надеются избежать как-то разделения, дифференциации на «красных» и «белых» — просто наивно и неграмотно. Такое может прийти в голову только представителю «белых», мелкому буржуа. Но есть и желтые. Именно так называют в политике предателей рабочего движения (оппортунистов). Например, социал-демократов и их интернационал (т. н. социнтерн). Эти все равно белые, пожелтевшие белые продукты кризиса.

Нынешняя мода на переодевание в «революцию» оранжистов. Этим переодеванием в основном любит заниматься мелкая буржуазия. За это она и любима империалистической олигархией. То слово «революция» считалось крамольным, неприличным. Буржуазные лидеры клялись, что никогда не согласятся на такое, а будут развиваться только «эволюционным путем». А теперь все стали «революционерами».

Выход — в *разрешении* противоречия. Чего нет, кроме прочего, по причине отсутствия диалектического способа мышления, у руководителей, которые не справляются с диалектическим противоречием, требующим доводить противоположности до разрешения, предварительно доведя до движения понятий по их внутренним определениям, по их внутренним противоположностям, доведенным таким образом до разрешения революционно-практического, социально-революционного. Не владея диалектической логикой они не осваивают «... диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем про-

творечий»⁷⁵. А без этого невозможно довести развитие до практического, революционного разрешения противоречия.

Именно неумение доводить противоположности до противоречия и его разрешения, до становления и тождества (что невозможно без диалектического теоретического мышления), приводит к тому, что выхватываются, выдергиваются (абстрагируются)

некоторые моменты целого и рассматриваются как противоположности (а не противоречие), как элементы, которые противопоставляются или абсолютизируются, взятые абстрактными, т. е. вырванными из действительности, каждой из которой отдается предпочтение или она отвергается. При этом не ведают, что диалектическое понимание требует рассмотрения противоположностей не во внешнем противоположении, а в одном и том же отношении, в одно и то же время.

Без знания теории (а люди учатся жизни эмпирически) постоянно преувеличивают то одну, то другую черту капиталистического развития, то эволюционную, то скачок — революционную.

Ленин считает, что новое поколение марксистов, как и втягивание новых слоев трудящейся массы и «... привлечение новых и новых “рекрутов”... неизбежно должно сопровождаться шатаниями в области теории и тактики, повторениями старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и к устарелым при-

емам и т. д.»⁴⁰.

«Отсталые или отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового мирозерцания или отдельные лозунги, требования, не будучи в состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного мирозерцания вообще и буржуазно-демократического мирозерцания в частности».

Ничего нового, по сравнению со сказанным Лениным, у нас ныне нет. Ревизионисты всегда одинаковы. «Ревизионисты считают фразами все рассуждения о “скачках” и о принципиальной противоположности рабочего движения всему старому обществу. Они принимают реформы

---

⁷⁵ Ленин В. И. Разногласия в европейском рабочем движении. — ПСС, т. 20, с. 65.

за частичное осуществление социализма»⁷⁶, вместо борьбы — примиренчество.

Чтобы не повторять ошибок буржуазного мирозерцания, нужно понимать диалектический характер общественного развития, о котором писал Ленин: «.. постоянным источником разногласий является диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий..»

... Буржуазные идеологи, либералы и демократы, не понимая марксизма, не понимая современного рабочего движения, постоянно перескакивают от одной беспомощной крайности к другой. То они объясняют все дело тем, что злые люди “натравливают” класс на класс, — то утешают себя тем, что рабочая партия есть “мирная партия реформ”. Прямым продуктом этого буржуазного мирозерцания и его влияния надо считать и анархо-синдикализм и реформизм, хватающиеся за *одну* сторону рабочего движения, возводящие односторонность в теорию, объявляющие взаимно исключаящими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода, тех или иных условий деятельности рабочего класса...

... чрезвычайно важной причиной, порождающей разногласия среди участников рабочего движения, являются изменения в тактике правящих классов вообще, буржуазии — в особенности. Будь тактика буржуазии всегда однообразна или хотя бы всегда однородна, — рабочий класс быстро научился бы отвечать на нее столь же однообразной или однородной тактикой. На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ. Такова сущность консервативной политики, которая... все больше становится одной из разновидностей общеполитической политики. Второй метод — метод “либерализма”, шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.

---

⁷⁶Там же, с. 66.

Буржуазия переходит от одного метода к другому не по злостному расчету отдельных лиц и не по случайности, а в силу коренной противоречивости ее собственного положения. Нормальное капиталистическое общество не может успешно развиваться без упроченного представительского строя, без известных политических прав населения, которое не может не отличаться сравнительно высокой требовательностью в “культурном” отношении. Эту требовательность по части известного минимума культурности порождают условия самого капиталистического способа производства с его высокой техникой, сложностью, гибкостью, подвижностью, быстротой развития всемирной конкуренции и т. д. Колебания в тактике буржуазии, переходы от системы насилия к системе якобы уступок свойственны, вследствие этого, истории всех европейских стран за последние полвека, причем, разные страны преимущественно развивают применение того или иного метода в течение определенных периодов...

... Часть рабочих, часть их представителей подчас дает себя обмануть кажущимися уступками⁷⁷. Ревизионисты провозглашают “устарелым” учение о классовой борьбе или начинают вести политику, на деле осуществляющую отречение от нее. Зигзаги буржуазной тактики вызывают усиление ревизионизма в рабочем движении и нередко доводят разногласия внутри него до прямого раскола...

... Но китайской стены между пролетариатом и соприкасающимися с ним слоями мелкой буржуазии, в том числе и крестьянства, нет и быть не может. Понятно, что переходы отдельных лиц, групп и слоев от мелкой буржуазии к пролетариату не могут не породить, со своей стороны, колебаний в тактике этого послед- 34 него» .

Таким образом, Ленин выделяет два способа управления и борьбы буржуазии за свои интересы: первый — это «... метод “либерализма”, шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.»; и второй — «это метод насилия»⁷⁸, который возможен в форме бонапартизма, а то и покруче.

Говоря об упомянутом Лениным методе насилия, на который делает ставку буржуазия, нельзя не обратить внимание, насколько

---

⁷⁷Как дали обмануть, провести себя рабочие Советского государства. И кто? Самые опекаемые Советской властью — шахтеры.

⁷⁸ Там же, с. 67.

далеко в этом отношении дело зашло в эпоху империализма. Можно даже сказать, что не о сочетании и чередовании метода насилия с методом либерализма, реформ и уступок идет теперь речь, а о безоговорочном предпочтении методу насилия, гипертрофированному и абсолютизированному. И это тоже понятно. Концентрация и централизация капитала в эпоху монополистического капитализма настолько возросла, что требует и соответствующих политических управленческих форм, слияния буржуазии с государством — аппаратом классового подавления.

И ответ на такой запрос империализма не заставляет себя долго ждать. Тем более, в период общего кризиса, становящегося хроническим. Речь о появлении особой, невиданной ранее, еще более превращенной формы отчуждения, формы империалистической диктатуры, формы политической власти, получившей итальянское происхождение и название «фашизм» (от слова «фа-шио», фашина, связка).

Это появилось в разгар всеобщего мирового кризиса после Первой мировой войны, как реакция империалистического капитализма на успехи международного рабочего движения и особенно на прорыв в единой цепи мирового империализма важного звена в результате победоносной пролетарской революции в России, образование пролетарского государства и начало развала колониальной мировой системы.

Когда пришло сообщение об образовании фашистской партии, в 1919 году, Ленин командировал в Италию члена руководства Коминтерна Мануильского с задачей внедриться и изучить, что это такое для выработки способа борьбы с этим явлением.

О фашизме сегодня следует сказать еще и потому, что с ним, похоже, будут еще проблемы у человечества.

Нередко можно услышать (прочсть), что упомянутый «изм» невозможен для России по основанию. Говорят, «славянские традиции», особый «менталитет», «своеобразная неповторимая культура» не позволят нации Пушкина, Чайковского, Достоевского поддаться на идеологию фашизма. Это-де для нашего народа исключено. Вот, вот! А в Германии нация Гете, Бетховена с их культурой и патриотизмом разве хуже были? Но в каждой нации — две нации, в каждой культуре — две культуры, и не тешьте себя ненаучными иллюзиями. Где есть и

пока есть нация, понятие «национальной культуры», патриотизм + монополистический капитализм, там найдутся и соблазны все это использовать, повернуть в нужную этому самому фашизму сторону. Дело, конечно, не в личности нехорошей с усиками щеточкой и прической а-ля фюрер, а в том какая форма собственности господствует в стране, в конечном счете. Остальное приложится. А господствует уже не конкурентный капитализм, а империализм. Олигархи есть? — Есть! Из этого и исходите. А это значит, что нет гарантии от появления империалистической идеологии и соответствующей политической организации. И, конечно же, ее назовут не таким устрашающим названием, а попривлекательней. Например, «демократия». А почему бы и нет. Такая вывеска не отталкивает, а даже привлекает обывателя, хотя это та же диктатура буржуазии. «Пряник» с замаскированным «кнудом» в нем, своего рода гамбургер или «хот-дог».

На тему, что такое фашизм, ныне немало мнений, которые отталкиваются от картин германского фашизма, аналоги которых ищут для определения этого общественного явления, появившегося после первой мировой войны. При этом преобладают аналогии по форме (внешней). Часто склонны считать, что это детище мелкой буржуазии. В самом же деле это порождение империалистического капитализма, крупного монополистического капитала с его централизацией, концентрацией, слиянием финансового, промышленного и государственного капитала, который нуждается в соответствующей централизованной и концентрированной форме политической власти⁷⁹. И он, монополистический капитализм, рождает такую власть, которая получила случайное название по наименованию одной из первых таких «ласточек» (что есть лишь внешняя форма) от слова «фашио». В Германии подобная организация получила другое название и символику, но все это называют на манер первооснователей — итальянцев. Фашизм в сущности во всех странах, где он возник, одинаков. Его можно считать реакцией империалистического капитализма на успехи рабочего международного пролетариата. Важно повторить, что Ленин в статье «Разногласия в европейском рабочем

---

⁷⁹Единство фашизма с монополистическим капиталом, по-видимому, должен был символизировать портрет Форда в кабинете Гитлера.

движении» предупреждал, что существует две тенденции, от которых следует ожидать соответствующих последствий. Это с одной стороны «пряник» для рабочих, некоторые уступки с примиряющей вывеской «реформы», а с другой стороны — диктаторские меры, «кнут».

Что же касается мелкой буржуазии, то для нее (полутружени-каполуэксплуататора) уготована роль ландскнехтов, «пушечного мяса» и подручных, исполнителей воли крупного капитала по подавлению и завоеванию своего народа и соседних. Соблазняют их дармовыми землями соседей. («Обогащайтесь на дурняк!»). От полуэксплуататора отсекают полутруженика в нем: хочешь разбогатеть в одночасье? Вот тебе оружие, обмундирование и — вперед, куда укажут. Не рассуждай. За тебя думает фюрер, дуче и т. д. И взбесившийся хозяйчик клюет на такие соблазны.

В название даже слово «социализм» вмонтировывают для привлекательности («национал-социализм»).

Если одним словом назвать сущность фашизма, то это будет *антикоммунизм, антимарксизм*. Это показатель, критерий: в любой форме антикоммунизм и есть фашизм⁸⁰. Даже если он называет себя демократией или глобализмом или даже национальным социализмом. Фашизм — это передовой (штурмовой) отряд мирового, империалистического капитализма, всемирного антикоммунизма. Возможно, что он будет расти вширь и создавать крупные объединения вроде «антикоминтерновского пакта». Теперь назовут по-новому, например, оплотом демократии в мире, альянсом по борьбы с терроризмом и т. д.

Кроме того, осуществление этого второго метода—«метода насилия» — может быть поручено национальной буржуазией мировому буржуазному империалистическому лидеру (читай — мировому жандарму, например, как мы видим сегодня, США) и его глобальной мощи (НАТО). Глобализм — вполне подходящее название для неофашизма⁸¹. Государственный террор сверху вызывает

---

⁸⁰ Любая фашистская партия провозглашает своей первой целью извести марксизм. Где жгут марксистские книги — там фашизм. В августе 1991 года захватчики власти прямо на улицах жгли марксистскую литературу. Значит, это был фашистский переворот.

⁸¹ Поводом для агрессивного вторжения в любую страну может быть т. н. несоответствие стандартам западной демократии. В итоге, открытая угроза санкциями.

терроризм снизу, (в том числе и провокации на манер поджога рейхстага). Такой терроризм снизу нужен для империалистических стран как повод и оправдания для свершения безграничного террора сверху и вширь, и вглубь. Некоторые государственные лидеры и у нас уже открыто выражают тоску по Пиночету, который-де навел бы «порядок» И мы уже первый метод (реформаторства) имеем в действии. Очередь за вторым (абсолютное насилие), и он грядет. (Вспомните огонь из танковых орудий по зданию Верховного Совета России в октябре 1993 года⁸²).

И если мы проследим историю, то увидим, что период господства насилия наблюдается в рабочем движении как отзвук этого роста анархо-синдикализма. Поворот к уступкам порождается в рабочем движении односторонний отзвук буржуазного реформаторства.

Реформаторство — это более хитрая политика буржуазии, когда часть рабочих дает себя обмануть кажущимися уступками. «Ревизионисты провозглашают “устарелым” учение о классовой борьбе или начинают вести политику, на деле осуществляющую отречение от нее. Зигзаги буржуазной тактики вызывают усиление ревизионизма в рабочем движении и нередко доводят разногласия внутри него до прямого раскола»⁸³.

Одним из источников оппортунизма является проблема патриотизма. Одна из ошибок, которая послужила уроком Коммуны — смешение классовых вопросов с патриотизмом.

Нетрудно заметить, что все это (абсолютно все во всем наборе) есть нас теперь и в нашей стране. Это еще у нас молодая (моложавая) буржуазия. Но уже с миллиардными капиталами за счет ограбления госсобственности. Она крепнет и даже с опережением формирует (сверху) свои партии, которые аж вопят, взывая капиталистов быть «спонсорами» «демократизма» и «либерализма». И последние готовы отстегнуть от сверхприбылей для подкормки рабочей аристократии.

А что же в стане партии рабочего класса? А там как раз и разгулялся ревизионизм. Шатание, неразбериха, отравленность буржуазными соблазнами⁸⁴, отказ от главных принципов марксизма,

---

⁸² Ленин предупреждал, что в случае реставрации капитализма в бывшей социалистической стране буржуазия организует страшный невиданный белый террор.

⁸³ Ленин В. И. Разногласия в европейском рабочем движении. — ПСС, т. 20, с. 69.

⁸⁴ Обратили внимание, что рабочие в основном ведут стихийно экономическую

хворь социал-демократии. Отбрасывается классовая борьба, отдаются приоритеты мифическим «общечеловеческим ценностям». А это первый признак мелкобуржуазности. Именно этим и заражены многие считающие себя «левыми» партии ныне. Часто по колено в реформаторстве, по шею в ревизионизме, и только по щиколотку в марксизме.

Какой же выход? Ленин говорит об этом так: «Опыт рабочего движения различных стран помогает уяснить на конкретных вопросах практики сущность марксистской тактики, помогает более молодым странам яснее различать истинное классовое значение отступлений от марксизма и успешнее бороться с этими отступлениями».

Случилось так, что самой «молодой» и «неопытной» страной на сей счет оказалась наша страна, наше рабочее движение, не имеющее практики активной борьбы и опыта организованной классовой борьбы в условиях капитализма и буржуазной политической власти (демократии), но зато имеющей отступления — хаотические, беспорядочные, неорганизованные.

В наши дни ревизионизм, как и раньше, проникает в ряды марксистов под предлогом борьбы с догматизмом⁸⁵ и желанием «совершенствовать», «развить» теорию. Причем, понимают это «развитие», как отбрасывание существующей теории, якобы устаревшей, и замену другой, «новой» теорией, *непрерывно совершенно непохожей на предшествующую*. Прежнюю теорию обзывают «архаикой», которая, в лучшем случае, может претендовать на почетное место в истории учений, как рациональная для своего времени, но для нового нашего времени она, мол, «исторически изжила себя».

классовую борьбу и непременно подчеркивают, что они политической не занимаются: «Ми люди темн!, нам треба грошей». А это самая нерезультативная форма борьбы, то, что надо буржуазии.

⁸⁵Каждый, кто остается на позициях марксизма, получает клеймо догматика, консерватора. Слово «ортодокс» стало ругательным, хотя оно обозначает верность принципам. Так и говорят с презрением: «Этот из тех, кто видите ли не может поступить по принципам. “Ату его!”» Дожились до того, что беспринципность стала принципом. Воинствующих буржуазных крайне правых, контрреволюционных радикалов стали называть сторонниками «бархатной революции». Совсем задурили головы трудящимся «оранжевыми революциями».

Следует еще раз подчеркнуть, что когда марксисты говорят о кризисе марксизма, то имеется в виду кризис не теории, доктрины, а организации рабочего движения на определенном этапе его осуществления. Ленин в работе «Разногласия в Европейском рабочем движении» показал, что собой представляет кризис в рабочем движении Европы. Сейчас кризис — в мировом рабочем движении (потерявшем в лице СССР свой арсенал и тыл).

У нас любят говорить, что марксизм — не догма. Но часто для того, чтобы оправдать свое ревизионистское отношение к нему, чтобы был повод потрошить его основные положения, сославшись на то, что-де прошло столько времени и не может быть, чтобы это учение не устарело. На вопрос, что собственно изменилось, чтобы потребовалось менять теорию, ничего толком сказать не могут, кроме пустяков типа: вон как все изменилось, и ездим мы не в дилижансах, а в мерседесах, и юбки у современных дам не до полу с кринолином, как во времена Маркса, а мини-мини, наверно, и марксизм того... подкоротить пора до мини, переодеться и пересесть на какую-нибудь другую модель, теорию, лишь бы не похожую на марксистскую.

Следует подчеркнуть, что речь не столько о противниках марксизма, откровенных врагах его, а о «сторонниках», которые «любят» его, стремятся его «развить», «улучшить» и душат в своих крепких объятиях. Как говорил Гегель, «избавьте нас от друзей, а с врагами мы и сами разделаемся». Ленин предупреждал, что в антимарксизме центр тяжести борьбы смещается с внешнего во внутреннее. (Уместно напомнить, что самые мощные крепости брались изнутри).

Теория остается и действует вплоть до выполнения окончательных задач и разрешения противоречий, вскрытых марксизмом в общественном развитии, то есть, пока остается классовое общество, разделение труда, отчуждение, частная собственность и остатки товарных отношений, пока есть классы будет и классовая антагонистическая борьба⁸⁶. И так аж до завершения истории товарного производства, построения бесклассового коммунистического общества. Лишь после этого построенное новое

---

⁸⁶ Меняться будут формы классовой борьбы, тактика, а сущность будет оставаться до окончательной победы и построения бесклассового общества. (Которое, кстати, строится не бесклассовым обществом, а исключительно классовым).

общество на марксистских основаниях и на основаниях теории научного коммунизма подведет черту под предысторическим развитием общества. На новом основании с позиции всеобщего развития и диалектической теории развития будет производиться анализ конкретных производительных возможностей, производительных сил, но уже без проблемы собственности, а на основании непосредственно общественного характера труда и непосредственной коллективности и производства непосредственно человека, а не вещного производства. Будут решаться новые общественные задачи саморазвития общественной ассоциации, которая перестанет быть политической. Общество будет непрерывно изменяющимся, обновляющимся без кризисов. «Социальные эволюции перестанут быть политическими революциями» (Маркс). На этом кончается предыстория человечества (а не история, как лопочет Фукуяма). Начинается подлинная история обобществившегося человечества.

Конец истории возможен в принципе, но не в том смысле, что на капиталистическом уровне кончится развитие человечества, достигшего т. о. вершины развитости, а в том, что капитализм и его производительные силы, став разрушительными силами, могут прикончить человечество, привести к деградации, гниению и т. д. Это следует остановить, устранить капиталистический способ производства, освободить дорогу развитию человечества, устранив капиталистические производственные отношения.

«Нет ничего важнее, как сплочение *всех* марксистов, сознавших глубину кризиса и необходимость борьбы с ним, для отстаивания теоретических основ марксизма и коренных положений его, искажаемых с самых противоположных сторон путем распространения буржуазного влияния на разных «попутчиков» марксизма»⁸⁷.

---

⁸⁷ Ленин В. И. О некоторых особенностях исторического развития марксизма.-ПСС, т. 20, с. 89.

Очерк 3

Кризис социализма

Власть имущие завязли и погрязли в хаосе кризиса и стараются внушить, что кризис им достался как наследство от прошлого социалистического строя. Звучат и «возражения», но какого рода: «А был ли социализм?» О каком кризисе может идти речь, если то был даже еще не социализм? При этом модно использовать назойливо повторяющуюся фразу из книги Горького «Жизнь Клима Самгина» при описании трагического эпизода: когда мальчик провалился и исчез в проруби, в толпе зевак раздались голоса сомнения: «А был ли мальчик?» На этом и успокоились. Эту же фразу употребляют обыватели от политики в отношении социализма. «А был ли социализм?», желая этим сказать — стоит ли беспокоиться, волноваться?⁸⁸ А вдруг он и ненастоящий? А если его и не было вовсе, зачем зря суетиться? Но мальчик таки был, и его не стало, утонул, а толпа разошлась, как ни в чем не бывало⁸⁹. Горький хотел показать, как толпа обывателей находит оправдание своей бездеятельности, нежеланию и пальцем пошевелить во спасение человека.

Был и социализм, он был еще молод, дерзок и неосторожен. И обыватели его утопили, а теперь ищут утешение своей совести. «Ах, какой он был несовершенный, этот социализм! Сколько недостатков!» «Нужно ли сожалеть о таком» и т. д.

Социализм был совсем молодым, совсем «дитя»⁹⁰, недозрелый затем подросток. И, как всякий ребенок, с недостатками и в поведении, и в несовершенствах возрастных. Физических и мо-

---

⁸⁸ Пустили в обиход даже такую байку: «Тот, кто погубил социализм — не имел сердца, а кто хочет его сейчас восстановить — не имеет разума».

⁸⁹ Подобную картину можно было видеть в октябре 1993 года у здания Верховного Совета России, когда толпа зевак любовалась зрелищем расстрела здания парламента из танковых орудий. Угадывали на спор, в какое окно влетит очередной снаряд (угадавшие радовались). По окончании зрелища спокойно разошлись по своим домам, оставив за спиной пылающее здание и сотни трупов. Это уже было не интересно.

⁹⁰Которое грозились (Черчилль) задушить еще в колыбели.

ральных⁹¹. Когда ваше дитя, как и любой ребенок, пусть он неаккуратный, неумытый, со сбитыми коленками, непричесанный и даже золотушный, грубоват, этакий гадкий утенок с некрасивыми манерами, не совсем прилично себя ведет при гостях и т. п., так разве родители ставят вопрос: «этот ребенок у нас получился неудачный, нечего тратить силы и средства, заведем себе другого, лучшего».

Социализм — это еще незрелый общественный организм, не формация (формация — коммунизм). Социализм, по словам Ленина, — это «недоразвитый коммунизм», становящийся, но еще не ставший коммунизмом. И ему присущи все признаки «подростковости», в том числе и так называемые «детские болезни» (что-то вроде «кори» и «ветрянки»), которые перебороть непременно придется. И в это время нужно терпеливо, осторожно, толково и научно формировать его взросление (физическое и духовное). И исправлять по ходу и его, и свои промахи в воспитании, недоделки, перегибы в ту или иную сторону в воспитании то излишней жесткостью, то излишней лаской. Нужен в этот период мудрый воспитатель. И есть такой. Это политическая власть Советов, диктатура пролетариата. Она учит по-новому жить и бороться, закаляться, не страшиться так называемой «детской болезни левизны», помнить, что это лишь «детская болезнь» (а не оппортунизм), которая почти неизбежна, но неизбежно и проходит.

Ленина беспокоила мысль, какие люди нового поколения придут и как их нужно формировать, чтобы они, придя на смену совершившему революцию поколению, сумели продолжить революционное дело. Он часто повторял в выступлениях перед молодежью, что нынешнее поколение не доживет до коммунизма. Оно должно сломать то, что следует сломать, может быть, успеет расчистить площадку от обломков для строительства будущего общества, а построить, созидать новое общество придется новому поколению молодых людей, которых нужно соответственно воспитать, сформировать. И это он считал архиважной и трудной задачей. Слой революционеров-профессионалов (которые прошли школу революционной борьбы, прошли и каторгу, и гражданскую войну) все тоньше. Как организовать формирование нового человека, обучение, управление хозяйством нового типа и

---

⁹¹ Тем более с позиций принятого в старом обществе понимания моральности.

нравственности, чему и как учить? И ответ на эти вопросы был один — учить коммунизму. И это во всех областях: и в народном хозяйстве, и в науке и т. д. Даже новый профсоюз — школа коммунизма.

И при обучении хозяйствованию и т. п. учить все делать по-коммунистически, в том числе и само обучение должно быть построено по коммунистическому типу. Аналога где-то рядом в форме бытия коммунизма не существовало, чтобы, глядя на него, можно было сделать копию. Только в форме идеи, идеи проекта, «чертежей», а не в форме существования чего-то подобного. Зато кругом капиталистических, назойливо предлагающих себя вариантов, буржуазных «фотомоделей» для подражания — сколько угодно, и от них только и успевай отбиваться. А строй и способ его практического построения нужно менять до основания. До сих пор были частичные изменения. Но этот революционный акт не совершается мгновенно с сегодня на завтра, предупреждал Энгельс (проснулись на утро после революции, а там уже социализм), а будет длительный переходный период, в процессе которого должны быть опосредствующие формы⁹² и в экономике, и в политике. Целая полоса культурной революции.

Есть, конечно, промахи в нашем воспитании нашего «подростка» — социализма. Не всегда он был «умыт», «причесан», «вежлив» в обращении. И мы с большой энергией стали изживать эти недостатки, но учили не столько новому отношению к труду, строить новый быт, новую культуру, новую дисциплину, сколько учили (в послевоенный период) «правилам хорошего тона» (чтобы не хуже выглядел, чем соседские сынки, джентльмены ухоженные, упитанные). А бороться не научили, наивно думая, что драки можно избежать, договориться с капиталистами на «общечеловеческих основаниях» и т. п.

Если в двадцатые-тридцатые годы молодежь пела: «Если завтра война», или «Нас не трогай, и мы не тронем, а если тронешь — спуска не дадим», или «Войны мы не хотим, но в бой готовы, ковать мы не дадим для нас оковы», или «Нас побить, побить хотели, нас побить

---

⁹²Но опосредствование не в смысле — этикие серединные «мосты переходные», не от слова «середина», а от слова «средства», качественное превращение. Средства движения вперед. Это диалектический переход, а чем отличается диалектический переход от недиалектического перехода, пишет Ленин: противоречием, единством бытия и небытия, становлением, перерывом постепенности, скачком. Состояние этого перехода противоречиво. Это

пытались, но мы тоже не сидели, того дожидались», то последние годы: «лишь бы не было войны» любой ценой⁹³. Если раньше: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути», то постепенно начали петь «мы мирные люди и наги бронепоезд стоит на запасном пути» (в тупике за ненадобностью ржавеет). Разницу улавливаете?

На праздничных демонстрациях вместо революционных классовых песен запели песни типа «Топится, топится в огороде баня, женится, женится мой миленок Ваня». Или «А моя Марфута упала с парашюта»⁹⁴.

Постепенно создалась такая психология, что бери этого миленка голым и Марфуту хоть голыми руками, пообещай Ване после бани джинсовые штаны, а Марфуте нейлоновые колготки, и они побегут за благотворителем отовариваться.

Ленин всегда помнил, что у нас для строительства коммунизма нет чистеньких коммунистов, и приходится строить с людьми, по колено стоящими в грязи предрассудков, невежества, традиций. И в ходе такой работы люди будут переформировываться, избавляться от буржуазных замашек, сбрасывать мерзость с себя, о чем говорил еще Маркс.

Для того и существует такая предварительная социалистическая фаза коммунизма, чтобы избавиться от остатков прошлого. А этих остатков немало, и они небезвредные, затаились они в порах быта и вытравить их нелегко, они способны к оживлению⁹⁵. Как предостерегал Маяковский: «Скорее головы канарейкам сверните, чтоб коммунизм канарейками не был побит». Далекое смотрел поэт⁹⁶.

уже не то, что было, но еще не то, что будет. Новое появляется. Оно есть? — Нет, оно только еще появляется. Так что — его нет? Нет, оно уже появляется. Период после захвата политической власти в октябрьской революции осуществляет социалистическую революцию, когда «капитализм разбит, но не уничтожен, а социализм победил, но не построен» (Ленин).

®И вот что из этого вышло. Ценою, которую авансом заплатили без единого выстрела, оказалась ликвидация Советского Союза. К тому же — войны еще впереди. Как бы не пришлось участвовать в войне за чужие американские интересы.

⁹⁴И вообще совершили крен в сторону квасного патриотизма (забыв, что традиции, по словам Маркса, это мертвое, которое хватает живое и тянет его в могилу).

⁹⁵ Вытравить мещанство, бюрократизм нелегко оказалось.

⁹⁶Нетрудно заметить, что все эти моменты — пережитки не собственно социализма, а последствия предыдущего строя.

Эта работа идет по ведомству пятой формы классовой борьбы. И нельзя сказать, чтобы она была безупречной. Ленин говорил, что в ходе социалистической революции исчезает антагонизм, а противоречия *остаются*. И эти противоречия, которые остаются, — не собственно социалистические, а капиталистические, оставшиеся от капитализма в наследство⁹⁷ рудименты, готовые при определенных условиях превратиться из «доброкачественной опухоли» в «злокачественную», реставрироваться, гальванизироваться и восстановить капитализм.

Это «клопы» оживающие. Такой оживляющей их «живой водой» является так называемый свободный рынок. Ленин не раз предупреждал: «Дайте им при наличии мелкой частной собственности еще и свободный рынок, и они через несколько месяцев реставрируют капитализм даже после Октябрьской революции». Так фактически и получилось. Мы умудрились воспитать в советских учебных и научных учреждениях т. н. экономистов-рыночников, «товарников», которые нахватились капиталистических идей, а затем открыли шлюзы проникновению капитала, который вскоре затопил все социалистическое пространство.

Как проходила эскалация напоминать не нужно, это все еще в памяти людей.

Как в детской сказке о мышонке, который хотел заполучить няньку. И кого только не звали в няньки. И, наконец, стали «кошку» в няньки звать и кончилось тем, что ищут глупого мышонка, а мышонка — не видать.

Итак, то, что с нами произошло, результат-таки кризиса, но не внутреннего, не собственно социализма, а капитализма, капиталистической мировой системы по основанию, который прихватил (заразил) под свое влияние территорию стран социализма. Капитализм гниет, он исчерпал свои исторические потенции, и выход возможен только как переход к социализму революционным скачком, на основании разрешения внутренних движущих противоречий между производительными силами и производственными отношениями, или кризис производительных сил, а то и взрыв, катастрофа (ср. Ленин

---

⁹⁷Оставшиеся от буржуазно-демократического этапа революции (предусмотренного «программой-минимум») для доделок в ходе социалистической революции.

«Грозящая катастрофа и как с ней бороться»). Так и вышло. Итак, у нас кризис чужой, но захвативший нашу территорию, пространство, как страшная заразная болезнь, эпидемия. Ленин говорил, что капитализм — труп, но его не заколотишь в гроб. Он разлагает и заражает все вокруг.

Итак, то, что произошло с нами, с нашей страной и что сегодня имеем — это катастрофа, кризис и даже взрыв. Но это кризис не социализма. Он рожден не на его собственном социалистическом основании. Не социалистический строй стал причиной его. Это кризис самого капитализма. Причем всеобщий кризис всеобщего мирового капитализма, как увидим, и с этим — кризис развития (всего человечества, если не всеобщего развития вообще). Что же касается взрыва, то об этом будет ниже. А пока о кризисе — всеобщем, всестороннем, тотальном. И не в смысле вширь глобальности в пространстве всемирном, всепланетном, во всех странах (то само собой), а в смысле всеохватном вглубь, по существу, так что нет такой области, такого органа капиталистической действительности (организма), который бы не исчерпал себя исторически, который бы не был поражен гниением, отмиранием, деградацией. Даже еще в период, когда в ходе социалистической революции на территории СССР не прикончили окончательно капстрой (экономический и политический), имели место кризисные процессы на территории социалистической страны, но опять-таки, не как кризис социализма, социалистического основания, а собственно капитализма и его мирового господства, который затянул мировыми связями в свою орбиту социалистические страны и заставил разлагаться, гнить вместе с собой. Немалую роль в этом сыграло то, что в лоне социалистической страны оставались, как было сказано выше, рудименты капиталистического способа производства и надстроечные моменты типа международного права, международной торговли, и внутри страны — буржуазного права (без буржуазии), сдельная оплата, деньги и вся финансовая система — точная копия капиталистической системы; и многое другое, о котором Ленин предупреждал как о грозящей опасности «механизмов влияния», из которых мы вырваться пока не можем. И ради чего стоит некоторое время не отбрасывать программу-минимум с ее буржуазно-экономическими и правовыми задачами буржуазно-демократической революции, задачи которой приходится дорешать, осуществлять в ходе

уже социалистической революции под эгидой диктатуры пролетариата.

Эту же проблему имел в виду Ленин, когда делал замечания Бухарину на книгу «Экономика переходного периода» насчет того, что антагонизм (кто кого!) между классами при социализме исчезнет, а противоречия остаются.

Итак, речь идет не о противоречиях собственно социализма, которые в своем развитии обеспечивали бы движение вперед, к коммунизму, а о противоречиях собственно капитализма, которые остались недоразрешенными от буржуазно-демократического этапа революции, и требуют разрешения в ходе продолжающейся социалистической революции и остаются опасной возможностью реставрации капитализма (то есть, буржуазное право без буржуазии, хозрасчет, сдельная оплата, материальная заинтересованность).

Все это было предусмотрено Лениным и обосновано теоретически.

Когда все станут коммунистами (практическими материалистами) фактически, но не в смысле членами партии, т. е. станут на позиции теории и практики пролетариата, научного коммунизма, исчезнут, потеряют основания и пролетариат, и рабочий класс, и деление на классы вообще, и разделение труда, и труд, и сдельная плата и т. п. буржуазные остатки, рудименты, жизнь будет построена — и быт, и сознание, и культура, и чувства, и семья и т. д. — на новом основании.

Но для этого нужна долгая и нелегкая работа, причем, с классовых позиций и принципов того класса, которому исторически выпала способность организовать завоевание и постройку такого общества и привлечь к этой работе массы, и довести до коммунистического уровня их воспитание.

Ленин часто повторял, что царя мы сбросим за несколько дней, капиталистов, буржуазию — за несколько месяцев, мелкую буржуазию — за несколько лет (особенно крестьянство) через кооперацию, коллективизацию и, наконец, коммуну. Преодолеем и идиотизм деревенской жизни. А вот на ликвидацию своей косности, остающихся в порах быта предрассудков понадобятся десятки лет. И как раз на этом последнем деле мы, похоже, и споткнулись. Все упомянутые задачи, по выражению Ленина, — это не добрые пожелания, а формы классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата, и они являются задачей диктатуры пролетариата наряду с хозяйственными и

воспитательными функциями — в том числе, реорганизацией на новых основаниях быта, что является надежной гарантией от реставрации капитализма, от контрреволюции, от ревизионизма, предательства.

У нас привыкли пугать обывателя диктатурой пролетариата. И он таки имеет самые превратные представления об этом, путая категорию «диктатура пролетариата» со сформированными на ненаучных бытовых представлениях о диктатуре. Выхватывают слово «диктатура», и этим все сказано. Против диктатуры буржуазии не возражают, живут себе, называют ее «демократией» и не ведают, что в классовом обществе без диктатуры не бывает, нет такого периода, какого-то бездиктатурья не бывает. Если не диктатура пролетариата, то диктатура буржуазии, третьего не дано. То, что зовется «демократией», есть форма диктатуры буржуазии.

Энгельс разъяснил популярно тем, кто напуган понятием «диктатура пролетариата»: «Вы хотите знать, что такое диктатура пролетариата? — Посмотрите на Парижскую коммуну», и рассказывал, как там формировалось правительство. Выстраивались в шеренгу вдоль своих улиц жители и каждый тысячный идет в правительство.

Диктатура пролетариата демократичнее буржуазной демократии, которая все равно диктатура меньшинства над большинством, а пролетарская диктатура — большинства над меньшинством и существует как защита от контрреволюционной реставрации капитализма, от буржуазии, пытающейся вернуть себе господство.

Поэтому опирается пролетарская власть на вооруженных рабочих, которые — «.. люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентки, и шутить они с собой едва ли позволят»⁹⁸.

Антисоветская пропаганда долгие годы придиралась к положению о том, что классовая борьба там, где она имеет место, со временем усиливается, а не затухает. Теперь могут убедиться, что так оно и есть в мировом масштабе с финалом в виде ликвидации такого завоевания как Великая Октябрьская революция, СССР, лагерь коммунизма.

Еще одно понятие, которое не дает покоя антикоммунистам, и они используют его в своей пропаганде. Это строки из коммунистического гимна «Интернационала»: «Весь мир насилья мы разрушим до

---

⁹⁸ Ленин В.И. Государство и революция. — ПСС, т. 33, с. 102.

основанья, а затем, мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем».

Очень правильные слова. Именно до основания нужно разрушить мир насилия⁹⁹, ведь это общественный строй насилия. Почему бы это насилие не прекратить, не разрушить. Посмотрите, сколько насилия этот эксплуататорский мир (общественный строй) приносит народу, включая постоянные войны (10 млн. жизней в первую мировую войну, 50 млн. — во вторую). Но и в самое т. н. «мирное время», да каждый день и час, умирают от голода тысячи детей, и все из-за частной собственности. Там еще и терроризм прибавился, и голод и т. п.

И как раз потому, что не разрушили до основания эксплуататорские общественные отношения, оставили остатки товарных отношений от капиталистического строя, плюс традиции в морали, культуре являются рудиментами для реставрации капитализма.

Обратите внимание, что Ленин противопоставляет объективизму — материализм (как отражение действительности такой, какая она есть без каких-либо добавлений). А это диалектический материализм.

Подлинный диалектический материализм — тот, который доведен (достроен до верха) до исторического материализма и научного коммунизма. А диалектический материалист — практический материалист.

Собственно, мировоззрение личности, которая присваивает мира (общественное) воззрение в процессе изменения им мира — поляризованное в классовом обществе, должно быть соответствующим. Он должен быть материалистом — практическим материалистом, то есть коммунистом, строителем коммунизма.

Коммунистического пока, кроме субботников, ничего нет. Нужно формировать новую дисциплину, отношение к труду, и все это — под эгидой диктатуры пролетариата. Целая эпоха с ее пятью формами классовой борьбы, включая промышленную революцию (индустриализацию), сельскохозяйственную революцию (коллективизацию) и культурную революцию. В СССР в последнее время не было борьбы *между* классами, но классовая борьба продолжалась. Весь советский народ новой формации, генерации вел

---

⁹⁹Не мир разрушить, а мир *насилия*. «Мир», как уже было сказано, это община, громада, «на миру». Разрушить мир отчуждения, антагонизма, общественный строй, уклад, в данном случае, частнособственнический.

борьбу за становление коммунистического бесклассового общества, делая это с классовых позиций революционного класса — пролетариата, по научным основаниям теории и практики научного социализма. Социализм как раз и есть период очищения от мерзости старых порядков и формирования нового человека.

Не нужно бояться понятия «захват власти». Будто бывает не захват. Переход к другой власти всегда осуществляется захватом. Добровольно никто власть не отдает без ожесточенной борьбы. Чтобы существующая, господствующая власть пала, ее надо «уронить».

Не следует пужаться понятия/категории «диктатуры пролетариата». Без диктатуры не бывает. Не одна, так другая. Только одна ведет вперед, другая — назад. Терпите же диктатуру буржуазии, и не смущает она вас. А услышав о диктатуре пролетариата, падаете в обморок. А ведь она-то, будучи властью большинства над меньшинством, куда демократичнее диктатуры меньшинства над большинством, с той только разницей, что диктатура буржуазии маскируется, стыдится своего названия и называет себя демократией, а диктатура пролетариата откровенно говорит, не скрывая, что она диктатура и ей стесняться нечего, что подавляет, экспроприрует экспроприаторов. Называйте, если так нравится, пролетарской демократией.

Кстати, диктатуры вообще не бывает. Это всегда диктатура определенного класса против другого. И формально-логические поползновения и упражнения абстрактные тут ни к чему. Как и войны вообще не бывает. Есть всегда продолжение определенной политики определенного класса насильственными методами против другого класса или группировки. В первом случае гражданская война, во втором захватническая, империалистическая.

Покажите, кто, где, когда получил власть на блюдечке с голубой каемочкой? Был случай, когда чехословацкие коммунисты в 1948 году получили власть, не нарушая ни одной статьи буржуазной конституции, но в 1968 году они поняли, что рано радовались. А в СССР контрреволюционные силы попрали конституцию и захватили власть.

Очерк 4

Объективизм или материализм?

СМИ — четвертая власть или пятая колонна?

В наши дни СМИ любят, чтобы их называли «четвертой властью». Это что-то новое. Сами эсмеишники прекрасно знают, не могут не знать, что никакая они не власть, а около власти, на услужении у действительной власти. Реальная власть — политическая, продолжение и концентрированное выражение экономической — в условиях частной собственности — это власть собственников (которые платят, заказывают «музыку» по своему вкусу и покупают «исполнителей», музыкантов, по ценам, сложившимся в данное время на рынке рабочей силы). А СМИ при ней в обслуживающем составе, в роли «девочек по вызову».

Называет себя сей живой товар не как-нибудь, а именно «властью», неспроста, чтобы набить себе цену и продаться подороже. Маркетинг в условиях рыночных отношений — двигатель успеха. Все знают, что действительная власть сегодня в цене, она задешево не продается (например, депутатское место в парламенте в этом сезоне по «прейскуранту» стоит столько-то, а в мэрию — по сниженной цене, машиностроительный завод — 20 миллионов, столько же, сколько и хоккеист). А чем мы хуже? Деньги на бочку — и получай чего душа (или тело) пожелает. Свежие компроматы на соперников — подороже. Но берут. Заверните десяток!

Желаете целую футбольную команду? Опоздали, уже продано. Нашелся покупатель раньше вас. Остались уцененные, в третьем сорте.

Информация «б/у» (секонд-хенд) отпускается с нагрузкой или оптом¹⁰⁰.

---

¹⁰⁰ Второго июня (по видимому, 2003 года— *Ред.*) радиостанция «Ви-Ви-Си» выдала в эфир обсуждение конфликтного дела известного, раскрученного московского

Трагизм исторического положения представителей СМИ в условиях отчуждения и товарных отношений в том, что товаром являются не только их изделия, но и сами они живьем есть товар среди товаров, и на них ценники имеются. В Америке при знакомстве так откровенно тебя и спрашивают: «сколько ты стоишь?»

Подлинный социально-политический статус журналисткой братии озвучил как-то Н. С. Хрущев: «помощники партии», и только. Так оно и есть. Везде и всегда. Все дело лишь в том, какой партии. Претензия на беспартийность, внеклассовость, внепартийность — есть все равно партийность (той партии, которая заинтересована скрыть, кому она служит), и совершая камуфляж под так называемую «общенародность», «общечеловеческие ценности», «национальные интересы» и т. п., СМИ предлагают себя в качестве прокладок¹⁰¹ для смягчения межклассовых трений (антагонизма). Это старая история с дешевой распродажей товаров секонд-хенд.

Выбор небольшой. В классовом обществе существует в конечном счете, две противоположные партии: с одной стороны — слева — партия тех, чей труд присваивают — партия класса пролетариата, и с другой — справа — партия тех, кто присваивает — буржуазная партия (независимо от того, как она себя называет и сколько их с разными названиями). Середины, нейтральности в природе не существует. Или ты сознательно укрепляешь историческую тенденцию рабочего класса и действуешь революционнопрактически с позиции и по интересам этого класса и его авангарда, или, если ты даже «нейтрален» и уверяешь, что твоя «хата с краю», то фактически выражаешь классовые интересы буржуазии. Беспартийность — это партия исторически исчерпавшего себя класса, например, мелкой буржуазии. Не существует эклектической «всеядности», нет многопартийности, всенародности и так называемого плюрализма, «единства нации».

Могут сказать: а как же быть с «мировоззрением» журналиста, его

телеведущего Парфенова. В дискуссии принимали участие корифеи телеэфира, которые все как один наперебой утверждали вместе с виновником «торжества», что вообще всякая информация — это бизнес ведущего, и ведущий — хозяин ее, и из этого следует исходить при решении всех вопросов, связанных с телеэфирными делами.

Комментарии, как говорится, излишни.

¹⁰¹ Это удел интеллигенции, которая по своему социально-историческому положению — не особый самостоятельный класс, а промежуточная форма, прослойка.

«собственным мнением»? «свободой воли»? «свободой выбора»? «честью»? «истиной»? «объективностью»? «совестью»? и т. п.?

Но все дело в том, что мировоззрение — это не просто взгляд, воззрение личности журналиста на окружающий мир, на созерцаемое им пространство: глазей вокруг, фиксируй, комментируй, объясняй, интерпретируй. В чем-в чем, а в интерпретации они преуспевают. Дело не в объяснении мира, а в *изменении* его, как говорил Маркс в 11 тезисе о Фейербахе. То, что зовется мировоззрением, скорее, есть то, что является не воззрением персоны на мир, а мира — сравни «на миру» — воззрение. Индивид видит, слышит и чувствует органами чувств человечества. Т. е. воззрение мира, общины, громады. Помните у Шевченко, «треба миром, громадою (общиною) обух сталить та добре вигострити сокиру — та й заходитсь вже будить» и дальше по тексту. От і «лупайте сю скалу», наполягає інший класик української літератури Іван Франко, котрий зробив переклад 24-ї глави марксового «Капіталу». В этом практическом действии «вічного революціонера» по изменению общественного мира вся суть *дела*, (и именно *дела*), вся суть того, что зовется мировоззрением. Не взирать на мир, а *изменять* его (до основания). К этому общественному (общинному) отношению к действительности каждый отдельный член общества примыкает и присваивает его постольку, поскольку он (человек) в сущности есть совокупность (ансамбль) всех общественных отношений. Еще Аристотель считал человека общественным животным, что звучало тогда как «политическое животное»¹⁰².

И это любой человек, а не только эсмеишник. Никакого собственного, своего, необщественного (которое было бы не общественным) воззрения не бывает. Потому что нет такого необщественного положения человека в природе. А общественный мир (громада) поделен, поляризован, саморазорван на тех, *кто* присваивает чужой труд, и тех, *чей* труд присваивают, и это называется классами. Это значит, что та же самая поляризация существует в мировоззрении. Кроме этих двух (противоположных) воззрений, диктуемых экономическим, социальным положением, ничего иного нет. И кто-кто, а эсмеишники должны знать, что они не могут не занимать место по

---

¹⁰²Раб считался говорящим животным, а то и говорящим орудием, а демократия — власть рабовладельцев (как и ныне). Сущность человека — совокупность всех общественных отношений.

одну из сторон, не становиться на одну из двух позиций саморазорванного мира — революционную прогрессивную позицию производительных сил, революционного класса, трудящихся, производителей материальных благ или консервативную, реакционную позицию собственников, присваивающих труд последних, позицию регресса. И зовется такой обязательный выбор позиции партийностью. Ленин подчеркивал, что «... материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹⁰³. Причем, если даже человек объявляет себя нейтральным в таком противостоянии, не примыкающим ни к одной из этих полярных сторон, то он фактически не нейтрален. Середины не бывает, бесклассовость — это классовость буржуазная, беспартийность — это партия буржуазии, безыдейность — это идеология угнетающего класса, потерявшего историческое основание.

А как же, скажут, моральность, объективность истины («объективизм»), плюрализм, «свобода воли», «свобода выбора» и т. д.

Насчет плюрализма все ясно — никакого плюрализма, многомировоззренчества не бывает (и никакое это не благо — плюрализм, как гутарят некоторые социалисты). Такое мнение — это эклектика, пустозвонство, фальшивка¹⁰⁴. Что касается истины и ее объективности, то следует уразуметь, что она одна-единственная, конкретно-исторически¹⁰⁵ удостоверенная практикой, а не у каждого своя истина (сколько людей, столько и истин). Это тоже чушь¹⁰⁶. Нередко среди журналистской братии можно встретить человека, который, бия себя в грудь, глаголет, что он «объективист», думает, что таким образом выражает себя сторонником объективности, независимости, непреднамеренности, беспартийности. Бедняга наивный заблуждается. Путаает так называемый «объективизм» с объективностью истины. Он

¹⁰³ Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г-на Струве. — ПСС, т. 1, с. 419.

¹⁰⁴ Отказ от мировоззрения пролетариата—материалистического монизма — это уже буржуазное воззрение.

¹⁰⁵ А это значит, что она и есть внутреннее противоречие — единство во многообразии, относительная и абсолютная одновременно.

Неверна теория и т. н. общезначимости как критерия истины.

даже не подозревает, что объективная действительность, как содержание знания, объективная истина дается нам не в форме объекта, не в форме созерцания, а в форме практики. То была точка зрения старого, метафизического, наивного, грубого, натуралистического, созерцательного материализма («что вижу, то и истина»)¹⁰⁷. Такое понимание неверно (и получило разъяснение своей неверности в тезисах Маркса о Фейербахе), ибо не хватает субъективности¹⁰⁸, но не субъективизма. А последняя вовсе не в том, чтобы познаваемое нечто представлять как соединение строения объективной природной вещи, с одной стороны, с субъективными добавлениями, особенностями индивида — с другой. Но дело в том, что вещь не становится истиной, *содержанием* понятия, представления, мысли, пока не перестанет быть собой, пока остается естественной, нетронутой, не измененной, не превращенной, что осуществляется в т. н. субъективной практике, где субъектом выступает не абстрактный индивид с его «особенностями», а общественная сила, класс как субъект исторического действия, выражающий объективное саморазвитие необходимости, необходимое общественное целеполагание: «...вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»¹⁰⁹.

Альтернативой надуманному плюрализму является только материалистический монизм.

Итак, вещи, формы бытия должны быть подвергнуты изменению и под воздействием общественного человека перестать быть собой (такими, какие они есть), чтобы стать такими, какие они есть в содержании знаний (без единого прибавления, независимые от нас), т.

---

¹⁰⁷ Подлинный материализм — диалектический (а не наивный, натуралистический, созерцательный реализм) — есть тот, который доведен до основного гносеологического вопроса философии (отношения бытия и сознания), достроенный до исторического материализма и научного социализма — практического материализма. (См. первый тезис Маркса о Фейербахе).

¹⁰⁸ Никак не усвоят, что объективная истина — это *не представление*, а *содержание* представления, не зависящее от человека, т. е. объективная действительность, *становящаяся* предметом и содержанием знания.

¹⁰⁹ Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. — ПСС, т. 42, с. 290.

е. в форме объективной истины. А это как раз осуществляется в практике, в предметно-практической преобразовательной деятельности. Последняя «... *изменяет* внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (= меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в- себе и само-для-себя сущей (объективно истинной)»¹¹⁰.

Что еще не следует выпускать из виду, так это то, что «... человек не теряет себя самого в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него человеческим предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него общественным предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете»¹¹¹. Например, природа является тогда «неорганическим телом человека» (Ф. Энгельс). В этом плане сущность природы — общественная, человеческая, существует только для общественного человека (чего не мог понять недиалектический созерцательный материализм, включая и фейербаховский).

Объективист, в свете сказанного, не получает объективную истину. Объективную истину получает диалектический материалист, материалистический монист, практический материалист (в конечном счете, чувственно-революционно-практически).

Объективизм и материализм. «Между этими понятиями (системами воззрений) есть разница, на которой следует остановиться. ..

Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным

---

¹¹⁰ Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 199.

¹¹¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Маркс К., Энгельс Ф. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 61.

экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественноэкономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость. В данном случае, например, материалист не удовлетворился бы констатированием «непреодолимых исторических тенденций», а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков и исключаящих возможность выхода вне выступления самих производителей. С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹¹².

Выходит, что истина «тенденциозна» в диалектическом понимании?

А почему бы нет, раз она выражает тенденцию не личности, не случайной персоны, а объективной общественной необходимости саморазвития и включает в ее содержание всю предшествующую практику на пути к себе. Все действительное — разумно, если оно выражает необходимость, считали Гегель и Энгельс.

Интересно, что Ленин в анкетной графе «профессия» писал — «литератор». И, как известно, его не смущал статус партийности. Наоборот, он постоянно подчеркивал суть журнализма и свою партийность, верность этому статусу, принципу. На возражения иных, типа «а как же “честь”, “совесть”, какое место занимают эти понятия в профессиональной деятельности журналиста?» отвечал: «партийность прежде всего, партия (авангард рабочего класса), классовый интерес — это все — и “честь”, и “совесть”»¹¹³. Честь и совесть этого класса в

¹¹² Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г-на Струве. — ПСС, т. 1, с. 418—419).

¹¹³ Честь и совесть в революционную эпоху есть революционный, образованный необходимостью пролетариат в его классовой борьбе — но организованный пролетариат, осознавший свою историческую роль и действующий сознательно, практически, с позиции и по интересам этого революционного класса («Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и что он, сообразно

данную эпоху является честью и совестью человечества в его развитии, не классы приравнивающиеся к абстрактным понятиям «честь» и т. п., а наоборот.

Кстати сказать, понятие «честь» — исторически преходящее. В не столь отдаленные времена честью было стреляться на дуэли по поводу пустяка, считавшегося в высшем свете оскорблением¹¹⁴. Часть интимного туалета дамы, подвязка, случайно спавшая некстати на балу, в разгар танца на виду у благородной публики, была поднята королем Англии для «спасения чести» дамы и объявлена с этой минуты высшим орденом страны — «Орденом подвязки». С этого момента высшие чины государства считали за честь заполучить эту тряпицу и красоваться при ней, находиться пристегнутыми к ней¹¹⁵.

Что вчера было честью (и поэт (Пушкин) в пику дворянству с гордостью демонстративно провозглашал: «Я мещанин!»), через некоторое время стало считаться бесчестьем и оскорблением: «Он — мещанин! Какой позор!» и т. д. Все эти понятия приходят и уходят, как и мораль в целом, меняются критерии моральности, а партийность, классовость остается, пока существуют классы. В нашу эпоху пролетарских революций морально все то, что в пользу мирового революционного рабочего, пролетарского движения. Этот критерий должен сопровождать действия человека всегда и во всем. Истина, с точки зрения диалектического материализма, объективна, абсолютна и относительна. Абсолютна и относительна в одно и то же время и в одном и том же отношении, но не значит, что относительна здесь и теперь, а потом (там и тогда) — абсолютна. Чтобы уразуметь это, как

этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать» Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 40), так сказать, погегелевски, соответственно своему понятию, сущности. А свое историческое назначение он получает в организации и действии, борьбе своего авангарда — партии.

¹¹⁴Ни один из сторонников «честь» не отклонил пистолет при расстреле Пушкина, Лермонтова («невольников чести»), а, наоборот, проверил, хорошо ли заряжен он. Чтоб наверняка прикончить поэта. Вот честь дворянской эпохи. Честь — убийца.

¹¹⁵Известно, как Ленин высоко оценил рассказ Джека Лондона «Воля к жизни», но скептически отнесся к рассуждениям капитана о чести в другом рассказе. Нет чести как таковой, чести «вообще» — без ориентации на классовое содержание честь не имеет смысла.

Например, военные в буржуазной армии демонстративно подчеркивают, что низший чин «отдает» честь мундиру высшего чина, а не человеку.

А мундир-то демонстрирует классовое содержание.

говорит Ленин, надо включить в познание материалистическую, общественную практику, весь путь ее к себе. Только так можно получить объективную истину, то есть такое содержание знания, которое выражает действительное положение вещей, и которое не зависит от человека, индивида, личности.

В связи со сказанным, интересным является приведенный в воспоминаниях о Ленине эпизод.

Совсем вскоре после Октябрьской революции в Петрограде посетил Ленина английский писатель-фантаст Уэллс и высказывал ему свои мрачные впечатления об увиденном (которые он потом опубликовал в книге «Россия во мгле»).

Ничто не ускользнуло от взгляда писателя, и все его представление о виденном — «ужасно, плохо». Тут и перевернутые трамваи, и искореженные мостовые, и поваленные столбы и т. д.

Вскоре после этого писательского визита с Лениным встречалась Клара Цеткин и в ответ на такой же вопрос «Какое у нее впечатление?» она с большим восторгом охарактеризовала самым положительным образом положение в городе. Прекрасная картина: перевернутые трамваи, поваленные столбы, разобранные мостовые (булыжник — оружие пролетариата). Сразу видно, что здесь были баррикадные, революционные бои — великолепное зрелище!

Вот вам два взгляда с двух противоположных точек «отсчета» — буржуазного интеллигента-либерала и революционерки. Совсем противоположные оценки и характеристики: что такое «хорошо» и что такое «плохо». Сама разруха ничего еще не значит, важно *что* разрушено, *кем* и для чего (устаревшие, окаменевшие формы, препятствующие развитию, или ростки нового). Какое целеполагание, с каких классовых позиций. Буржуазный писатель брюзжит, все воспринимает в мрачных тонах, как непорядок, безобразие, нечестность, бессовестность, происходящие вокруг, а революционерка — как показатель необходимого, революционного дела российского пролетариата, выступающего в роли локомотива истории, выполнявшего свой исторический, классовый долг перед обобществившимся человечеством.

Каждый высказывает свое личное впечатление, а оно не личное, а

общественное, классовое (становящееся личным)¹¹⁶.

Человеку отдельно в классовом обществе предстоит определиться, сознательно встать на позиции революционного класса и действовать целенаправленно, сознательно, свободно (участвуя в одной из классовых организаций) по его общественным историческим целям, по революционному преобразованию. Это будет вам и честь, и совесть, момент истины объективной.

Потуги остаться вне партийности, вне классовости, бесполезны, как и ссылки на «свободу воли». Да и эсмеишники это прекрасно знают, но придуриваются. Помните, с каким поразительным единодушием они все (!) как один в день акции протеста левых сил, по своей «свободной воле» (такая идентичная воля у эсмеишных ребят, мальчиков-дерзайчиков) отключали все каналы телевидения, якобы для техпрофилактики?¹¹⁷ Вот такой плюрализм и «объективизм» получается. Это они так выражают «волю народа», находясь, как постоянно говорят, «вне политики» и «предубеждения». А фактически выражают волю одного (господствующего) класса, выдавая за волю народа.

В классовом обществе, писал Маркс, «свободная воля должна установить себе хорошие манеры: она должна быть осторожной, лояльной свободной волей, которая умеет так устраиваться, чтобы ее сфера совпадала со сферой произвола тех же самых при-

19

¹¹⁶Высшая точка классовой борьбы — революция. «Всякая революция означает крутой перелом в жизни громадных масс народа. Если не назрел такой перелом, то настоящей революции произойти не может. И как всякий перелом в жизни любого человека многому его учит, заставляет его многое пережить и переучувствовать, так и революция дает всему народу в короткое время самые содержательные и ценные уроки.

За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной сонной жизни. Ибо на крутом переломе жизни целого народа становится особенно ясно видно, какие классы народа преследуют те или иные цели, какую силою они обладают, какими средствами они действуют.

Всякий сознательный рабочий, солдат, крестьянин должен внимательно вдуматься в уроки русской революции, особенно теперь, в конце июля, когда ясно стало видно, что первая полоса нашей революции кончилась неудачей» (Ленин В. И. Уроки революции. — ПСС, т. 34, с. 55).

В период революции даже время «течет» по-другому: один день как двадцать лет. В других условиях — эволюционного периода — 20 лет как один день.

¹¹⁷Когда была всеобщая акция протеста и улицы были забиты колоннами протестующих трудящихся! Это ли не «пятая колонна»?

вилегированных частных лиц» .

Известный телекомментатор московского ТВ Познер как-то поведал с экрана всесоюзного телевидения, как ему предложил хозяин крупнейшей американской телекомпании должность ведущего обозревателя на шикарных условиях. Познер спросил, волен ли он будет как ведущий комментировать события с экрана своим мнением? И мгновенно услышал ответ: «то будет ваше первое и последнее выступление и день работы на моем телевидении»¹¹⁸.

Как только хозяином российского телевидения оказался частный капитал, там моментально стали господствовать вышеупомянутые порядки. Стоило воле одного из известнейших ведущих популярнейшей телепрограммы «Очевидное — невероятное», профессора Сергея Петровича Капицы *не совпасть* со «сферой произвола» тех самых «привилегированных частных лиц» и профессор, научный авторитет которого не имел равных (и не только на телевидении), не проявил лояльность по отношению к дилетантам, пытавшимся убедить ведущего, что не следует критиковать с экрана ненаучные, лженаучные направления в науке и... «мы, — говорил Капица, — не смогли найти понимания с руководством». Прекрасную программу и самого знаменитого ведущего немедленно убрали с телевидения. «Если я, — продолжает профессор в одном из интервью, — буду много критиковать, меня просто убьют».

Вот некоторые его поучительные замечания по поводу сложившейся ситуации на телевидении и вообще масс-медиа: «Место любимых зрителем передач (таких как “Клуб кинопутешественников”, “Музыкальный киоск”, “Очевидное — невероятное”), заняла третьесортная продукция аморального и развратного характера». «Мы воспитываем страну идиотов. Так и пишите: отсутствие духовных ценностей, воровство, разврат — все это, увы, стало нормой жизни». «Если страна забывает о культуре, она гибнет. Если ее нет, значит, нет и страны. Судя по всему, ею руководит преступная банда». «Сейчас политика направлена на одурманивание и одичание страны».

---

¹¹⁸В этом отношении американское радио «Голос Америки» прямо откровенно говорит, что то, что они передают в эфир — это точка зрения американского правительства. Откровенно, настойчиво вещают, что Америка будет активно насаждать в других странах демократию американского типа, которую они считают эталоном и критерием для всех других стран.

Российские масс-медиа активно противостоят всему разумному, доброму, вечному. Это не злой рок и не безответственность отдельных руководящих работников. Это просто большая политика, направленная на разложение нашего народа. «Сейчас мы больны, — делает вывод ученый, — и сколько это продлится — зависит только от нас. Не следует уповать на бога, царя или героя — не помогут, не спасут... »

Вчитайтесь в эти слова — крик души умного человека, небезразличного к кризису телевидения, науки, культуры, страны, народа и призывающего к действию и освобождению «своею собственной рукой»¹¹⁹ (пока все программы телевидения и страны не превратились в одну-единственную — «В мире животных»), человека, понимающего, что дело не в тонкостях, индивидах, а в большой классовой политике «банды».

Могут упрекнуть, что в марксизме нет этики. Верно, «ни грана». Зато есть исторический материализм и материалистическое понимание истории. И этим все сказано. Иного и не надо, никакого плюрализма, который некоторые марксисты стали называть «благом». Нужен материалистический монизм.

Не бестенденциозность, не объективизм является альтернативой партийности, идейности. Такого вообще не бывает¹²⁰. Претензия на бестенденциозность есть все равно тенденциозность, тенденция, но буржуазная, под видом бестенденциозности. Буржуазный объективизм — это тенденция устаревшего, умирающего класса, потерявшего, исчерпавшего историческую необходимость, потенцию. И главное, отказ от тенденциозности ничего не дал бы.

Только с классовой платформы можно получить истину объективную. Но с платформы тенденции того класса, способ жизнедеятельности и борьбы которого выражает своей классовой тенденцией интересы человечества в целом и его развития. Таким классом и является пролетариат^{0*3}.

То, что он должен, вынужден будет делать по своему положению

---

¹¹⁹ Этими словами автор четко указывает, с какой позиции он рекомендует действовать.

Можно встретить в СМИ и такой показатель критерия истинности как «общезначимость» (мнение большинства). Отсюда—опросы прохожих, референдумы. Ленин, возражая против такого критерия, говорит, что большинство людей верит в существование чертей, леших и т. п. Но это не значит, что они существуют.

социально-экономическому в своих особенных (классовых) интересах, и будет действием в пользу общего, общественного развития. Пролетариату интересы всего человечества, по словам Ленина, дороже (важнее) собственно пролетарских интересов. Точнее, интересы всего человечества заключаются в историческом интересе этого класса пролетариата¹²¹, на позиции которого предстоит встать (то есть включиться в борьбу с позиций которого) всему человечеству и получить бесклассовое обобществившееся человечество. Вот такая диалектика получается, что бесклассовое общество строится по классовым принципам, а не бесклассовым, не отказом от классовости. Классовая борьба этого класса и неизбежная победа есть революция, приводящая человечество от предыстории к настоящей действительной истории и к ликвидации (исчезновению, отмиранию) всех классов вообще, в том числе и собственно пролетарского класса. Но для этого классовая борьба должна быть доведена до политической формы, до общегосударственного масштаба, до завоевания политической власти, слома буржуазной государственной машины, установления диктатуры пролетариата *и построения бесклассового общества*.

Никто так много не говорит о своей «личной свободе», «свободе слова», «независимости суждений», «свободе мнения», как представитель породы СМИ. Что касается последних, то мнят они о себе премного.

Не говоря уже о том, что сам этот факт есть показатель того, что как раз этого у него нет, не хватает, потому и шумит служивый, не понимает сущности вопроса, и вообще проблемы. И постоянно спрашивает: «Ты меня уважаешь?» Не понимает, что он не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, что классовая борьба есть движение ее до диктатуры пролетариата, и этим ликвидируются классы вообще.

Напомним, что и гносеологическое содержание основного вопроса философии, и социальное носит классовый характер (т. н. партийный). Ни о каком «общечеловеческом» нечего и говорить. Чего нет, того — нет.

Вопрос лишь в том, откуда берется такое, распространенное ныне

---

¹²¹ Не существует наряду друг с другом пролетарских (классовых) интересов и каких-то иных «общечеловеческих». Пролетарские и есть общечеловеческие интересы (неразвитые пока).

мнение об «общечеловеческом», если такого нет в объективной действительности?

Это продукт, изделие представителей духовного производства, занимающих межклассовое положение. Интеллигенция — не особый самостоятельный класс. Этот общественный слой примыкает к господствующему классу, от которого, так сказать, получает жалование.

Как и вообще сфера духа собственной сущности не имеет, а является отраженным светом, своим другим материального, так и представители духовной деятельности собственной социальной сущности не имеют, а есть свое другое класса господствующего, его другое себя. В данном случае они — буржуазная интеллигенция.

«Но влияние *интеллигенции*, непосредственно не участвующей в эксплуатации, обученной оперировать с общими словами и понятиями, носящейся со всякими “хорошими” заветами, иногда по искреннему тупоумию возводящей свое междуклассовое положение в *принцип* внеклассовых партий и внеклассовой политики) — влияние этой буржуазной интеллигенции на народ опасно. Тут, и только тут есть налицо заражение широких масс, способное принести действительный вред, требующее напряжения всех сил социализма для борьбы с этой отравой»¹²².

«...либеральные и демократические слюнтяи», — по словам Ленина, — воображают себя «возвысившимися над всякой «партийностью», до «общечеловеческой» точки зрения.

Ошибаетесь, почтеннейшие. Эта точка зрения не общечеловеческая, а общехолопская»¹²³.

Безыдейности нет. Безыдейность, безыдеологичность — это все равно идеология, но умирающего класса, утратившего свое историческое основание, потенцию. Беспартийность — это партия буржуазии¹²⁴.

Все сказанное выше особенно (и в каждом слове) относится к

---

¹²² Ленин В. И. Памяти графа Гейдена. — ПСС, т. 16, с. 40.

¹²³ Там же, с. 40.

¹²⁴ Кстати, спросите у тех, у кого постоянно на устах слово «идеология» (независимо от того, уважительно они его произносят или ругательно), а что это такое; ни один, пожалуй, не обнаружит правильного понимания (судя по тому, как оно употребляется нынешними политухами в СМИ).

работникам СМИ, которые, как никто другой, имеют возможность «влиять», «заражать», «отравлять» самые широкие массы. И нужно сказать, преуспевают в этом деле. Вот уж где либерально-демократических слюнтяев навалом (хоть грузи бочками). Стремление возвыситься над партийностью и корчить из себя объективиста стало обычным поголовным явлением в журналистских кругах. Спасенья нет от холопствующим, претендующим на роль «четвертой власти».

Когда эсмеишник слишком густо говорит о своей «внепартийности», «объективизме», о «плюрализме», буквально заливается соловьем о «торжестве демократии для всех», «об интересах всего народа», «воле (и волеизъявлении) народа, воле большинства», об «общечеловеческих ценностях», о «правах человека» и т. д. и т. п., то это верный признак того, что он «заливает», заведомо и сознательно лицемерит, прикидывается малый, рассчитывая на неосведомленного потребителя его товара (с гнильцой).

На этот случай предлагаем краткую памятку, предостерегающую от некачественного товара, подделки. Если на киевских рынках, по официальным данным, более чем каждая вторая бутылка спиртного — подделка (фальсификат), опасная для здоровья и жизни, то эсмеишная сивуха — подделка и отрава на все 99%. Особенно опасны продукция западного разлива «Made in USA» и отечественный «самогон» социал-демократического разлива «три гички» с госсертификатом на горлышке пляшки.

Какое же разъяснение (для распознавания фальсификата) дают квалифицированные специалисты социоздрава: «Говоря яснее: воля народа, воля большинства — это воля не отдельных сословий и классов, а *одного-единственного класса* и тех других классов и частей классов, которые подчинены этому одному господствующему классу в общественном отношении, т. е. в промышленном и торговом отношении.

“Но что же из этого следует?” Что воля всего народа — это воля господствующего класса?

Разумеется, и именно всеобщее избирательное право является той магнитной стрелкой, которая, хотя лишь после различных колебаний, все же в конце концов указывает на этот призванный

28 29

к господству класс»⁷.

Основная масса работников СМИ — это пластическая масса, податливая. Плати и лепи, что хошь. Не удивительно, что все они абсолютно одинаковы в своей безликости, заангажированности и политической малограмотности, ибо все — похожие, точные копии того, кто платит и лепит их по своему буржуазному вкусу, образцу и идеологическому подобию. Все они более чем близнецы. Клонлируемые, как овечка Долли, они и одинаково блеют с чужого голоса, и позволяют себя стричь систематически под очередную дежурную модель, а то и снимают шкурку (изголяться так изголяться!), если хозяин прикажет и приплатит. Вот такой стриптиз получается.

Казалось бы, дальше некуда. Но есть, оказывается, «дальше», и не так уж долго его ждать. В связи со стремлением мирового олигархического капитала осуществить идею т. н. глобализации экономики (под патронатом и протекторатом, конечно, США), то же самое аналогично будет осуществляться и в надстроечной сфере, в идеологии и технологии ее внедрения в массы. Глобализация идеологии (буржуазной) и технологии ее воздействия будет осуществляться через сеть интернета, которая опутает население планеты. Недаром ее называют паутиной даже официально. Опасность для попавшего в сеть многократно усиливается от того, что он оказывается один на один с «пауком» и притом буквально спеленутый паутиной. Оттого, что «паук» окажется с «человеческим лицом», а парализующий яд его общечеловеческим (высшего класса), вам не будет легче. Обещаемый при этом объективизм выполняет роль наркоза во время операции.

Последствия появления на свет такого интермонстра — орудия внедрения в души буржуазного индивидуализма — (детище гибридное техники, капитала и идеологии) не непредсказуемы. Он еще себя покажет. Следует уразуметь, что интернет — это оружие, эффект которого зависит от того, в чьих руках оно находится, и против кого оно направлено; ныне — в руках капитала.

Представителям СМИ нужно понять не только то, что их воззрения не зависят от их воли, желания и т. п., а есть продукт вообще независимого от воли человека — ОТЧУЖДЕНИЯ: «...материальная, непосредственно чувственная частная собственность является материальным, чувственным выражением *отчужденной человеческой жизни*. Ее движение - производство и потребление - есть чувственное

проявление движения всего предшествующего производства, т. е. оно представляет собой осуществление или действительность человека. Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь особые виды производства и подчиняются его всеобщему закону. Поэтому положительное упразднение *частной собственности*, как утверждение *человеческой* жизни, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому*, т. е. *общественному бытию*»¹²⁵.

Нетрудно заметить необходимость того, что все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении *частной собственности*, в экономике.

При этом Маркс замечает, что «Религиозное отчуждение как таковое происходит лишь в сфере *сознания*, в сфере внутреннего мира человека, но экономическое отчуждение есть отчуждение *действительной жизни*, - его упразднение охватывает поэтому обе стороны»¹²⁶. Хотите подлинной свободы — избавьтесь от отчуждения в обществе, пока оно не убило в человеке человека. Хотите избавиться от отчуждения — уничтожьте частную собственность.

В тезисах о Фейербахе, являющихся сконцентрированным, сжатым выражением нового материалистического мировоззрения, даны его основные положения. И, в частности, о природе сознания¹²⁷. В 4-ом тезисе сказано, что Фейербах метко и материалистично показал, что в религиозном сознании земные картины перенесены на небо. Бог, ангелы, архангелы и т. д. — это те же земные короли, феодалы, вассалы, но перенесенные на небеса. Таким образом, святое семейство — это лишь копия земной «семьи» и только. Но Фейербах не сделал главного: не показал, почему такое раздвоение происходит, почему имеем раздвоение на мир земной и мир потусторонний, воображаемый. И с позиций диалектического материализма это невозможно понять. А все дело в *саморазорванности* самой земной основы и ее внутренней противоречивости. К тому же, имеет место разделение трудовой деятельности на материальную и духовную, что

---

¹²⁵МарксК. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — Соч. 2-е изд., т. 42, с. 117.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷К сфере которого причисляют себя СМИ.

совпадает с классовым разделением труда. И представители духовной деятельности (имущего, господствующего класса) свое дело, естественно, ставят на первое место как первичное, основное, определяющее, а не просто как отражение земного. Они не хотят знать, что все идет от практики общественного разделения труда, а считают, что сознание, дух имеет собственное существование. Вот эта претензия духа на собственную сущность, собственное развитие, эмансипацию от материального и непризнание практического материального объективного основания, своей земной (практической) основы и ее саморазорванности как причины раздвоения, и есть то, что называется *идеологией*, перевернутым отражением отражения. Идеализм — это чистая идеология. Религия — это превращенная форма идеального, превращение превращения.

«С этого момента сознание *может* действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может *действительно* представлять себе что-нибудь, не представляя себе себе чего-нибудь действительного, — с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д.» .

Все эти моменты, претендующие быть чистой теорией, и есть то, что зовется *идеологией*. Идеологии как таковой, самой по себе, не существует. Идеологию вырабатывают выходцы из господствующего класса. Есть нечто в «роли» идеологии, те или иные формы общественного сознания, которые будут в этой роли, пока существует классовое разделение труда. С ликвидацией классов исчезнет идеология и политика, мораль, право. Теория социализма — уже не идеология, а наука. Все формы сознания (наука, искусство, мораль, философия) вернутся туда, откуда они вышли, в конечном счете — непосредственно в производительные силы (не знающие разделения труда).

В большом цикле мирового круговорота материи, круге кругов от «механической формы движения и до мышления» (Энгельс), последнее (сознание и его формы) в мировом бесконечном пространстве возникают там и тогда, где и когда органическая форма, организм достигает такой развитости, что освобождаются некоторые конечности от только органического функционирования по приспособительной функции (становятся рукой) и позволяют действовать не по заданному

природой типу, а по универсальному типу, более свободному для практического делания (производства) вещей, которых не было в природе. С этого момента человек развивается не по биологическим, наследственным приспособительным законам, а по общественным, и с этим, универсально.

Сделанные по общественной потребности и целеположению вещи, не переставая быть физическими, химическими структурами, становятся еще и общественными («духовными вещами» — Ленин), которые выражают общественные (производственные) отношения, оторванные от непосредственно природного. Вот эти отношения и являются основанием для появления идеального¹²⁸, которое есть в конечном счете детище, продукт материального, в форме практики, а не биологического и не естественных природных вещей (объектов). Сознание собственной сущности (субстанции) не имеет, у него субстанция одна общая, та же что и у материальных вещей — материя¹²⁹. Сознание есть *свое другое* материальной практики. Сознание идеально само по себе, но как раз самого по себе его и не бывает. Оно *при* материальной практике, как его (материального) свое другое (другое себя).

Когда в силу того, что практическая деятельность находится в состоянии *общественного разделения труда* на материальную (физическую) и духовную формы деятельности, что совпадает с социальным положением, классовым (где одна часть присваивает ТРУД другой, причем, представители духовной деятельности присваивают труд представителей физической¹³⁰), то это разделение труда позволяет господствующему классу ставить свою деятельность на первое место и сознанию вообразить о своей эмансипированности от материального. А это уже идеализм, идеология. Маркс и Энгельс считают, что тайна возникновения идеологии, в конечном счете, в

---

¹²⁸ Идеальные вычленения общественных отношений. Природа идеального прекрасно раскрыта в работах Ильенкова Э. В. Идеальное — не продукт головы, мышления, сознания (а лишь при помощи головы), но продукт отношения, т. е. это идеальная реконструкция материальной реконструкции в практике ступеней выделения человека из природного в человеческое.

¹²⁹ Последняя не сводится к сумме вещей, форм бытия.

¹³⁰ В результате повышения производительности труда появляется прибавочный продукт (немного более того, чтобы не умереть с голоду), его пускают в обмен и отсюда дифференциация и поляризация классов на имущих и неимущих.

разделении труда на материальный и духовный.

Интересно, что сознание возвращается туда, откуда оно вышло — в практику, в производство. И не только в акте познания, а и исторически, в виде преодоления общественного разделения труда в общественном производстве на умственный и физический и превращения науки в непосредственно производительную силу.

Таким образом, именно эта возможность сознания претендовать на самостоятельную сущность, «эмансипироваться», становиться «чистой» теорией, собственно формой общественного сознания с ее относительной самостоятельностью (что является состоянием временным, исторически преходящим, отрицанием в цикле развития, временной формой), и делает формы сознания тем, что называется идеологией и что является продуктом разделения труда (самораздвоения земной основы). Точно так же, как она порождена разделением труда, что совпадает с классовым разделением, она вместе с ликвидацией общественного разделения труда исчезнет и сама. Она разумна и необходима как форма проявления и выражения разделения труда и классового разделения. В другой форме развитие и не могло осуществиться в период *раздвоения единого*. С доведением до тождества ранее раздвоенных противоположностей цикл исчерпывается, идеология отмирает. В условиях исчезновения разделения труда на умственный и физический формы общественного сознания не только перестают быть идеологией, но и возвращаются туда, откуда они вышли — в производительные силы (наука становится непосредственной производительной силой) и существуют без претензии на чистую теорию и тем самым на идеологию.

Что всякое сознание, общественное мышление, идеи и т. п. есть идеология, нужно понимать не в том смысле, что в этом сущность всяких идей вообще, а в том, что они выступают в роли идеологии, *не могут не быть* идеологией в классовом обществе, *с саморазорванной земной основой и отчуждением*. Не их идеальность и мысленность иначе-де называется идеологией (синонимы), а то, что все идеальное, всякие идеи, мышление в обществе, расколотом на разного рода деятельность, разделение труда — на духовную деятельность и материальную, при совпадении к тому же такого разделения с разделением на классы (что в результате разделения труда неизбежно, как подчеркивает Н. К. Крупская), тоже порождены этим расколом и

являются классовыми идеями.

И это понятно, ибо идеи, мышление, осознание собственного развития не имеют, они — непосредственное отражение производственных отношений («зараженных» классовостью) в головах людей, являющихся, в свою очередь, совокупностью (ансамблем) общественных отношений. Вполне понятно, что такая отдельная деятельность превращает являющееся всегда общественным сознание и его формы при разделенности труда в претендующую на некоторую самостоятельную сущность и, значит, идеологию. Сказать «идеология» или «классовое сознание» будет одно и то же. И все дело в том, что в классовом обществе не бывает неклассового сознания и, значит, нет никакой формы сознания, не являющейся идеологией. Вот в этом смысле и подразумевается, что всякое сознание есть идеология, имея в виду эту ситуацию, а не то, что это — синоним всяких идей (общественных). Строго говоря, можно сказать, что вообще-то всякая идеология — это сознание общественное, но не всякое сознание — идеология, а только такое, которое претендует на эмансипацию, на самостоятельную сущность, на то, что оно — нечто саморазвивающееся. Идеализм есть высшее выражение идеологии (немецкий классический идеализм есть идеология в чистом виде). Та же религия — чистая идеология (хотя и «грязная»).

Нет такой самостоятельной сущности, нет идеологии самой по себе, а есть формы общественного сознания, *являющиеся* идеологией, выступающие *в роли* идеологии. В известном смысле, идеология есть абсолютизированное, извращенное сознание (но не в смысле ошибочное). Она есть действительное извращенное отражение *извращенного* общества, саморазвитие отчуждения (и, значит, верное, адекватное отражение того, что есть). Оно деформировано неизбежно в силу абсолютизации односторонности идеального, полученного от объективно ненормального, деформированного положения вещей, превращенных (и извращенных, деформированных) общественных отношений. При вышеуказанной разделенности труда является неизбежной абсолютизация, преувеличение, гипертрофия роли сознания, даже при всем том, что отражение оно дает верное, адекватное и соответствующее действительному, деформированному положению вещей. Идеология, при всем этом, не может не быть претендующей на самостоятельность (даже естественнонаучная). Без

понимания неизбежности такой претензии не было бы вскрыто многое в сущности форм сознания, особенно, что касается собственно мысленных и мыслительных форм. Недаром они отдавались материалистами на откуп идеализму вместе с вопросами активности и творчества, вопросами логики — науки о собственно мысленных формах и т. д. Без некоторой абсолютизации и гипертрофии, без превращения в непосредственный объект постижения форм мышления и приобретения этого второго рода опыта, без преувеличения внимания к этому объекту и превращения его в самоцель, если бы вся форма мышления со всеми формами сознания не стала идеологией, то о законах мышления и формах мышления, о логике невозможно было бы узнать^{37,38}.

Так оно и получается, что представитель любой науки как формы общественного сознания очень любит это свое детище и делая предметом своего рассмотрения именно это свое профессиональное дело — дело научных понятий и т. п. идей, и отвлекаясь, естественно, от всего остального, ибо иначе не получит научного результата, этим самым не желая этого, вернее, не ведая, обращается с нею как с идеологией и не может не обращаться, не делать ее идеологией, наукой собственно об идеях (идея об идее), будто такое возможно, будто наука есть что-то самостоятельное, а не отражение (объективное в своем содержании и, значит, в себе), которая в истине объективной содержит отраженное из действительности, включая и весь путь к себе, материальную практику по отражению, формированию идей.

Только непосредственно общественный характер труда без разделения труда позволит формам общественного сознания перестать быть идеологией, ибо будет ликвидирована ее основа — саморазорванность земной основы и, значит, претензия на идеологичность. Классовое сознание пролетариата уже есть не просто идеология, а наука (теория научного социализма), ибо этого класса тенденция и перспектива, основание, в том, что он, его способ существования и есть ликвидация классов вообще (и себя как класса), и, значит, ликвидация своей идеологии, себя как идеологии и идеологии вообще как таковой.

Насчет того, являются ли идеологией естественные науки, а естествоиспытатели идеологами, следует ответить со всей определенностью: несомненно! И еще в большей степени, порой, по той,

кроме прочего, причине, что далеки их формы сознания от непосредственной практики и не получают они систематической поправки на смещение.

Естествоиспытатели в наше время, как показал Ленин, в принципе не могут объяснить сущность открываемых физических процессов, не доведя своих понятий о них до понятия материи (до материализма). А это значит до гносеологического вопроса, до мировоззренческого рассмотрения. А «гносеология — партийна» (Ленин).

А такие теоретические построения как, например, всевозможные «логики науки» и т. п. выступают как чистая идеология, чистейшая.

Нельзя сказать об идеологии, что это что-то плохое, что стоит-де отбросить как-то и таким образом «улучшить» дела. Такой подход в корне неверен. Идеологическая форма есть необходимая форма развития человечества, производства, истории и только в такой форме, через такую форму и может осуществляться развитие на этом этапе. Ни хорошая, ни плохая, а такая, какая есть, она и необходима, и именно в такой форме и возможно развитие¹³¹. Не будь ее, не было бы развития. Когда такая форма потеряет основание, так тогда она и исчезнет, отомрет, заснет, исчерпает себя, свое действие и необходимость, подобно тому как увядает цветок и сбрасывает с себя сделавшие свое дело лепестки, когда завязалась завязь. Это не налет на развитии какой-то внешний, который, мол, выступает при определенных условиях неизбежным придатком, от которого никуда не денешься, «к сожалению», и поэтому приходится терпеть ее на теле развития чего-то «общечеловеческого». Что-то вроде каких-то отклонений, деформирующих или несколько отягчающих нормальную линию развития своим налетом. Нет, само развитие в классовом обществе только в таком виде, в такой форме (идеологии) и может продолжаться в своей необходимости. Это его наиболее рациональная форма, наиболее жизненная на данной ступени, необходимая здесь для формирования того, что нужно для всего пути развития, а не темные, мрачные, тяжкие, не лучшие времена для развития, не будь которых, развитию было бы «легче» и «лучше». Нет. Именно в форме идеологии получает

---

¹³¹ Больше того, вырабатывают теорию, идеологию революционного рабочего класса представители буржуазии (как вырабатывали для буржуазии представители феодального общества). Рабочему, по словам классиков, наукой, теорией заниматься и некогда, и незачем.

наирезультативнейшее свое развитие философия. Подобно тому, как рабство было исторически необходимо, ибо не было бы рабства — не было бы и античной культуры и, в конечном счете, социализма¹³².

Философия собственно философией является постольку, поскольку является идеологией. Перестань она быть идеологией (например, как наука об общем), исчерпает себя и утратит основание. Это ее не полпути, а весь путь.

В наши дни есть идеология реакционного класса, буржуазии, (как и претензия на бесклассовость)—есть классовость умирающего класса, потерявшего историческую необходимость. У революционного класса есть идейность. Бесклассовое общество строится деятельностью революционного класса по классовым историческим основаниям и интересам. Идеология не отменяется. Конкретная (буржуазная) идеология уничтожается, а идеология *вообще* отмирает, засыпает, снимается, уходит в основание. Бесклассовое общество не нуждается в идеологии, оно продукт практического материализма.

Бесклассовость общества приходит не путем отмены, демонтажа классовых принципов, а наоборот — через их укрепление, через то, что они овладевают массами, а массы овладевают этими принципами, через переход масс на позиции пролетариата и его диктатуры. По диалектическому типу: еще шаг в том же направлении— и переход в противоположность (скачком).

Подобно тому, как атеизм имеет смысл, пока существует теизм. А если он изжит (с помощью атеизма), то теряет смысл и сам атеизм. Так и классовые принципы пролетариата имеют смысл, пока существует противоположный класс. И когда принципы противоположного класса изжиты, тогда теряет смысл (исчезает) и классовость (идеология) пролетарская.

Пролетарское классовое сознание становится общечеловеческим, точнее обобществившегося человечества.

***

СМИ — на службе у класса крупной буржуазии, но сами они мелкая либеральная буржуазия — средний класс, «мелкий частик».

---

¹³²См. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 185-186.

Средний класс — это мелкий собственник, по словам Ленина, — полутруженник-полуэксплуататор (мелкие торгошники, мешочники, челноки, потенциальный взбесившийся хозяйчик, анархист). Он ненавидит конкурента — крупную буржуазию, но не борется с нею, а сам мечтает ею стать¹³³. Его сознание подвержено колебаниям рынка, отсюда его двойственность, колебания, шатания. Пролетариат, взяв политическую власть, должен отсечь, заблокировать в крестьянине собственника, иолу- эксплуататора, а развивать полутруженника. В этом и состоит суть союза пролетариата и крестьянства.

В чем интерес мелкого собственника в коммунистах? В том, что коммунизм уничтожит этот класс, самое его основание. Не личности этого класса, а сам статус, «общественное положение», порождающее такую классовость, загнивание человека в таком положении, как и все классы вообще вместе с идиотизмом этакой жизни. Устранив по основанию мелкую собственность, пришедший к власти пролетариат создает условия для исторического отмирания, исчерпания, засыпания такого общественного явления (через «кооперацию» и т. п.¹³⁴, но не по Троцкому: «рукой за горло, коленом на грудь!»). Вообще, ставка на средний класс, как это рекомендуют некоторые — это нонсенс. Разговоры властей о ставке на средний класс — это миф для дураков. Средний класс — это мелкий собственник, мелочь пузатая, мелкий частичек, а то и планктон для подкормки китов монополистического капитала.

Их участь исторически предрешена, они не имеют будущего. Такая же участь ждет те страны, которые называются третьим миром, или страны СНГ, тяготеющие интегрироваться и ассимилироваться в западный мир, в европейство (ПУСТИТЕ Дуньку в Европу!), в ЕС, в НАТО.

В 20-е годы, в крестьянской России преобладало мелкое производство (в промышленности и в сельском хозяйстве) и мелкое хозяйствование, и торговля (мешочничество) и т. п. Госкапитализм, крупное, организованное производство, где все работники наемные, олигарх-хозяин не у дел, а только занимается стрижкой купонов, прежде чем исчезнуть, выполнит свою историческую задачу по

---

¹³³ Это удастся единицам, остальные разоряются. Этот процесс хорошо показал Сталин на примере своего отца — пролетария на фабрике Адельханова.

Это является одной из пяти форм классовой борьбы в переходный период.

«ликвидации» (конкуренцией) мелкого собственника. Да и легче будет, сбросив олигарха, получить крупное промышленное хозяйство на ходу в готовом виде, в действии, в работе.

Ныне властвующая буржуазия будет укрепляться, стихийно подавляя мелкого собственника и разоряя его. И не только стихийно, но и целеустремленно будут власти создавать благоприятные условия для госкапа, т. к. без крупной промышленности ни выстоять в международной конкуренции, ни обеспечить минимум производства товаров потребления, чтобы народ не бунтовал, не роптал, невозможно, но главное — иметь космические прибыли.

Выходит, что так называемый средний класс, на который делает ставку контрреволюционные политики — ни рыба, ни мясо? Скорее и то, и другое. Мясо с запахом тухлой рыбы (с душком).

Так называемый средний класс — это болото в политике, центризм, что-то гниющее, потерявшее историческое основание, переставшее быть субъектом исторического действия. Это отходы, шлаки в ходе плавки. Они есть, с ними нельзя не считаться. Это «углерод» в «стали», не выгоревший до конца и снижающий сортность металла.

Интересно у Ленина о том, что пролетариат на первых порах после революции сам не сможет справиться с мелкой буржуазией и потому прибегает в эпоху своей диктатуры к помощи госкапитализма. Госкапитализм своими радикальными мерами распотрошит мелкого собственника, отсепазирует по классам, четким историческим. Одни в пролетарии отойдут (пролетаризируются через госкапитализм), другие в буржуа. Полутруженники-полу-эксплуататоры будут полностью поляризованы.

Одним из полюбившихся контрреволюционным силам приемов для подавления революционных начинаний становится вариант, сработавший в Чили, где на улицу была выдвинута волна мелкобуржуазных молодчиков из масс взбесившихся хозяйчиков (например, частных автомобилей) и те с шумом и гамом провоцировали столкновения, обязательно доходящие до кровопускания. Обязательными являются и жертвы молодых людей, даже школьников. Это обычно впечатляет. Так было в Румынии, в Москве в августе 1991 года. Потом похороны жертв и т. д. по сценарию. Подобного следует ожидать и в будущем. Возможно,

Молдова на очереди. Повод можно спровоцировать легко. Что-то вроде протеста против изучения в школах молдавской истории вместо румынской.

Интересный пример показала Венгрия в 1956 году во время контрреволюционного путча. Часто рабочие поддерживали контрреволюцию, а крестьяне — нет. Ни одного колхоза не ликвидировали. А ведь именно крестьяне считаются более отсталым классом, чем рабочие. В чем же дело?

На первых порах, когда прошел фронт, компартия призвала крестьян брать земли сбежавших вместе с фашистами хортистов и огромные площади церковных земель кардинала Миндсенти. Прошли выборы и победила партия Киш Газда (мелких сельских хозяев), получившая около 60% голосов. Коммунистическая партия, ослабленная репрессиями фашистского режима Хорти, получила мизер голосов (около 14-16%), но продолжала вести свою принципиальную политику. Сформированное кишгаздинское мелкобуржуазное правительство стало настаивать на возврате земель тем, кому они принадлежали, т. е. крупным помещикам, церковникам, кулакам. Коммунисты советовали не отдавать землю, сопротивляться, предсказывая, что они никогда не будут иметь земли, если вернут ее богатым. Буржуазное правительство не могло выполнить свое решение и оказалось в кризисе. Новые выборы и Киш Газда проигрывает их, а выигрывают коммунисты, которые проводят крупную революционную земельную реформу в пользу беднейшего крестьянства с отторжением земель у кулаков.

Когда настал контрреволюционный переворот, крестьяне, понимая, что возвращаются люди Хорти и Миндсенти, не поддержали реакцию. А почему рабочие поддержали? А потому, что это были бывшие богатеи-крестьяне, кулаки, и их интерес был соответствующим. Они после реформы ушли в город и составили кадры рабочих.

Понятие «рабочий по профессии» и по социальному положению, т. е. занимающий определенное место по отношению к собственности, распределению — не одно и то же. Второе лучше назвать «пролетарий», т. е. не имеющий абсолютно никакой собственности на средства производства. Как пишет Энгельс в «Принципах коммунизма», отвечая на вопрос, что такое пролетарий: это тот, кто живет на зарплату и неважно какой труд — умственный или

физический, ручной или машинный — преобладает. Главное не профессия, а социальное положение, отношение к собственности, к распределению. В наше время люди умственного труда пролетаризируются и люмпенизируются. Работники сельскохозяйственного труда становятся сельскими пролетариями (батраки). А сельская буржуазия — кулаки.

Работа на компьютере — как и работа на другой машине. В системе капиталистического производства такой человек — все равно рабочий, труд которого присваивают посредством прибавочной стоимости.

Вопрос Энгельсу: «Что такое пролетариат?» Ответ: «Пролетариатом называется тот *общественный класс*, который добывает средства к жизни исключительно путем *продажи* своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала, класс, счастье и горе, жизнь и смерть, все существование которого зависит от спроса на труд, т. е. от смены хорошего и плохого состояния дел, от колебаний ничем не сдерживаемой конкуренции». Одним словом, пролетариат, или класс пролетариев, есть трудящийся класс XIX века, и продолжение в XX и т. д. века, пока этот класс не установит свою диктатуру и не ликвидирует классы вообще. Важно заметить, что это не доброе пожелание, а объективный процесс объективного саморазвития материи в ее общественной форме движения.

***

Чем объяснить характер и манеру представителей СМИ?

Да тем, что они сами и есть буржуазия. При всем том, что они обслуживают и обхаживают крупную буржуазию, от которой кормятся, у которой они на жаловании, и которая заказывает музыку, сами они средний класс — мелкая буржуазия. Отсюда их шатания плюралистические (и нашим, и вашим). Они зависят от крупной буржуазии, пытаются урвать у нее кое-что, но и завидуют ей, не прочь при случае ущипнуть, лягнуть, тем более, если конкурент за это заплатит. Вот это вам и вся «свобода воли», и «честь», и «совесть», «патриотизм» в буржуазном исполнении (буржуазного гатунку).

Кстати, средства их производства им не принадлежат. Они — собственность какого-нибудь олигарха, скотовода богатейшего и т. п., не имеющего отношения к изготовлению печатной продукции, но

купившего их вместе с потрохами, т. е. вместе с обслуживающим персоналом, который беспрекословно выполняет («чего изволите-с») указания и выдерживает нужное направление газеты.

Посмотрите, кто хозяева российских газет. Вас не удивляет, когда узнаете, что это часто иностранцы. А включите радио и пошарьте в эфире, что там творится! Полное господство иностранных буржуазных станций, которые заполнили радиопространство территории бывшего СССР и круглосуточно настырно формируют общественное сознание, деформируют общественную психологию наших людей под свои интересы. Это и иностранные станции, которые вещают не со своей территории, как раньше, а с территории СНГ.

Мало того, что допустили на свою территорию целые «табуны» «тройских коней» (Яковлев, Гайдар, Горбачев и др.), еще «чего доброго» дождемся печально известного сигнала: «Над всей страной безоблачное небо!». Или новое издание «Ахтунг, танкерваген под Ростовом» в НАТОвском исполнении. Тем более, что политика «открытого неба» уже в действии. Или «раздайся море, НАТО плывет» где-нибудь под Севастополем.

Вот такие «свобода» и «плюрализм».

Что касается своих, «национальных» радиостанций, то они давно не национальные, даже если какая оплачивается деньгами «своего» богача-олигарха. И называть эти СМИ надо не «четвертой властью», а пятой колонной.

Очерк 5

По поводу и по существу. К 90-летию выхода в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»

Идеи действительного содержания этой необыкновенной книги так и просятся в современность.

Но можно ли сегодня рассчитывать на эффективность идей почти вековой давности?

Посмотрите в окно, на дворе начало нового века. Что делается вокруг! А что, собственно, делается такое у нас на дворе и задворках, что бы сильно отличалось от тех лет, когда писалась эта книга? Если попытаться выразить все происходящее одним словом, то самым подходящим будет слово «кризис» (во всех областях материального и духовного производства). То есть, все то же, примерно, что и в начале века, в период после поражения революции 1905 года.¹³⁵

А нужно ли было Ленину в такое время и в такой обстановке срочно писать упомянутую работу, выяснять теоретические вопросы,

---

¹³⁵ Правда, то было поражение буржуазно-демократической революции, а тут — социалистической революции, причем, поражение после многолетних побед и успехов строительства новых общественных отношений. Отсюда и разрушения несопоставимы (как разрушенная глинобитная хатка и развалины современного высотного здания). Там в итоге поражения — возврат к исходному пред-дореволюционному пункту господствовавшей полуфеодальной ступени способа производства, а здесь — отбрасывание через ступень назад, в капиталистическую формацию, т. е. более чем на целую эпоху.

Это может быть сравнимо с тем, что в первом случае новообразование в химической форме движения достигло такой развитости, что вот-вот появятся живые организмы, но по какой-то причине это так и не состоялось, и все осталось на уровне и в пределах той же ступени доорганических химических форм. Во втором случае речь о том, что органический мир уже состоялся и развивался полным ходом в сторону появления человека, но опять-таки вдруг какое-то вторжение извне помешало продолжению этого процесса, все разрушилось до основания и упало на низкий уровень — доорганического строения, на целую ступень, на уровень химической и физической форм движения материи. Химического разложения, деструктивного распада.

сидеть месяцами в Лондонской библиотеке, перечитывать сотни научных трудов, знакомиться с последними достижениями науки вообще и естествознания, физики — в частности, браться за вопросы теории познания? И это в самый разгар кризиса и всеобщей реакции в общественной жизни страны.

А может быть, именно в такие времена как раз и нужно это делать?! Возможно, в подобные кризисные периоды обнажается нечто такое, что в период «спокойного солнца» не обнаруживает себя, не раскрывает свою сущность (но очень важное для понимания развития и познания).

Может быть, скажете, и диалектика лучше раскрывается в такие периоды? А почему бы и нет? При всем при том, что Ленин советовал продолжать развивать дело Гегеля, Маркса — диалектику — на образцах революции, национально-освободительной борьбы колоний и т. д., такие явления, как кризис, падения, зигзаги обойти невозможно, и диалектика тоже не обходит такие объективные процессы. Не могут обойти и те, кто вознамерился принять участие в развитии теории диалектики. Даже в период контрреволюции и реакции, как пишет Ленин, развитие-то продолжается и раскрывает себя еще с какой-то стороны.

Еще одно распространенное возражение: не слишком ли много внимания уделено в книге естествознанию? И тем более, актуально ли это для нас сегодня?

Но суть дела как раз в том и состоит, что бурное развитие естествознания, его авангарда в те времена — физической науки, с ее революционными открытиями, как ни странно, дало толчок к появлению кризисов (подумать только: революционные открытия — и вдруг кризис. Невероятно!) и, соответственно, толчок к изучению в самом зародыше такого нового явления в науке, а также возможность перспективы его рецидивного появления. То, что произошло в одной из отраслей науки, вскоре может стать уделом всей и всякой науки (так оно и вышло).

Ленинский анализ зарождения и первых шагов такого феномена, а также рекомендации по предотвращению повторений такой болезни имели большое значение и результативность на протяжении XX века, вплоть до наших дней. Все дело теперь упирается в то, как сумеют этим достоянием, орудием воспользоваться те, кто должен применять

предлагаемые в книге методы в действии.

Итак, что касается сомнений, нужно ли обращаться за советами по современным вопросам к работе вековой давности, чем может быть полезным сегодня писанное так давно, — не истек ли срок годности заложенных в книге идей, не исчез ли заряд их действенности, не истощились ли источники энергии (не сели ли аккумуляторы)? Стоит ли реанимировать проблемы и идеи тех времен и способы их решения или считать, что «поезд ушел», и поставить на этом точку, отложив книгу на почетное место истории? Ответ, по нашему мнению, может быть такой: о реанимации не может быть и речи, но потому, что они, идеи, живы и сейчас. Более того, они еще живее, чем были тогда, когда только нарождались. А сейчас они доразвились до зрелости, находятся в силе, могут действовать, вернее, не могут не действовать в качестве метода, орудия познания и преобразования, орудия, которое буквально «стреляет» прямой наводкой в забившихся, зарывшихся с перепугу в убежища и отсиживающихся до «лучших» времен. Остановка опять-таки за тем, чтобы было кому осуществить введение их в дело (во спасение науки). Прежде чем прозвучит команда «Заряжай!» и «Огонь!», следует убедиться, владеют ли «стрелки» этим оружием в совершенстве, умеют ли ученики прицельно «стрелять», не ударят ли по своим?

Как бы мы — ученики — выглядели, если бы вдруг решились отчитаться за почти вековой отрезок времени перед учителем, как распорядились его рекомендациями по сохранению науки и научного потенциала страны, куда пришли и как обеспечили продолжение его идей и их защиту?

Нам бы при этом заняться самокритикой, разобраться со своими делами-делишками, особенно, последнего десятилетия, понять, что не так делали, на что ума не хватило, что запороли, напортили усердием не по разуму, почему зашатались, отклонились, скатились, хотя имели четкие научные определения, рекомендации и советы на этот счет, полученные из первых рук, от учителей самого высокого класса, и прежде всего — непосредственно от автора упомянутой книги, которую справедливо и с гордостью называли настольной книгой каждого сознательного материалиста. И в самом деле гордились, держали на почетном месте, но не сумели толково учиться по ней, не хватило «тямы».

Соответственно, интересующее нас положение в науке оказалось и в наши дни примерно таким же, как оно характеризуется в концовке пятой главы упомянутого произведения Ленина, где автор в максимально сжатом виде указывает на суть кризиса и пути выхода из него. Для чего рекомендует овладеть диалектикой, умелое применение которой гарантирует верное понимание подлинного материализма, но чего естествоиспытатели и философы тех лет так и не смогли сделать и скатились «... к реакционной философии, не сумев прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму»¹³⁶. Хотя несомненно, что естественной науке никуда не деться от перехода с позиции натуралистического материализма (т. н. реализма) к сознательному философскому материализму. «Она идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом»¹³⁷.

(Ах, это «задом» — как часто мы оказываемся именно в такой неприглядной позе на пути к истине и пониманию. Она постепенно стала излюбленной) (см. дополнение Ж^с 2).

«Современная физика лежит в родах. — продолжает свою мысль Ленин. — Она рождает диалектический материализм. Роды болезненные. Кроме живого и жизнеспособного существа, они дают неизбежно некоторые мертвые продукты, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помещение для нечистот. К числу этих отбросов относится весь физический идеализм, вся эмпириокритическая философия вместе с эмпириосимволизмом, эмпириомонизмом и пр. и т. п.»¹³⁸ (см. дополнение Ж^с 2).

Нужно прямо сказать, что чего-чего, а подобных нечистот накопилось немало. И что-то не очень видать тех, кто готов заняться расчисткой авгиевых конюшен или поставить заслоны на пути прибывающего мутного потока. Физика, как и следовало ожидать, так и не родила диалектику и, соответственно, диалектический материализм. После длительного периода нахождения «на сохранении» получился выкидыш (возможно, «акушеры» не

¹³⁶ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — ПСС, т. 18, с. 331.

¹³⁷ Там же, с. 332.

¹³⁸ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — ПСС, т. 18, с. 332.

справились). Зато нечистот все больше, навалом. За ними порой материализма не видно вовсе. Зато несколько иные портреты модных ныне антиматериалистов красуются на «досках почета»: попперы, хайдеггеры, фейерабенды и т. п. философские «фото модели» нашего времени демонстрируются во всей красе.

Строго говоря, физике не следовало стремиться рожать диалектику, не ее это дело, оно вообще неосуществимо с помощью созерцания диалектикообразных процессов и частных конкретно-научных отраслевых понятий. Тем более, что диалектика уже есть в готовом виде, выраженная в предельно всеобщей философской форме, сформированная и оформленная как логика и теория познания. Бери и применяй на здоровье в своей конкретнонаучной области, а не создавай каждый «самотужки» свою домотканую самодельную теорию диалектики (математические теории не создают ведь). Да и материализм в этом случае получится тоже доморощенный, натуралистический, типа наивного реализма (о чем будет подробнее ниже).

И нечего пытаться рожать заново то, что человечество уже имеет, выстрадало веками нелегкой практики, пройдя ряд исторических этапов развития, ступеней, форм, что выступает, по словам Ленина, как «итог, вывод, резюме всей истории науки, философии, техники, производства и всех общественных отношений». Нужно только научиться учиться, овладевать и толково применять это орудие, оружие (и сверхоружие) как метод для познания и преобразования мира.

Но тут-то и подстерегают трудности, и в том числе непонимание того, что дело здесь не просто в том, чтобы удерживать в голове тексты диалектических положений, вычитанных из книг, содержать их в записниках (запасниках) памяти до востребования и затем подбирать и подгонять под них факты и картины из окружающей природы.

Нетрудно заметить, что дело также и не в собственно физике, и кризис не от физических открытий. Ленин с самого начала предупреждал: «Само собой разумеется, что разбирая вопрос о связи одной школы новейших физиков с возрождением философского идеализма, мы далеки от мысли касаться специальных учений физики. Нас интересуют исключительно гносеологические выводы из некоторых определенных положений и общеизвестных открытий. Эти

гносеологические выводы до такой степени напрашиваются сами собой, что их затрагивают уже многие физики. Мало того, среди физиков имеются уже различные направления, складываются определенные школы на этой (гносеологической — В. Б.) почве. Наша задача поэтому ограничивается тем, чтобы отчетливо представить, в чем суть расхождения этих направлений и в каком отношении стоят они к основным линиям философии»¹³⁹ *дополнения ЖД® 1, 2*).

Направлений единственно возможных, известных со времен античности и до наших дней — два: непримиримые и взаимоисключающие друг друга линии (= партии, ибо гносеология — партийная наука) — материализма и идеализма.

Когда ученые в своих выводах соскальзывают на позиции второй линии из-за неумения правильно объяснить в этом плане (гносеологическом) новейшие, отраслевые специальные открытия, то это и есть самый настоящий кризис. В результате вместо научных, объективно истинных физических открытий форм бытия с их строением получаем физический идеализм — мировоззрение определенного направления — антинаучного.

Характерной особенностью конкретных наук начала XX века как раз и является то, что их представители не могут не доводить познание до гносеологических выводов, до указания на отношение сознания и бытия¹⁴⁰. И это в любой отрасли знания. Важно, какими из двух направлений у них они будут (*см. дополнение Ж^с 1*).

В ленинской книге показан этот вынужденный переход в развитии науки на такую новую ступень, на новое высшее основание. И особенно ценно то, что в ней не просто констатируется факт такой новизны, а учит она, как теперь нужно строить научное познание в связи с вышеупомянутой неотвратимой объективной необходимостью, каких можно ожидать последствий и как предотвращать те из них, которые нежелательны. Нужно, — Ленин советует, — прежде чем браться за решение частных вопросов, решать общие, чтобы потом не спотыкаться о них.

Интересным в связи с этим является предупреждение Ленина, что «ни одному из этих профессоров, способных давать самые ценные

---

¹³⁹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — ПСС, т. 18, с. 266.

¹⁴⁰ Не могут не доводить, но и доводить не могут, не умеют, не научились, отсюда и проблемы.

работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином, слове*, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой *ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, *нельзя верить ни в одном, слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология*. В общем и целом профессора-экономисты — не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов.

Задача марксистов, — продолжает Ленин, — и тут, и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками»... — и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией*, враждебных нам сил и классов. Вот этого-то и не сумели наши махисты, *рабски* следующие за реакционной профессорской философией»¹⁴¹.

И не только откровенные махисты, но и, к сожалению, вчерашние правоверные марксисты — экс-материалисты, рабски следующие уже не только за реакционной философией, а и за откровенной социальной реакцией — контрреволюцией. И не только не ведут *свою* линию — материалистическую, но борются против этой вчерашней своей линии, встав на позиции линии враждебных сил и классов.

Обратите внимание, что в ленинской работе утверждение о том, что нельзя верить ни единому слову представителей конкретных наук в связи с тем, что они не справляются с гносеологическими вопросами и выводами, относится не только к представителям естествознания (физикам, химикам и т. д.), а и к представителям обществознания (историкам, экономистам и т. п.).

То, что сказано непосредственно в адрес экономистов, очень актуально для наших дней. Гораздо актуальней, чем о физике и физиках. В самую точку через сотню лет, поразительное, меткое точечное (адресное) попадание.

Современные экономические ребята грешат в этом вопросе напропалую. Фактически сейчас у нас по существу нет политэкономов, никто не занимается общими, стратегическими вопросами. То, чем они

---

¹⁴¹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — ПСС, т. 18, с. 363-364.

занимаются, это не политэкономия, а «бухучет», «аудит», «дебет-кредит». Их выдают торчащие наружу бухгалтерские нарукавники. Они суетятся, с легкостью невероятной раздают направо и налево (точнее, только «направо»; слева их всерьез не принимают и правильно делают), прогнозы и обещания, «точно» указывают на день пришествия благоденствия: «пятьсот дней», «сто дней», «сорок дней», «девять дней»¹⁴².

Но, как и предупреждал Ленин, ни одному их слову верить нельзя, «не секут» (говоря современным языком) они в стратегических вопросах развития вообще и, соответственно, развития общества— в особенности. Самодельщики они, дешевые разносчики доморощенных теорий. Каждый предлагает свою домотканую концепцию, «доктрину» экономическую (фрагменты, выжимки из своей диссертации) и стремится воплотить свои изыски (которые убедили самого автора по типу: «такова моя точка зрения, и я ее разделяю») на практике, скорее апробировать на живых людях. Ведь писал в автореферате диссертации, в чем состоит «новизна» и «практическая ценность предлагаемой работы». И, наконец, дорвался до рулевого управления «кораблем». Каждый любитель-недоучка стал носиться по стране, предлагая свои услуги.

Но так они и остались ни с чем и теми же риториками- аудиториками. Как в известном анекдоте, где ребенок спрашивает маму: «А кто такой Маркс?» Та отвечает: «Экономист». Дитя опять: «Это как наша тетя Соня?» — «Нет, что ты, тетя Соня старший экономист!» Этих «старших экономистов»—Гайдаров, Явлинских, шаталовых, поповых, Шмелевых и т. п. (конца которым не видать) —хоть пруд пруди. Политэкономистов — нет.

Можно несколько утешить этих доморощенных «стратегов» от экономики. Дело не ладится у вас не только потому, что ума не хватает, это само собой, но есть и объективные причины, не зависящие от ваших личных способностей. Будь у вас, дорогие (даже слишком дорогие) целители экономики, пядей во лбу даже побольше, чем ныне там в наличии, и то у вас ничего не вышло бы. Все это, весь механизм самозарождения и самодвижения капиталистического кризиса, меньше

---

¹⁴² Кто не помнит явление Явлинского народу (то Казахстана, то Нижнего Новгорода) со «спасительными» прожектами.

всего зависит от экономических умельцев, дергающих за рычаги управления конкретной экономики. Ни от отдельных старателей, ни даже от бригады, слаженной артели («команды», как ныне модно гутарить) по- дельщиков. Это объективный стихийный процесс, и он для вас каждый раз будет так же неожидан, как это соответствует его сущности (стихия — это его способ существования), как это произошло в ночь 17-го августа 1998 года с финансовым кризисом. Так что спите спокойно, дорогие товарищи, кризис если будет, то он вас разбудит, достанет и поднимет с постели, когда надо ему.

На то и стихия рыночная, непланового производства (так вами перевозимого). Так что лучше всего в своих диссертациях следует писать уверенным тоном, что кризис точно будет, наверняка (и никогда не ошибетесь), а дальше оставьте чистое место для указания даты, когда это произойдет. Поставьте на второй день после того, как он нагрянет без стука.

А эти новоявленные экономические кудрявые парни и девы мээнэсовской пробы — не просто слабаки, которые не смыслят в теории, они исторически ограниченные люди, порождения нового безнадежного, слабого экономично-анемичного общества, выше которого им не прыгнуть.

А чего вы от них хотите? Кроме мелкобуржуазных анархо-синдикалистских теориек, которые они тачают по зарубежной капиталистической колодке и меняют, как прокладки, с них нечего взять. Одни кустари-самодельщики, опираясь на рекомендации брошюр из серии «шейте сами», вяжут экономические концепции на разные вкусы. Другие, наоборот, не вяжут, третьи — теоретики-одиночки — штампуют теории-однодневки. Каждый гонит свой теоретический «самогон» по своим рецептам. И каждый уверяет, что именно у него настоящий первак. Смотрите, аж горит (синим пламенем)! Другой конкурент выкрикивает, что в отличие от первого, его изделие не из «буряка», а из «чистого сахара», и тоже горит, но уже желтым пламенем. У третьего, навались! «медовуха»—горит желто-синим огнем и т. д., но у всех — сивуха.

Вот наши патентованные экономисты и есть не более, чем «старшие экономисты» а ля «тетя Соня и кореша». И независимо от того, есть ли у них нарукавники, и какие места своей одежды они протирают в своих конторах и исследовательских «лабах», ни одному

их слову верить нельзя.

К вышеприведенному ленинскому положению о естествоиспытателях сегодня можно добавить, что также и ни одному из нынешних профессоров философии нельзя верить ни в едином слове, когда речь заходит о гносеологии, ибо они, эти духовные приказчики, следующие рабски за реакционной философией, не способны давать никакие ценные работы в своей (философской) области¹⁴³.

Но до тех пор, пока наивные люди на радостях, что их величают «электоратом», продолжают по совершенно непонятным причинам все-таки верить им, кризису обеспечена долгая и вольготная жизнь.

***

Причина кризиса, конечно, не проста. И вместе с тем, опять-таки, одна. В конечном счете, это отсутствие своевременного разрешения созревших противоречий. И это должно быть предметом тщательного исследования и выводов. Мы же коснемся (пока только коснемся и только одной из областей, имеющих отношение к вопросу кризиса) проблемы теоретического мышления, его места и роли в этом явлении.

Итак, на определенном этапе восходящего развития практики и научного познания, в недрах конкретных наук о конкретных формах

---

¹⁴³Но причем тут философия и что она может? Куда конь с экономическим копытом, туда и рак с философской клешней. Конь экономический явно не справляется, никакой надежды не подает. И вот-вот копыта откинёт. Этому дарованному западным капитализмом коню вовремя не посмотрели зубы. А они-то оказались гнилые у старика. И он воз не тянет, а только дожирает корма, остававшиеся от социализма, которые он приватизировал.

А что же философский рак? «Рачкуе», «задкуе», пятится назад в идеализм, на зад идеализма.

Почему философия стала раком, хорошо показал Плеханов.

Такая поза ее устраивает, чтобы видеть лучше перевернутый капиталистический, ставший перевернутым капитализмом мир. Став в положение «а-ля ваш», с перевернутых (идеалистических) позиций перевернутый мир кажется не перевернутым, и эта иллюзия устраивает философов-приспособленцев. Они дружно встали в ряды и под знамена своих вчерашних врагов, и по команде «Кру-у-у-гом!» потопали в противоположную сторону, стали воинствующими, активными служаками этому строю, в который перешли, стали не просто не материалистами, а воинствующими антиматериалистами, антиатеистами, сутенерами от философии.

Философию они собственноручно вывели на панель по всем правилам рыночных отношений и стали заниматься этой древней профессией.

движения материи начинают возникать такие проблемы, решение которых находится вне компетенции этих наук. Здесь рождаются, самозарождаются постоянно, вопросы, ответы на которые само естествознание дать не может. Конкретная наука о той или иной форме движения материи (физика, химия, биология, социология и др.) в состоянии только ставить их и даже непременно ставит (вынуждена), не может не делать этого. Но для решения их опять-таки вынуждена обращаться к другой форме общественного сознания — философии и ее понятиям предельно всеобщего уровня: о движении вообще, всеобщем развитии, противоречии, мышлении, познании, истине. Более того, совершенно бесполезно даже пытаться обойти или решать их каким-то иным, не философским способом. Другими словами, говоря уже философским языком, в естествознании (как и во всех других т. н. положительных науках) обнаруживаются противоречия, которые сама конкретная наука не в состоянии освоить и разрешить, ибо не в силах вознести, возвысить их до уровня и масштаба всеобщего понятия (категории) противоречия со всеми вытекающими из этого требованиями и следствиями диалектико-логико-теоретико-познавательного характера, в том числе и до высшего *гносеологического* противоречия — отношения бытия и сознания. Противоречие этого, предельно всеобщего, масштаба — компетенция философии. Это ее основной вопрос — гносеологический, от правильного решения которого зависит судьба любой науки.

Другими словами, речь идет о том, что материя в своем саморазвитии достигает такого уровня, когда начинает отделять себя от самой себя и противопоставлять себе в виде абсолютного противопоставления относительных противоположностей — материального и нематериального, идеального (духовного, сознания, мышления, познания), где дух, сознание собственного существования, развития, сущности, не имеет, а есть лишь другое себя материального (являющегося единой субстанцией), то есть иноформа материального, как *его* свое-другое. С этим материя в конечном счете приходит к самопознанию и самосознанию своей сущности и, соответственно, конкретные науки — естествознание и обществознание — не могут рассчитывать на постижение специальных форм бытия своей отрасли познания без доведения их до связи всеобщего масштаба, вплоть до гносеологического уровня.

Последний заключается даже в содержании определения материи (объективная реальность, *независимая* от сознания и данная нам *в ощущениях*). И к этому гносеологическому и, значит, философскому определению ничего ни прибавить, ни убавить невозможно. Как и невозможно обойтись в науке без указания на это *соотношение* в процессе познания изучаемого данной наукой предмета специального познания с всеобщей материей вообще в мировом круговороте.

А дело здесь в том, что под напором бурно развивающегося производства начинает обнажаться и раскрываться перед научным познанием такой «слой» действительности, который не осваивается, не постигается господствующим в данный момент способом мышления (логикой), сформировавшимся еще на заре появления человечества, при первых шагах его выхождения из природы на основании элементарных форм деятельности по производству отдельных вещей. Этот способ мышления, логика так называемого здравого рассудка (суждения наличного бытия), логика внешних форм и отношений (отсюда так и называется — формальная логика), которая (и единственная) всегда под рукой у ученого-натуралиста (и в четырех стенах домашнего обихода, и она же — в четырех стенах научной лаборатории), явно не справляется с раскрытием уже не просто вещей, а *процессов* и *совокупности процессов*, с постижением и выражением в мысленной форме противоречивости, процессионности сущности, где все относительно, текуче, а то и сверхтекуче, где противоположности доведены, через взаимоисключение, до тождества. Недаром такой ограниченный способ мышления получил соответствующее название «*логики четырех стен домашнего обихода*», «*логики начальной школы*», «*логики покоя*», «*логики мелкой торговли в науке*».

От этого несоответствия устаревшего (но безраздельно господствующего в среде, в умах ученых) способа мышления новому способу производства и его преобразовательным возможностям и возникает помеха революционному развитию науки, вплоть до кризиса. И не только в науке.

К концу XIX столетия наука, по свидетельству Ф. Энгельса (а он знал толк в этом деле), уже отставала на пятьдесят лет от того уровня, который она могла бы иметь, возьми ее представители на вооружение теоретическое мышление диалектического типа. *Нация, настаивал он, желающая стоять на высоте науки, не может обойтись без*

теоретического диалектического мышления. Лишь после того, как будет освоен такой способ мышления, науки, по словам Энгельса, придут в соответствие с получаемыми фактами, пойдут вперед «семиимильными шагами» и совершат такие открытия, которые затмят все достигнутое до сих пор.

Ну а если не овладеть теоретическим диалектическим мышлением, остаться на позициях эмпиризма и мышления «здравого рассудка» (который, по словам того же Энгельса, «плохой советчик в науке»)? Что тогда? А тогда — семиимильными же, но в обратном направлении, назад, на низшую ступень развития. Середины-то не бывает, стояния на месте — нет, есть за *стой*. Если не идти вперед, то начинается сползание назад. Одним словом, кризис (да какой!) будет уделом науки. И не просто, и не только кризис науки, а *нации*, — подчеркивает классик, т. е. — состояния общества, страны, экономики, политической жизни, развития человечества вообще, не пожелавшего своевременно овладеть материалистической диалектикой. «Презрение к диалектике не остается безнаказанным»¹⁴⁴.

Это, так сказать, теоретико-познавательный гносеологический аспект (сторона) проблемы. Но, оказывается, есть и еще одно условие, которое должно предварять и сопровождать такое революционное, семиимильное, ускоренное движение науки, без чего — кризис. Это еще одна революция, но уже не в науке, не в форме общественного сознания, не в мышлении, а в бытии — способе материального производства, но не просто в технике, в производительных силах, а в производственных отношениях, в способе производства в целом, что и зовется социальной революцией, т. е. революционные изменения в социальных отношениях, непосредственно обуславливающих и определяющих все остальные отношения, в том числе революционные превращения в сфере духа, включая такие его формы, как наука, искусство, мораль, философия и т. д. И вообще, революционные изменения в способе производства выступают основанием изменений в области духовного производства, способа мышления, познания. Соответственно, если в способе материального производства имеют место деформации, кризис, извращения вместо нормального развития, то таких же деформаций ожидайте и в сфере духовного производства

---

¹⁴⁴ЭнгельсФ. Диалектика природы. — МарксК., ЭнгельсФ. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 382.

(не заставят себя долго ждать). Социалистическое революционное преобразование способа производства является объективным основанием для не менее революционного *диалектического* способа мышления.

И дело тут не только в том, что прежде чем заниматься «семимильными сапогами-скороходами» науки, нужно обеспечить рабоче-крестьянских детей обычными яловыми сапогами, научить читать по слогам («Мы не рабы, рабы — не мы»), считать, писать, расписываться, а не ставить вместо подписи крестик, дать *всем*, всеобщее начальное образование, затем так называемое неполное среднее образование, затем полное среднее (и тоже *всем*) и, наконец, высшее (и все это, в свою очередь, также называется революцией, но уже культурной), и лишь потом двинуть этих ребят массово в науку (и это обязательно), чтобы они, в свою очередь, двинули ее вперед. Главное в том, что мышление на уровне всеобщих, богатых внутренними определениями понятий, так необходимых в качестве орудий постижения сущности, образуется лишь в ходе активно-коллективной совместно-разделенной практической деятельности масс (а не одиночек — робинзонов от науки, копающихся в персональных лабораториях), представителей живого труда по общественно-революционно-практическому преобразованию общественной же (т. е. высшей) формы движения — общественных отношений. Хочешь развительного изменения в науке — делай революционно-практические изменения в общественных отношениях. И не меньше. Лишь логика *дела* по такому коренному диалектическому преобразованию общества обеспечивает потребность, реализацию и формирование дела *логики* диалектического типа. Новому поколению из широких масс трудящихся от станка и сохи предстояло включиться в нового типа практику по революционному преобразованию общественных отношений и вслед за этим и вместе с этим — в революционное преобразование производства и науки (и всех других форм духа).

Научному миру тех времен было невдомек, что дело поворачивается таким образом, что наука, вступив в фазу революционного этапа развития, вообще не сможет развиваться дальше, продолжать свое развитие без того, чтобы за ее проблемы не взялись именно рабоче-крестьянские дети, которых называли пренебрежительно «кухаркины

дети»¹⁴⁵, пришедшие (причем массово) в науку, а не как дотоле, раньше — избранные отпрыски привилегированных классов—«белая кость». Именно представителям непосредственного производства суждено, в конечном счете, превратить науку в непосредственную производительную силу. Это должно стать их кровным делом, а не холеных сынков «благородных кровей», называющих себя «аристократами духа», «цветом нации», «элитой» и т. п. Всеобщая мобилизация на «фронт науки» осуществлялась буквально по разряду. Кто из старших не помнит лозунг: «Во-первых,—учиться, во-вторых, — учиться и, в-третьих, — учиться!»

Следует понять, что революция в естествознании, как и культурная революция — это только момент (составная часть) в общественно-революционном процессе. И без социальной революции научная революция просто немыслима, невозможна.

---

¹⁴⁵ «Кухаркины дети»—распространенное выражение в эксплуататорском обществе господ, унижающее, выражающее презрение высокомерное в отношении к простолюдинам, низшему сословию, трудящимся. Социалистическая революция отбросила всякие сословные деления, и кто был ничем, тот становится всем. «Кухарки» и «кухаркины дети» получили доступ ко всем этажам культуры, науки и даже управления государством.

Последнее особенно раздражает обывателя, начиная от президента и кончая представителями СМИ. Все изошряются в адрес ленинских слов о том, что система управления государством должна быть, в отличие от предыдущей, настолько деловой и простой, как почта, например, чтобы каждая кухарка могла участвовать в этой работе. Другую, умную, достойную позицию в отношении «кухаркиных детей» мы решились представить, используя мнение одного интересного человека, ученого, естествоиспытателя. Я бы сказал, ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЯ с большой буквы! Приводим его слова полностью, и все будет ясно.

Губин В. В. Автор книги «Физические модели и реальность (проблемы согласования термодинамики и механики)» Алма-Ата, 1993. (Для студентов, аспирантов и специалистов в области физики, математики и философии).

Посвящается кухаркам, давших нам Ломоносова, Крылова, Кольцова, Шевченко, Репина, Горького, Есенина, Агапкина, Чапаева, Буденного, Шолохова, Николая Островского, Аркадия Гайдара, Новикова-Прибоя, Макаренко, Исаковского, Прошину, Алейникова со товарищами, Ушакова, Папанина, Стаханова, Евдокию и Марию Виноградовых, Карацупу, Чкалова, Ильюшина, Кошкина, Жукова, Конева, Рокоссовского, молодогвардейцев, Ковпака, Кузнецова, Покрышкина, Кожедуба, Амет-Хана Султана, Джалиля, Момыш-Улы, Драгунского, Фатьянова, Калашникова, Гагарина, Терешкову,

Илизарова, и светлой памяти Союза Советских Социалистических Республик, в котором только и могла быть написана эта книга.

С этого момента революцию в естествознании, науке вообще и в общественном развитии не разделить. Это единый процесс. Ученый не может не заниматься и тем, и другим. Солдат революции в науке не может не быть солдатом общественной революции. Тружеников науки при этом нельзя рассматривать как чистых натуралистов, ютящихся в научных отраслевых кельях со своими частными, узкоспециальными проблемами и целями. Хочешь развивать свою отрасль — имей дело со всей наукой, и не только естественной, но и общественной. И не только наукой, а с революционно-преобразовательной практикой, с производством, со всей промышленно-хозяйственно-экономической сферой, и социально-экономической, и политической. И действуй не с позиций абстрактного индивида-одиночки, а с позиции общественных сил, являющихся субъектом исторического действия.

Следует иметь в виду, что субъектом познания является не просто индивид, не абстракт, присущий отдельному человеку (умному, обученному, многознающему, информированному, мозговитому и т. п.), а лишь тот, кто становится субъектом исторического революционно-практического действия с позиций общественной потребности и целеполагания общественных революционных сил, и активно действует по их основаниям, выражающим объективную революционную тенденцию развития исторической необходимости. Задача каждого отдельного ученого встать (причем открыто и сознательно) именно на такие, классовые, позиции и практически участвовать в практическом изменении действительности в таком развивательном направлении. Это же является для него условием и основанием получения способа мышления нового типа. (Последнее понятно, если не забывать, что мышление, логика мышления, познания, не имеет собственного развития, собственной сущности, своих законов, а есть лишь иноформа логики человеческой деятельности, законы которой и являются реальными законами мышления, как, соответственно, понятия и категории — это не просто собственно формы мышления, а формы человеческой деятельности, идеальные формы выражения общественных отношений и т. о. ступени выхождения человека из природы, превращения природного в нем в человеческое, и лишь таким образом и вместе с тем — также и формы мышления).

Мы получаем такое сращивание эпохи, науки и ученого, что

случись что с эпохой, подвергнись ее целостность разрушению — рухнет наука, погибнет, потеряв *свое*, такое единственно возможное, особенное эпохальное основание и опору. По миру пойдут с протянутой рукой и ее представители, пойдут христарadniчать на чужбину, униженно, и не подозревая, не ведая, что они, «кухаркины дети», — детища высшей коллективности, фактически на голову выше в научном отношении (да еще и на какую голову!) и гораздо толковее представителей так называемой «научной элиты» «цивилизованных» стран. Или их уделом станет превращение в товар среди товаров, что вполне будет соответствовать уже совсем иной эпохе — товарных, рыночных отношений, совокупностью (ансамблем) которых они не являются по своему основанию, происхождению, становлению и потому не приживутся, останутся чужеродным телом со всем комплексом (набором) элементов несовместимости и отторжения. Их породила совсем иная среда (вернее, способ производства) с совершенно иной — несовместимой «группой крови». Отторжение будет неизбежным.

Не меняет положения и тот факт, что на первых порах эти товарные, высокосортные и высококотирующиеся на международных рынках головы будут иметь спрос. Но попав в другую общественную среду, систему общественных отношений (в форме капитала), не похожую на ту, которая их породила и сформировала соответственно своей сущности, вчера еще светлые, талантливые головы поникнут, сникнут и быстро захиреют без соответствующей постоянной непосредственно-общественной подпитки, без участия в коллективном революционном преобразовании. Искусственное «переливание крови» при несовместимости последней, при разных социально-экономических основаниях не отвратит печального итога: анемичности и деградации науки и ученых.

Молодые научные работники новой генерации, «новые русские» от науки, не возражающие, чтобы их называли «поколением пепси», сориентированные на *выживание* и выгоду, на отношения в форме капитала и рынка, на распродажу результатов науки, которые рыщут и ищут, как бы продаться тому, кто больше отвалит «зеленых», конечно же, не станут заниматься внедрением в науку какой-то там «идеологизированной» диалектики, и, таким образом, деградация науки обеспечена гарантированно.

Не заставит себя ждать и мировоззренческий «СПИД» — утрата материалистического иммунитета (в результате всеядности и неразборчивых, беспорядочных связей с западной бескультурной массовой культурой). Мистика, поповщина и другие духовные наркотики доконают науку, безжалостно прикончат ее, а то и подвергнут извращению и поставят на службу разрушению человечества. (Но об этом будет ниже.)

В какой-то степени во всем вышесказанном заключается ответ на вопрос, как, когда и при каких обстоятельствах наука получает таких ученых, которые не просто составляют кадровый контингент в составе научных учреждений, а представляют собой «мотор» в самодвижении науки, движитель науки. Да так, чтобы наука становилась со временем непосредственной производительной силой.

Как заполнить не единицы таких ученых, не конгломерат, а массово, целые серии коллективов такого ранга в единой системе научной школы социалистического типа, где каждый будет своего рода «нейроном» из миллионов других в единой работе коллективного «мозга» в целом? Одно дело — сумма отдельных, изолированных и сосуществующих, конкурирующих друг с другом «нейронов» и совсем иное, — когда они снимаются в ансамбле, в единстве коллективного разума в целом. Количество переходит в качество. Свойство суммы и сумма свойств — не одно и то же¹⁴⁶.

В научной организации таким интегратором является то, что называется коллективностью, в основании которой лежит общественная собственность на средства производства и плановое ведение хозяйства, а не частнособственническая капиталистическая стихия.

Характерно, что когда руководителя космической программы США Вернера Брауна вызвали на «ковер», обвиняя в отставании от СССР, и президент США спросил, чего им не хватает, чтобы догнать Советский Союз, какие суммы нужны, тот ответил, что денег им дают

---

¹⁴⁶ Пионером в этом отношении является Северокавказский научный центр в Ростове-на-Дону, созданный по инициативе и работающий под руководством Ю. А. Жданова. В будущем перспективными станут научно-учебнопроизводственные города — технополисы. За рубежом их называют технопарками. Заговорили и у нас о «парках», но пока дальше слов не пошли. Волею того, услышав «звон» (из-за границы), поняли его превратно и интерпретируют как огромные бизнес-центры (по распродаже научных достижений).

более чем достаточно, а того, чего не хватает, «вы дать не сможете». «Что же это такое, что есть у Советов, а у нас нет?» — удивился хозяин страны. — «Планового ведения хозяйства, как у большевиков», — ответил ракетчик (враг большевизма). Наивный молодой президент, так и не сообразив толком, в чем проблема, бросил окружающим его помощникам: «Так дайте вы ему, чего он там просит».

На нее, на коллективность и плановость, на общественную, а не частную собственность и следует делать ставку в производстве (расширенном воспроизводстве) когорты ученых особого типа, получившего название «советского».

Важно, чтобы не была утеряна, не угасла в вышеупомянутом бинарном революционном процессе развития (общественного и научного) ни одна из этих сторон такого единства, особенно социально-революционная. Угасание революционности социальной в этой сфере сразу же сказывается на судьбе науки. Что, собственно, имело место на некоторых дистанциях развития нашей страны. Хотя такая временная хворь была поправима в обществе планового хозяйства.

Все вышесказанное — это еще не все. Это важные факторы, условия и предпосылки, но лишь условия и предпосылки. Следующим шагом должно быть овладение учеными революционной генерации целым пластом теоретической культуры, переработанной историей науки и историей философии, что и должно привести к единению и интеграции научного и философского познания (в виде итога, вывода, резюме всей этой истории в форме диалектики как логики, теории развития и теории познания). И это — то главное, чем должны были бы овладеть естествоиспытатели прежде всего.

«Но так как и до сих пор можно по пальцам пересчитать естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически, то этот конфликт между достигнутыми результатами и укоренившимся способом мышления вполне объясняет ту безграничную путаницу, которая господствует теперь в теоретическом естествознании и одинаково приводит в отчаяние как учителей, так и учеников,

~ 1 4

как писателен, так и питателен» .

Подумать только, написано это 120 лет назад, а звучит, как сегодня. Так мало изменений. И насчет «по пальцам пересчитать», и насчет

«конфликта» и «безграничной путаницы». И это при всем том, что целые поколения читателей превратились в писателей, а ученики — в учителей.

Как это ни удивительно на первый взгляд, но диалектика, диалектический способ мышления обычно трудно дается естествоиспытателям¹⁴⁷. И именно потому, что, считая себя последовательными натуралистами, они привыкли опираться в познании традиционно на наблюдение природы, натуры. Видя свою задачу в описании, интерпретации явлений окружающей натуры, они, соответственно, делают ставку на эмпирические методы. Почему и не могут преодолеть созерцательность, механистичность, метафизичность своего натуралистического материализма (т. е. всех типичных исторических ограниченностей старого материализма), а с этим — не могут постигнуть диалектику в природе.

Более того, кто бы мог подумать, что именно приверженность к рассмотрению действительных вещей в *форме объекта*, которая еще вчера была безоговорочным, само собой разумеющимся показателем принадлежности ученого к лагерю материализма, завтра подведет и бросит их в объятия идеализма. Абстрактный эмпирический материализм — это прямая дорога в идеализм, в абстрактный спиритуализм. Именно от такой опасности предостерегали Энгельс и Ленин. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм», а Энгельс в «Диалектике природы» (раздел «Естествознание в мире духов»).

Известно, что Ленин не мог читать рукопись этой работы Энгельса, которая увидела свет лишь в 1926 году. Тем более удивительно, что идеи и определения у обоих авторов не только аутентичны, но часто и идентичны. Точнее, это не удивительно, потому что логика объективного развития и, соответственно, логика познания и раскрытия сущности этого процесса и научного объективно-истинного отражения и выражения в предельно всеобщих понятиях могут совпадать и по содержанию, и по форме. Т. н. субъективная диалектика есть продолжение и идеальное выражение объективной диалектики.

---

147 >

Б ответ на кичливое заявление естествоиспытателей, что они — чистые физики, Гегель отвечал, что «чистыми физиками» являются только живот-
иыб.

Более того, такое совпадение неизбежно. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» как раз и показывает, что, например, определение материи будет одним и тем же независимо от того, где, когда, в каких мирах материя придет к самопознанию и поставит вопрос об определении материи. Всюду это будет объективная реальность, независимая от сознания и данная в ощущениях. Такое философское, гносеологическое определение, выраженное в предельно всеобщем виде и по содержанию, и по форме выступает как абсолютный закон Природы вообще (см. дополнение Ж^е 2).

Можно ли представить, чтобы сущность капитала была раскрыта не в той логике и не тех научных понятиях и категориях, в которых это сделано в одноименной книге Маркса?

Характерно, что после того, как получена логика «Капитала», никакой особой «Логике» «с большой буквы» вообще не нужно. (Но это особый вопрос.) Именно эта логика «Капитала» (которая есть и теория познания и теория развития — без трех слов) должна быть применяема в любой области научного познания как метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Непосредственно чувственным образом, наблюдением, созерцанием природы диалектики не обнаружить, не разглядеть никогда. Ни развития, ни противоречия никто никогда не видел (по типу: смотри вокруг, да повнимательнее, и убеждайся, что кругом кишмя кишит диалектика, куда ни кинь — в диалектику попадешь). Это можно только *понять* (см., дополнение Ж^е 6). Понять же, по словам Ленина, — значит выразить в логике понятий. Но не в смысле изобразить, высказать увиденное по типу: увидел дерево — обозначил, выразил в понятии (в слове) «де-ре-во», встретил развитие — изобразил «развитие», подсмотрел противоречие — высказал не менее хитро в мысленной языковой форме «противоречие», а в смысле постигнуть посредством движения понятий (т. е. теоретически, логически, но никак не эмпирически), чтобы через движение, развертывание понятий по их внутренним определениям воспроизводить действительное движение вещей по их внутренним противоположностям и, таким образом, постигать его как самодвижение, развитие, то есть — на уровне *сущности*, а не *формы*, движения. А для этого естественнику нужно обладать *искусством*, (Ленин) оперирования понятиями по диалектическому типу, т. е. овладеть логикой понятий, диа-

лектическим теоретическим мышлением. А чего нет у их брата естественника-натуралиста (вечно юного в философском отношении наивного натуралиста), того — нет.

Стихийно эта логика не дается. Она сознательно вырабатывается, не без обращения к истории философии, в лоне которой схватывается развитие понятий. И это, кроме прочего, потому, что под диалектическую обработку (с тем, чтобы через их развертывание вскрывалась внутренняя сущность исследуемых вещей) нужно привлечь не первые попавшиеся понятия, не односторонние, абстрактные, бедные внутренними определениями, а обладающие предельной всеобщностью, богатством внутренних определений на уровне высшего единства в многообразии и, значит, конкретные. Лишь такого ранга понятия (категории) (см. дополнение Ж^е 3), развертываясь по всем правилам и законам диалектики, по их внутренним определениям (через раздвоение единого, доведение противоположностей через взаимоисключение до тождества и т. д.), дадут диалектический эффект, теоретико-познавательный результат.

Но такого ранга богатые понятия, готовые для диалектической обработки (и т. о. работы в логико-теоретико-познавательной роли), не вырабатываются «частной» частичной наукой (вернее, частной практикой частичного работника при разделении труда), формирующей лишь соответствующие частные понятия рассудочного типа в пределах той особенной формы движения, которая является объективным основанием данной положительной науки, имеющей дело с положенным, но не рождает каждая себе свою диалектику (которая может быть только всеобщей, единой).

Выходит, что естественник-отраслевик без обращения к философии не имеет понятия о природе понятий и, значит, фактически не имеет того специального «органа» (орудия), который только и способен постигнуть, вскрыть сущность (закономерность, необходимость, причинность, развитие, противоречие и т. д.) и выразить процессионность, противоречивость, самодвижение сущего.

Естествоиспытателей, которые в этом деле были на высоте, раз-два и обчелся, ибо понятия такого рода — это прерогатива философии (всей истории ее), которую большинство ученых не знает и знать не хочет, порой демонстративно игнорирует. Иные из них не возражают насчет важности философии вообще, но не для них, и не очень

проявляют рвение в ее изучении, не утруждают себя и склонны ограничиваться обменом «любезностями» на уровне «Ты меня уважаешь?» Есть и такие, кто не прочь познакомиться с «совой Минервы», но не ведают, как к ней подступиться, чтобы это было не просто просветительство, а теоретическая, логическая вооруженность и превращение философии в способ получения знания в своей области. К тому же, как правило, многие желали бы заполучить ощутимый результат от такого знакомства немедленно, с сегодня на завтра, без больших усилий, коль скоро-де они своей персоной сделали одолжение и одарили вниманием «абстрактную», такую «оторванную от реальной жизни» философию, которая должна, видите ли, расплачиваться немедленно за благосклонность и внимание к себе какой-то прибылью, «иначе зачем она мне нужна», «какая от нее польза, выгода?» (см. дополнение Ж^е 8).

Вышеописанное положение сложилось не только у естествоиспытателей, айв массе представителей всех наук и отраслей деятельности, и за это приходилось-таки расплачиваться, причем — кризисом и соскальзыванием то в идеализм, то в метафизику.

***

Следует заметить, что характер, способ и стиль массового обучения философии часто оставлял желать лучшего. КПД построенного по вузовским программам обучения философии был невысоким. Нередко умудрялись в таком обучении превращать краеугольные камни материалистической философии (а это диалектика) в камни преткновения для обучаемого. Особенно трудно давалось постижение природы всеобщих понятий с их диалектико-логико-теоретико-познавательной ролью.

Если ни одна из отдельных конкретных наук, ни все вместе взятые фактически не в состоянии сами выработать всеобщие диалектические понятия, которые могли бы быть орудиями постижения сущности в данной области (а понятия такого ранга, как это разъяснил Гегель, *есть не просто внешние мысленные формы для фиксации и обозначения окружающих нас форм бытия, а орудия постижения необходимости, причинности, закономерности*, что непостижимо эмпирическими методами) и которые «обитают» в лоне философии, то откуда они берутся там, приходят в философию как всеобщие, на

основании каких реальных, действительных форм бытия (форм движения, кроме которых ведь в мире ничего иного нет, и познавать нечего) они зарождаются и существуют? Где и какова та материальная действительность, которая вызывает к жизни неотвратимую *потребность* в философских всеобщих понятиях (способных выступать в роли метода) и обеспечивает последним соответствующее (всеобщего ранга) объективное наполнение, содержание? (см. дополнение Ж^е 8).

Это потом диалектика (получив оформление в виде *теории* развития, *логики* и *теории* познания) как бы «дарует» конкретному знанию, естествознанию свои универсальные понятия с их орудийностью для применения в качестве метода для вскрытия развития, закономерности, углубления в сущность в пределах естественных наук о природе. Но откуда она сама, диалектико-материалистическая философия, получает эти понятия доведенными до кондиции и по содержанию, и по форме в их предельной всеобщности и готовности (дозрелости) для теоретико-познавательного функционирования по диалектическому типу, способными, развертывая себя по внутренним определениям в логическом движении, раскрывать исследуемые конкретные формы, объекты по их внутренним противоположностям?

Более того, как увидим ниже, никто из тех, кто хочет заполучить диалектический всеобщий метод, не сможет его занять без обращения к тому реальному материальному источнику, из которого всеобщая теория диалектики черпала объективное содержание для своих предельно всеобщих понятий (а общее — значит общественное) — без активного личного участия действием в этой самой общественной *практике* особого рода. А это, в свою очередь, есть то самое объективно-реальное, действительное, материальное, что зовется *революционно-практической деятельностью по революционному преобразованию действительности*¹⁵.

¹⁵ «...в действительности и для *практического* материалиста, т. е. для *коммунистов*, все дело заключается в том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически выступить против существующего положения вещей и изменить его» (Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — Соч. 2-е изд., т. 3, с. 42).

Но изменение какой действительности и какой практикой? Вот в чем вопрос. Изменение просто окружающих *вещей* — естественных и общественных? Деятельностью *индивида*? — Нет. — Изменение практическое самого преобразовательного *дела* изменения, самого

способа, изменения в пределах, в сфере самой сложной формы движения — общественной. Т. е. речь даже не просто об изменении, преобразовании очередной, собственно общественной формы движения, а об изменении, преобразовании способа революционного изменения самого способа революционного преобразования, т. е. изменение непосредственно не просто способа производства (формации), а изменение способа производства революций, революционных преобразований. Причем практическое изменение *по основанию*, когда происходит не только и не столько переход от одной формации к другой, а переход от всей формы господства и подчинения в целом к форме сотрудничества и взаимопомощи. И с этим переход от саморазвития необходимости в форме случайности к саморазвитию необходимости в форме свободы (действия со знанием дела). И т. о. — от предыстории к настоящей истории.

Если, как было сказано, общее — это общественное, то *все-общее* — это всеобщественное, т. е. коммунистичное, непосредственно общественный характер труда, непосредственная коллективность, труд без нормы и вознаграждения, самодеятельность. Вот эта, своего рода *революция революций* по революционным сменам способов производства как раз и вызывает настоятельную потребность в соответствующих всеобщих понятиях и создает, рождает соответствующие этой потребности идеальные формы. Другими словами, только социалистическая (коммунистическая) общественная революция является непосредственной практикой диалектики, вызывающей к жизни потребность в диалектических понятиях и категориях и наполняющей их объективным содержанием всеобщего ранга. Напомним: то, что зовется диалектическими понятиями и категориями (*см. дополнение 3*), — это есть формы человеческой деятельности, идеальные формы выражения *общественных отношений* и уже т. о. ступени выделения человека из природы.

Но непременно революционной, общественной деятельности по революционному изменению общественных отношений. И прежде всего — в самом основании последних — производственных отношений. Нетрудно понять, что осуществляется такое революционное изменение не индивидом и не ватагой соплеменников, а тем, что зовется субъектом исторического действия, организацией, борьбой общественных сил, занимающих определенное место в системе

производства и распределения, выражающих объективную тенденцию саморазвития необходимости. В нашу историческую эпоху — это класс непосредственных производителей материальных благ, достигших положения пролетариев (организованных).

Кто всего этого не понимает (и практически не участвует в таком процессе, стремится встать *над* этим), тому нечем помочь, у того вся номенклатура поименований категорий (*см. дополнение 3*) будет пустым звуком. Их можно произносить сколько угодно, сопровождая хвалебными эпитетами, перетасовывать, раскладывая в «пасьянсе», многозначительно и уважительно называть «системой», но они не станут выступать в роли метода, теории познания, орудием вскрытия сущности.

Из сказанного выше вытекает два вывода. Один — что, лишь родившись из общественной революционной практики, всеобщая диалектика затем может быть «опрокинута» (распространена) в качестве метода познания и способа мышления (как т. н. субъективная диалектика)¹⁴⁸ обратно на действительность, т. е. применена в ее роли метода к анализу последней. Причем, она как бы возвращается прежде всего туда, откуда она непосредственно вышла, — в *обществознание*, точнее, *общество-преобразование* (революционно-практическое, целенаправленное, планомерное, по идеальному плану), и затем уже — в естествознание. И опять-таки, целенаправленное общественное, планомерное, целеполагаемое по общественной потребности человека изменение естественной природы (со знанием всеобщих объективных законов развития) в тенденции продолжения ее развития (делание, создание физических, химических, органических вещей, каких не было в естественной природе, но уже со знанием дела, т. е. в форме свободы, а не случайности). Все эти изделия становятся *общественными*, очеловеченными сущностями, не переставая быть химическими, физическими и т. п.

Но их природная естественность уже будет «заражена» общественностью в ходе практического их преобразования. Став предметом деятельности человека, «этот предмет становится для него *человеческим*, предметом, или опредмеченным человеком. Это

---

¹⁴⁸ Субъективная диалектика — значит метод класса исторического революционного действия. В нашу эпоху это *организованный пролетариат*.

возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете»^{149>150}.

Второй вывод — что представители естествознания не могут овладеть таким методом, способом мышления путем запоминания наименований категорий, взятых в готовом виде из философской литературы, т. е. иначе, кроме как обратившись к той самой общественной практике по изменению общественной же формы движения, в ходе которой исторически формируется диалектический способ мышления. Причем, обратиться — не в смысле сделать одолжение и обратить свой взор, свое внимание (созерцание) на область обществознания, общественного бытия и высматривать там диалектические, диалектикообразные картины, а речь идет о фактическом включении действия естествоиспытателей в практику (в логику) такого революционного преобразования общественных отношений и непременно с позиций общественных сил, выражающих объективную тенденцию субъекта исторического действия, т. е. естествоиспытатель должен стать «практическим материалистом». Таким образом, каждый конкретный ученый должен в уплотненном виде повторить исторический путь становления всеобщей диалектики. При этом он как бы воспроизводит чувственно-практически в онтогенезе филогенез зарождения и формирования (общественным способом) общих диалектических понятий и категорий (как форм человеческой деятельности и ступеней выделения человека из природы) и как бы присваивает последние, перевырабатывает в своей практике, в своем индивидуальном общественном способе познания, мышления.

Если лишь логика дела (революционно-практического) по преобразованию общества вызывает потребность и дает содержание

---

¹⁴⁹Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 121.

¹⁵⁰В этом плане и следует понимать известное диалектическое положение: «Природа есть пробный камень диалектики». Т. е. применение теории диалектики в познании объективных законов *природы* и результативное целенаправленное преобразование со знанием этих законов выступает показателем и критерием истинности и действительности диалектической теории (как логики, теории познания и теории развития).

делу логики — диалектической, то естествознанию придется отправлять свои кадры на практическую стажировку (для обретения теоретиков, знатоков всеобщей теории развития = логики = теории познания и т. о. овладевающих методом) в общественно-революционное дело, если хочет оно, естествознание, получить высококлассных, творческих знатоков своего дела — естественнонаучного. Без такого фактического соучастия представителей естествознания и всех конкретных наук в общественно-революционном преобразовании по диалектическому типу их обращение к готовым понятиям, взятым «напрокат» из философских текстов, ничего не дает. Не становятся они, эти понятия (вызубренные назубок), методом познания. Кстати, вышесказанное относится в равной мере не только к представителям наук, но и к представителям всех родов деятельности (в том числе и политической).

Вы думаете, почему так плохо обстояло дело с овладением диалектикой и ее действенностью, применением? Обучали-то набору сбитых в некоторую формальную систему понятий, определений и удерживанию в памяти наименований категорий, вербально — от слова к слову же, а не от действия к действию и революционному преобразованию по диалектическим категориальным основаниям. Обучаемые так и не знали практического диалектического дела, лишены были личного участия в общественно-общественном преобразовании на революционном (=диалектическом) уровне. Они не знали дела, которое неотвратимо требовало бы для своего осуществления теоретически сформированной диалектики — диалектической теории. Грубо говоря, они не ощущали «голода» на диалектику, у них не возникала настоятельная, неотвратимая потребность в ней. Не было диалектического, революционного содержания труда по изменению реальных вещей, которые начинали бы представлять друг друга не по физическому строению, а по общественным отношениям (идеальное), да еще и на революционном уровне.

Откуда же взяться диалектическому мышлению? Вещное производство не вызывает такой потребности (там достаточно логики внешних форм и отношений вещей = формальной логики с ее простецкими законами), да еще и осуществляемое частичным рабочим, парализованным разделением труда. Непосредственного

производства человека нет еще и в помине. Он пока остается вещью среди вещей. Более того, товаром среди товаров.

Потому-то вычитанные из философских книг и запомненные и воспроизводимые вербально наименования понятий и категорий оставались внутренне пустыми (терминами, а не понятиями). Без доведения до понятий — нет понимания, а есть репродуктивное воспроизводство (воспроизведение, озвучивание). Без дела революционного уровня нет дела мышления революционного уровня. А без этого нет дела логики — диалектической (революционной по существу). То, что зовется логикой, по Ленину, есть учение, оказывается, не о формах мышления (как со словом «логика» в обиходе непременно связывают последнее), а о всеобщих законах всеобщего развития всех материальных, природных и духовных вещей, т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его в его истории и т. о. продолжения развития в форме познания, мышления (углубление через отдаление). В этом мы видим единство т. н. «объективной диалектики» и т. н. «субъективной диалектики» как одной единой диалектики единого всеобщего материального мира, доразвившегося до самопознания и самосознания «в лице» (и форме) теории развития и продолжения развития в форме практики со знанием дела, со знанием и применением законов развития.

Итак, ознакомление представителей естествознания непосредственно с историей философии, вернее, тщательное изучение истории становления и развития человеческого духа, понятий и т. п. — это важнейшее условие в выработке диалектического мышления. Но это лишь одна сторона дела. Вторая, не менее решающая, как было показано, — это персональное участие ученого в коллективной практике революционного преобразования общественной формы движения (по целеполаганию революционного субъекта исторической необходимости), без чего нет возникновения общих понятий диалектического уровня, ранга. Стоит разорвать эти два момента или исключить один из них — и результата не будет.

У нас неэффективность вузовского обучения диалектике тем и объясняется, что превращено оно было в нафаршировывание головы обучаемого определениями, сведено к запоминанию информации об «устройстве» диалектики, о деталях строения теории диалектики и заучиванию наименований этих деталей. Какая там революционная

практика?! Никакого *действия* практического на диалектических основаниях. Отсюда и результат. Вернее, безрезультативность. Интеллигенция, прослушавшая философский курс в вузах и в наших пропагандистских «медресе», в состоянии была только повторять, репродуктивно воспроизводить, бездумно декларировать и декламировать наизусть изучаемые положения, озвучивать удерживаемые в голове до востребования наименования, так и не становящиеся орудием познания и преобразования. В итоге сформировали *веру*, а не убеждение, и верующих в марксизм, а не действующих со знанием дела по научным принципам марксизма. А это было чревато, в чем теперь нетрудно убедиться.

***

В этих проблемах чаще всего и барахтаются ученые (от естествознания, да и от философии). Хромают на все четыре ноги от неподкованности теоретической, скользят по поверхности. А на *четыре* потому, что остаются эмпириками. Эмпиризм называют «ползучим» не зря. На том он и стоит — на четвереньках, прощупывая встречающиеся на пути вещи.

Удивительно ли, что при всех многолетних обсуждениях и дискуссиях естествоиспытателям так и не удавались попытки решения проблемы развития в своих областях (например, видообразования). А ведь это потому, что не было понимания понятия развития *вообще* (понятие о понятии) (т. е. на предельно всеобщем уровне). Вместо этого дело было утоплено в поисках картин и признаков, выступающих, по мнению эмпириков, в качестве критерия, указывающего на наличие развития. И что только не предлагалось на роль такого признака-критерия, но почему-то и в голову не приходило, что сам подход такой является неверным, ущербным, тупиковым. Естественно, что такой эмпирический подход оставался безрезультатным. Без доведения действительного развития до понятия развития и затем развития понятия о постижении сущности того, что называется «развитием» (в том числе, например, в биологии), нечего и мечтать.

Сложность здесь заключается в том, что действительность обычно представляется, представляет себя нам и нашему познанию прежде всего внешне, исключительно со стороны *формы* движения. Задача

познания — преодолеть эту внешность и проникнуть в сущность движения. (Сущность движения — и есть развитие). А это возможно осуществить только прибегнув к движению логическому, движению понятий, через развертывание которых по их внутренним определениям и раскрывается действительность, действительное движение вещей по их внутренним противоположностям, т. е. — в сущности, в самодвижении и т. о., значит, — в развитии. Если развитие — это сущность движения, то сущностью развития является противоречие. Углубление в последнее через противоречие понятия и обеспечивает постижение сущности развития. Итак, чтобы постигнуть сущность конкретной формы движения, нужно довести последнюю до понятия развития, и развития понятия (понятие понятия)¹⁵¹. Без этого сущность вещей не выказывает себя.

У естествоиспытателей до постижения развития в своей области дело не доходило именно потому, что, как уже сказано, не было понимания всеобщего развития вообще и природы всеобщего понятия развития (через логическое развертывание которого только и возможно раскрытие сущности действительного развития в своей области), формируемого в лоне общественно-революционной практики. Но не было такой практики еще ни в отдельных отраслях естествознания, ни в истории общества, которая бы вызывала потребность в такого рода понятии. Пока имеем почти 50% ручного труда, и орудия труда в основном действуют на основании механической формы движения (какая разница, мотыгой царапают поверхность планеты, или такой же мотыгой, но привязанной чуть ли не к хвосту буйвола, которая называется сохой, или, наконец, пять мотыг вместе, которые волочит трактор, и называется это пятикорпусным плугом?). Ни древнее управление волами: «цоб-цабе», ни управление современным краном: «вира-майна» не вызывают потребности в диалектическом понятии противоречия, не обеспечивают ему объективное содержание. Противоположности (противоположенности) тут не доходят до противоречия, и тем более, — до разрешения последних, их взаимоисключение не доводится до тождества.

Характерно, что даже такие сложные формы производства, как

---

¹⁵¹ И в этом отношении диалектическая логика выступает как своего рода «циклотрон», ускоритель, обеспечивающий движение понятий в их раздвоении единого, взаимоисключении противоположностей и доведении последних до тождества.

генная инженерия (биотехнология) и т. н. нанотехнология не рождают (не «рожают») диалектику, а являются большими потребителями диалектики (как логики мышления и теории познания), которая рождается и формируется в лоне общественного производства общественных отношений. Упомянутые науки, являющиеся почти непосредственной производительной силой, очень диалектикоемкие (или, другими словами, производство наукоемкое и диалектикоемкое), нуждаются в диалектическом методе, но создаваемом не ими самими, а в пределах общественной формы движения по производству общественных производственных отношений, а затем непосредственного производства человека. Именно тут формирующаяся диалектика (как логика, теория развития и теория познания) обеспечит методом, способом мышления и преобразования вышеупомянутые науки и производство, которые без такого метода не могут жить.

Содержание для понятия такой степени общности невозможно получить в пределах своей частной отрасли знания или даже естествознания в целом, и вообще оно идет не от *знания*, а из *общественной практики* (построенной как развитие) по преобразованию высшей — *общественной* же формы движения, т. е. из фактического развития в самой высокой степени развитости общественных отношений. Напомним еще и еще раз, что общее — значит общественное, общие категории — это лишь идеальные формы вычленения общественных отношений. До общественной же формы движения у естествоиспытателей обычно, скажем мягко, руки не доходят, а, значит, и голова — до диалектики.

Вскрывать, фиксировать общественное в естественных вещах (через очеловечивание последних) они не умели и не знали, что только таким образом могли бы постигнуть сущность природного, естественного (посредством доведения его до общественного). Они предпочитали рассматривать природные явления в их естественной нетронутости, натуральности, в форме объекта под наблюдением, предпочитали созерцание, очевидность, регистрацию и описание созерцаемых картин природной действительности. Они не догадывались, что этим фактически закрывали себе путь к пониманию сущности этой самой природы — в ее развитии. Подсмотреть развитие (и его сущность — противоречие) непосредственно в природе,

созерцающая очевидное в окружающей действительности, в том числе и в обществе, невозможно в принципе²¹

Естествоиспытателям не приходит в голову, что собственно непосредственно-естественная природа не дается в форме объекта, а лишь как общественно-преобразуемая (революционно-практической деятельностью). Природа, которая не перестает быть естественной, не превращаясь, не отрицая себя, не очеловечиваясь, не раскрывает свою объективную природную сущность. Только посредством *превращения* в общественную (по человеческой потребности), она раскрывает природную сущность, истинность. «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, *изменяет* внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (= меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (= объективно истинной)»¹⁵².

Вещь, не переставшая быть собой, не подвергнутая превращению, отрицанию (в *процессе практики*), остающаяся в нетронутости, в натуре, не в состоянии стать знаемой, истиной, содержанием мысли, понятия. Только так нечто раскрывает себя как то, что оно есть — через то, что оно не есть, через ничто этого нечто, отрицание,

---

Кто автор? — Ищите женщину. А найдете (имя ее — Жаклин Рюс (Париж)), не забудьте спросить: «Что, теория относительности имеет дело с очевидными вещами?» Здорово ей очевидно, что при движении двух тел навстречу друг другу со скоростью 200 000 километров в секунду каждое, встречная скорость будет не 400 000, а менее 300 000 километров в секунду? А что толку, что очевидным выступает движение Солнца вокруг Земли, хотя на самом деле это не так, и т. п.? Нет, это кажимость.

Эта авторша рассуждает просто: ей «не очевидно», «не наглядно» и «сложно», значит, уже и «клятый материализм» виноват. Другое дело — Мишель Фуко и Делёз, которые «ниспровергают» диалектику и предлагают вместо нее более «очевидную» и «понятную» «двойственную гносеологию силы и субъекта» и «единую константу в подводных и надводных частях языковой практики», которые «то покоряются, то господствуют» (с.511). (Кто понял, отзовись!)

Вот на таком уровне, в основном, и идет критика диалектического материализма. Уберите этот «клятый материализм», и тогда они признают взамен, что Маркс «еще не умер окончательно». Сделают одолжение. Ну, вы даете, мадам! (См.: Жаклин Рюс. Поступ сучасних ідей.—Київ, «Основи», 1998, с.526)

Смею огорчить, ненаглядная вы наша, этого не будет.

²² Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 199.

превращение.

Оставаясь в пределах естествознания, получить понятие (понимание) развития в его сущности невозможно. Не только в физике, химии, где о развитии и не заикаются, но даже в биологии, где только и разговоров, что о развитии видов, подлинное развитие неведомо. Биология с ее пассивной практикой отбора и тем более созерцанием, наблюдением и т. п. не может непосредственно знать истинного развития даже в собственно биологической его форме и, тем более, во всеобщей форме — как развитие вообще. Здесь возможно схватить, постигнуть только одну сторону процесса развития (и притом не главную, внешнюю, доступную созерцанию, получившую описание натуралистов) — *эволюцию* (количественную, не знающую самодвижения, противоречия (см. *дополнение 7*), скачков, перерыва постепенности). Эта «постепеновская» сторона, будучи возведенной в ранг всеобщего принципа, претендующая на статус всеобщей концепции развития вообще, теории развития, остается односторонней, бледной, безжизненной, «ходячей», сплошь количественной, эволюционистской идеей, обедняющей, опошляющей действительное развитие. Даже великий *натуралист* Дарвин при всем том, что схватил диалектическое взаимоотношение случайности и необходимости, не постиг сущности развития и постоянно настаивал, что в развитии нет скачков.

Упущенный в этой концепции момент (разрешения противоречия, скачка и т. п., перечисленное выше, что выступает фактически завершением эволюции и ее перерывом, обеспечивающим выход в новое (высшее) основание) доступен только при рассмотрении (вернее, при участии в практическом действии по изменению) собственно общественного движения с его преобразовательной сущностью способа производства. Только здесь раскрывается в практике сущность того, что называется революцией, что происходит скачкообразно и разрешает противоречие, и что является важнейшим моментом, стороной истинного, всестороннего, лишенного односторонности развития. И тогда, установив единство, внутреннюю неразрывность эволюции и продолжающей ее — через перерыв последней — революции, мы получаем завершение цикла для всеобщего понятия, включающего оба момента (элемента) развития — эволюционного и революционного, и таким образом, в итоге имеем богатое определение

— как диалектическое, универсальное, всеобщее (внутренне противоречивое) понятие развития вообще. Такое аподиктическое понятие (в отличие от суждения наличного бытия), в котором и содержание, и форма достигают всеобщего выражения, выступает как абсолютный закон Природы.

Кстати, с появлением довершенного (понятием революции, вырабатываемым в общественной форме движения) полного определения развития, составившего собой диалектическую концепцию развития, которая включает в свое содержание противоречивость как импульс к развитию, перерывы постепенности, самодвижение, единство бытия и небытия, переходы количества в качество и обратно и т. д., за всем тем скарбом односторонним, составлявшим первую (по местоположению в цикле развития и по обнаружению, а не по значению) часть развития в целом, но претендовавшим ранее на всеобщее понятие развития вообще, сохраняется то название, под которым значилось действительное содержание всего того, что в него входило — «ЭВОЛЮЦИЯ», но уже для обозначения лишь части того, что зовется «РАЗВИТИЕМ».

Концепция, доктрина, «теория развития», которая опирается на эту упомянутую «первую» часть, лишь момент развития, и кладет его в свое основание как принцип (а это — постепенность, количественные изменения, непротиворечивость, отсутствие скачкообразности и т. д.), называется *эволюционизмом*.

Следует заметить, что буржуазное сознание — детище капиталистического бытия — не в состоянии выйти за пределы эволюционистского понимания развития, ибо преобразования, изменения, происходящие в ходе практики т. н. «буржуазно-демократической революции», не выводят общество за пределы формы отношений господства и подчинения, не выводят в высшее, на новое основание, а остаются лишь одной из форм, вариантов упомянутой формы господства и подчинения и ее лишь количественных изменений. Частная собственность, присвоение чужого труда, прибавочная стоимость — эти альфа и омега капитализма — и тому подобные атрибуты эксплуататорского антагонистического общества ведь остаются и лишь эволюционируют в виде совершенствования механизмов, средств и способов присвоения чужого труда, обновления форм эксплуатации. Т. е. в виде т. н. реформ в пределах старого

капиталистического основания. Эта ставка на ре-формы и зовется *реформизмом* - частичные изменения (в пределах форм внешних — ре-форм) при сохранении старого капиталистического основания с целью укрепления его. Более того, реформизм — это гарант сохранения статус-кво капиталистического социально-экономического уклада и узаконивание его. Потому буржуазные политики, кроме реформ (в пределах буржуазного, частнособственнического права) ни о чем другом слышать не хотят, ибо это гарантия их эксплуататорского положения, гарантия всевластия их богатства. Услышав от кого-нибудь сомнения, они набрасываются на него с криками: «Ату его! Он против реформ, против улучшения положения, жизни!» Но — улучшения чьей жизни и положения? Имущих ведь, единиц собственников (которых даже в США около 7% всего), эксплуатирующих миллионы трудящихся, присваивающих результаты их труда; усовершенствования способа обирания, совершенствования того уклада, строя, на котором они держатся и процветают. И любые усовершенствования такого положения — господства господ — как раз последних только и устраивают.

А по сути должно быть совсем по-другому: «Вы только посмотрите на них, на этих наивных трудяг: они — за реформы, за улучшение, усовершенствование оков, для них же и предназначенных. Ими делегированные в парламент представители в поте лица там усовершенствуют правовые нормы, законы (и это при том, что право есть воля господствующего, угнетающего класса, возведенная в закон), усовершенствуют государственный аппарат, который есть аппарат подавления имущим классом неимущих — и ничего больше. Это все равно, что усовершенствовать гильотину: один депутат предлагает ее поострее наточивать, чтобы действовала мгновенно и не доставляла мучений человеку, другой предлагает дезинфицировать лезвие после каждого удара, чтобы не инфицировать следующего «претендента», если у предыдущего вдруг было какое-то заболевание (СПИД, не дай бог!). Другие предлагают обновить, усилить пружину, увить эту штуковину цветочками, иные — организовать при ней музычку и т. д. и т. п. Дебаты длятся месяцами. И все это вместо того, чтобы ликвидировать, сломать, убрать этот аппарат к соответствующей «матери», а не улучшать его конструкцию. Так нет же, каждый демонстрирует свои конструкторские способности. На то он и

парламент — «говорильня» в переводе (см. дополнение 10).

Кстати, в свое время, когда был предложен проект настоящей, действительной гильотины, сам король, один из Людовиков, проявив знание законов механики и творческие способности, внес рацпредложение: делать нож скошенным для лучшей работы агрегата. Характерно, что это ноу-хау через некоторое время было успешно испытано на самом «рационализаторе», получило одобрение и было внедрено в производство (производство смерти).

Но непревзойденное совершенство аппарата подавления достигнуто, конечно же, в США. Соответствующее символическое выражение этого прогресса видно в совершенстве способа лишения жизни — на электрическом стуле и в газовой камере.

Гайдар (который Егор) накопал целую книгу «Государство и эволюция». Сами догадываетесь, судя по названию, что она «со значением» и в чей адрес намек. Но книга бездарная, просто неграмотная, не стоящая критического анализа. Сплоховал Плохищ, не оправдал доверия «буржуинов». Туда же и другие важные персоны — генералы, президенты, которым пишут речи для озвучивания спичрайтеры, «скатывая» друг у друга тексты вместе с ошибками. Озвучиватели вербальные — апологеты капитализма — соблазняют массы эволюционным переходом в качественно иное общество (не обещать «иного, чем есть» не могут, т. к. «нынешнее невыносимо народу, дальше некуда»), но обещают обходиться без революций, которыми «пугают» электорат. Будто такое бывает. Не ведают недоучки, что если это действительный *переход* в новое качество, то только скачком, революцией. Если это эволюция — то это никакой не переход в другое качество (в чем они и заинтересованы). Всякий переход в другую форму движения — всегда скачок, перерыв постепенности, прекращение эволюции, единство бытия и небытия, разрешение противоречия, революция. Но — революция, если имеет место превращение *в высшее*, переход *на новое основание* (в данном случае — социалистическое). Если же переход в другое качество и основание, но на низшую ступень (капитализм или феодализм, а последнее тоже возможно в наше время), то такая де-революция и де-эволюция имеет совсем другое название: *контрреволюция*.

На этом вопросе в свое время ломали себе шеи биологи, языковеды, а сейчас политики, экономисты, реформаторы, политолухи.

Посмотрите, как охмуряют избирателей упомянутые претенденты (конечно же, по заготовленному имиджмейкерами штампу). «Я, — с пафосом произносит кандидат, — за диктатуру права, за диктатуру закона!» Звучит! Скажет — и делает паузу, довольный, ожидая аплодисментов. И аплодируют, и не только подсадные, не ведая, что право — это ведь и есть воля господствующего класса, возведенная в закон. Т. е. это то, что является диктатурой господствующей буржуазии. Вот за нее-то, родную, он и стоит горой, ее функции диктаторские выполняет и обещает впредь выполнять, диктаторствовать. За это же и приглашает голосовать¹⁵³. Как говорили умные люди, буржуазия позволяет трудящимся раз в четыре года выбрать себе эксплуататора. Демократия — это и есть диктатура буржуазии, и больше ничего.

Частная собственность, всевластие богатства делает ее неуязвимой при любом раскладе предвыборных ситуаций. Буржуазная демократия — это наиболее удобная, гибкая форма осуществления диктатуры буржуазии¹⁵⁴.

---

¹⁵³Недаром вышеупомянутые политики любят отметить добрым словом Столыпина и Пиночета (о «галстуках» первого и «стадионах» второго пока стыдливо умалчивают). Рекомендуют даже учиться у этих «великих» реформаторов. Насчет реформаторства этих новых «героев» для подражания сомневаться не приходится. Их действия вполне соответствовали сути того, что зовется реформами — совершенствование существующего эксплуататорского капиталистического строя.

Небезызвестный Збигнев Вжезинский советует Путину стать Пиночетом, а не Милошевичем. Не это ли же он советовал (через своего сына, который работает советником у нашего президента (*Л.Кучмы — прим. ред.*)) и украинскому руководству, из уст которого стали появляться высказывания в пользу пиночетовского реформаторства. Возможно, что Вжезинский давал советы и покруче, раз считает Украину «подбрюшьем России». До этого Балканы называли «подбрюшьем Европы». И вот во что это вылилось — в какую «кейфорию».

¹⁵⁴В чем не обманули новые власти, так это в том, что будет у вас (у них) демократия. Она и есть. Самая натуральная, какая и должна (только и может) быть по определению. Это — *де*, это — *мо*, это — *кратия*. Можно добавить: «с человеческим лицом». Тем ужаснее такая потвора. Представьте, вы встретили. .. змею с человеческим лицом. И не слушайте байки, что у нас сейчас не совсем настоящая демократия и демократы не первый сорт, и потому-де надо потерпеть, подождать, вот-вот придут настоящие демократы, высшей пробы, и все станет о-кей. Враки все это. Демократия, демократы, что ныне у власти, самые что ни на есть настоящие, соответствуют международному стандарту. Такие они всегда и есть и не могут быть иными. Иначе они перестали бы быть демократами. А такие вещи, как коррупция, взяточничество, казнокрадство — это ее (демократии) атрибуты. Назовите хоть одно правительство таких столпов демократии

Итак, если подлинная революция, которая преобразует общество по основанию, еще впереди, то до этого знать, что такое развитие (полное диалектическое), заказано. Не этому (буржуазному) классу суждено быть субъектом исторического действия развития, не ему и знать, что это такое — развитие вообще, и обеспечить содержанием и формой соответствующее понятие.

Подлинная революция (революция революций), которая в состоянии обеспечить объективное основание для полного диалектического понятия «революция» и с этим полного диалектического понятия «развития вообще», происходит в высшей общественной форме движения в виде социальной и политической социалистической революции, точную характеристику которой раскрывает Ф. Энгельс: «*Пролетарская революция, разрешение противоречий: пролетариат берет общественную власть и обращает силой этой власти ускользающие из рук буржуазии общественные средства производства в собственность всего общества. Этим актом он освобождает средства производства от всего того, что до сих пор было им свойственно в качестве капитала, и дает полную свободу развитию их общественной природы. Отныне становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану. Развитие производства делает анахронизмом дальнейшее существование различных общественных классов. В той же мере, в какой исчезает анархия общественного производства, отмирает политический авторитет государства. Люди, ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя — свободными*¹⁵⁵. Именно такая революция выступает непосредственной практикой диалектики. Практическое участие в этом процессе (в борьбе) на стороне общественных сил, выражающих революционную тенденцию саморазвития объективной исторической необходимости, создает потребность и соответствующие условия для освоения и применения диалектики на уровне предельной всеобщности и в любой области.

как Италия, Германия, Япония, Южная Корея, которое не имело бы уголовного финала. А мы чем хуже цивилизованных стран? (см. *дополнение Ж¹ 11*).

¹⁵⁵ЭнгельсФ. Развитие социализма от утопии к науке. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 229-230.

***

Раскрытие рассматриваемых вопросов о взаимоотношении естествознания и философии было бы неполным, если не сказать о некоторых острых кризисных периодах в развитии естественных наук, в том числе и упомянутой биологической науки. Тем более, что не обошлось здесь без философской некомпетентности ученых (и естествоиспытателей, и философов), которые активно (и даже слишком) взялись за проблемы, решение которых при существующем у них способе мышления (а это мышление т. н. «здравого смысла», «здравого рассудка», который годится для четырех стен домашнего обихода, но плохой советчик в науке) оказалось невозможным.

Подобные ситуации — кризиснейшие — также можно охарактеризовать как то, что охватывается известным выражением: «Диалектика мстит задним числом за пренебрежение к ней». Это будет повторяться снова и снова, до тех пор, пока представители науки не овладеют-таки диалектическим мышлением, способным опосредствовать разрешению противоречий. Мы уже упоминали об опасности эмпиризма, подстерегающей науку, предостережениях Энгельса и Ленина на этот счет и их рекомендациях представителям науки на будущее. К сожалению, мало кто внял этим предостережениям. Отсюда не заставил себя ждать кризис в естествознании, который грянул в первые годы XX века (в физике) (см. *дополнения ЖЖ^е 1, 2*). Затем новая волна в 20-е годы, когда разразилась известная дискуссия под эгидой журнала «Под знаменем марксизма» во главе с его редактором — А. К. Тимирязевым. То был в основном разгул эмпиризма и откровенного механицизма, с которым отождествляли материализм. Эти «волны» (кризисные)—показатель того, что естествоиспытатели явно не справляются с овладением диалектическим мышлением, иначе таких повторений не было бы. Ударная сила каждой последующей волны все больше.

Во второй половине сороковых годов — очередная волна, на гребне которой оказалась биологическая наука. Разрушительные последствия немалые. Но это еще не «девятый вал» и, тем более, не всесокрушающее «цунами». Последние еще впереди, и под ударом окажется, видимо, более сложная форма движения, чем органическая. Одно ясно — зарождаются «тайфуны» все по той же причине, в

конечном счете, от несоответствия (большого «перепада») способа мышления способу производства. Последнее стало создавать принципиально новые вещи, невиданные в природе, новые технологии (в химии, например, сотни новых химических соединений, не имеющих аналогов в естественной природе). Все это требует соответственных новых общественных отношений, которые пока остаются товарными. Способ же мышления остается таким же, который был сработан на основании деятельности на уровне привязывания камня к палке и преобразования действительности посредством таких орудий и примитивных общественных отношений.

Некоторое время ученые не замечают разрушительного действия такого несоответствия, пока находятся в центре раскручивающейся спирали — «глаз тайфуна», где царит обманчивая тишина. И вдруг — смерчевой столб.

Но «вернемся к нашим баранам» — в биологическую науку конца сороковых. В потрясающей (и сотрясающей все и вся) дискуссии было ярко продемонстрировано несоответствие господствующего в умах естествоиспытателей способа мышления, метода познания (который оставался метафизическим, эмпирическим) уровню требований и задач объективного развития науки и практики. Нельзя сказать, что здесь имело место явное пренебрежение к философии, к диалектике. Наоборот, только и было на устах и на слуху славословие в адрес материализма и диалектики, и притом часто искреннее, уважительное, но до понимания действительной действенной диалектики как логики и теории познания и, значит, до материализма диалектического, дело не доходило. И беда была не просто в излишней демонстрации верноподданничества. Многие искренне считали, что и в самом деле достаточно признавать и почаще произносить, что материя первична, а сознание вторично, выражать уверенность, что мир познаваем — и ты готовый материалист. Если уверовал во всеобщий характер диалектических законов (куда ни кинь — в диалектику попадешь), кругом полным-полно противоречий, не возражаешь, что количество переходит в качество, признаешь скачки, можешь привести примеры наличия законов во всех трех сферах (примеры часто дежурные, переходящие из учебника в учебник, обслуживающие каждый из законов, вроде тепловой и световой стадии яровизации пшеницы или травопольной системы севооборота)—ты «законченный диалектик».

Характерно (скорее, бесхарактерно), что, если на первых порах показателем твоей методологической компетентности считалось положительное отношение к травопольной системе, то через некоторое время — наоборот, отрицательное. Вот такая «диалектика» получалась. Что было, то было.

Каждый естествоиспытатель в подтверждение своей методологической «компетентности» стремился найти как можно больше примеров в своей отрасли, «подтверждающих положения диалектики». Искали и, самое интересное, «находили» (что-то вроде скачкообразного превращения пшеницы в рожь или пеночки в кукушку). Кто ищет — тот всегда найдет. — Sigwerimus герептив (этого вам не понять, как сказал бы известный юморист; это латынь; соответствует нашему «Стучите — и вам откроют»). И «стучали», нужно сказать, некоторые любители здорово.

Кстати, именно диалектической категории «скачок» больше всего доставалось от доморощенных «диалектиков». Сколько было бесплодных споров по проблеме скачкообразного развития в биологии (см. дополнение Ж^аЖ^а 7; 9). И все потому, что не понимали подлинной диалектической категориальной природы этого понятия. Если другие категории не позволяли бесцеремонно обращаться с собой первому встречному, ибо от них с самого начала веяло предостерегающей сложностью, то в данном случае все казалось так просто: кто не знает, что такое скачок (в бытовом, рассудочном содержании этого слова), бери и ищи вокруг соответствующие картины под свое представление о скачке, что-то похожее на прыжок — этакий эталонный образ, под который примеряют бытующие в действительности аналоги с его внешними наглядными характеристиками вроде резкости, быстроты и т. п.

Те, кто не видел чувственным образом таких свойств (в органическом мире, например), уверенно отрицали наличие скачков в этой области. Даже Дарвин, как было сказано, считал так и постоянно повторял, что природа не делает скачков.

Те, кто уверовал в наличие скачков ради «спасения авторитета» диалектики, искали наглядные картины, отвечающие представлению о скачке.

Таким, обученным на сведениях к сумме примеров, «диалектикам» и в голову не приходило, что то, что называется «скачком» в

диалектическом понимании, не имеет видимости и непредставимо. Здесь неприменимы такие, взятые из бытового лексикона параметры, как «быстрота протекания», «резкость», «длительность», «разовость», похожесть на «взрыв от детонации» (получившие распространение и претендующие на роль показателя скачка). Упрямое стремление найти-таки аналоги, бытующие в созерцаемой природе, и таким образом «подтвердить» важное положение диалектики и ее материалистичности (которая, кстати, вовсе не нуждается в «подтверждении», тем более в форме подбора примеров), приводило к искусственным, уродливым созданиям картин, вроде «превращения граба в лещину».

Могут сказать: «Это вы теперь такие умные и храбрые, демонстрируете запоздалое знание тонкостей в проблеме скачкообразности развития, а тогда, небось, как все, барахтались в море предположений, альтернативных положений и вариантов (к тому же с оглядкой на авторитеты) да рыскали по закоулкам природы в поисках “свежих”, “оригинальных”, “актуальных”, “подтверждающих” примеров или, если и могли позволить себе (или вам) смель свое мнение иметь, то помалкивали в тряпочку, не считая “целесообразным” и “своевременным” “дразнить гусей” или “быка” (второе лучше подходит в качестве образа тогдашнего президента ВАСХНИЛ)». Отвечать на подобные вопросы в предлагаемых очерках не имеет смысла. Общеизвестно положение: об ученых не судят по тому, что они о себе говорят, тем более, задним числом. Читайте их статьи, книги тех лет и делайте выводы.

Кто не помнит эти напряженные, затяжные, перманентные дискуссии. Часто это были бури в стакане воды по результативности. Иногда — общесоюзная куча-мала рождала мышь. Вместе с тем шло нарастание противоборства диспутантов, эскалация обострения не знала границ¹⁵⁶.

На заведомо ложном основании (сплошь эмпирическом) получить

---

¹⁵⁶Вообще-то диалектические противоречия не примиряются, а разрешаются. Но в том-то и дело, что то, что имело место в биологической вселенской дискуссии, вовсе не было диалектическим противоречием и не могло претендовать на роль движущей силы в развитии. Это были не внутренние (обычно, движущие) противоречия, а внешние, которые никогда не являются источником движения, развития. Отсюда их затяжная неразрешимость, часто завершающаяся взрывом, ломкой (а не скачком, революцией).

какой-то выход в высшее было невозможно.

При этом и тем, кто «видел» навалом вокруг подтверждающие диалектику примеры и «признавал» родимую диалектику, и тем, кто их в упор не видел и на этом основании сомневался насчет всеобщности диалектики, было неизвестно, что все они не правы, ибо исходили из неверных эмпирических позиций, оставаясь на которых в принципе невозможно надеяться на постижение истинной диалектики и овладение диалектическим методом. Даже тому, кто клятвенно заверяет, что видел собственными глазами в природе, в действительности диалектику (противоречие, развитие и т. п.), не следует верить, ибо то была только кажимость, являющаяся, говоря словами Гегеля, результатом «коварства» и проделок рассудка.

Нетрудно заметить, что каждый раз после очередной кризисной ударной волны среди наносного философского мусора, ила и грязи, сопутствующих обычно такому «стихийному бедствию», всплывают на поверхность претендующие на новизну всевозможные «измы» (достойные отправки в помещение для нечистот), среди которых с удивительным постоянством появляется спиритуализм. А это верный признак, показатель того, что в кругах естествоиспытателей постоянно живет хворь эмпиризма, абстрактного материализма. Спиритуализм — это, в конечном счете, его работа, его родное дитя. Абстрактный материализм — это абстрактный спиритуализм, — предупреждали и Энгельс, и Ленин.

Общеизвестно, что почти «всю дорогу» поле, на котором раз-вертывалось развитие биологической науки, постоянно было полем борьбы (часто, «борни» в стиле «нанайских мальчиков»). Особенно в описываемые времена. Но если бы то была борьба в диалектическом смысле этого понятия (что вполне естественно и понятно)! Хуже, что это поле порой превращалось в поле брани. И не в смысле перебранки словесной, а так, что было усеяно это поле в итоге... мягко говоря, совсем не лавровыми венками, а такими, что от «группы товарищей». Встречи коллег-ученых хотя и назывались «симпозиумами», но меньше всего были похожи на то, что изначально скрывалось за таким словом (в переводе «легкая, веселая, беззаботная пирушка»). На тех «пирушках» соучастники-оппоненты порой прямо-таки «кушали» друг друга и были уверены, что именно таким способом отстаивают авторитет науки, а то и «развивают» последнюю. Но подобные победные

«пиры» соответственно обеспечивали пиррову победу для науки.

Некоторые биологи и философы не от шибко высокой научной культуры привыкли видеть в каждой очередной научной конференции, созываемой для решения научных проблем, приглашение «кушать подано!» и устремлялись делать то, зачем заведомо и прибыли — «откушивали» коллег.

Научная истина некоторых участников мало интересовала. Важна была победа над поверженным «противником». И в этом вся ожидаемая результативность, удовлетворенность — от участия в борьбе (в «потасовке», «свалке»), а также оправдание командировочных расходов. Решение научных проблем в такой ажиотажной обстановке (атмосфере) оттеснялось на второй (а то и подальше) план, главным становилось для многих выяснение «против кого ты?» И, соответственно, «свой» ты или «чужой»? Именно твое «против», а не «за» интересовало окружающих, и именно против «кого», а не «чего». Дискуссия быстро превращалась в демонстрацию бойцовских качеств в заведомо антагонистических сшибках, направленных на поражение «противника». Доходило до того, что били не прицельно, а «по площадям»: «все они там, в академических институтах, такие, им бы, белоручкам, не знающим полевых работ, только мушек разводить, а мы — практики — круглый год на полях, фермах месим грязь, кормим страну». А те, в свою очередь, дают ответную «очередь» по «противнику». Одним словом, после войны как на войне. Столкновения «стенка на стенку» с переменным успехом заканчивались временным подавлением одной из сторон и поражением... науки. То, что «страшно научные идеи» (не так научные, как страшно) представителя одного лагеря, в свою очередь, выеденного яйца не стоят и являются не менее дохлыми, тухлыми (простоватыми, самодельными), чем у представителя противной стороны, — это не важно. Важно было покруче обозвать оппонента и продемонстрировать верность своей «команде». Чем и почему вдруг та сторона стала, предстала «противной» — меньше всего и мало кто разбирался, «противная» — и все тут. Происходящее напоминало известные припевки. «А мы просо сеяли, сеяли», — запекает одна группа, наступая на другую, которая отвечает, притопывая: «А мы просо вытопчем, вытопчем!» (читай «кукурузу», «чумызу», «травопольную систему»). И так без конца.

Но если в обычных запевках обе стороны фактически не сеют и не топчут, а только грозятся, то в биологических «спевках» обе стороны топтали-таки науку, да и друг друга. И назвать бесплодными их усилия нельзя. Плоды не заставили себя ждать. Но горькие были те плоды. (Досадно, что среди тех, кто руку приложил к «выращиванию» таких плодов, были люди, называвшие себя «мичуринцами», прикрывавшие авторитетом выдающегося ученого свои малограмотные деяния. Нужно прямо сказать, что это новое направление в «селекции» (научных работников) возымело немало сторонников, некоторые из которых сделали это своей специализацией).

И на чьей же стороне в конце концов оказалась истина? Да ни на чьей! О какой там истине могла идти речь! Оппоненты-противники противостоящих лагерей друг друга стоили: одни — наивные метафизические материалисты — отчаянно воевали против других, не менее метафизических материалистов (как у Свифта в стране Лилипутии — остроконечники и тупоконечники), несколько более вульгарных и более воинственных. Фактически противостояли друг другу незнайки, беспомощные в теоретическом, философском отношении, которые для большей убедительности стремились компенсировать свои незнания шумными обвинениями противника в нематериалистичности и клятвенными заверениями в своей приверженности материализму. В том и соревновались, используя свое временное административное преимущество как сверхоружие. А это ад-мини давало свой эффект и превращалось в ад-макси. Эскалация страстей доходила до подмены страстного желания разобраться в научной проблеме разбирательством персональных дел, а то и более крутыми разборками (вот уж, заставь дурака богу молиться — он и лоб разобьет). Такая бесплодная борня, начавшаяся как буря в стакане воды, превращалась в соревнование демонстраций верноподданничества своему административному «лидеру» и ненависти к административно-«неверным» «еретикам»¹⁵⁷ (которые,

---

¹⁵⁷ Это факт, что в самые верхи биологического Олимпа привел Лысенко сам Вавилов лично, буквально за ручку. К несчастью, от этой «ручки», оказавшейся тяжелой, многие пострадали, в том числе и тот, кто привел.

В свою очередь, когда чаша весов перевесила в сторону генетиков, и они получили в свое распоряжение огромный НИИ Сибирского научного центра, то запланированные темы сотни научных сотрудников были посвящены опровержению лысенковских идей,

мол, «неверно» молятся, хотя молятся тому же «богу», даже те и другие тремя перстами, но из трех пальцев получались разные фигуры).

Фактически такая конфронтация была обречена на неразрешимость, нерезультативность. Ни одна из противоборствующих сторон не обладала объективной исторической необходимостью. Не могла идти речь и о т. н. «золотой середине», которую-де следует найти. Решение исторически верное могло быть найдено на совсем ином основании, обеспечивающем развитие биологии вперед. Конфронтирующие биологи исходили (и те, и другие) из ошибочного основания, обреченного с самого начала на бесплодность. Вопросы, поставленные к тому же по метафизическому типу «или-или» во взаимоисключении, в принципе не могли решить те задачи, которые обеспечивали бы выход биологической науки на высшую ступень. В тех же случаях, когда такой выход в высшее становится настоящей потребностью, а это значит, что противоречия созрели, требуя разрешения, а те, кто должен осуществить его практически и совершить переход на новое основание, не в состоянии своевременно это сделать из-за своей теоретической некомпетентности, неосведомленности, — наступает кризис, застой.

Мало кто понимал тогда, что критиковать нужно и тех, и других из противоборствующих за их пребывание в дремучем философском невежестве, несостоятельности и некомпетентности. Не следовало позволять им называть себя представителями диалектического материализма и его «защитниками». (Избавьте материализм от таких друзей, а с врагами он и сам разделяется). Критиковать нужно с позиций подлинной диалектической вооруженности. А таких было совсем мало.

Произошел в очередной раз один из тех случаев, о которых уже в начале века было высказано предостережение. Повторим его дословно: *«Ни одному из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики (в том числе и биологии и других наук — В. Б.), нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии»*¹⁵⁸.

после того как Лысенко уже был не у дел. Это по-нашенски: то прославлять патрона до потери сознания, а когда сняли, то вдогонку: патронов не жалеть!

¹⁵⁸ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — ПСС, т. 18, с. 363-364.

А вот еще одна характеристика подобной ситуации, которая (характеристика) так подходит к объяснению случившегося в пятидесятые, послевоенные годы, и не только в биологии. Это важно тем более, что такое повторяется не один раз, и не исключено, что будет повторяться снова и снова: «*Естественные науки* развернули колоссальную деятельность и накопили непрерывно растущий материал. Но философия осталась для них столь же чуждой, как и они остались чужды философии. Кратковременное объединение с философией было лишь *фантастической иллюзией*. Налицо была воля к объединению, способность же от-

29

существовала».

Не в бровь, а в глаз. Отсюда и получалось, от кратковременного внешнего соприкосновения, своего рода «короткое замыкание» и «вольтова дуга», в которой сгорали обе противостоящие контактирующие (но такие неконтактные) стороны. Отсюда же стремление восполнить, компенсировать отсутствие способности избытком воли и напористости. А в итоге — сшибка и разрушительный эффект от таких волевых методов.

В затяжных «баталиях», изматывающих силы биологов в бесплодной борьбе за господствующие высоты (чаще административные), последние часто переходили из рук в руки, менялись формы давления в пользу той или иной стороны с переменным успехом (точнее, неуспехом), но не было научного разрешения основного противоречия в целом, и, как уже было сказано, оно и не могло получить разрешение на данном основании. Большинство, конечно же, не ведало об этом, те же ученые, с позиций которых возможно было осуществить такое разрешение, составляли небольшую горстку, которая не могла переломить ситуацию на свою сторону. Им лишь удавалось удерживать некое «предмостное укрепление», которое только со временем послужит исходным плацдармом для развертывания широкого наступления в будущем на новом основании (основании материализма диалектического, а не наивного реализма) с новыми силами, с новыми бойцами и новой теоретической вооруженностью — диалектической, диалектическим способом мышления.

Хочу обратить внимание, что среди защитников одного из таких плацдармов в те дни постоянно был академик Александр Прокофьевич Маркевич. Эти люди не просто окопались и ждали лучших времен, а

активно действовали в контратаках. Осуществляемая А. П. Маркевичем критика взглядов и действий Т. Д. Лысенко и его сторонников была глубоко научной и философски верной, и потому наиболее существенной.

Иные же заняли выжидательную позицию, «легли на дно», чтобы отлежаться до лучших времен, как теперь сами об этом говорят с гордостью, что прикинулись для маскировки правоверными мичуринцами, а делали при этом что-то враждебное этому направлению. Это уже совсем недостойное поведение для научного работника, беспринципность и лицемерие, которые выдаются за добродетель, провозглашаются задним числом для оправдания своего сомнительного поведения. С легкой руки писателя Дудинцева, автора книги «Белые одежды», который подарил биологам желтое знамя лицемерия и предательства, это стало очень модным в наши дни и получило широкое распространение. Теперь многие политики с гордостью заявляют, что они именно так и поступали в прошлом.

Беспринципность — в качестве принципа. Это что-то новое. Да и Мичурин тут вовсе ни при чем, чтобы третировать его имя только потому, что кто-то присвоил его и приспособил для названия своего направления. Не делает чести биологам и тот факт, что преданы-таки забвению в наши дни имя и дела Мичурина — выдающегося селекционера-новатора. И такая несправедливость только за то, что кто-то из нечистоплотных оппонентов прикрывался именем этого ученого. Вот это показатель современного модного хваленного объективизма и плюрализма.

Вообще-то, вряд ли следует думать, что антагонизмы в рядах биологов были исключительно инспирированы заведомо искусственно по чьему-либо злему умыслу. Сама конкретноисторическая обстановка тех лет, когда только что окончилась победоносная война и в сознании народа господствовал дух критичности и торжества практической результативности от «критики оружием», как бы по инерции вызвала несколько высокомерное отношение практиков к теоретикам, деятельность которых казалась на фоне фактических перемен практически ничтожной. Тем более, что она и в самом деле была не очень результативной (и не только в практическом отношении, но и в непосредственно теоретическом). А так хотелось в каждом деле быстро иметь с сегодня на завтра победоносные результаты, подобно только

что достигнутым в отечественной войне.

У масс было свое видение ситуации: только что вышедшей из военных лишений стране¹⁵⁹ нужны хлеб, картошка (да поскорее бы, а то уже раздаются призывы со стороны вчерашних союзников насчет блокады и даже войны против СССР¹⁶⁰), а ученые годами не отрываются от письменного стола и «занимаются какими-то там мушками».

Другое дело практики — полеводы. Эти ребята обещают сажать картофельные очистки, а получать урожай добротного картофеля (а вдруг получится). Ну, дерзкие они, эти ребята, горячие, ну, ломают привычные постулаты и нормы, ну, «наломают дровишек», не без того, (а что, мало в крестьянских вековых традициях и предрассудках такого, что стоило бы давно поломать?), но есть у них и результаты. Иначе сам Вавилов не возвысил бы этого полевода в кепке, Лысенко, до самых руководящих высот в науке. А он-то знает, что к чему и кто чего стоит.

---

¹⁵⁹К тому же, пережившей неурожайный голодный 46-й год, когда Америка отклонила просьбу СССР о продаже пшеницы, которой там, в это время, на не знавшей войны территории, было навалом, в избытке, и ее сжигали в топках паровозов.

¹⁶⁰ Не исключено, что в этом же следует искать объяснение не негативного отношения людей тех времен к т. н. «командным методам руководства» (как их окрестили потом, со временем), которые только что, в 45-м году дали победные результаты в таком сложном военном и народнохозяйственном деле. Людям, которые только недавно сняли погоны (а не гимнастерки даже), трудно было понять, почему в науке не сгодятся такие же методы (с их единоначалием, дисциплиной, четкостью заданий, персональной ответственностью за порученное дело, исполнительностью — именно так представлялось то, что называлось командным методом) для быстрого победоносного результата.

Подобных фактов и мнений в те времена было немало, и все их следует учитывать при анализе происходившего тогда. В выводах и обобщениях быть тщательным и осторожным, памятуя постоянно, что истина—конкретно-исторична. Волею того, она — процесс. Понять это, как и то, что она не перестает быть объективной, внутренне противоречивой, относительно-абсолютной, но не абсолютно относительной, невозможно без знания диалектики. При этом также следует уразуметь, что объективность истины обеспечивается вовсе не в результате рассмотрения (созерцания) вещи в форме объекта и, тем более, конечно же, не с позиций объективизма.

Мы не ставим перед собой задачу подробно рассмотреть ВАСХНИЛовскую эпопею, можем только посоветовать тем, кто хочет получить действительную картину того, что было в самом деле, обратиться к статье Юрия Андреевича Жданова «Во мгле противоречий» («Вопросы философии» №7,1993 г.) Другие источники, к сожалению, как правило, очень уж замутнены домыслами и субъективизмом.

А разве стахановцы в промышленности не ломали устоявшиеся (застоявшиеся) нормы? А какие результаты! До сорока процентов годовой прирост производства. Ничего себе! Это не 2-3%, как в самых развитых странах, а 30—40 процентов. Вот это работа, это темп!¹⁶¹ А чем сельское хозяйство хуже. Ведь смог Мичурин творить чудеса, получать невиданные в природе плоды, сорта. Это же факт. Идите, смотрите и убеждайтесь. Значит можно, если захотеть и активнее работать на своем рабочем месте, а не сидеть в кабинетах. Все на поля и в сады, на «свежий воздух» из душных кабинетов! Нет ничего невозможного! Как говорил Эйнштейн, отвечая на вопрос, как делаются невероятные открытия: все знают, что это невозможно, а один не знал, взял и сделал открытие. Постоянно звучавшие песни: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», «Нам нет преград...» — пелись народом от всей души с непоколебимой уверенностью в выполнимости самых смелых планов.

Как видим, это несколько отличается от того, что хотят внушить новому поколению критики т. н. «командного метода», которые преподносят это дело как авторитарное командование массами со стороны отдельных самодурствующих, невежественных личностей. А все было совсем не так. «Команды»-призывы рождались и шли снизу вверх, вырастая и обрастая, как снежный ком, сторонниками этой идеи. Инициатива одной бригады-лидера, малой группы (говоря языком современных психологов), перерастает в целое движение и соревнование. Затем оно выплескивается из отраслевых рамок. Вслед за стахановским и изотовским в угольной промышленности, соревнование переливается в соседнюю металлургию (Макар Мазай), в градостроительство (Комсомольск-на-Амуре). И такая цепная реакция не знала конца. Официальные власти еле успевали реагировать на инициативы и требования масс (если хотите, командование масс). То призыв Хетагуровой: «Девушки — на Дальний Восток!» И тысячи

---

¹⁶¹Орджоникидзе по этому поводу очень эмоционально реагировал: «Мы тут ломаем голову, думаем, как увеличить производительность на 0,5 процента, а они, трудящиеся, увеличили на все 35%. Дураки мы тут все, что ли?»

Подобный феномен был повторен в послереволюционном Китае. Что бы ни говорил обыватель на этот счет, но факт остается фактом: невиданный в мире скачок производительности.

В обоих случаях секрет и причина взлета были в небывалой коллективности труда.

девчат лавинообразно двинулись в этом направлении. Правительству оставалось только обеспечивать транспортом. Паша Ангелина призвала создавать женские тракторные бригады: «Сто тысяч подруг — на тракторы!» Откликнулось двести тысяч подруг. А на деле еще больше. (Давай, правительство, тракторы!) И попробуйте не дать. Не хватает тракторов — так стройте тракторные заводы. И хлынула молодежь на строительство ХТЗ, СТЗ, ЧТЗ. На все это нужно много металла? — Поехали строить Магнитку! Кстати, такое возможно в условиях господства действительного авторитета, а не авторитаритета, как стараются представить ненавистники социализма.

Когда Геринг бросил клич немецкой молодежи: «75 тысяч — на самолеты!», то буквально на другой день комсомол выдал свой призыв: «Наш ответ Герингу: 150 тысяч — на самолеты!» Предложили немедленно свои услуги более миллиона молодых людей. То были люди уже нового типа — высшей коллективности¹⁶², для которых «мы», «наше» было выше, чем «я», «мое», и движителем была не конкуренция индивидов (и их выгода), разобщенных

бескозырки и с криками «полундра Фриц!» бросаются вперед во вражеские окопы. Вы можете представить такое, что бы кто-то дал команду, приказал снять каски стальные, идти в атаку в бескозырках? Моряки это делали по своей воле (зная кроме прочего, что моряков немцы в плен не берут). Подобную роль вызова врагу играли татуировки на теле идеологического содержания, советские символы и лозунги. Появилась даже песня:

Бескозырка

Ты подруга моя боевая.
И в решительный час и в
решительный день, я тебя,
лишь тебя надеваю, как герои
носили чуть-чуть набекрень.

Ясно, что это песня не просто о головном уборе, а о символе, носящем боевое содержание. Надписи на лентах бескозырки говорили о многом: «Парижская коммуна», «Червона Украша», «Красный Крым», «Красный Кавказ», «Профинтерн». Помню, как один обыватель линкор «Парижская коммуна» назвал «Парижанкой!» И получил за это сполна от матросов.

Незабываем и такой случай во время оккупации Мариуполя. Вдруг на всю округу раздался «Интернационал». Побежал в том направлении, но уже поздно. Спросил у

---

¹⁶² Если кто-то думает, что все было заорганизовано по приказу сверху и т. п. советую посмотреть внимательно в кадры кинохроники военных лет и обратить внимание, как матросы перед атакой снимают каски, а одевают

прохожих, говорят, что пели моряки, которых немцы по улице «Портовой» гнали на расстрел. Бескозырки немцы посрывали, но осталось на теле то, что называли «морской душой». Полосатые морские тельняшки тоже были символом духа народа.

Помнится и такой эпизод в том же оккупированном Мариуполе. Немцы вдруг сами стали демонстрировать советские кинофильмы. Говорили, что это специально, чтобы унижить советских людей, сломить дух советского народа. Вот, мол, ваш строй «капут». Смотрите и прощайтесь с советским. Это было в духе выступления Геббельса, растиражированного в прессе: «Мы пришли не освободить (как думают некоторые), а колонизировать!» Но вернемся к кинофильму. Шла картина «Волга-Волга». Но вот когда показалось Химкинское водохранилище, и проходит флагман волжского пассажирского флота, и на весь экран буквы его названия «СТАЛИН» — ВЕСЬ ЗАЛ КАК ПО КОМАНДЕ ПОДНЯЛСЯ И РАЗРАЗИЛСЯ ГРОМОПОДОБНЫМИ АПЛОДИСМЕНТАМИ. Немцы орали в остервенении: «Русиш! Русише швайне», и какими-то еще ругательствами заглушали овации. Больше трофейных фильмов не показывали.

Интересен и такой факт. Обратите внимание, когда будете смотреть кинохронику вступления Красной Армии в немецкие города. Из каждого окна любого дома торчит белый флаг. Но не найдете ничего подобного в людях с гипертрофированным чувством *обладания*, делающим их врагами, а соревнование коллективов, сплывающее людей.

И такой стиль работы и жизни формировался с детства как пионерство (всегда и во всем).

Если бы тем людям тогда сказали, что в положительной характеристике человека, выросшего в СССР, будут фигурировать такие понятия, как «карьер», «связи», «умение заработать деньги», «служебное положение» и т. п., они ни за что не поверили бы. И тем более, если речь идет о рекомендации на высокий государственный пост.

Но именно так оно и есть нынче. Почитайте в газете «Известия» от 12 января 2000 г. положительную рекомендацию кандидата на должность Государственного секретаря Союза России и Белоруссии: Павел Бородин — «человек, умеющий зарабатывать реальные деньги, пользуясь связями и служебным положением».

Ничегошеньки себе! Комментарии, как говорится, излишни. А сколько таких «умельцев» накопилось на всех уровнях. И, конечно же, слово «зарабатывать» тут не подходит вовсе. Точнее будет — «хапнуть». Да так, чтобы не меньше бюджета такой страны, как Украина, т. е. хваткой Березовского. Слабо, Паша.

А ведь умный человек предостерегал: «Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является *нашим*, лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда

он существует для нас как капитал, или когда мы им непосредственно владеем... одним словом, когда мы его *потребляем*»¹⁶³. Так что так нам, дуракам, и надо. Впустили частную собственность в свою жизнь — вот и получайте «приданое». Лишь «... уничтожение частной собственности означает полную *эмансипацию* всех человеческих чувств и свойств»¹⁶⁴. И именно *всех* человеческих свойств, на меньшее нельзя соглашаться. Неполное, частичное освобождение — это все равно закабаление. Человек будет односторонним, уродливым, калекой, лишенным какого-то органа, без которого это не человек. Это все равно, что он мог бы только есть, или только пить, или дышать, или плакать, или только смеяться. Оттого, что мы умеем и есть, и дышать, и плакать — это еще не человеческая жизнь, а животное выживание.

Ну и пусть, рассуждали мичуринцы-практики, называют нас эмпириками, алхимиками от биологии (которые действуют методом проб и ошибок, коих и в самом деле немало), обзывают вульгарными ламаркистами, «но мы, ответственны они тоном превосходства, — экспериментаторы-мичуринцы и кормим страну, и этим все сказано, а вы кто такие? Какие-то прозаграничные “морганисты-менделисты” поганые со своими никому не понятными “гороховыми законами”». «Может, вы с помощью ваших мух собираетесь увеличить удои или жирность молока и накормить народ? »

Дальше — больше. Кто будет возражать, что хорошая еда^ это хорошо и для людей, и для скотины? Кто сомневался, особенно в послевоенные, далеко не сытные (мягко выражаясь) годы в решающем значении питания для организма. О каких рефlekсах там разговор, если не решены проблемы кормов. Вот и новые виды (чем черт не шутит, в мире много диковинного), возможно, зависят от изменения качества пищи. Стала питаться пичуга какими-то там мохнатыми гусеницами и переродилась в кукушку. (Вот и народная мудрость в сказках еще не о таких превращениях повествует). Попил братец Иванушка воды из озера и превратился в козленочка.

Нелепо, смешно, наивно? Да. Но не нам, похоже, бросать камень (тот самый, который так долго держали за пазухой) в огород

---

¹⁶³МарксК., ЭнгельсФ. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 120.

¹⁶⁴Там же.

мичуринцев тех лет (даже не совсем настоящих). Прежде чем замахнуться, подумать бы: «чья бы корова мычала...» Они, те, «наивные», здорово посмеялись бы над нашими нынешними ситуациями и дикостями. Но не столько над ними, сколько над тем, кто сказал бы им тогда, что такое вообще возможно, тем более в будущем, через 50-то лет. На смех подняли бы. «Вы только послушайте, что он такое говорит (несет, плетет, верзет) в адрес нашего будущего, какое оскорбление нашим славным потомкам, как язык только поворачивается говорить, что у них там в конце XX века — знахари не слезают с полос центральных газет и с экранов телевизоров; систематически дается прогноз человеческих судеб по гороскопу (кстати, что оно такое, «го-ро-скоп»? Прибор какой-то, что ли?): «в среду после полудня водолею предстоит удача в денежных делах, спешите делать свой бизнес, делайте свои ставки», «завтра ни в коем случае нельзя соглашаться на операцию аппендицита» (телеканал «Интер» 25.12.99) и т. д. и т. п. У порога безграмотной тетки-прорицательницы целая очередь государственных деятелей, политиков за прогнозами насчет перспектив развития страны; дремучая знахарка (баба Стефания) собирает тысячную аудиторию в самом престижном зале столицы и «лечит» всех подряд, чохом, одновременно от всех болезней. Народ валит к таким целителям, запись вперед на месяц, денег не жалеют; гадалки всех мастей по телевизору рассказывают о своих связях с потусторонним миром, с запредельными «космическими», мистическими силами посредством какого-то там особого «энергетического поля» и т. п. Совсем не слышно возражений ученых. Более того, приглашают попов для освящения современных научных институтов. Те окропляют новейшее оборудование, приборы святой водой, изгоняют «беса», устраняют «порчу». Ученые смиренно стоят, подставив лысины под окропление.

Мы и в самом деле выглядим идиотами, погрязшими в предрассудках, завязшими в поповщине. Мы просто все сошли с ума (если было с чего сходить). Обратиться бы к психиатрам, да вот только они-то в не меньшей степени заражены всей этой чушью, судя по их частым выступлениям, у них самих «крыша поехала». Тем не менее, выбили-таки в России специальный срочный президентский указ о реабилитации и признании психоанализа наукой и открытии соответствующего НИИ.

В наши дни любят вспоминать всевозможные курьезные случаи тех далеких дней, например, о тотальном господстве кукурузы, о сомнительных новациях Бошьяна, Лепешинской, ну и, конечно, не обходится без «тематических» анекдотов.

Я и сам могу напомнить некоторые перлы тех лет. Как сейчас помню статью в «Литературной газете», автор которой беспощадно и едко высмеивал «оторвавшуюся от жизни» научную лабораторию, которая занимается на полном серьезе, чем бы вы думали? ... изучением влияния среды на интенсивность размножения вшей, фу, гадость какая (похуже мух). Делать им там нечего? Это же надо додуматься, «а еще ученые называются!»), — с гневом восклицал бойкий журналист, искренне недоумевая, как могли утвердить такую тематику, куда смотрели, какое это имеет народнохозяйственное значение? Не знал чистоплюй, что именно эта «фу-гадость» в паре и «сотрудничестве» с другой гадостью — риккетсиями Провачека — «ухитрилась» унести миллионы человеческих жизней. И не только в первую мировую войну сыпной тиф массово косил людей, но и долго еще после, в любой момент мог запросто отправить туда же еще миллионы, не занимайся серьезно ученые этим «фе».

Но с тех пор прошло столько лет. Все понимают, что то была глупость невежественного борзописца, которого осмеяли, обсудили, осудили, заклеямили. Почти целое поколение не знало, что это за такой «зверь» скрывается под таким названием. И вдруг в наше время, через пол столетия завшивленность в городах до 70%, в том числе в детсадах, школах. Одно «утешает», что у цивилизованных, в объятия к которым мы стремимся, даже на фешенебельных французских средиземноморских курортах этого неистребимого добра не меньше.

Вместо грубого названия «своим именем» называют это явление теперь покрасивше—«педикулез» (возможно, для того, чтобы риккетсии не узнали, не включились активно в соревнование с конкурентами на тендер за появившиеся «вакансии»). Чем они хуже того же холерного вибриона (холера его забирай), который переживает возрождение, или туберкулезной палочки Коха, которая столько лет была в загоне, а теперь взошла на вторую ступеньку пьедестала «почета» и мечтает о прошлых временах, когда человек, получивший в организм такое «счастье», был не жилец. А малярийный плазмодий, о котором не осталось было и памяти после соответствующей

общегосударственной облавы (акрихинизации), теперь празднует победу.

Полиомиелит и даже сибирская язва (язви ее душу) вышли из подполья и готовы к реваншу, дальше целая очередь образуется претендующих на возрождение. Дифтерия без очереди проскочила. О более «неприличных» заболеваниях и не говорим, как и о наркомании. По СПИДу Украина в самих передовых. Так кто же наивен и смешон? Не доказательство ли это того, что все эти болезни не столько биологические, сколько социальные, и рассматривать их следует вместе, в комплекте, а не отдельно. Они если появляются, то все разом, а не по одной. И это не случайно.

Разве не сами медики, эти родные братья биологов, своими руками, вернее, статьями отвадили население от прививок? Они самые. Но под патронатом властей.

Нет, эти не оторвались от жизни и практики. Практикуют. В это трудно поверить, но это было, когда в одном медицинском кооперативе (в составе которого доктора наук и кандидаты) при клинике крупнейшего научно-исследовательского института (не стану называть его точный адрес, чтобы не сделать рекламу, ненароком, бесплатно и не вызвать паломничество страждущих, которые повалят к ним на далеко не бесплатное исцеление) больному покатали по животу куриное яйцо, затем приказали сварить его и скормить птичкам — те «унесут ваши болезни».

Ну и ну! Ну и шагнула наука. Куда? — вот вопрос. Это, к слову, о птичках. Рассказать бы полвека назад тем, наивным, что такое будет, кто бы поверил? «Поклеп на нашу медицину, — возмутились бы, — оскорбление наших славных потомков!»

Не поверили бы и в то, что медицина за услуги деньги берет. В такое ни за что никто бы не поверил. Чтобы медики за такие гуманные вещи, как лечение больного, являющееся их долгом, да брали деньги, — этого не может быть никогда, врите вы все. А с птичками вообще неприличный анекдот. Вы еще скажете, что клиент в эпизоде с яйцом тоже заплатил? А ведь заплатил-таки, да еще и вперед, не дожидаясь птичек.

Этого мало, чтобы охарактеризовать «достижения» конца XX века? Попробуйте вызвать «скорую помощь» по поводу сердечного приступа. Вам ответят, что прибудут, но не скоро, и дадут телефон

частной «скорой», куда и советуют обратиться. Та приезжает мгновенно, но в то же мгновение «на бочку» нужно выложить за вызов около 100 гривен! Как не получить инфаркт после такого! Выходит, что тот, у кого денег не окажется в роковой момент, не выживет. Выживание через одного и заложено в концепции выживания.

Но это еще не все. После того, как вас доставят (если доставят) в кардиологическую клинику (не стану называть, чье имя она носит, чтобы не осквернять память об уважаемом выдающемся ученом, которому никогда и в голову не могло прийти, что такое станет возможным в стенах его детища), от вас потребуют ежедневно отваливать астрономическую сумму за лечение. Какое сердце такое выдержит? И какое, скажите, это «выжива-ние» — биологическое или социальное?

Кто бы вам пару десятков лет назад поверил, что светило медицинское общегосударственного масштаба будет ратовать по телевидению на всю страну за платное лечение, тут же сообщая, что в его клинике вместо 1000 операций в год на сердце, как раньше, теперь делают всего десятки. Остальные не в состоянии оплатить операцию, и им отказывают, т. к. операция стоит несколько тысяч долларов.

Восхвалять в этом контексте платную медицину и агитировать за нее — это кощунство. У этого человека нет сердца, а есть лишь «насос» (как он и называет этот орган). В онкологической клинике вывесили объявление, что отделение детской хирургии закрывается (из-за отсутствия финансирования). Как можно смотреть в глаза тем детям, которых лишают помощи и последней надежды на жизнь! А как могут смотреть медикам в глаза руководители государства, в котором такое творится! И они, в довершение, не платят зарплату врачам месяцами.

Если бы дело было в том, что нашлись какие-то нехорошие личности, которые допускают подобные безобразные поступки и т. о. позорят всех нас своим неприличным поведением и невоспитанностью, антигуманными поступками, стяжательством и т. п. Так нет, все это узаконено, освящено правовой защитой, является массовым явлением на общегосударственном уровне, одобряется властями и нынешней моралью. Так и говорят прямо: а кто же станет вам делать что-либо без личной выгоды. И называют это соединением социальной защищенности со стимулом к производительному труду

(позаимствованным у «мудрого» образцовопоказательного цивилизованного капитализма). Как самый веский, убийственный аргумент в пользу платной медицины выдвигается тот факт, что во всем западном «цивилизованном» мире она именно платная. Аргумент действительно убийственный в полном смысле этого слова. Кстати, уровень развития науки медицины — это еще не уровень развитости здравоохранения страны. Последнее включает бесплатное и всеохватное гарантированное лечение и профилактические мероприятия, т. е. это система, которая зависит от социальной системы в стране. Кубинская система здравоохранения результативней и выше американской или любой другой страны. О многом говорит и тот факт, что Куба ежегодно принимает (за свой счет) тысячи чернобыльских детей (не десятков на десятки дней, как другие страны) и вылечивает больных, даже считавшихся безнадежными. Кстати, о том, чтобы в данном случае как-то оплатить Кубе (находящейся в блокаде со стороны США) расходы или помочь материалами, запчастями, которые так нужны кубинскому народному хозяйству, и которых навалом в Украине, никто и не заикается.

А разве это не «достижение» — совместно с одной зарубежной фирмой предлагают построить оригинальное «медицинское» заведение, где гуманно тебе помогут свести счеты с жизнью. С твоего, конечно, добровольного согласия и не бесплатно, разумеется. Деньги на бочку, да наперед, а то чего доброго обманешь, умотаешь в мир иной не расплатившись, ищи тебя¹⁶⁵.

Если скрестить (столкнуть) взгляды из настоящего в прошлое и из прошлого в настоящее, то на таком «телемосте» «Прошлое — Настоящее» во взаимных претензиях мы бы потерпели сокрушительное поражение с огромным счетом не в нашу пользу. Наш статус «представителей будущего» по отношению к нашим предкам оказался бы равным нулю, а то и с отрицательным знаком. Да еще и каким отрицательным. Мы действительно сползли назад и по уровню бытия, и по уровню сознания, духа. Мы ниже уровня предвоенных 30-х годов, не говоря уже о том, что мы предали и продали все достижения, сработанные прошлым поколением, и прежде всего, революционные

---

¹⁶⁵ Сейчас на Украине 2000 случаев эвтаназии в год, не считая обычных самоубийств (в том числе и детей), коих в год только по официальным данным больше, чем Украина потеряла за 10 лет афганской войны.

достижения — материальные и духовные. Предали друзей в других странах, поверивших нам и безоглядно вставших в наш строй для продолжения движения в совместном строю в одном, едином, научно обоснованно выраженном и выверенном направлении.

И вот строя нет, все врассыпную. Командиры перешли на сторону врага и встали под его знамена, союзников сдали противнику как плату, аванс за сохранение своих руководящих постов в оккупационной капиталистической администрации. Для постоянного подтверждения своей лояльности эти коллаборанты демонстративно пинают и третируют социалистическое прошлое: «смотрите и убеждайтесь, я свой, я предан новой власти, и никто не вправе заподозрить, что у меня под новым мундиром остались “красные подштанники”, я и раньше, и всегда был против того режима, хотя и занимал руководящие посты на самой верхотуре, не верил в “светлое будущее”. Всегда думал (на кухне): “чтоб оно пропало”». И, как сами видите, оно и пропало.

В наши дни многие норовят выступать с уничтожающей критикой в адрес прошлого. Редко кто не бросит камень в его огород. При этом подчеркнуто в социалистический огород. О своем «огороде» нынешнем, околкапиталистическом, полуколониальном — ни слова, т. к. это уже давно не огород, не плодородящая земля, а свалка смердящая. При этом как-то деликатно обходят острые углы современности, ведут себя очень уж лояльно и толерантно (новое модное словечко), если не талейрантно (дипломатично, хитро — нате вам еще новее). Похоже, что своей беспощадностью они душу отводят на безответном прошлом (игра в одни ворота по своим новым правилам, незнакомым противнику), совсем не считаясь с тем, что нельзя к прошлым событиям подходить с нынешними мерками, как говорят в народе, «задним умом». К тому же этот «задний ум» не делает чести современникам (со-временщикам). Задний — он и есть задний. Не с его вялотекущими, дохлыми возможностями братья за анализ и оценку минувших дел. Он с нынешними своими не справляется, никак ладу не даст тому, что происходит сегодня и в науке, и вокруг нее. Только и того, что на всем пространстве нынешней науки никаких споров, дискуссий, столкновений, ну просто благодать, полное единство, «злагода», как... на кладбище. Надо же, ученые безропотно принимают рекомендованный официозом науке и ее

жрецам курс «на выживание», а это ведь значит — 50 на 50 с вымиранием. И с этим все согласны. Во дают! Так спокойно, безучастно, покойно созерцают, как на глазах у всего честного народа издыхает (кончается) несчастная, как добивают некогда цветущую науку мирового уровня, которая теперь вот-вот копыта откинёт, и гадают: выживет — не выживет? Ну, прямо как в анекдоте об эксперименте с кобылой: если бы не сдохла от голода на седьмой день, то совсем уже привыкла бы жить без пищи.

И никто не шебуршится, не восстает, не возмущается (разве что в «тряпочку»), не апеллирует к всевозможным «гарантам» и «законам правового государства», принципам «гражданского общества», к «социальной защите». Казалось бы, чего робеть в условиях свободы слова, «плюрализма», «гласности» и «гарантий прав человека»? Чего, собственно, так смиренны и беззаботны ученые мужи о судьбе науки, о которой так пеклись всегда? Почему это уважаемые ученые безропотно приняли предложенный какими-то властвующими чиновниками-недоучками унижительный лозунг — «курс на выживание»? Не с оглядкой ли на «выживание» они соблюдают тишину? Знают, что тише едешь — дальше будешь, дальше едешь — тише будешь, тише будешь — дальше едешь (знают, что право — это воля господствующего класса, возведенная в закон)¹⁶⁶.

¹⁶⁶ Говоря об интеллигенции, следует иметь в виду, что она не имеет самостоятельной, собственной сущности и может быть только буржуазной интеллигенцией при диктатуре буржуазии, либо пролетарской интеллигенцией при социалистической диктатуре пролетариата. Она на службе у господствующего класса, у него на жаловании. Ее жалуют, держат на зарплате. Это такая общественная прослойка, которая льнет в сторону «благодетеля».

При коммунизме такой категории не будет, поскольку не станет разделения труда на физический и умственный. А пока она есть, то есть и проблема. Поскольку бесклассовости, неклассовости не бывает до коммунизма, то люди умственного труда принимают и выражают ту классовость и классовый интерес, класса который господствует ныне, обслуживают идеями его интересы. Поэтому эти идеи выступают как идеология (см. Ленин «Об интеллигенции и ее дряблости» и т. п.).

«Никто не решится отрицать, что *интеллигенция, как особый слой* современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, *именно индивидуализмом* и неспособностью к дисциплине и организации (ср. хотя бы известные статьи Каутского об интеллигенции); в этом, между прочим, состоит невыгодное отличие этого общественного слоя от пролетариата; в этом заключается одно из объяснений интеллигентской дряблости и неустойчивости, так часто дающей себя чувствовать пролетариату; и это свойство интеллигенции состоит в неразрывной

А ведь «выживание» — это то, что лежит в основе животной жизни, а не человеческой (на уровне существования, а не сущности человека, сущности, достойной человека).

Не биологам ли знать, что борьба за существование и выживание в этой борьбе более приспособившихся особей — это закон дикой природы¹⁶⁷. Предложить людям приспособляемость как закон их жизни — это ли не оскорбление, издевательство или сомнение в том, что человек — это гомо сапиенс (да скотина он, и только). Самое интересное, что этот закон уже внедрен в общественную жизнь и действует со всей беспощадностью. Массам упорно внушают, что именно это и есть их суть и смысл жизни. А чего ждать от общества, где правит бал частная собственность, купля-продажа всего, в том числе и самого человека, конкуренция. В т. н. рыночных отношениях иначе и не может быть. Не ты сожрешь конкурирующую особь — так она тебя слопаёт, если сама не лопнет. «Бей первым!». «Падающего подтолкни» (Ницше). «Каждый сам за себя».

А как вам нравятся откровения президента одной из стран СНГ, который во время визита в соседнюю страну, на вопрос, какая у него есть заветная мечта, ответил не задумываясь: «Чтобы в мире подорожала нефть» (для чего приехал на переговоры). И это в гостях у того государства, которое собирается купить у него нефть. О времена, о нравы! Известный принцип теперь с поправкой: человек человеку «друг», «товарищ» и . . . «волк».

«Слабое звено» убивают. Вот как охарактеризовал все это Ф. Энгельс: «Побежденные безжалостно устраняются. Это — дарвиновская борьба за отдельное существование, перенесенная — с удесyтеренной яростью — из природы в общество. Естественное состояние животных выступает как венец человеческого развития»¹⁶⁸. «Дарвин не подозревал, какую горькую сатиру он написал на людей, и в особенности на своих земляков, когда он доказал, что свободная

связи с обычными условиями ее жизни, условиями ее заработка, приближающимися в очень и очень многом к условиям *мелкобуржуазного существования* (работа в одиночку или в очень мелких коллективах и т. д.)» (Ленин В. И. Шаг вперед, два шага пит I. 11(4). т. 8, с. 254).

¹⁶⁷ С этим человек отброшен назад на целую ступень развития с общественной на органическую форму движения. Кризис!

¹⁶⁸ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 284-285.

конкуренция, борьба за существование, прославляемая экономистами как величайшее историческое достижение, является нормальным состоянием *мира, живот-*

40

ных» .

На том и стоит то, что мы с подхалимской завистью называем «системой мировой цивилизации» и куда мы только и мечтаем войти, вползти, влиться и интегрироваться (раствориться), жалобно поскуливая, просим впустить и растворить нас, цивилизовать нашу мать-неньку-родину. Можно и в НАТО, якщо ваша ласка. Обещаем быть примерными учениками, пнемся, тужимся, пыжимся. Характерно, что наши нынешние демократы — реставраторы капитализма так откровенно и говорят, что капиталистическое общество с его рыночными отношениями и конкуренцией является высшим достижением человеческого развития и эталонным образцом, единственно возможной моделью для всех стран, лучшего не придумано. «Конец истории?» Такой вопрос нередко можно встретить в заголовках статей западных теоретиков. Хотя все чаще теперь слово «конец» употребляется не в смысле венца развития, а в смысле приканчивания человечества. И второе ближе к истине, если не устранить капитализм, империализм, частную собственность. Пережрут ведь друг друга в борьбе за отдельное частнособственническое существование.

В условиях все большего безжалостного устранения побежденных происходит все большая концентрация богатства, средств производства и средств уничтожения в руках все меньшего числа частных собственников-монополистов-олигархов. Вплоть до того уже, что, как отмечается в «Докладе ООН о человеческом развитии за 1998 год» (а вернее этот ООНовский доклад нужно назвать: «О нечеловеческом развитии»), личное богатство трех наиболее богатых людей мира превышает валовой национальный продукт 48 наименее развитых стран мира. Совокупное богатство 225 наиболее богатых в мире людей составляет один триллион долларов, тем временем как из 4,4 миллиардов людей в развивающихся странах 3/5 не имеют доступа к безопасной канализации, 1/3 — к чистой воде, 1/5 — к медицинским услугам. Несомненно, что, соответственно, эта горстка сверхбогатых единиц для удержания в повиновении миллиардных масс сформирует не менее концентрированную и централизованную политическую

диктаторскую форму мирового господства. Конечно, они ее не назовут настоящим именем, которое выработалось в науке, а прикроют фиговым листком вроде «демократия», «глобализация» и т. п., но суть будет фашистская.

В чем преуспели и чего достигли с переходом на основание закона приспособления, так это того, что наплодили высокопородистых приспособленцев на всех уровнях, в том числе и в научных, и тем более, политических кругах. Вместе с тем, тот факт, что «интеллектуальная элита» согласилась с принципом (курсом) тотального выживания, говорит о том, что процесс уже пошел (стронулся с места, так и ходим «тронутыми»). И начался с выживания из ума.

Вот так-то. Вроде бы плюрализм нынче на дворе. Не нависает над представителями наук призрак Трохима Грозного (страшнее которого для биолога зверя не было) и тем более «страшного Политбюро» с его постановлениями и научными дискуссиями¹⁶⁹. Мирно пасется демократия (лишь изредка постреливая из танковых орудий по зданию Верховного Совета), тихонько бляя и пощипывая травку свободы, довольно мурлыкает гласность, обласканная и подкармливаемая не безбедными спонсорами; особенно голубая гласность — телеэкранная, которая почти круглосуточно нежится и красуется в голубых лучах электронных СМИ и зеленом, зелененьком излучении и облучении масс, происхождение которого всем известно. Одним словом, как в песне поется: «все стало вокруг голубым и зеленым». Оно и в самом

---

¹⁶⁹ Кстати, о Политбюро и его постановлениях, о чем так любят позубоскалить современные скалозубы. Особенно по поводу постановлений, касающихся культуры, науки и искусства, которые называют ждановскими. Умный, непредвзятый человек, вчитавшись в эти тексты постановлений сегодня, не может не признать их своевременность и большую рациональность. Теперь, как никогда, должно быть понятно, что руководители тех лет опасались эскалации и превращения появившихся отдельных «первых ласточек», отклонений и сбоев в то, что мы имеем в этих областях сегодня — развал, деградация, вырождение, поглощение всех элементов нашей культуры (музыка, кино, искусство, литература) т. н. западными «ценностями» и образцами. Не будь тогда постановлений и проводников тех идей и внедрителей их в жизнь, развал нынешнего уровня всей культуры мог бы осуществиться гораздо раньше. Сейчас как раз и не хватает, кроме прочего, таких людей, как А. А. Жданов и, разумеется, тех общественных социалистических отношений, в которых их организаторские способности могли проявиться и быть действенными и исторически значимыми, объективно необходимыми.

деле свобода: хочешь — выбирай «пепси», хочешь — «Веллу» от перхоти — «решение всех ваших проблем», «искушение “Рафаэлло”», а хочешь — выбирай президента (тоже красиво). У СМИ нет предпочтений: все «на равных» и сплошь «объективность». Тут вам только что принятый президентский пакет указов и законов, и тут же гигиенический пакет (не перепутайте). Знай наших: плюрализм и демократия.

Вот такая вот «слабода» наступила, и в то же время слабо каким-то образом воспрепятствовать разорению науки. Возможно потому, что именно наступила — в полном смысле этого слова — и добре-таки, жестко припечатала, придавила каблуком¹⁷⁰. Не сами же, не по прихоти или капризу научного коллектива закрываются лаборатории НИИ и целые институты, а сотрудники уходят в неоплатные отпуска. Вы что думаете, что профессорско-преподавательский состав вузов от большого трудового энтузиазма и патриотического порыва собственноручно, массово пишет «прошения» об уменьшении зарплаты на 25% при сохранении количества рабочих часов? Трудно поверить, что это те же люди, которые не могли смолчать, когда в прошлые времена им задерживали выплату отпускных на день-два и на эти самые пару дней по закону автоматически продлевали отпуск. А сейчас и отпуск кончился, а еще никаких отпускных не получают, вместе с зарплатой за пять месяцев вкруговую. И все помалкивают. Не смеют даже подумать удвоить бюджет страны за счет одного хапуги, прикарманившего миллиарды.

Это первейший признак того, что идея выживания освоена на все 120%, входит в кровь и срабатывает как инстинкт самосохранения. Оказывается, бывает суперкомандный метод — деньги, вернее, капитал (который не просто сумма денег, а определенные общественные отношения), и его приватный собственник. Он-то и заказывает «музыку» для науки. И ничего не сделаешь, если заказана похоронная музыка для самой науки, и заказ принят. А чего же вы еще хотите на смертном одре, не гопака же и не кадриль? На

---

¹⁷⁰И рады, что хоть каблуком модельного импортного штиблета, сработанного по заморской колодке, а не кованого НАТОвского сапога пока, с его «гуманитарной интервенцией». Только и слышно: «Запад нам поможет!» Он действительно всегда готов протянуть нам руку помощи, но так, что ноги мы и сами протянем. НА ТО оно и НАТО.

полусогнутых, христарадничая с протянутой рукой у храма (науки), оголив язвы на своем теле, чтобы более жалостливо выглядеть, гопад не вытанцовывается. Уместнее скромно кланяться и благодарить с табличкой на груди с перечислением всех ваших степеней и ученых званий, благодарить власти предержавшие (например, за то, что обещают вам бросить в шляпу половинку месячного аванса из шести месячных задолженных, заработанных вами уже давно зарплат прошедших беззарплатных месяцев). Да и то после того, как пообещают подать сперва не вам в шляпу, а в шахтерскую каску. Шляпой не постучишь. А помахивание ею власти расценят как приветствие. В телерепортаже студент умиленно благодарит президента за то, что дают такую стипендию, что этой суммой теперь можно расплатиться за месячное проживание в общежитии или купить льготный проездной билет в метро. Комментарии излишни.¹⁷¹

Демократичнее не придумавешь: милостыню тебе швыряют твоей же зарплатой. И приучают благодарить авансом за зарплату, которую еще не дали. Новизна.

Да, есть о чем подумать. Это вам не споры до хрипоты о дроздофилах, «гороховых законах», «квадратно-гнездовых посадках дубков в лесных насаждениях», «летней посадке картофеля».

Истина — конкретна. Одним словом, вот когда научитесь разбираться со своими нынешними конкретно-историческими про-

---

¹⁷¹А в 70-е годы обычный (пересічний — укр.) киевский студент (даже не отличник) запросто получал в своем профкоме двухнедельную путевку на студенческий турпоезд по Прибалтике (12 городов Литвы, Латвии, Эстонии плюс Минск, Новгород, Ленинград с ночлегом, питанием, автобусными экскурсиями, с посещением музеев, выставок, архитектурных, этнографических, природных достопримечательностей Вильнюса, Каунаса, Риги, Юрмалы, Таллинна, Минска, Ленинграда и др.). Все это ровно за одну месячную стипендию. Такие же студенческие поезда по Кавказскому маршруту — Тбилиси, Баку, Ереван, Батуми, Сухуми, Гагры, Сочи и др., кстати, и Грозный...

Туризм и Грозный. Сейчас трудно представить что-то более несовместимое. А ведь многие десятилетия существовали всесоюзные маршруты, например, № 389 «Из Чечено-Ингушетии в Грузию» (Грозный — переход через перевал Датвис — Джаари — Тбилиси). Существовал Чечено-Ингушский совет по туризму с грозненским адресом (что там делается теперь?), который предлагал всем народам всего Советского Союза посетить Грозный, а они, в свою очередь, приглашали попутешествовать жителей Чечни: например, по маршруту № 597: «Грозный — Киев—Минск — Прибалтика—Ленинград — Москва — Грозный» на 20 дней стоимостью в размере месячной зарплаты учителя (150 руб.), которая выплачивалась вовремя.

Спрашивается, как говорят в Одессе, кому это мешало?

блемами, совокупностью которых является ваша человеческая сущность, и если у вас останутся свободное время и силы, тогда и приходите в промежутках между своими разборками покопаться в проблемах и исследованиях прошлого — о генетике, месте травопольной системы в севообороте и т. п. (нам бы сейчас их заботы) и о людях тех времен (= совокупность всех общественных отношений той удивительной эпохи).

На «досуге» (в период очередного принудительного бесплатного отпуска, когда НИИ или вуз закрыт на месяц-другой и всех претендующих на выживание «ушли», послали подальше), если не отвыкли думать о чем-то, кроме выживания, подумайте о причинах всего вышеописанного и попробуйте дать оценку и самооценку (если сможете — в приличных выражениях), а также объективно сопоставить наше ненастоящее настоящее и настоящее прошлое.

***

Что ждет науку в будущем, и есть ли вообще у человечества это будущее? И прежде всего, возможно ли повторение чего-то подобного тому, что случилось с науками в конце XX века?

Насчет «подобного» — то вряд ли. А вот гораздо хуже, разрушительнее — это да, наверняка. Проблема-то несоответствия способа мышления способу производства (как выражения несоответствия способа производства уровню производительных сил) остается неразрешенной, и с разрешения этого, второго, нужно начинать. Не то — такое будет!.. Несвоевременное разрешение ведет к кризису. Отсутствие у представителей науки теоретического диалектического мышления тоже остается. И вы при этом хотите миновать кризисы?! Нет, их не обойти. Будут они, да еще какие — мощные и всеохватные — в сочетании кризиса в науке (претендующей стать непосредственно производительной силой) непременно с кризисом экономическим, в конечном счете — с выходом в то, что зовется «общим кризисом».

Собственно, все это уже есть в настоящем. Зарождается и набирает силу. Потеряно социально-экономическое основание бескризисного существования — социалистическая экономика. Отсутствуют антикризисные средства страховки от внешних влияний капиталистического мира. Мы сами стали этим миром со всеми его болезнями. Иммуниитета нет у экономики при не менее кризисной

политике. Ну что ж, захотели капитализма, — так и получайте, вместе со всеми его хроническими хворями. Последние даже не болезни, не отклонения от нормы, а и есть норма, т. е. то, без чего капитализм современный не может жить. Это способ его существования такой, это такое его процветание (нельзя сетовать на цвель, на паразитизм за то, что у них «такая» жизнь—«селяви»). Устранить это можно только вместе с источником. Тому, кого соблазнил он своим заманчивым обилием и ассортиментом произведенных товаров, нужно будет терпеть и то, что идет в нагрузку, как в подарочном магазине к дефициту. И этим обязательным сбоку бантиком к подарку является кризис со всеми его атрибутами и последствиями, и такая его крайняя форма как война.

«В самых передовых промышленных странах... мы безмерно увеличили производство, так что теперь ребенок производит больше, чем раньше сотня взрослых людей. Но каковы же следствия этого роста производства? Рост чрезмерного труда, рост нищеты масс и каждые десять лет огромный крах...

Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще (и цель его будет не выживание, а наслаждение — В. Б.). Историческое развитие делает такую организацию с каждым днем все более необходимой и с каждым днем все более возможной. От нее начнет свое летосчисление новая историческая эпоха, в которой сами люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что это совершенно затмит все сделанное до сих пор»¹⁷².

Лучше не скажешь. Не хотите планомерного производства и распределения, жалко рынка и конкуренции, режет ухо слово «социализм», тогда не надейтесь подняться «над прочими животными». Выживайте на здоровье. Так вам и надо.

Многое будет зависеть от того, освоят ли представители науки диалектику, внедрят ли теорию в массы и превратят ли ее в

---

¹⁷²ЭнгельсФ. Диалектика природы. — МарксК., ЭнгельсФ. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 358-359.

материальную силу организованного класса, действующего по диалектическому типу. Если нет, то можно не сомневаться, что наверняка кризисы грянут. И, конечно же, посильнее, помощнее и разрушительнее предыдущих. Эскалация усиления кризисов, как и возрастание их разрушительных возможностей — это закон. А разве то, в чем наша наука пребывает ныне — не кризис?! По колено, по пояс, а то и по шею в нем. Какой еще суперкризис можно ожидать? Но, похоже, будет и супер.

Если уже такая форма духа, как наука, становится «с душком», и от нее разит за версту, то представляете, какое разложение, гниение происходит там, в сфере бытия, материальных отношений, отражением и выражением состояния чего она (форма духа) только и может быть. Разложение духа, да еще и всех форм его — показатель, сигнал, «звонок», «запоздалое предупреждение», что такая беда имеет место в самом способе жизнедеятельности человечества (и не глеет, а — уже в самом разгаре). Не третий ли звонок?

Поповщина учуяла шатания в лагере материалистов и усилила напор. Вот кто воинствующий теперь, так это идеализм и его передовой отряд — религия.

Помните хрестоматийную истину, что сознание отстает от бытия, как форма от содержания, в том числе и такие формы сознания, как наука, искусство, мораль, не говоря уже о религии? Для этой формы духа («духа бездушных порядков») гниение — это «нормальное» состояние, это ее постоянный способ существования. Туда ей и дорога. А вот философию жалко. А ведь гниет и она, родимая. Да еще и как. Недаром ее представителей все больше тянет на «дорогу к храму». Не к храму науки, а к совсем аптипаучным поповским сооружениям.

Ученый люд нищенствует материально — это не его вина, а беда, но нищенствовать духом и осуществлять перебежки в стан исконного врага науки — это предательство.

Если для обывателя религиозные предрассудки — это своего рода налог на человеческую глупость или привычка почти автоматически поминать за каждым словом бога мать, то для научного работника, политика, артиста, которые считают возможным при всяком удобном и неудобном случае демонстративно славить бога, торчать со свечой в церкви, это даже не патология, а... нет слов для неслабого выражения.

Разве что такие слова: «... всякий боженька есть труположество...»¹⁷³; «... всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость...»¹⁷⁴.

Об этом можно было бы не говорить, если бы не развелось таких немало из бывших материалистов (даже с философским базовым образованием). Искать какие-то объективные основания таких метаморфоз, копаться в возможных причинах — бессмысленно. Это просто иррациональный идиотизм, аномальность.

Представляю, как смеются над такого типа экс-материалистами попы. Обхохочутся. Они-то знают, что к чему. Нынче, пожалуй, не найти в мире попа, даже самого высокого ранга (разве что какой-то псаломщик из глухой деревни), который бы не знал, что религия — это фантазия и только, и который бы серьезно верил в то, что сам бормочет прихожанам. Но они также знают, что в классовом обществе это прибыльная в кассовом отношении для имущих классов фантазия, которая дает немалый навар, выгоду, если умело организовать и использовать этот паразитизм на теле трудящегося люда. Трудяга сам принесет все, что тебе нужно, и отдаст. Сам себя поднесет на блюдечке с голубой каемочкой: «На, бери меня всего с потрохами — материальными и духовными». (С духовными — берут тут же авансом, с материальными — потом, как бог распорядится и заберет к себе). Готов же наркоман отдать абсолютно все ради получения очередной порции зелья, вызывающего иллюзии. Главное — втянуть человека в эту сферу, а потом все пойдет автоматически. С духовными наркотиками все точно так же — главное втянуть. И втягивают! На что привлечены небывалые ранее мощные, созданные наукой (!) средства, с помощью которых затягивают в воронку поповщины.

В Украине по закону, на бумаге церковь отделена от государства, от школы. Но это де-юре, а де-факто? То, что религия, церковь в нарушение договора о невмешательстве стремится осуществить вторжение в светские дела и это постоянно делается, — очевидно. А государственные органы, призванные обеспечивать гарантированное соблюдение нерушимости демаркационной линии, вместо этого стали активно и навязчиво внедрять религию в общественную жизнь, государственные мероприятия и учреждения, школы.

---

¹⁷³ Ленин В. И. А. М. Горькому. — ПСС, т. 48, с. 226.

¹⁷⁴ Там же.

На государственном радио и телевидении проповедники и сектанты всех мастей и стран днюют и ночуют, и кормятся. Ежедневно, по всем каналам (часто все одновременно и по несколько раз в сутки), используя самые совершенные средства воздействия на психику человека, потчуют своими шарлатанизмами миллионы людей. Государство отдает в их распоряжение свои СМИ, позволяет дурачить свой народ.

Упорно внедряется религия государственными административными органами в систему образования. Этим же напичкана и армия. Ни одно торжество или похороны не обходятся без попов и их аксессуаров. Солдат, курсантов, даже не спрашивая, отдают под религиозную обработку. Те, не смея возразить старшим чинам, повзводно стоят коленапреклоненно перед батюшкой. Командиры, ученые, политики безропотно подставляют склоненные головы под крестное знамение и кропление «святой» водой. Поп еле успевает помахать мокрым веничком — «опрыскивателем». Церковники святят корабельные орудия, ракетные комплексы. Поп на крейсере! Анекдот! А поп, освящающий ракету «Протон» на Байконуре?.. С пафосом рассказывают эпизод на космодроме Байконур, когда руководители полетов узнав, что космонавт не крещенный, в два часа почти подняли его, привезли попа и осуществили обряд. Чуть какая-то. Но никто не возразил! Теперь этот эпизод выйдет как пример для подражания.

Освящают редакции центральных газет. Медики позволяют окроплять стерильные лаборатории, чинно выстроившись тут же в белых халатах перед далеко не стерильным батюшкой, который носится по лаборатории и поливает всех и вся «святой водой» далеко не первой чистоты. Вокруг Киевской больницы для ученых — еженедельный крестный ход с молитвами и песнопениями. В больницах появились часовни и церкви. Так что спи спокойно, дорогой больной, своевременное отпевание обеспечено. Сервис на высоте.

Стало обычным зрелище: высокое начальство целует ручки высокому священнослужителю, только и слышно заискивающее: «владыко», «отец», по очереди лижут крест. Кстати, очень «гигиенично»! Сами-то взрослые — ладно, черт с ними. Но младенцев при крещении окунают в одну и ту же купель. А врачи безмолвствуют. Как сообщило с большой помпой телевидение, стараниями столичной

милиции в День милиции при детприемнике освятили церковь, записали себе в актив. Это что, мелочь. Вот администрации городов и областей настрогали две тысячи церквей и взяли обязательство отгрохать еще тыщу штук. (Это вместо квартир для трудящихся. Вот это актив!) А сколько школ закрыли? Сколько тысяч беспризорных детей не посещают школу?

Особо тягостное впечатление производит охота за детскими душами по «телеку». Бесконечные мультики на библейские темы. Советского Деда Мороза отправили в отставку. На его ставку теперь работает Святой Миколай. Но чтобы попасть ребенку к нему на утренник, нужно за входной билет отвалить 15, а то и 50 гривен. Во дают! Креста на вас нет!

Даже учебник для первого класса переполнен религиозными текстами и картинками. Тут и «Господня молитва», и «Житие Иисуса Христа», и «Молитва к ангелу-хранителю», и «Десять божьих заповедей». Особенно «интересная» и «важная» для первоклассников заповедь № 7— «не прелюбодействуй», которая на державной мове звучит более привлекательно: «Не чужелож». (А более полные сведения о других нехороших «ложствах», в том числе о мужеложстве, труположстве и т. д., очевидно, будут сообщены в более старших классах).

Тут, чтобы как-то объяснить первоклашке, про что это в заповеди, учителю придется обратиться к наглядному примеру вроде приключенческой истории, случившейся со знакомыми им сказочными персонажами. Один из вариантов: В некотором царстве, в некотором заморском государстве жили-были Билл и баба в красивом белом-иребелом доме. Появилась Курочка-ряба, которая и снесла яичко, да прямо в конгресс, и не простое, а с компромат-сюрпризом. Билл бил, бил — не разбил. Баба Билла била, била — не разбила. Конгресс, в свою очередь, Билла бил, бил, но все кончилось о'кей! Хеппи энд. Вот только платье бабе испортили.

Гораздо понятней школьникам отрывок из «Господней молитвы»: «Прости нам долги наши». Тут и ребенку ясно, что это относится к Камдессю¹⁷⁵ — благодетелю нашему и отцу родному. Он царь и бог в

---

¹⁷⁵Мишель Камдессю в 90-е годы был директором-распорядителем Международного Валютного фонда. — *Ред.*

вопросах о финансовых долгах. Вот такой камде-сюрреализм получается. Ясна молитва и насчет просьбы к ангелу-телохранителю на предмет «выведения на спасительную дорогу». Это, конечно же, о дальней дороге и казенном доме в виде Банка реконструкции и развития или ОБСЕ с просьбой- молитвой о гуманитарных подаяниях, Христа ради. Дорога к храму, который называется Бэнк оф Нью-Йорк.

Высокопоставленные попы¹⁷⁶ откровенно говорят с телеэкрана о «задаче массового оцерковливания молодежи». А между тем в государственных школах образцовой для наших демократов Америки попробовал бы учитель пройти в здание школы с религиозной книгой — немедленно лишился бы работы. Ведь сообразили опытные буржуи, какую опасность таит предпочтение со стороны государства одной из многочисленных конфессий (которые находятся в постоянной конфронтации друг с другом). Этой еще мороки им не хватало. Подальше от греха. Береженого и бог бережет.

Это наши государственные «умники», мало того, что в государственных учебных заведениях ввели так называемое религиеведение, в телестудиях — по нескольку гадалок и прорицателей, мистификаторов на квадратный метр площади, в газетах — горы гороскопов, в самых престижных переполненных помещениях правят бал знахари, ««администрации областей и городов строят церкви, закрывая детсады, пионерлагеря, детские технические станции, оздоровительные и спортивные базы, но и в армии, кроме эпизодических визитов попов, предлагают ввести при воинских частях должность капеллана. Одна лишь забота, где и как при батальоне или роте разместить и поставить на довольствие всю эту разноконфессиональную братию с их походными мини-церквушками.

Кадры можно комплектовать из состава ... (верно, угадали!) бывших армейских политработников. Армии только этого не хватало. И называется все это: «Заставь чиновника богу молиться — он и лоб разобьет».

А еще говорят, что наркотики в армии запрещены, но «опиум» для народа в погонах, оказывается, — можно.

Но самое большое кощунство — это осквернение могил воинов

---

¹⁷⁶В Древнем Риме служитель культа назывался «попа». До наших дней дошел уже сокращенный вариант — «поп».

Отечественной войны, когда вместо традиционных, поставленных в военные годы пирамидок со звездочкой, ставят кресты, совершают религиозные ритуалы, воздвигают на местах боев и братских могил вместо памятников часовни, церкви, устанавливают церковные символы вместо тех, под которыми эти люди, в абсолютном большинстве неверующие, воевали и сложили головы за атеистическое государство (и нечего попам вторгаться не в свои парафии). А высокие военные чины против такого бесцеремонного издевательства не возражают. Наоборот, участвуют в этом святотатстве. Власти потворствуют таким безобразиям и беззакониям. Ворон ворону... А что толкает коммунистов в объятья поповщины?! Как вам нравится картина изгнания беса из помещения бывшего парткома по инициативе и активном участии вчерашнего секретаря парткома?

У нас принято было настойчиво предупреждать о недопустимости неуважения к чувствам верующих, но оскорбления чувств неверующих почему-то не вызывают возражений. Наоборот, им напористо навязывают то, чего они не просят.

И это называется отделение церкви от школы, от государства! Разве не анекдот, что при этом президент, называющий себя главой государства, присягает на библии и одновременно другой рукой — на Конституции, где есть, между прочим, статья об отделении церкви от государства. Тоже красиво.

Интересно, что бы сделал Кучма в бытность свою парторгом завода с директором этого предприятия, если бы тот клялся на библии, когда брал обязательства по выполнению производственного плана?

А делаешь ставку на библию, так не нарушай «заповедей божьих». Первая же из них—«не будет у тебя других богов» — уже нарушена, товарищ-пан экс-парторг. И вторая заповедь тоже: «Не сотвори себе кумира (идола)». А чем не идола — доллар и кумир-друг Билл. Правда, сам кумир, как известно, подгулял насчет седьмой заповеди. Да и по заповеди номер шесть — «Не убивай» — в Югославии, и по заповеди «Не кради» — в развивающихся странах, которые обирают до нитки...

Кстати, в «Суперкниге», как называет гостелерадио библию в одноименной постоянной передаче, не очень-то выполняют ее же заповеди и сами себе противоречат на каждом шагу. То «не убий», а то, через несколько страниц, «время... убивать». Выходит, убивать

нехорошо, но если очень хочется, то можно. А поп в армии, что, он пришел напутствовать воинов не стрелять в брата дальнего? Наоборот: «Бей супостата, инородца, иноверца!»

Неважно, даже неприлично обстоит дело с пятой заповедью — «уважай отца своего...» Сын разрушает и оскверняет то, за что отец голову сложил. Ничего себе «уважил».

Богохульствуешь, раб божий.

А вот еще совсем свежая картинка на телеэкране ОРТ: на совместном (новизна!) приеме руководителей государства и церкви по случаю рождества оба самые высокие главы этих ведомств заявили, что такие совместные двуглавые акции — это только начало, и называют их показателем «возрождения духовности в стране». Лиха беда начало... Начало конца отделения церкви от государства? И чем это кончится?! Как это у нас в Украине не додумались первыми насчет совместных приемов? В следующем году непременно будут.

Как ни парадоксально — но факт, что это немецкие оккупанты привезли с собой и насадили попов (из числа перебежчиков). После освобождения оккупированной территории те самые кадры и остались на своих местах, только что кадилом стали помахивать теперь несколько в другую сторону и не за упокой Красной Армии, как месяц назад, а уже за здравие оной.

Некоторые руководители идеологии страны не устояли перед этой переориентировкой и с благодарностью приняли хамелео-новский подхалимаж, чего делать не стоило. Прибыли, оказалось, на копейку, а вот вреда — не счесть. Только что освободились от фашистских солдат, у каждого из которых на пряжке было выбито «Gott mit uns» (с нами бог). И только облегченно вздохнули: ну и бог с вами, как тут же являются наши, и тоже — «с нами бог» (с сентября 1943).

Этот шаг такой же ошибочный, как и введение старой дореволюционной армейской офицерской формы «золотопогонников», званий и традиций царской армии, все это сразу вызвало смятение в умах и чувствах советских людей.

И то, что тогда аукнулось, — откликнулось в наши дни и царским двуглавым орлом-мутантом, и опять же царским, российским флагом (он же флаг «белого движения» и еще власовский), и квасным патриотизмом, шовинизмом и национализмом и т. п. За гипертрофированный мелкобуржуазный патриотизм приходится

расплачиваться.

Безоговорочный и окончательный приговор религии история уже вынесла устами Маркса: «*Религиозное убожество* есть в одно и тоже время *выражение* действительного убожества и *протест* против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть *опиум* народа.

Упразднение религии, как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть *требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*. Критика религии есть, следовательно, *в зародыше критика той юдоли плача, священным; ореолом, которой является религия*.

Критика сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы — не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишенной всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком. Критика религии освобождает человека от иллюзий, чтобы он мыслил, действовал, строил свою действительность как освободившийся от иллюзий, как ставший разумным человек; чтобы он вращался вокруг себя самого и своего действительного солнца. Религия есть лишь иллюзорное солнце, движущееся вокруг человека до тех пор, пока он не начинает двигаться вокруг себя самого»¹⁷⁷.

Приведенные слова Маркса следовало бы знать на память тем, кто называют себя левыми, но которых пошатывает и отклоняет вправо — к храму антинаучному, религиозному, а не к храму науки — антирелигиозному, антиидеалистическому.

В обществе, где царит имущественное неравенство, имущий класс всегда нуждался в средствах подавления противоположного класса. Для физического подавления — в функции палача, а для духовного подавления — в функции попа. Первая осуществлялась специальным аппаратом подавления — государством, вторая — церковью. Лишь коммунистические бесклассовые общественные отношения не нуждаются в упомянутых услугах.

---

¹⁷⁷МарксК. К критике гегелевской философии права. Введение.— МарксК., ЭнгельсФ. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 415.

Мы уже дожили до того, что безучастно взираем на образовавшиеся методологические пустоты, в которые, как в карстовые воронки, проваливается наука, отрасль за отраслью. На нее хищно набрасываются и западные капиталистические пираньи, которые беспощадно откусывают лакомые куски от здорового тела советской еще науки и готовы обглодать ее полностью, и свои подрастающие шакалы, которые специализируются на доедании павших. Не отстает и поповщина (отечественная и зарубежная), мистика и прочая чушь, которая опутывает липкой паутиной и тянет науку в пропасть. И наука таки рухнет, если ее представители из-за своей философской невинности не в состоянии защитить эту уважаемую форму духа. Пока получается скорее по Ницше: «Подтолкни падающего». Тогда вообще дух из нее вон.

А тут, похоже, дело даже не в невинности, а скорее, наоборот, в продажности в традициях т. н. «древнейшей профессии». В лучшем случае, они стараются продемонстрировать свою «нейтральность» по отношению к пожирающей науку религии. Будто никогда не слыхивали, что в этих делах нейтральности, середины не бывает: или ты активно и систематически борешься против аптипаучного религиозного мировоззрения, или укрепляешь его, даже самым своим нейтрализмом. Как раз в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин камня на камне не оставил от попыток богостроительства, которым заразились даже некоторые марксисты (Луначарский, Горький). Ленин писал Горькому: «А богостроительство не есть ли худший вид самооплевания??»¹⁷⁸; «Читаю и ругаюсь последними словами», говорил он о своих впечатлениях от знакомства с произведениями этих «богостроителей». Какими же словами нужно ругаться в адрес наших нынешних экс-марксистов-богостроителей?! Даже в богатом в этом отношении великом русском языке может не найтись соответствующих слов для выражения.

Самое отвратительное и непонятное — это попытки ученой братии не только примирить, но и соединить, скрестить, случить, совокупить, сроднить науку с антинаукой, религией, обскурантизмом, создать союз и партнерство ученых с теологами и получить новый гибридный вариант идеологии. Вопросы воспитания, морали готовы полностью

---

¹⁷⁸

Ленин В. И. А. М. Горькому. — ПСС, т. 48, с. 227

перепоручить попам.

Только постоянная активная, наступательная (а не оборонительная), бескомпромиссная борьба с позиций диалектического материализма может спасти современную науку.

Министерство просвещения станет министерством затемнения, если осуществит свое обещание ввести в школе, начиная с младших классов, предмет «христианская мораль». При этом пусть не забудут сослаться на то, что самым богатым в России является глава российской «славной» православной церкви, который, как сообщает газета «Известия», разбогател на беспощинной продаже импортной водки и табачных изделий.

Среди ученых, в том числе естествоиспытателей, появились этикие «стыдливые материалисты» (точнее, бесстыжие), которые вдруг застыдились своего атеизма, лавируют, юлят, виляют, извиваются, стараются выслужиться перед клерикалами, понравиться им, угодливо называют атеизм «мракобесием» (перестарались). А чтобы кто-то в наши дни упрекнул ученого-коллегу за протаскивание религии в науку — небывалая вещь.

А ведь мог же Менделеев возглавить комиссию по разоблачению спиритического шарлатанства соотечественника, известного естествоиспытателя Бутлерова.

Ф. Энгельс в свое время показал, как естествознание вдруг оказалось «в мире духов» и почему следует ожидать повторений подобных извращений, наконец, как выходить из таких кризисных положений, предотвращать их. От себя заметим, что сближение науки с религией (этих абсолютно несовместимых противоположностей) — показатель того, что эта форма духа (наука) разлагается, становится, говоря философским языком, «превращенной формой», и отсюда у нее тяготение («проявление родственных чувств») к такой совершенно извращенной форме (способом существования которой является извращение, разложение), потерявшей всякое объективное основание, как религия — антинаука.

Если религия, теизм — это самая настоящая антинаука, то науке и «бог велел» быть антирелигией, а-теизмом, отрицанием теизма, причем не менее воинствующим, чем невежественная поповщина. Суть и смысл науки — получение объективной истины. А это и есть то, что зовется материализмом — «отражение действительности такой, как

она есть без единого прибавления». Материализм — это становой хребет науки. Ее кровь и постоянно бьющееся сердце — диалектика.

Материализм лишь тогда настоящий материализм, когда он воинствующий. К сожалению, сегодня больше слышны громогласные заявления о необходимости соединения марксизма, социализма с религией.

«Нетрудно усмотреть необходимость того, что все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении *частной собственности*, в экономике.

Эта *материальная, непосредственно чувственная частная собственность* является материальным, чувственным выражением *отчужденной человеческой* жизни. Ее движение — производство и потребление — есть *чувственное* проявление движения всего предшествующего производства, т. е. оно представляет собой осуществление или действительность человека. Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь *особые* виды производства и подчиняются его всеобщему закону. Поэтому положительное упразднение *частной собственности*, как утверждение *человеческой* жизни, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому*, т. е. *общественному бытию*»¹⁷⁹. И тут же продолжает Маркс: «Религиозное отчуждение как таковое происходит лишь в сфере *сознания*, в сфере внутреннего мира человека, но экономическое отчуждение *действительной жизни*, — его упразднение охватывает поэтому обе стороны»¹⁸⁰.

***

То, что мы имеем сейчас, несравнимо с тем, что было в прошлом. Но то, что грядет, возможно, будет таким, что все предшествующие наукоотрясения покажутся детскими шалостями, игрой. И предсказать такую возможность не так уж трудно, ибо сохраняются непреодоленными все те факторы, которые производят и постоянно воспроизводят (да еще в варианте расширенного воспроизводства)

---

¹⁷⁹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 117.

¹⁸⁰ Там же.

подобные превращенные формы и извращения. (Помните, у Энгельса: «Абстрактный материализм есть абстрактный спиритуализм»? В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин посвятил этому целые разделы —

о французском спиритуализме, английском и т. п.). Эмпиризм, отсутствие теоретического диалектического мышления, а теперь еще плюс товарно-денежные отношения, распространяемые непосредственно на сферу науки, и превращение в товар всего, включая и самих ученых, делают свое дело. Вот и извольте платить (в условиях рыночных отношений платы не избежать) за все именно такой ценой (по расценкам стихии рынка). Даже не стихии, а по тарифам, устанавливаемым олигархами или зарубежными «благодетелями» вроде Сороса, небезызвестного скупщика мозгов. Так будет точнее, ибо в настоящее время нет уже чистого конкурентного капитализма. Товарное отношение ведет его постоянно в империализм.

В таких условиях или человек погубит науку, или наука погубит человека (человечество). По крайней мере, непрерывный кризис без конца обеспечен.

Наука или, сделав решительные шаги вперед, становится непосредственной производительной силой (что возможно лишь при господстве и на основании непосредственно общественного характера труда), или она становится разрушительной силой — губителем человека и человечества. Середины тут не бывает. Топтание на месте — это так или иначе шаги назад. Причем, достанет такая превращенная наука буквально каждого и прикончит не мытьем (атомным или химическим), так катаньем (танковым): то ли физическим уничтожением, физическим (в полном смысле этого слова) оружием — ужасным детищем науки физики, то ли духовной деградацией и вырождением, духовным оскотлением, одичанием, а главное — социальным обезчеловечиванием и превращением человека в частичного рабочего, непосредственного агента производства, «выдрессированную силу природы» (Маркс), в деталь машины, пусковой ее механизм, «шатун», «смазку», в живое программное устройство при машине, уступающее искусственному, компьютерному, в товар среди товаров, продаваемый и покупаемый по рыночным и договорным ценам с сегодня на завтра .

II это — тоже месть (и притом самая страшная) диалектики

развития, которое не может продолжаться дальше нормально без овладения человеком диалектическим способом мышления и действия в форме свободы — т. е. со знанием дела. Без знания дела, без знания законов развития и сознательного планового всеобщего действия соответственно саморазвитию объективной необходимости¹⁸¹ и с позиций субъекта исторического действия — кризис, ломка, деструкция и гниение будет нашим уделом.

Теперь, когда поле науки залито снова и как никогда, грязью мистицизма, спиритуализма, затянуто тиной обскурантизма, заболочено до предела (до беспредела) иррационализмом, заражено солипсизмом, нужны подвижники, которые расшевелили бы стоячее болото, подняли волну, которая смела бы грязь и обеспечила чистые «проточные» воды научному познанию.

Конечно же, это будет нелегко сделать, нужен адский труд. А когда он в науке не «адский»? А разве не в этом весь вкус и прелесть научной работы? А насколько более адский он или менее адский — это уже не существенно. То, что происходит с наукой теперь, конечно же, ни в какое сравнение не идет с тем, что случалось с наукой в прошлые времена (в сороковые годы, например). Тогда в СССР, преодолев кризис, она, как известно, рванула вперед под девизом: «без теории смерть, смерть, смерть» (Сталин), удивляя мир результативностью и темпами (как, кстати, и щедростью государственных финансовых вложений в науку и образование). В условиях планового народного хозяйства социалистическая власть, обнаружив прорыв, отставание, направляет в заданную точку, в эпицентр прорыва, все силы — материальные и духовные и быстро ликвидирует образовавшуюся брешь.

Итак, бывали кризисы и раньше. Но раньше было и социалистическое плановое хозяйство, которое выравнивало положение (антикризис). Даже при отклонениях в объективном революционном развитии в науке, при сохранении революционного развития в экономике развивательный процесс быстро восстанавливается.

С потерей революционности в социально-экономическом развитии страны малейшее «заболевание» науки, даже «легкая простуда», может привести к тяжелым необратимым осложнениям, а то и хуже.

---

¹⁸¹

Соответственно своему понятию, как сказал бы Гегель.

Совпадение кризиса в науке с кризисом в социальнополитической области может оказаться непоправимым для обеих сфер.

Контрреволюция в жизни общества непременно плодит деградацию, извращение науки, превращает науку в превращенную форму, т. е. из творчества и созидания, из *производительной* силы — в *разрушительную* силу, в орудие угнетения человека, в оружие уничтожения.

Назвать то, что происходит с наукой сегодня «кризисом» — это будет мягко сказано. Катастрофа! (Конечно, в определенном отношении — можно и падение человека в сорвавшемся лифте до соприкосновения с дном шахты считать «свободным полетом» тела в пространстве. Вот только судьба этого тела (человека) неотделима от судьбы летящей кабины, как кризис науки — от социального кризиса. Мы все летим, наслаждаясь иллюзорной свободой. И «все там будем».)

Грядет не просто очередная волна очередного кризиса, а, похоже, «девятый вал», кризис кризисов, причем всеохватный и всесторонний (Кризис с большой буквы), включающий и экономический, финансовый, и политический, и социальный¹⁸² аспекты (моменты). Особенно последний принимает самые уродливые извращенные формы — извращения извращений (извращенное выражение извращенных отношений).

Более того, этот *всемирный всеобщий* кризис, который определяет все частные кризисы, представляя собой как бы ствол для всех ответвлений, — имеет генеральную линию своего восхождения, вернее нисхождения, эскалации и совершенствования разрушительных сил. Прогрессирующий регресс.

Здесь господствует (свирепствует) пандемия мировоззренческого СПИДа, потеря материалистического иммунитета. Ученые с потрохами отделились на поругание мистике, мракобесию и суевериям. И это, называется, естество-испытатели!? Раньше таких, торгующих собой, называли, прости господи, по-другому. Самое мягкое: «Лакеи поповщины».

***

---

¹⁸² Социальный не в обывательском понимании этого слова, низведенного малограмотными политиками до значения собеса, а в научном, что значит общественные производственные отношения (форма собственности, и соответственно, положение людей в системе производства и распределения общественного богатства).

А что же философы? Как там поживают-выживают дорогие союзники естествоиспытателей? Эти «убежденные» и «воинствующие», наверное, там, где и положено им быть: на баррикадах, в борьбе, на переднем крае, не дают в обиду науку и свое материалистическое мировоззрение, сражаются, не жалея «живота своего»?

И точно, на баррикадах таки, только по ту (вернее, не ту), противоположную сторону баррикады, в стане вчерашних своих заклятых мировоззренческих врагов. Философы оказались не сражающимися и даже не сражаемыми, а капитулирующими. Без всякого сражения, без боя, без единого выстрела (как говорится) сдали свои позиции. Более того, перешли на службу к исконным врагам. По команде: Кру-у-у-гом! Равнение направо, строевым марш!.. И потопали, печатая шаг, под знаменами вчерашних врагов и поповскими хоругвями¹⁸³. Свою любовь — философию (любовь к мудрости) собственноручно вывели на панель и превратили во вторую древнейшую профессию, сводничают и продают по всем правилам рыночных отношений и в самых неприличных, развращенных формах. Сову Минервы (богини мудрости) променяли на «ножки Буша».

А живота своего они и впрямь не щадят — набивают его беспощадно и безбожно, безжалостно всем, что подвернется и перепадет от стола новых «хозяев жизни» и от щедрот западных благодетелей типа Сороса.

«Материализм» считают чуть ли не бранным словом, которое при дамах неприлично даже произносить. Они, работники философского цеха, оказывается, «давно считали», что деление философии на материалистическую и идеалистическую — нонсенс (нема сенсу). Почему раньше молчали об этом, называли себя клятвенно материалистами, атеистами, клеймили идеализм, поповщину и т. п.? — Так бес же попутал! (Не согрешишь — не покаешься).

А вот и ответ на вопрос, почему наша философская мысль стала такой, т. е. недомыслием или домyslom, утратила с легкостью невероятной объективные ориентиры, лишилась не без добровольного

---

¹⁸³ Нельзя не согласиться с известным американским политологом С. Коэнном, который сказал в адрес своих вчерашних противников — советских обществоведов, что если бы он в одно прекрасное утро встал и обнаружил, что у него поменялось мировоззрение на 180 градусов, он обратился бы к психиатру.

согласия представителей философского корпуса основного вопроса философии и его решения в духе материализма, стала бесхребетной или с искривленным хребтом. Мировоззренческий сколиоз, конечно же, не украшает философию.

Пока больше говорилось, что собой стала представлять философия. Но важно понять и выяснить не столько, *как* дело обстоит, сколько *почему*? Воспользуемся мнением Плеханова.

«Философия служит у нас теперь наиболее надежным орудием приспособления нашего общественного сознания к нашему общественному бытию. Бытие, как-никак, принимает буржуазный характер; такой же характер должно принять и сознание. И этому деятельно помогает философия.

Но не всякая философия годится для приспособления буржуазного общественного сознания к буржуазному общественному бытию. Для этого в настоящее время годится только *идеалистическая* философия. Оттого и нет спроса на философские сочинения, написанные *материалистами*.

Но ведь в состав читающей публики входят также и *социалисты*? Да, входят. Неужели и они отворачиваются от материалистических сочинений? Как уже сказано, отворачиваются. Почему же? Ясно почему: потому, что они сами подвергаются буржуазному влиянию.

Стыдно сказать, а грех утаить, — продолжает Плеханов, — мы сами очень много делаем для крайнего затруднения себе выработки правильных философских понятий. Как изучают философию наши товарищи? Они читают — скажу, пожалуй, из вежливости: “штудируют” — модных теперь философских писателей. Но эти модные теперь философские писатели насквозь пропитаны идеализмом. Вполне естественно, что “штудирующие” их товарищи наши заражаются предрассудками идеализма».

Это — Плеханов¹⁸⁴. И, конечно, не о нас. Но, как видите, нельзя сказать, что не для нас. Как похожи проблемы, ну просто один к одному. А все потому, что, как уже говорилось, схожи ситуации. Там, тогда — кризисные годы после поражения революции 1905 года, и у нас здесь теперь тоже кризис (материальный и духовный) и тоже в

---

¹⁸⁴Плеханов Г. В. Об изучении философии. Избранные философские произведения, т. III, с. 483.

связи с поражением революции, но социалистической, и реставрацией капитализма, буржуазной политической властью, называющей себя демократией.

Плеханова можно поблагодарить за глубокий научный анализ и меткие замечания через годы в адрес завершающего век поколения. Посмотрите, чем завален наш книжный рынок, что рекомендуется для изучения философии. Это, как правило, низкопробные некачественные изделия, но непременно проидеалистические, апологетические. В отличие от «умного идеализма» (говоря ленинскими словами) эти поделки безнадежно слабы, примитивны, но очевидно хороши, удобны для приспособления (приспособительства, приспособленчества) к капитализму, раз спрос есть. Диалектический материализм, марксизм, видите ли, «устарел», «архаика». Подавай что-то «новенькое». Но предлагаемое капиталистическим идеологическим рынком — такое же «новенькое», как и сам его препохабие капитализм¹⁸⁵.

Плеханов прав, он дал научное, материалистическое объяснение факту «переориентирования» значительной части философов в связи с оживлением капитализма и форсированной реставрацией буржуазных порядков (в дореволюционной России). Но есть существенное различие времен. Тогда происходил процесс зарождения и становления молодого капитализма, имеющего историческое основание. Он был на подъеме. Нынешний мировой капитализм, инфильтрируемый, вживляемый в наше общество, изжил себя исторически, утратил объективную необходимость, как сказал бы Гегель, перестал быть разумным и действительным. Наоборот, исчерпав себя, он разлагается, гниет. Трансплантация или зачатие от такого больного только заразит

---

¹⁸⁵Насчет моды на философских писателей, это Плеханов здорово заметил. Но мода всегда остается модой. А, по определению Станиславского, мода это — отсутствие вкуса. В те времена это Авенариус, Мах, Богданов, Рикерт, в наше — новые имена. Хочешь выглядеть современным и модным — имей в виду, что в этом сезоне будут носиться приталенные пиджаки, ширина брюк 27 сантиметров и при сем в правой руке томик Рикера. Соответственно, для дам мини-юбки 36,6 см выше колен, с разрезом, а в сумке через плечо книга Гастона Вашляра. Прикольно будет говорить спутнику: «Как, Вы не читали диссертации Фуко “История дурости в классический период”? Обалденно! А как вам Деррида?! Это такой кайф!» И проскандировать: «Дерри — да, Гегель — нет!» Для юных, конечно, книга Юнга (в желтом переплете). К пляжному костому «бикини» подходит книга Элиаде «Психоанализ воды», к вечернему платью — его же «Психоанализ огня».

и погубит реципиента. Новорожденный плод безнадежно, неизлечимо болен в самой изначальности и будет заражать все вокруг и разлагать. Такой донор-приемыш социально-генетически чужд реципиенту— нашему советскому народу, его образу жизни. Это как чужеродный белок, антагонистичный, несовместимый ни с обобществленной экономикой, ни с общественной психологией масс. И этот антагонизм может кончиться взрывом, гибелью одной или обеих сторон антагонизма¹⁸⁶.

То же самое происходит и в сфере общественного сознания, в том числе и в философии: философы-перебежчики потянулись к капиталистическому берегу, а там болото, гниль, берег заболочен, размывает, ни проточной воды, ни течения, застой и ничего живого. Капитализм — чужой для нашего народа по основанию. Он несовместим с нашим образом жизни и отторгается. Поэтому буржуазия делает ставку на молодежь, которая не знает советскости и не имеет иммунитета от капиталистической заразы. Молодежь приручают. Власть имущие приобщают (обнадеживают, внедряют вкус) к гнилым капиталистическим «ценностям», стараются омелькобуржуазить подрастающее поколение, приобщая к мелкой собственности и делая каждого меченым, а всех — торговцами (полутружениками-полуэксплуататорами) с соответствующим сознанием хозяйчика: сознанием анархизма, анархо-синдикализма, терроризма — и другими признаками взбесившегося хозяйчика. У Ленина есть очень образная характеристика современного капитализма: он разлагается, но его не заколотишь в гроб, и он смердит и заражает все вокруг.

Желая при знакомстве с дамой доставить ей приятность, можно спросить: «Не Вы ли автор теории коммуникативной рациональности?» Но не переспрашивайте: «Хабер... кто ее любимый философ?» Вашу элитарность будет подчеркивать частое употребление ключевых слов: «парадигма», «психоанализ», «блин», «постмодерн». На вопрос «Что такое менталитет?» не вздумайте отвечать, что это что-то милицееское.

И совсем круто вести беседы в элитарной компании мэнэсов за герменевтику, продуцирование подсознательного, об апориях фукуизма (от Фуко), и конечно же, о наших любимых «отечественных» философах: Шопенгауэр-ренко, Фрейд-енко, Гадаммерчуке, Хайдеггерчуке, Попперенко, Ницшенко, Хабермасенко и Верке Сердючке — символе нашей современной ментальности и духовности.

⁵⁹Тот, упомянутый Плехановым капитализм, который был тогда на подъеме, крахнул через 7 лет и 4 месяца. Сколько притянет этот, нынешний мировой, который в закате?

Так какую же иную, чем гнилую (искаленную, извращенную, изуродованную), вы хотите получить философию и все другие формы духа (искусство, мораль), которые по сути являются лишь своим другим (другим себя) этих объективных форм бытия, этих извращенных, изуродованных капиталом, отчуждением отношений. Даже религия при всем том, что она по самому своему основанию и происхождению есть извращенная форма сознания, в таких капиталистически-империалистических отношениях превращается в извращение извращения.

Ленин в одной из статей примерно того же периода, что и плехановская, раскрывает те же вопросы, актуальные и тогда, и теперь, и дает философам оценки более точные, принципиальные и бескомпромиссные, чем Плеханов, и, конечно же, более подходящие к нашей ситуации. Если Плеханов — нашим перебежчикам в бровь, то Ленин — в глаз, в бесстыжие глаза предателей. И поделом.

«А вы, господа просвещенные демократы, вы — просто слезоточивые дурачки, прикрывающие либеральным юродством свою неспособность быть чем-либо иным, как культурными лакеями того же помещичьего класса...

Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам. Вот вы именно такие хамы, господа... Вы не понимаете того, что, вместо того, чтобы превращать раба в революционера, вы превращаете рабов в холопов. Ваши слова о свободе и демократии — напускной лоск, заученные фразы, модная болтовня или лицемерие. Это размалеванная вывеска. А сами по себе вы — гробы повапленные. Душонка у вас насквозь хамская, а вся ваша образованность, культурность и просвещенность есть только разновидность квалифицированной проституции. Ибо вы продаете свои души и продаете не только из нужды, но и из “любви к искусству”!»¹⁸⁷.

Нельзя сказать, что наши холуи-перебежчики, коллаборанты от

---

¹⁸⁷

Ленин В. И. Памяти графа Гейдена. — ПСС, т. 16, с. 39-40.

философии, лижут сапоги новым хозяевам жизни. Но только потому, что нынешний хозяин, буржуа не носит сапог, они не в моде. Модельные же импортные штиблеты от «Версаче» — совсем другое дело (что тебе «Орбит» без сахара). Лижки — не хочу.

Продолжая в этом же духе разговор о нынешнем положении компендиума, истории духа — философии, можно сказать, что последняя ныне скурвленная (сипош — на латинском, милом для философии языке, значит кривой). И это самое подходящее определение для нынешнего состояния философии и представителей философского цеха после отказа от материализма. Искривленная она до невозможности, деформированная, скособоченная, сколиозная, бесхребетная.

Как возможно выправление, правеж (правда) этой кривды, то другой вопрос, но факт налицо, на подлецо. Это что-то бесформенное, расплывчатое, вязкое, липкое. Это какая-то неудобоваримая крошка из зарубежных школок и школ, эклектически сыпанных (вернее, слитых: школки, как правило, жидкие, жидковаты) в емкость. Полученное эклектическое варево, чем более бессмысленно, тем лучше, моднее. Выживающий потребитель, чтобы показаться современным и лояльным, проглатывает все, что подадут.

И очень уж невыносимый дух витает (прет, хоть топор вешай, дух из него вон). Все жидкости разных несовместимых философских школ, слитые в одну плюралистическую посудину, создают нечто ужасное, смердящее (смердоносное). Даже если бы сливали не в парашу, а в самый что ни на есть стерильный флакон все философские достояния всех школ идеализма, структурализма, экзистенциализма, эмпириокритицизма, фидеизма и т. д., как это у нас эклектично делается ныне (и будь это самые шикарные духи разных марок), то все равно получили бы зловонную жидкость, а не сверхшикарные духи.

Нужен монизм и только монизм, и притом — только материалистический. Более того, обязательно антиидеалистический¹⁸⁸,

---

¹⁸⁸ Буржуазные идеологи стали соблазнять нашу интеллигенцию плюрализмом. Чем, говорят, плохо сосуществование многих идей, точек зрения?

Плюрализмом называется не просто наличие разных мнений, мыслей одновременно в сосуществовании, а всеядность мировоззренческая в противоположность монизму материалистическому, например. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» пишет, что естествоиспытатели могут давать хорошие открытия в своей науке (физике),

воинствующий — конфронтационный, а не содружественный.

Втащив философию в лоно рыночных отношений и став сами товаром среди товаров, философы вместе со своим предметом (не столько предметом науки, сколько предметом для продажи) гниют вместе с ареалом, в котором находятся. Трагизм положения заключается в том, что мы знаем о феномене дерьмовости, догадываемся, но думаем, что стоим в дерьме (спорим: по щиколотку, по колено, по пояс или уже, наконец, по шею). Но дело-то в том, что не мы стоим в . . . , а мы и есть оно самое.

Мы начинаем привыкать к такому ареалу обитания и к его запахам, нас уже не раздражает зловоние, мы становимся совокупностью этих новых общественных отношений, которые ассимилируют нас, а мы их. Живут же черви в навозе, и им нравится. Мы как черви, с той только разницей, что нам противно. Но беда в том, что многим из нас уже начинает нравиться такое положение. Мы и в самом деле кишим, но это не дождевые черви, улучшающие, обогащающие почву для взращивания посевов, и не в навозе, который можно использовать как удобрение, а в смердящей, зловонной жиже в выгребной яме, которую ни в коем случае нельзя разливать на поле, т. к. она сгноит и семена, и проклюнувшиеся ростки растений, посевов. Удобрением все это может стать, если перегорит в компостной яме за несколько лет. А пока это гнилье и только. Гнилостный процесс заражает все вокруг и губит, разлагает. В нем кишат не просто черви, а глисты, которые несут заразу, болезни.

Вот мы и есть эти самые глисты-паразиты, которые, однако, лишь временно проходят своего рода инкубационный период, а стремятся проникнуть и поселиться в здоровом организме человека и

но в мировоззренческих вопросах, а это гносеологические (а гносеология есть партийная наука) могут оказаться на ошибочной линии нематериалистической, ревизионистской. (См. Ленин «Материализм и эмпириокритицизм», гл. 5 или *дополнения* ЖД® 2, 3, 1).

В противоположность монизму может быть предложен дуализм, плюрализм и т. п. «изм» (Ср. идея, но идеализм, релятивность у физиков, но релятивИЗМ как принцип мировоззренческий, где ставится вопрос в гносеологической плоскости, в качестве определяющего то, что носит относительный, частный характер). Некоторые даже пытались ввести понятие социалистический плюрализм. Но это искусственная затея. «Социалистический» может быть только монизм материалистический. Плюрализм — только буржуазный.

паразитировать, превращать его в гнилье, в труп. Но лишь таким образом уничтожается ареал, условия их существования, и с этим конец паразитам (и паразитизму?). Не ограничится ли все лишь тем, что одни черви-паразиты, философствующие аскариды, передадут эстафету своего дела — деструктивного — другим червям — трупным, которые продолжат процесс разложения, до- разложения, и все дела? «Экзистенциальные» сменятся «трансцендентальными», а разложение, гниение будет продолжаться на новом основании, но в том же направлении — деструктивном. И в чем выход?

Энергию, теплоту от процесса гниения, благоприятную для размножения гнилостных организмов, нужно заменить на все-сжигающий огонь, который уничтожит само основание для гниения вообще.

Итак, всеочищающий огонь! Изменение по основанию. Он-то и обеспечит рывок вперед, вверх, а не сползание назад, спад развития, прогрессирующий регресс.

Чтобы исчезли философствующие паразиты, нужно пресечь развитие социально-экономического паразитства, что возможно лишь устранив условия, порождающие постоянное воспроизведение паразитизма. А это — частная собственность, закон прибавочной стоимости, присвоение чужого труда. Пока наши нынешние паразитики-рантье — это мелочь, своего рода «острицы», вызывающие зуд, но дело идет к тому, что появляются паразитища — «солитеры» — олигархи. Даже государство-рантье. Хотя есть политические силы, которые делают ставку на мелочевку, «мелкий частик». Только и слышно: «ставка на средний класс», «нам нужно создавать средний класс, мелкого собственника, малый и средний бизнес» и т. д. И создают-таки. Не будем говорить о грозящих последствиях, включая появление взбесившегося хозяйчика и терроризм. Соответственно, и в сфере сознания ждите анархо-синдикализм, анархо-субъективизм. В морали — махровое беспросветное мещанство, а то и бонапартизм.

Выйдет ли философия из такого положения, из болота, из жижи нечистот? И что нужно делать, чем помочь ей?

Прежде всего — четко размежеваться по известным основаниям, по основному вопросу философии: демокритовцы, марксисты-ленинцы — налево, становись! Именно в строй, открыто и сознательно! Платоновцы, неокантианцы, берклианцы, бердяев-цы, хабермасовцы и

т. п. — направо.

Середины, дуализма, «и нашим и вашим», тут не бывает. Дуалист, агностик, непоследовательный материалист — это все равно идеалист (как и непоследовательный идеалист — все равно идеалист), т. е. дуализма вообще не существует в природе, учит Гегель, что нет двух сторон. Есть одна сторона и ее свое другое,

62

раздвоение единого .

Главный сепаратор, который осуществит фактическое разделение общественных сил — это практика, революционная общественная практическая деятельность, борьба, в которой каждый должен, вернее, вынужден будет сознательно и открыто встать

(N13 «его другое»),— «вот почему следует Вселенную, Абсолютное определять как становление» (Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 234).

И дальше: такое *единство противоположностей* «... как раз есть абсолютное становление, изменение, — не становление другого, сейчас одно, а затем другое. Существенно то, что каждое отличное, особое отлично от какого-либо другого, но не абстрактно от какого-либо другого, а от *своего* другого; каждое существует лишь постольку, поскольку в его понятии содержится его другое».

И дальше сравнивается с музыкальными тонами: «... они должны быть различны, но так, чтобы они могли быть едиными» (Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 235).

«Противоречие — вот что на деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить. Правильно в этом утверждении лишь то, что противоречием дело не может закончиться, и что оно (противоречие) снимает себя само через себя. Но снятое противоречие не есть абстрактное тождество, ибо последнее само есть лишь одна сторона противоположности» (Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 280).

«*Противоположность и противоречие* разграничивал в своей “Науке логики” Гегель. В противоположности отношение двух сторон таково, что каждая из них определяется другой и поэтому является только моментом, но в то же время каждая сторона определяется и сама собой, и это сообщает ей самостоятельность; в противоречии, напротив, отношение таково, что каждая сторона в своей самостоятельности содержит другую, и в связи с этим оказывается исключенной самостоятельность обеих» (примечание от Института марксизма-ленинизма в книге: Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 467)

Из отношения отчужденного труда к частной собственности вытекает далее, что эмансипация общества частной собственности и т. д. от кабалы, выливается в *политическую форму эмансипации рабочих*, причем дело здесь не только в их эмансипации, ибо их эмансипация включает в себе общечеловеческую эмансипацию; и это потому, что кабала человечества в целом заключается в отношении рабочего к производству и все кабальные отношения суть лишь видоизменения и следствия этого отношения». (Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 98)

«Возвещая разложение существующего миропорядка, пролетариат раскрывает

лишь тайну своего собственного бытия, ибо он и есть фактическое разложение этого

миропорядка. Требуя отрицания частной собственности, на определенные позиции (на левую или на правую стороны) и активно, организованно действовать. Т. е. разделение осуществляется по социально-классовому основанию, практическому, прежде всего — революционно-практическому. Борьба противоположностей поляризует и поставит все и всех на свои места, в том числе и на сторону исторической необходимости.

***

Только недавно демократы отвергали всякую идеологию, как идолище поганое, детище тоталитаризма. «Боже от этого упаси и помилуй». Затем, утвердившись у власти, спохватились, смекнули, что господствующему классу для духовного закабаления трудящегося большинства нужна господствующая идеология, которая и преподносится как «ментальность народа», «дух нации»,

пролетариат лишь возводит в принцип общества то, что общество возвело в его принцип, что воплощено уже в нем, в пролетариате, помимо его содействия, как отрицательный результат общества» (Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 428).

«Подобно тому как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту нетронутую народную почву, свершится эмансипация немца в человека» (Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. Сочинение, т. 1, с. 428).

И дальше такая мысль, что невозможно освобождение никакого отдельного народа, нации, немца, без того, чтобы не было уничтожено всякое рабство, не совершив революцию, «не начав революции с самого основания. Эмансипация немца есть эмансипация человека» т. е. освобождение отдельной нации не может быть осуществлено иначе кроме как освобождение человека вообще и того, что лежит в основании эксплуатации.

«Голова этой эмансипации — философия, ее сердце — пролетариат. Философия не может быть воплощена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя, не воплотив философию в действительность» (Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 429).

«Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» (Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 422).

«национальная идея», «вера», «национальная религия» и другие суррогатные «объединительные» средства. Фактически же все это —

классовая идея, классовый дух господствующего класса, выдаваемые за всенародное, общенародное, общенациональное (тогда как в каждой нации — две нации) и предписываемые всему народу. Для этой работы наняты добровольцы из числа спецов духовного производства, и те подались в душеприказчики «нового» общества, подрядились создать (сварганить) по-быстрому новую идеологию — «новую ментальность» (кто понял — отзовись!).

Руководящее начальство уже благословило, и заказ-приказ от него поступил: «В годичный срок чтобы новая идеология была на столе, в аккурат этакая абсолютная идея, но абсолютно национальная! Пора поднять ментальность и духовность на должный уровень, а то только и слышны ностальгические вздохи по бездуховной колбасе за два двадцать».

Элита выстроилась в шеренгу по ранжиру по стойке «смирно» (правда, на полусогнутых): «Будет исполнено, вашескородь..! Не знаем, что это такое — “ментальность”, но ее будет сделано. Поднять, так поднять. А там на высоте будет виднее, что это такое». Оно, дорогое начальство, знает, что народу нужно, захочет — прикажет выжить, а захочет — прикажет долго жить. Выдадут ему шустрые ребята («мальчики-дерзайчики») — новые духовники — в срок модель (а то и несколько, на выбор) новой идеологии. И сработают, и размножат, как на ксероксе, совершенно бескорыстно (разве что подкинут забугорные меценаты мелочишку, как водится, в коробке из-под ксерокса).

Работают же по полгода без зарплаты — и ничего, не ропщут. Потому что — патриоты, «энтузиасты». Правда, если придут иные времена, они, наверное, потребуют, чтобы это беззарплатное голодноватое время им засчитали как «голодовку протеста», а пока все не недовольны. Безропотно питаются «святым духом», как и положено представителям духовной сферы. Хотя и духовной пищи негусто, сидят на голодном пайке. Никакой зарплаты не хватило б, даже если бы ее давали. О т. н. толстых журналах — литературных и научно-популярных, которые выходили многомиллионными тиражами и массово выписывались населением, нет и речи теперь. Остались только воспоминания, как каждое утро из переполненного почтового ящика вынимали охапки изданий. Догнали-таки Америку, у них, у «цивилизованных», подобных журналов да с такими тиражами и в

помине не было. А зачем они деловому человеку? Какая от них выгода? (Другое дело — комиксы). Это только «совки» могли себе такое позволить, да еще и гордиться тем, что всюду, даже в транспорте (в метро, электричке, автобусе) не расстаются с книгой.

И вот этот народ, который с уважением называли «самой читающей нацией в мире», превратили в нацию торгашей, барачольщиков, челноков, мошенников, просто нищих, наконец, молча простаивающих с выразительной табличкой на груди: «на лечение», «на операцию», «на хлеб».

Посмотрите, сколько людей не занимается производительным трудом! Миллионы от зари до глубокой ночи в любую погоду простаивают на тротуарах, в подземных переходах, кормятся от перепродажи мелочевки. Среди них немало высококвалифицированных специалистов и даже ученых, которые не от хорошей жизни оказались на обочине. А еще больше ученого люда работает не по специальности в т. н. частных коммерческих структурах. Не говоря уже о тех, кто умотал за кордон.

Президент Национальной Академии наук Украины Б. Е. Патон как-то сказал, сетуя по поводу утечки за рубеж ученой молодежи, что наука Германии после эмиграции известной части ученых перед второй мировой войной так и не смогла по сей день подняться до того уровня, который имела до этой утечки научных кадров. А ведь, согласно опросам, большая часть студентов Украины связывает свои планы на будущее с отъездом за границу. Ясно, для кого мы готовим кадры за свой счет. Кто-нибудь знает, что такое «турецкая наука» или «пакистанская»? Такая же участь ожидает и нашу некогда славную науку.

У нас уже появились совсем неграмотные люди. Небывалая вещь. Скоро догоним «цивилизованные» Соединенные Штаты Америки, где около 20 миллионов абсолютно неграмотных (и это после 12-летнего школьного образования) плюс 30 миллионов функционально неграмотных. А можем догнать европейскую прелесть — Францию, где неграмотных более 10% взрослого населения. Интегрироваться так интегрироваться.

Еще бы, школы сотнями закрываются, тысячи детей школьного возраста не только не посещают школу, но беспризорничают, ночуют, где придется, едят что попало, что бог пошлет. Хорошо, что господь

милостив, и его гуманитарную помощь можно, в крайнем случае, всегда найти в мусорных контейнерах. Правда, несколько больше яств посылает он на фуршеты, презентации и банкеты предвыборные. Видать, противник уравниловки. Принцип выживания одних предполагает и невыживание других.

Ужасное зрелище, но факт. Студентики с сумками роются у мусорных контейнеров (роются, ищут что-то съедобное). И так от одного мусорника к другому, третьему. И чем всевышний отличается от банального земного президента, если в их общем ведомстве детей косит туберкулез и господь еле успевает забирать младенцев к себе под свой патронат в потусторонний регион. Вот такая «гуманитарная» акция под эгидой этих двух «гиллок» власти — посюсторонней и потусторонней (кстати, в стране атеистов с туберкулезом и беспризорностью было без божьей помощи покончено).

Сейчас другие приоритеты на этот счет. Есть чему научиться у эталонной страны демократии, благоденствия и цивилизованности. Там цивилизованный президент вместе со своей законной цивилизованной супругой обратились к богатым гражданам своего государства с «мудрым» призывом: не выбрасывать остатки еды от своих обедов (объедки, значит) в мусоросборники, а отдавать миллионам бедных, недоедающим согражданам и т. о. будет-де решена проблема голода.

А сколько наплодили учебных заведений, которые забывают головы детей всяким мусором. Полюбуйтесь по телевидению: «Лицей парикмахерского искусства» (более того, факультет парикмахерского искусства в институте культуры) или еще лучше—«Лицей по подготовке жен бизнесменов». Тоже красиво¹⁸⁹. Осталось открыть факультет домоводства в национальном университете. Знай наших! В американских престижных университетах есть такие. «А ми що, будемо задшх пасти?!» О какой науке может идти речь при таком образовании в стране!

Это факт, что уже и у нас у молодежи вытравливается вообще вкус к чтению. Его вытесняет вкус к пепси и попсе. Идеологический вкус, форсированно культивируемый на территории бывших

---

¹⁸⁹Для придания национального колорита этот лицей можно было бы назвать «имени Прони Прокоповны».

социалистических республик. Сослался один знакомый преподаватель в студенческой аудитории на авторитет А. С. Макаренко. «А кто это такой?» — спрашивают молодые люди. «Ну что вы, — говорит лектор, — автора «Педагогической поэмы» не знаете?» «А мы, — отвечают все единодушно, — поэзию не читаем». На следующей лекции на параллельном потоке преподаватель рассказал в качестве курьеза этот эпизод. И какая же была реакция? «А чего вы, — говорят, — удивляетесь, нам, представителям точной науки и в самом деле поэзия ни к чему и зачем нам знать имя каждого поэта». Из 60 человек ни один так и не понял, о чем идет речь. Поделился впечатлением с коллегой, та говорит, что ничему не удивляется после того, как у нее на потоке ни один не мог сказать, кто такой Обломов. А оно и в самом деле нечему удивляться, если подобные произведения в средней школе с легкостью невероятной переведены в раздел «зарубежной литературы».

Новые научные журналы и книги в библиотеки не поступают (это раньше, даже в самый разгар войны, можно было познакомиться с любым научным журналом любой страны). Людям не верится, что совсем недавно в Советском Союзе можно было по системе МБ А (Межбиблиотечный абонемент) выписать интересующую вас книгу из Центральной Ленинской библиотеки Москвы. И вообще, система районных библиотек в стране — это чудо. Не удивительно, что наука в те времена развивалась в небывалом темпе. А массовые научные дискуссии, охватывавшие даже самые дальние уголки страны и самые широкие массы населения, были обычным делом. Преподаватель вуза получал замечание, если он в течение года не съездил пару раз (за казенный счет) на научные конференции — всесоюзные, республиканские, а то и международные. А вот такой эпизод: во время войны осенью 1941 года, в той обстановке, с ленинградского фронта отправили студентов уже первых курсов и возвращали в университеты продолжать учебу.

Сейчас ликвидирована даже система обязательного экземпляра в ведущих библиотеках. Философские книги режут и сжигают методически. Ни один представитель и радетьель духовности и не пикнул по этому поводу. Удивительное «плюралистическое» единомыслие (единонедомыслие) и единодушие (единобездушие) работников культуры, включая библиотечных сотрудников, ис-

полняющих это варварское дело. Ни тени осуждения этого и в средствах массовой информации. Только проинформировали, довели до сведения, гадко подхихикнули не без злорадства и удовлетворения. «Чистка» («зачистка») продолжается. Характерно, что вместе с политической литературой (лиха беда начало) в книжных магазинах под «списание» и последующее гильотинирование попали произведения Ивана Франко, Леси Украинки, Марко Вовчок, М. Коцюбинского, Ольги Кобылянской и др., которых было премного издано ранее, особенно в серии «Шкільна бібліотека». А этих-то за что под нож? Ответ был исчерпывающим: «А что на них, копеечных, заработаешь, только место занимают». И в самом деле, вскоре освободили площади и сдали в аренду частным торгашам, развернувшим в книжном магазине торговлю в ассортименте самого широкого диапазона от алкогольных напитков, дезодорантов до предметов интимного свойства.

А вы как думали?! Хотели рыночных отношений, вот и получайте сполна. На рынке же господствует прибыль, выгода, спрос-предложение, конкуренция. А разве может конкурировать ваш Иван, как его там, Франко, с «Орбит без сахара»? Ну и что, что жвачка, зато спрос какой! По прибыли на первом месте в стране.

«Народ знает, что ему нужнее». Не один раз на вопрос в библиотеке, куда и почему из нее исчезла философская литература, которой недавно было так много, слышен один и тот же ответ: «Отправлена в запасники», «Списана за отсутствием спроса». И опять же немалые площади библиотечного пространства и аудиторного и лабораторного фонда вузов и Академии наук отданы в аренду коммерсантам.

Было бы удивительно, если бы наука в таких условиях не приказала долго жить, в условиях грандиозного кризиса духа и бытия. Здесь кто-то кого-то прикончит: общество — науку или наука — общество (а то и обе стороны — друг друга). Именно прикончит. Заметьте, не просто помрет, скончается, починет в бозе, преставится, загнется, а будет задавлена, удушена, размазана по асфальту, забита, наконец, взорвана со страшными последствиями, потянув за собой массу народа. «Погибоша аки обри», как говорили наши очень далекие предки, когда хотели выразить безнадежную, необратимую, абсолютную погибель, как это в свое время случилось с неким

племенем *обри*, которое обитало где-то в околкиевских краях, но затем сгнуло, было истреблено до последнего человека, до безвозвратного исчезновения рода.

Выход только в выходе на новое социально-экономическое основание (обеспечиваемое революционным скачком). На старом основании — частнособственнических рыночных отношений — разрешение конфликта (когда он уже есть, когда до него уже дело дошло) невозможно. Никакие *реформы* (так как раз и называются попытки достичь изменений в пределах прежнего основания — капиталистического — путем совершенствования капиталистической системы присвоения труда) — помочь делу не в состоянии¹⁹⁰. Они могут только загнать кризис вглубь, да и то ненадолго, или сделать его хроническим, непрерывным, постоянным. Снова и снова будет прорываться такой «вулкан». Это — закон.

***

Развязанные ныне производительные силы, да еще когда наука стремится стать *непосредственно производительной силой* (не устану это повторять, ибо это важно, этого не понимают), в условиях сохранения господства частной собственности на средства производства и т. н. «свободного рынка» превращаются в превращенную (извращенную) *разрушительную силу* — **самовозгорающуюся**, неуправляемую, всесметающую силу.

И все это не естественнонаучный вопрос и не научнотехнический, а социальный, требующий целенаправленного, планомерного ведения хозяйства на основе общественной формы собственности и под общественным контролем, который осуществить в состоянии лишь общественная политическая сила, выражающая опять-таки объективную тенденцию восходящего развития. А это — рабочий класс. Это как минимум, для начала. В перспективе же — переход к непосредственно общественному характеру труда и непосредственной коллективности, причем, своевременный переход, без опоздания.

Наука — в форме капитала, да еще и монополистической стадии развитости, да еще и находящегося в состоянии всеобщего кризиса^это

---

¹⁹⁰ Ни в пределах самой науки, ни в материальной сфере, определяющей развитие этой духовной области.

взрывчатое вещество (самовозгорающееся), которым заминирована, нафарширована, нашпигована планета. Взрывателем, детонатором здесь являются рыночные отношения. Приватизация науки и перевод на рыночные отношения — это все равно что разрешить на «хитром» рынке продавать атомные бомбы, если есть на головке наклейка сертификата и справка с местной санэпидстанции о свежести этого продукта¹⁹¹. Наука нынешняя — это взрывчатка, которая, как и всякое взрывчатое вещество, взрывая что-то, уничтожает при этом и себя.

Наука, которая уже почти срослась с производством (но напрочь срослась с капиталом), если таки рухнет, то под обломками задавит, погубит все живое. Из научных лабораторий, которые ныне не просто каморки, где «колдуют» несколько «яйцеголовых», а чуть ли не целые города-мегаполисы, при отсутствии соответствующих условий может произойти «утечка» такого, от чего спасения не найдет целая страна.

Несколько килограммов плутониевой пыли может прикончить среднее европейское государство. А где уверенность, что СПИД не «утек» из лаборатории? (понятно, что речь не об аварийных вариантах и ситуациях, а о социально-экономическом основании с его рыночными атрибутами)¹⁹².

---

¹⁹¹Кстати, фактическое наличие ядерных бомб в мире — около 60000 штук (при том, что для разрушения всех городов планеты достаточно около трехсот). Но эти изделия представляют собой не естественные физические процессы, а общественные. Это — орудия выяснения общественных отношений, орудия перераспределения сфер влияния на мировом рынке. Собственно физическое, химическое и т. п. природное уходит на второй план, снимается в общественной их сущности и потребности (для продолжения политики «иными средствами»).

Не успел президент США, «друг Вилл», высказаться в адрес России не совсем внятно по поводу Чечни, как «друг Борис» напомнил ему, что он «забыл на минутку», что у России имеется полный комплект ядерных устройств. И «друзья» поняли друг друга с полуслова. Это все сработано не без науки и ее достижений. Не будь в мире капитализма (с его законом стоимости), на кой черт эти «гостинцы» были бы нужны науке, человечеству, кто бы их создавал и хранил, сидя на «пороховой» бочке.

Трагизм нынешнего положения мира (капиталистического) заключается в том, что производство, производительные силы, буквально вынуждены создавать средства для своей гибели.

¹⁹²Плутоний, как и огонь, и другие физические, химические и пр. процессы опасны не столько своими естественнонаучными свойствами, сколько, можно сказать, товарными свойствами, собственническими, своей общественной сущностью, которую обретают эти природные явления в процессе практики по человеческому целеполаганию. Безопасность всех их приходит опять-таки с установлением непосредственно-

Содержать науку в частной собственности — это самоубийство человечества.

Отсутствие упомянутого выше *соответствующего условия* — это отсутствие безраздельного господства общественной формы собственности, планового хозяйства и соответствующей последнему политической организации (пока в таковой вообще есть потребность).

Лишь когда все это (в том числе и то, что зовется идеологией) в свою очередь превратится в науку, а наука — в непосредственную производительную силу, тогда человечество сможет вздохнуть облегченно. А пока вздохи его совсем иного рода. Тихо радуется, что еще дышит хоть так.

Нельзя сказать, что ученые не задумываются в плане выше-сказанного. Особенно о проблемах соотношения естественнонаучного и социального в предмете их исследования. Их беспокоит нынешнее положение, и ценно, когда естествоиспытатели, в свою очередь, приходят к выводам философской значимости и своевременно бьют тревогу, предвидя опасность.

Характерным в этом отношении является интервью известного ученого Юрия Перунова — радиотехника, ведущего советского и российского специалиста в области изменения взаимодействия высокочастотных электромагнитных излучений с околоземной средой. До конца 80-х годов он интенсивно исследовал проблему плазмоидов, которую сегодня монополизировала американская сторона (НААИР).

Излучение американской установки I IA A Г» Р на Аляске превышает мощность естественного излучения солнца в диапазоне 10 мегагерц на 5-6 порядков, т. е. в миллион раз. Приводим фрагменты из интервью Юрия Перунова в газете «Правда» от 1-2 октября 2002 года.

Некоторые наивные люди думают, например, что в связи с тем, что не стало двух противостоящих систем/лагерей, а воцарилась одна единая монополюсная капиталистическая система, то исчезла причина

общественного характера труда и отношений всеобщей непосредственной коллективности.

То же самое относится к т. н. экологическим проблемам, которые на все 100% без остатка социальные, а не научно-технические, и разрешение всех их осуществляется в сфере революционных преобразований общественных отношений. Если решение в этой сфере будет осуществлено, то все остальное приложится.

возникновения войны¹⁹³. В самом же деле, все наоборот. Причина войн получает свободу действия без ограничителя. Постоянная угроза войны — это атрибут капитализма империалистической стадии, который не может существовать без захвата рынков сбыта и стремления к мировому господству, без продолжения своей политики насильственными средствами.

Характерен ответ Ю. Перунова на подобный «хитрый» вопрос эсмеишника, который задает он крупному ученому, естествоиспытателю, выступившему в газете с предостережением насчет опасности для человечества со стороны сооруженной физической установки НААЫР, которая может влиять на климат и выступать в качестве климатического оружия. «Другими словами, ПА А Г» Р можно назвать многофункциональным физическим оружием». Американские установки типа I IA A Г» Р работают, это никто не скрывает, тогда как наши, со знанием дела говорит специалист, списаны на металлолом. «У специалистов моего профиля вызывают большую озабоченность участвовавшие случаи падения гражданских и военных самолетов и вертолетов, в том числе самых надежных конструкций. А также случаи взрывов складов с боеприпасами, наводнения и т. п.» (к этому можно добавить участвовавшие заболевания инсультом).

На сомнение интервьюера насчет того, что в наше время кто-то стремится к мировому господству, мудрый естествоиспытатель (повидимому «практический материалист») дает категорический ответ: «Я точно знаю, что мировая экономика находится в глубоком *кризисе* (курсив мой — В. Б.). Выход из него некоторые промышленно развитые страны видят в гонке новых вооружений. Это само по себе плохо. Но, кроме того, дальнейшие работы по программе НААЫР дадут американцам реальную и скорую возможность получить в свои руки не только геофизическое и климатическое, но и психотропное оружие. Грубо говоря, однажды утром люди проснутся и даже не смогут понять, что их мысли и политические взгляды определяются оператором установки типа НА АИР. У меня есть основания полагать, что близость к созданию психотропного оружия была одной из

---

¹⁹³Многолетней активной борьбой за мир, нам кого удалось упротопандировать, так это свой народ. В результате перекося в стороны лозунга «мир любой ценой» мы сделали его жертвой собственной пропаганды.

причин, из-за которых результаты исследований по НААИР в 1997 году были засекречены»¹⁹⁴.

На наивное замечание собеседника кому и «зачем надо лезть в наши головы со своим излучением?» ученый ответил: «Во-первых, появится возможность разделить человечество на две части. Очень узкий слой мировой элиты — и все остальные. Во-вторых, появится, как надеются на Западе, гарантия от революций, волнений и тому подобных проблем, которые были головной болью правящих элит всех времен и народов. Перестанет, наконец, снится этот ночной комар общества — избиратели, о которых нужно заботиться в промежутке между выборами. А начнется это с установления совершенно нового типа отношений между производителем и потребителем. Помните первый опыт воздействия на подсознание с помощью двадцать пятого кадра?»

«Мы просто обязаны знать, что с нами делают, какие эксперименты над нами проводят. Параллельно начать использовать наши наработки советских времен, мы знаем, что надо делать, и умеем делать все необходимое для того, чтобы нейтрализовать запрограммированный эффект экспериментов, которые над нами проводятся. Наконец, если международное сообщество не захочет взять американскую программу НА АИР под свой контроль, мы должны быть готовы к адекватному ответу. Чтобы некоторые горячие головы чуть-чуть поостыли. Все возможности для этого у нас есть».

Обратите внимание, как точно определил ученый, где «зарыта собака» (конечная причина всех бед — *кризис*) и указал на возможные последствия. Т. е. нужно устранить тот социальноэкономический строй, который без периодических кризисов существовать не может. А уже отсюда соответствующая политика, как концентрированная экономика и неизбежное продолжение политики иными — насильственными средствами — война. А тогда все средства «хороши» для достижения цели, в том числе и подвернувшиеся под руку

---

¹⁹⁴ Аналогично тому, как сделал подобный вывод в 41 году один физик, который, проходя через Москву на фронт, заскочил в библиотеку и, посмотрев последние журналы и не найдя ничего о ядерных исследованиях, сделал вывод, что все тщательно засекречено. А это значит, что идут интенсивные и небезуспешные работы по атомному оружию. О чем и написал письмо Сталину и был привлечен к работе в этом направлении.

плазмиды.

Характерно и предусмотрительно ученый предупреждает о ненадежности т. н. международного сообщества, которое не раз продемонстрировало, кому оно служит, и указывает на более надежные пути предотвращения мировой катастрофы — «готовность к адекватному ответу».

Сразу видно, что имеем дело с действительно «практическим материалистом»⁶⁹.

С приведенным выше мнением естественника переплетается мысль известного в нашей стране гуманитария, литератора, драматурга — стихийного материалиста: «Можно подумать, что их ничему не научила новейшая история, когда почти вся Европа находилась под гитлеровским каблуком.

Эта варварская акция, совершаемая под Югославией, порождает самые невеселые мысли. Страны-агрессоры нарушили все международные договоры, и им теперь никто не может верить. Неужели все так безнадежно? И остается кликнуть нечто непозволительное прежде: все — все, кто понимает зверство этой акции, — вооружайтесь! Вооружайтесь до зубов самым совершенным оружием, самым непозволительным оружием. Именно на это нас толкают югославские события» (Виктор Розов в газете «Гласность», «Досье» № 1, 1999, с. 12).

Заговорил обычно деликатный драматург. Виктор Розов — хороший драматург, хорошо говорил — в назидание другим (не о том, что при НЭПе были вкусные ириски и кому-де это мешало, а совсем о другом).

Это сказанное достойно юных героев его пьес, которые могли для отстаивания революционных идеалов взяться за шашку и порубать символы мещанства и обывательщины. Чего не скажешь об актере, который сыграл этого героя, но который предал его в наши дни, с такой напористостью требовал от президента России дать красным смутьянам по головам канделябром, чтобы неповадно было перечить, и тот таки дал «танковыми канделябрами» и выполнил рекомендации либерально-демократической интеллигенции. Сотни голов полетели возле дома, названного на американский манер Белым, а не Домом Советов.

Даже если в лице этих авторов мы имеем дело со стихийными

«практическими материалистами», они на несколько порядков выше своих коллег, кичащихся тем, что они «чистые, (вне политики) естествоиспытатели» или «чистые» литераторы.

Суть их беспокойства и предубеждения ясна. Быть спокойным, будто войны не будет в ближайшие тысячу лет, но готовым так, как будто она начнется завтра. И кто их может упрекнуть?

***

Проблема применения диалектики в естествознании остается одной из самых сложных. И дело не только в том, что представители конкретных наук недостаточно подготовлены в области философии и не умеют распорядиться достоянием последней, но и в том, что не готова к этому сама наука. Не дозрела, не до-развилась до такого уровня, чтобы принять диалектику в себя, в свое лоно, в свое функционирование (и снять в себя) в качестве своего действенного метода (а не одалживаемого извне и прикладываемого как бы внешним образом к своей области знания, да еще и осуществляемого приходящим философом по вызову или придворным философом).

Пока же взаимоотношения философской диалектики (т. н. субъективной диалектики) и конкретной науки, находящейся на предысторическом уровне своего развития и представляющей собой конгломерат отдельных частных (частичных) наук с их внешней связью между собой, являются внешними, эпизодическими, «договорными». Все силы тратятся на выяснение границ компетенции каждой из «высоких договаривающихся сторон». Связи остаются, при всех стараниях, внешними, межсущностными, устанавливаемыми (как пограничные столбы) между сторонами, а наука и философия выступают как взаимно воздействующие друг на друга по типу: ты — мне, я — тебе (бартер), а не как моменты одной и той же единой сущности. И так будет до тех пор, пока науки не интегрируются в единую науку — историю, которая складывается из истории естественной и продолжения ее — общественной истории, но уже не как естествознание и плюс общественное знание, а снятие того и другого в единой науке — О ЧЕЛОВЕКЕ. Наука сольется и с материальным производством, становясь непосредственно производительной силой, а производство — непосредственно научным. (Статус науки о человеке предусматривает включение в нее положения о непосредственном

производстве Человека).

Речь идет не просто об увеличении наукоемкости производства, с одной стороны, и материализации науки — с другой, а о снятии сторон в новом высшем единстве, в котором самостоятельность упомянутых сторон становится исчезающим моментом. Это другой вопрос, что на пути к этому предстоит предварительное решение задач по увеличению наукоемкости производства и материализации науки. (И все это на базисной основе социалистического способа производства).

В такой новой науке отрасль выступает не как составная (составленная) часть целого в результате соединения с другими частями и объединения собирательно в некоторую целостность, а является результатом отдифференцированности (через интеграцию) в виде некоторого специализированного органа в высокоразвитом организме, в котором нет частей.

Лишь тогда и философия в старом смысле слова, с ее натурфилософскими замашками, остатками, рудиментами, претензиями и поползновениями, как претендующая пока еще на роль тоже науки (очередной) в ряду наук, но стоящей, возвышающейся (нависающей) над всеми другими науками и взаимодействующей с каждой из них — этакая метанаука об общем, о всеобщих законах, некоторая «наука наук», занимающаяся вопросами всеобщего, в отдельном, как бы выделенного в особую область знания, — потеряет смысл и статус натурфилософии¹⁹⁵.

Передав свой скарб единой науке истории, философия отмирает в прежнем смысле слова, исчерпав себя (исчезая по форме и утверждаясь по действительному содержанию). Именно это содержание — диалектико-логико-теоретико-познавательное: материалистические принципы и диалектические законы, выраженные в предельно-всеобщем виде и по форме, и по содержанию, будут вживлены в тело науки и производства и начнут функционировать там как «кровь» и «нервная система», «мозг» в организме науки, — будет там жить и работать уже как орган (универсальный) в функции метода самой собственно положительной науки единого естествообществознания (диалектического материализма), но уже

---

¹⁹⁵И опять-таки не в смысле того и другого вместе, а так, что естествознание и есть обществознание (как продолжение первого).

достроенного доверху, до исторического материализма и научного социализма, до коммунистичности и, таким образом, до науки о непосредственном производстве человека.

С этим же отпадает (отмирает, снимается) проблема «применения» диалектики в конкретном знании как собственно *проблема*, и становится само собой разумеющимся методом в составе самого конкретного положительного знания, естественно-общественного знания¹⁹⁶. Причем теперь уже действительно конкретного в диалектическом смысле, т. е. как единство в многообразии.

До этого же всегда будет витать над наукой вечная проблема *применения* диалектики, «проживающей» в лоне соседней формы общественного сознания — философии, возвышающейся над наукой и смотрящей на конкретное знание с высоты и свысока, привлекаемой, приходящей по вызову. При этом не избежать постоянных пограничных конфликтов и выяснений границ компетенции и амбиций взаимодействующих «высоких договаривающихся сторон». Такое одалживание и «прикладывание» извне диалектических положений как своего рода «лекал» и «шаблонов» останется внешним и нерезультативным.

Итак, в перспективе на смену вождьленному союзу естествоиспытателей и философов (пока еще не совсем состоявшемуся) и в продолжение развития его, придет полное единство высшего типа, на новом основании, по отношению к которому союз был опосредствующей переходной формой — недоразвитой, преходящей, временной (первым диалектическим отрицанием первичного недифференцированного состояния науки как формы общественного сознания). С отрицанием уже этого отрицания вопрос (проблема) союза отпадает как лишь этап, момент в необходимом развитии познания.

Нетрудно заметить, какое значение имеет доведение науки до кондиции под вышеописанное (а не внешнее, прикладное) применение диалектики.

Но это в будущем. А пока: «Даешь союз естествоиспытателей и философов!» Тот самый и такой, о котором говорил Ленин, пре-

---

¹⁹⁶С этим философия, прощаясь со своими поучениями и претензиями на роль наднауки, науки наук, метанауки, супернауки и перестав претендовать на особую самостоятельную сущность в качестве особой формы духа, перестает быть идеологией.

дупреждавший: или вы станете друзьями диалектической логики Гегеля, или вы погубите науку.

Но такой союз возможен при условии наличия Союза социального, интернационального на социалистическо-революционной основе. (Ленин большие надежды возлагал на союз народов Советской России, Китая и Индии, который будет решать судьбу мира. И это не перестало быть актуальным).

Что касается кризиса в философии, то это кризис не материализма, а материалистов, той части из них (недоучек), у которых слабым оказался мировоззренческий иммунитет, и они стали жертвой ревизионистской пандемии. Нужно лечиться и не допустить осложнений.

Самое же эффективное лекарство — читать и перечитывать классиков, и прежде всего — работы Ленина, и получать из первых рук непосредственно от тех, кто создавал и результативно применял теорию — «... законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности»¹⁹⁷.

«Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали донныне все угнетенные классы»⁷⁴⁰.

И, наконец, еще один актуальный ленинский совет: «Нет ничего важнее, как сплочение *всех* марксистов, сознавших глубину кризиса и необходимость борьбы с ним, для отстаивания теоретических основ марксизма и коренных положений его, искажаемых с самых противоположных сторон путем распространения буржуазного влияния...»¹⁹⁸.

---

¹⁹⁷ Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма. — ПСС, т. 23, с. 44.

¹⁹⁸ Ленин В. И. О некоторых особенностях исторического развития марксизма. — ПСС, т. 20, с. 89.

Дополнение 1

К вопросу о неисчерпаемости электрона¹⁹⁹

Как известно, большой интерес в физике вызывает проблема строения электрона. Все чаще раздаются голоса в пользу сложной его структуры.

Нам бы оставалось пожелать этим исследователям удачи или успешной борьбы мнений, если бы не одно обстоятельство, которое вызывает настороженность.

Дело в том, что сторонники сложного строения электрона или других «элементарных» частиц ссылаются в этом вопросе на положение В. И. Ленина о неисчерпаемости электрона, по-своему толкуя его.

Проблема строения «элементарных» частиц, в том числе и электрона, — это не философский, а естественнонаучный вопрос, который полностью находится в компетенции естествознания.

Откроют естествоиспытатели и подтвердят практически, что электрон или другие так называемые «элементарные» частицы имеют сложную структуру, состоят из еще каких-то частиц — хорошо. Докажут, что это не так — тоже возражать не будем. Как говорится, примем к сведению. Все это — дело естествоиспытателей, естествознания и его практики.

Вопрос же о «неисчерпаемости электрона», затронутый Лени- пым, — это гносеологический вопрос, находится он в компетенции философии, а не естествознания, и решается в пределах гносеологии. Все это меньше всего касается проблемы структуры электрона. Философия не должна заниматься структурами, строением и тому подобными вещами, находящимися в распоряжении конкретных наук,

---

¹⁹⁹В. А. Восенко. Неисчерпаемость электрона. В кн.: Философские вопросы современной физики. — К.: Наукова думка, 1964.—с. 254-265.

и таким образом подменять собой последние.

В работе, откуда взято выражение о неисчерпаемости электрона, В. И. Ленина интересует именно гносеологическая сторона дела; и он вовсе не ставит перед собой задачу исследовать собственно физические проблемы. Он так и предупреждает об этом: «Само собою разумеется, что... мы далеки от мысли касаться специальных учений физики. Нас интересуют исключительно гносеологические выводы из некоторых определенных положений и общеизвестных открытий»²⁰⁰. Дальше В. И. Ленин разъясняет, что речь идет именно о физике потому и постольку, поскольку эти гносеологические выводы «затрагивают уже многие физики» и «... среди физиков имеются уже различные направления, складываются определенные школы на этой почве»²⁰¹.

То же самое относится к вопросу о неисчерпаемости электро- па — здесь раскрывается гносеологическая сторона дела. А с этой стороны электрон рассматривается в таком плане, в каком он выступает так же, как и любая другая реальность, т. е. как объект познания, неисчерпаемый объект познания.

С таким же успехом, как и электрон, в вопросе неисчерпаемости можно взять камень, планету или человека. И, конечно, не в смысле их деления и структуры. Все дело в том, что всякая вещь, являясь многокачественной и, значит, в конечном счете, противоречивой, не может быть исчерпана в познании. Как говорит Ленин в известном, так называемом, третьем гносеологическом выводе, она познается не сразу, не целиком, выступая как бесконечное противоречие между возможностью все познать и невозможностью это сделать сразу, целиком, является выражением противоречивости самих вещей — в виде возможности стать всем другим, превратиться во все другие формы проявления материи (и этим реализовать себя как материю вообще) и невозможностью сделать это одновременно, ибо сделанный шаг в определенном конкретном направлении — этим самым исключает все остальные.

Как видим, бесконечно-конечный характер познания диктуется самой бесконечно-конечной природой вещей. Но бесконечность и неисчерпаемость вещи вовсе не в том, что вот-де, если ее делить (дробить), то конца этому не будет, а мы будем бесконечно получать

---

²⁰⁰ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — ПСС, т. 18, с. 266.

²⁰¹ Там же, с. 266.

все более мелкие структуры. Такая бесконечность не может претендовать на бесконечность именно этой вещи, а когда говорится о неисчерпаемости, то предъявляется только такое требование. Какая же это будет неисчерпаемость, например, электрона, если после его деления (если он делится) мы непременно получим нечто уже качественно иное (подчиняющееся совершенно другим закономерностям), а не электрон. Нужно совсем закрыть глаза на диалектику взаимоотношения части и целого, количества и качества, чтобы не видеть, что части, из которых состоит вещь, это уже не сама эта вещь, о неисчерпаемости которой и идет речь. Электроны, протоны и нейтроны — это еще не атом; атомы, из которых складывается молекула — не сама молекула, сумма водорода и кислорода — не вода и т. д. Но в то же время та же вода, как именно вода, и молекула, как собственно молекула, и электрон, как именно электрон, не переставая быть тем же, — неисчерпаемы в гносеологическом плане как объекты познания, ибо любая вещь, как именно такая, является единством в бесконечном многообразии.

«Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и “опосредствования”. Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления»²⁰².

Все это очень наглядно показано в рассматриваемом Лениным примере со стаканом в работе «Еще раз о профсоюзах». Очевидно, что конца познанию сторон и свойств стакана, в которых он выражается (не переставая быть стаканом), — нет. Разве Ленин в упомянутом примере имеет в виду то, что стакан состоит из молекул, атомов и т. п. «структур»?

Эта аналитическая сторона дела тут ни при чем; рассматривается стакан как таковой.

Если же пойти по пути, по которому идут сторонники аналитического понимания неисчерпаемости, то первый же этап, такого аналитического деления (дробления) того же стакана покажет нам, что мы сразу же перестаем иметь дело с собственно стаканом, а имеем дело, например, с порошком стекла, молекулами, атомами и т. п. А это

---

²⁰² Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина. — ПСС, т. 42, с. 290.

уже не стакан. Между ними качественный перерыв. Все это уже не «стаканные» качества.

В этом отношении они порывают с качеством «стакан» и никак не могут претендовать, если так можно выразиться, на «стаканность». У них свои свойства, свои качественные характеристики, не имеющие отношения к понятию «стакан». (По крайней мере, настолько, чтобы претендовать на место в раскрытии содержания неисчерпаемости такого качества как стакан).

Между качеством любой вещи и тем, из чего она состоит,— всегда перерыв. Сумма составляющих качеств не равна качеству их суммы. Данное качество, определяемое своей мерой в виде единства определенного количества своих качеств, представляет собой совершенно иное качество, чем те качества, которые включаются в меру, даже если они и однородны. И это качество совершенно не похоже на те, из которых оно состоит. У данного качества, как и у каждого из составных, свои единства своих определенных количеств своих качеств, соответственно свои различные меры различных качеств, между которыми безусловный перерыв.

Это одно из основных положений диалектического содержания понимания представления понятия о скачкообразности, непрерывности-прерывности развития. Но как раз его-то беспощадно и нарушают в затронутом вопросе об электроны. И происходит это именно в результате невнимания к упомянутой гносеологической стороне дела.

То, что вроде бы понятно, пока речь идет о стакане, упускается из виду, когда сталкиваются с более сложными вещами. А ведь в плане рассматриваемого теоретико-познавательного аспекта можно было бы сказать, как это ни странно прозвучит, что электрон так же неисчерпаем, как и стакан.

Некоторых несколько смущает вторая часть ленинской фразы «электрон так же неисчерпаем, как и атом».

Дело в том, что естествоиспытатели споткнулись на непонимании гносеологической стороны дела в анализе как раз атома. Совпало так, что те самые гносеологические выводы, на основании которых, по словам Ленина, среди физиков начали появляться «различные направления и складываться определенные школы на этой почве», стали напрашиваться сами собой: как раз в то время, когда атом своим

распадом стал обнаруживать свою структуру.

Главное в факте распада для нас в рассматриваемом нами аспекте то, что этим самым атом не только разрушал себя, но разрушал представления о себе. А это и есть гносеологическая сторона дела.

Остановимся на этом вопросе несколько подробнее. Атом был абсолютизирован; его объявили первокирпичиком мироздания, придали ему субстанциональное значение; и, главное, отождествили в представлении с материей вообще (тогда как материя, заметим, не естественнонаучная категория, а гносеологическая, философская); известные физические свойства атома считались абсолютными. И вот этот «качественно себе равный» атом вдруг рушится.

Но разрушение атома, свойства которого были абсолютизированы в понятиях (и круг познания которых был как бы «завершен» и считался исчерпанным), обнаружило еще «одно его непредвиденное свойство — саму способность разрушаться. Это вошло в противоречие с представлением о законченности, завершенности, исчерпанности атома и его абсолютных свойств. Отсюда, поскольку с исчезновением ряда свойств или превращением их в представлении из абсолютно абсолютных (как было раньше) в абсолютно-относительные стало исчезать то, что ошибочно отождествлялось с материей вообще, то, вместо того, чтобы зафиксировать исчезновение или превращение тех или иных определенных конкретных форм существования материи, в данном случае, атома (заметьте, естественнонаучное понятие), стали говорить об исчезновении материи вообще (гносеологическая категория).

Как видим, выводы естествоиспытатели стали делать такие, которые фактически затрагивают именно гносеологическую сторону дела. Ошибочность их предопределялась в натуралистическом, метафизическом понимании материи. На гносеологическую сторону, как и на упомянутые выводы, обращает внимание В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм».

На естествоиспытателей же, прежде всего, произвела огромное впечатление как раз естественнонаучная сторона дела, а именно: сам факт того, что атом оказался вовсе не атом (т. е. не неделим).

Однако, устремившись в новую область новых еще более микроскопических физических частиц, обнаруженных в разваливающемся атоме, и не зная еще диалектического принципа развития,

представление естествоиспытателей пошло по аналитическому пути.

В этом же направлении неизбежности сложной структуры пошла по традиции (проторенным путем метафизического здравого смысла) мысль в интерпретации ленинских слов о неисчерпаемости электрона, как и атома. Так и сложилось у многих представление о неисчерпаемости электрона по аналогии с естественнонаучной картиной распада атома на более мелкие частицы, а то, что Ленин о неисчерпаемости (и атома, и электрона) говорит в плане гносеологии, — это забывается.

А ведь именно в этом все дело, ибо только такое понимание неисчерпаемости, как и понимание того, что на этом основании нет конца, нет исчерпания познанию бесконечности сторон и свойств атома, электрона, любой вещи, предостерегает от абсолютизации одной или нескольких таких сторон, свойств, закономерностей от возведения их в абсолют (как это сделали в свое время с проницаемостью, инерцией, массой и т. п.), гарантирует от ошибок гносеологического и релятивистского порядка.

Как видим, в этом теоретико-познавательном плане, атом вовсе не находится в каком-то особом положении и он в своей неисчерпаемости не может претендовать на большее, чем, например, стол или любая другая вещь.

Ленин же в то время прибегает к сравнению именно с атомом для того, чтобы предостеречь естествоиспытателей от подобной гносеологической ошибки в аналогичной ситуации, когда придется менять понятия и представления (о представлении вообще здесь речи не может быть. Попробуйте представить атом: группа электронов вертится вокруг ядра?), что, несомненно, будет происходить в будущем, под влиянием вновь открытых фактов, которые произведут на естественнонаучные представления революционизирующее воздействие, как это сделал в свое время разрушающийся атом.

Ленин как раз на примере гносеологических заблуждений с абсолютизированными свойствами «исчерпанного» атома показал, как нельзя представлять и как нужно понимать неисчерпаемость. Поэтому он и ссылается именно на атом, т. е. использует урок, который преподал нам атом в гносеологическом отношении и который остался незамеченным естествоиспытателями, увлекшимися естественнонаучной стороной дела, строением атома и т. п. Не та же

участь постигла понятие «ген» в биологии?

Итак, неисчерпаемость электрона (если его рассматривать в аспекте элементов диалектики, представленных В. И. Лениным в «Философских тетрадах» как именно данной, но бесконечно противоречивой вещи, как говорит Ленин, «вещи самой в себе» заключается в том, что последняя выступает как «2) вся совокупность многообразных *отношений* этой вещи к другим»²⁰³. К тому же «8) отношения каждой вещи (явления etc.) не только многообразны, но всеобщи, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связана с *каждой*»²⁰⁴.

Отсюда «10) бесконечный процесс раскрытия *новых* сторон, отношений etc.

11) бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности»²⁰⁵ и т. д.

Вполне понятно, что в таком плане вещь, сама данная вещь, «вещь сама в себе» выступает неисчерпаемой, нет и конца этому познанию, углублению.

И если слово «углубление» у кого-то вызывает представление непременно одностороннего аналитического устремления в микромир, то ему просто следует не забывать, что «природа во всех своих частях без начала и без конца»²⁰⁶, и что Энгельс, критикуя механический материализм за подобные представления, ставил вопрос с гносеологической диалектико-материалистической точки зрения²⁰⁷. С этой же единственно правильной точки зрения мы не спросим, как устроен электрон или другие так называемые «элементарные» частицы (это дело естествознания), но мы спросим: существуют эти вещи (или любые вновь открытые самые удивительные и необычные, невероятные с точки зрения современного естествознания) вне человеческого сознания как объективная реальность или нет, имеют ли объективное содержание предлагаемые новейшие естественнонаучные

---

²⁰³ Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 202.

²⁰⁴ Там же, с. 203.

²⁰⁵ Там же, с. 203.

²⁰⁶ J. Dietzgen. Kleinere philosophische Schriften. Цит. по: Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — ПСС т. 18, с. 276.

²⁰⁷ Известный пример с ализарином, см. Ленин В. И. — ПСС, т. 18, с. 100- ЮЗ.

представления или нет? Если да — наш, материалист, если нет — чужой, по ту сторону философских баррикад.

Недаром именно этот гносеологический вопрос называется великим и основным вопросом философии. Только ОН определяет и четко указывает на место, занимаемое любым представителем науки в одном из двух единственно возможных направлений.

В свете сказанного и так называемая элементарность частиц невозможна не в том смысле и не потому, что они непременно без конца делимы и всегда нужно предполагать их бесконечное деление (это дело естествознания), а в том (и это в гносеологическом плане), что ни одна из материальных конкретных форм, в том числе и микрочастицы, не может претендовать на абсолютное, исчерпанное субстанциональное значение, и этим на конечный (и в то же время, получается, начальный) исходный пункт развития всего.

У нас ведется немало разговоров о том, почему слово «элементарные» частицы нужно обязательно брать в кавычки. Однако увлечение этим таит в себе и некоторую опасность. «Обжегшись» однажды, на неделимости атома, на всякий случай «дуют» и на элементарные частицы. Но так как делают это с естественнонаучной (а не гносеологической) стороны (независимо от того, кто это делает — естествоиспытатели или философы), то подразумевают при этом структурное дробление, забывая, что атом преподал гносеологический урок²⁰⁸.

Опасность в том и заключается, что, пойдя по такому пути, приходят к абсолютизации делимости в представлениях и возведению в принцип, а затем уже к распространению в виде метода на исследование микрочастиц, их взаимоотношение и развитие. А это не

---

²⁰⁸Но касаясь анализа этой стороны вопроса, хочется только предостеречь тех, кто так уверенно говорит о бесконечном аналитическом дроблении микрочастиц. Стремление поставить во главу угла аналитический путь поисков все более мелких форм может принести естествоиспытателям неожиданные сюрпризы, сделавший шаг в том же направлении получит переход в противоположность, т. е. что-нибудь вроде того, что в какой-то момент они, идя по пути к бесконечно малому, сделав очередной шаг в этом же направлении, вдруг придут к бесконечно большому. Получим, например, из элементарной частицы звезду.

Задача, на наш взгляд, заключается в том, чтобы заранее теоретически предвидеть и обнаружить ту точку на узловой линии мер, которая обеспечит такой скачкообразный переход в противоположность.

что иное, как аналитический метафизический метод, против которого беспощадно боролись Гегель, Маркс и Энгельс.

Аналитизм является источником еще одной распространенной ошибки. Речь идет о неверном понимании сути понятия материи. Это заблуждение основано на неумении опять-таки различать гносеологическую и естественнонаучную стороны в данном вопросе.

Остерегаясь объявления той или иной из конкретных форм проявления материи конечной (исходной), завершенной, абсолютной, но, не понимая, что этого нужно опасаться в гносеологическом смысле (в виде гносеологической абсолютизации и исчерпанности), некоторые естествоиспытатели и философы приходят к утверждению относительности бесконечности, неисчерпаемости, но в смысле бесконечной делимости в структурном отношении по линии аналитического дробления в естественнонаучном плане.

Этим хотя и отвергается признание за той или иной отдельной, конечной, конкретной материальной структурной единицей (частицей, формой) роли неразрушимого кирпичика мироздания, но сохраняется и утверждается сам принцип поиска структуры материи по линии аналитизма. И в этом-то вся беда, т. к. именно таким образом совершается подмена гносеологического вопроса о материи естественнонаучным. И неважно, что уже атом с его структурой отвергается в качестве структурной основы материи, не имеет значения и то, что ни одну из конкретных структур, форм не позволяют считать неделимой, а рекомендуют предполагать структурное дробление всех форм, главное, что сохраняют признание структуры материи, представление о существовании каких-то определенных структур, выражающих материю вообще и этим сводят гносеологическое понятие материи вообще (находящееся в компетенции философии) к конкретным формам существования материи (находящимся в компетенции конкретных наук).

Вряд ли нужно объяснять, что подобный подход равнозначен поискам чувственно существующей материи как таковой. Нетрудно также заметить, что такой натуралистический подход при решении фактически гносеологического вопроса, несмотря на все предостережения и оговорки насчет структурной делимости, неизбежно приводит к представлению о единообразной чувственно воспринимаемой материи. Абсолютизация делимости в структурном

отношении вовсе не предохраняет от гносеологической исчерпанности.

Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Признание исчерпанности электрона или любой другой вещи (не в смысле структурной неделимости) значило бы возможность исчерпанного законченного познания этой вещи, что предполагает существование ограниченного абсолютного числа (круга) сторон ее. Этим самым утверждение исчерпаемости объективно закрывает путь к познанию фактически существующего бесконечного множества еще других, кроме уже ставших известными (и абсолютизированными), сторон и, таким образом, в конечном счете, утверждает непознаваемость вещей.

Неисчерпаемость же, хотя и не обещает исчерпанного, законченного познания, но только она указывает на принципиальную возможность познания всего бесчисленного множества сторон электрона или любой другой вещи и не допускает качественной однозначности вещей.

Неумение разрешить именно это противоречие толкает к подмене гносеологического вопроса естественнонаучным и, в частности, к подмене вопроса о бесконечной неисчерпаемости вопросом о бесконечном дроблении.

Но гносеология беспощадно мстит за пренебрежение к ней. Когда в вопросе о неисчерпаемости в результате такой подмены устремляются по линии аналитического дробления, в поисках универсальной физической структуры материи или так называемой «праматерии» и тому подобной единообразной материи, то этим самым неотвратимо идут к абсолютизации конкретных относительных свойств, к поискам качественно однозначных, себе равных форм и, в результате, — к неизбежной гносеологической ошибке в виде утверждения исчерпанности.

Как видим, гносеологическая небрежность приводит к обратному, по отношению к исходному тезису, результату. Это и в том смысле, что желание утвердить таким способом неисчерпаемость привело к ее отрицанию, и в том, что попытка отвернуться, избежать гносеологической стороны дела все равно неизбежно привела к необходимости заниматься ею.

В ходе решения вопроса о материи никто не может фактически

выйти из области гносеологии. Чтобы ни говорили на этот счет исследователи, как бы не отмахивались они от гносеологии (даже те, кто уверяют, будто занимаются так называемым чисто онтологическим аспектом и т. п.), так или иначе должны прибегать к гносеологическому понятию материи, без которого обойтись невозможно. Но при этом стихийно, сами того не подозревая, они выдвигают на эту гносеологическую роль (для выполнения этой неизбежной гносеологической функции) своего рода заменитель — все те же естественнонаучные понятия, которые выражают фактически лишь ту или иную из конкретных форм проявления материи, но искусственно возведены в ранг всеобщности (для несения гносеологической службы). Такому возведению подвергались то атом, то элементарные частицы, то поле и вещество и т. п.

Превращение или исчезновение таких конкретных форм, веществ, вещей, микротел, отождествленных с материей вообще, не раз вызывало разговоры о превращении или исчезновении материи²⁰⁹. Вполне понятно, что эти разговоры, как и выражения, подобные таким, как «материя сводится к полю и веществу», «материя обладает свойствами волн и частиц» и т. д. и т. п., являются ни чем иным, как гносеологически беспомощным выражением того, что одни конкретные формы проявления материи удается превратить в другие, или, что удалось обнаружить новые конкретные формы существования материи, не известные ранее.

В этом плане можно сказать, что конкретные вещи, как собственно «формы» проявления материи, приходят и уходят, исчезают, превращаются и т. п., но материя (вообще) остается, не исчезает и не появляется. (Больше того, утверждает себя как всеобщую материю через бесконечное исчезновение и возникновение, «мелькание» конкретных форм).

Когда мы говорим «материя», «о материи» и т. п., а не «о той или иной из конкретных форм ее проявления» — электроне, организме, атоме, галактике, общественном производстве и т. д., то мы уже этим ставим данный вопрос в гносеологической плоскости (независимо от

---

²⁰⁹ Характерно, что в настоящее время у нас трудно найти человека, который бы заговорил об исчезновении, аннигиляции материи. О превращении материи говорят и пишут без колебаний. А ведь в принципе говорить об исчезновении материи или превращении материи, значит делать одну, и ту же гносеологическую ошибку.

того, хотим мы этого или не хотим). Отсюда, одно дело сказать — «атом исчез, организм исчез, электрон исчез, исчезла одна из конкретных форм бытия материи», — это не затрагивает ту сторону (а это философская сторона), которая делит исследователей на два направления — материалистическое и идеалистическое. Если же говорят — «материя исчезла», то этим затрагивается эта философская, гносеологическая сторона и высказывается утверждение в пользу идеалистического направления.

Неудивительно, что с таких позиций структурного понимания материи и с благословения аналитизма, поиски материи как таковой, в чувственно воспринимаемом виде, ведутся в области конкретной науки — физики. Микрочастицы, которые стали объектом изучения физики, представляют собой большой соблазн для логики здравого смысла, ищущего «кирпичики мироздания».

Для некоторых авторов стало чуть ли не само собой разумеющимся, что с материей дело имеют физики. Именно там в микромире заключено-де то, что является материей. Многие физики не возражают и прямо говорят, что в их компетенции — раскрывать, что лежит в «фундаменте материи», показывать, что «материя состоит из таких-то микрообъектов», считать, что «поле и вещество — основные формы, кирпичики проявления материи», что «элементарные частицы» материи — строительные камни субстанции» и т. д. и т. п.^{1^}

Следует уяснить, что изучение конкретных форм материи — дело конкретного знания (и не только физики, но всех конкретных наук, и не только естественных наук, но и общественных). Материя же вообще находится в компетенции философии, ибо включает в себе гносеологическое, а не естественнонаучное, натуралистическое содержание. При этом все равно, идет ли речь о микро- или макрообъектах²¹⁰, биологическая, химическая, физическая или общественная их природа, планеты ли это, атомы, электроны, люди или явления общественного бытия и т. д., главное, что они являются первичными объектами по отношению к сознанию, и в данном гносеологическом отношении этим все сказано. Именно это, а не то или иное конкретное структурное строение вещей является

---

²¹⁰Так называемые микрообъекты могут претендовать на роль материи не больше, чем столы или любые другие вещи.

показателем их материальности. Все они в этом плане выступают как объективная реальность, не зависящая от нашего сознания и данная нам в ощущениях. В этом единственно возможном определении заключена вся сущность вопроса о материи и материализме в целом. И это гносеологическая сущность.

Как становится знанием, содержанием знания, *объективной истиной* действительное положение вещей (объективных, независимых от сознания) в их единстве многообразия, неисчерпаемости?

И именно из правильного понимания этой гносеологической сущности понятия материи вытекает и понимание того, как противоречивость познания (как познания материи вообще — только через познание конкретных форм существования материи) обусловлена противоречивой природой материи (которая как всеобщая материя — абсолютная, вечная, бесконечная, неисчерпаемая во все стороны, «реализуется» через конкретные количественные формы движения (отрицания конечности), существования материи — относительные, преходящие), и как все это, в конечном счете, выступает объективным основанием разделения труда и бесконечного союза между философией и естествознанием. Союзники, прежде чем объединиться в одну науку — историю, должны пока размежеваться.

Дополнение 2

Гносеологическое содержание понятия материи²¹¹

Иногда в статьях на тему «что такое материя» забывают, что этот вопрос стоит в гносеологической плоскости и ответ на него может быть только один и только в этой плоскости. Его нельзя подменить проблемой о структурах, строениях, новейших открытиях в физике микромира и т. п. Последняя проблема находится в компетенции конкретных наук. Философию же интересует материя как философская категория. А это уже не естественнонаучный вопрос, а исключительно философский, и решается он в сфере гносеологии²¹².

В этом отношении очень своевременным является предостережение Тодора Павлова: «... существует опасность, что мы упустим из виду основной вопрос философии, философского понятия о материи и теории отражения, взятой как основа материалистической гносеологии»²¹³.

«... Философия перестанет быть философией, как только она перестанет заниматься основным вопросом любой философии», то есть вопросом отношения между бытием и сознанием, как только она откажется от философского определения материи и от теории

---

²¹¹В. А. Восенко. Гносеологическое содержание понятия материи. В кн.: Диалектика и логика научного познания. — М.: Наука, 1966. — с. 156-167.

²¹²То же самое, между прочим, наблюдается и в вопросе о том, что такое сознание. Хотя вопрос поставлен в гносеологическом плане, его часто пытаются решить натуралистически. Гносеологическую суть вопроса буквально топчут в естественнонаучных данных из физиологии высшей нервной деятельности ит. п., т. е. опять-таки занимаются структурами, что не есть предмет философии. В этом отношении нельзя не согласиться с направленной против такого натурализма критикой, ведущейся Э. В. Ильенковым в ряде его статей.

²¹³Г. Д. Павлов. Информация, отражение, творчество. — София, 1965, — с. 84.

отражения, взятой как основа материалистической гносеологии»²¹⁴.

Чтобы избежать ошибок, определение понятия материи нужно доводить до *соотношения* бытия и сознания, до включения этого соотношения в само определение материи и указания на то, что оно является первичным по отношению к сознанию. В. И. Ленин не раз подчеркивал, что в этом гносеологическом моменте вся суть дела в понимании материи, и что в самом определении материи заключена гносеологическая сущность его. (Материя — это объективная реальность, независимая от сознания и данная нам в ощущении. «Материя — это то, что, действуя на органы чувств, вызывает ощущения».) А это и есть гносеологический вопрос, так называемый великий и основной вопрос философии. Его материалистическое решение, заключенное в самом определении материи и есть *принцип* материализма (философского материализма). И этот принцип должен быть включен в понятие материи.

Вещи, природа, рассмотренные в гносеологическом плане, выступают не как просто вещи, а как материя, и такой подход единственно материалистический. Фейербах не может довести понятие материи до материализма. Когда Фейербах пытается определить природу без указания на это отношение: «природа» есть «все, кроме сверхприродного», — то В. И. Ленин замечает: «Фейербах ярок, но не глубок. Энгельс глубже определяет отличие материализма от идеализма»²¹⁵. Как видим, для В. И. Ленина само собою разумеющимся является то, что в определении природы, как и материи, должен быть заключен материализм и его отличие от идеализма, и это отличие заключается в решении вопроса об отношении сознания к бытию. Даже в определении природы, говорит В. И. Ленин, «дело сводится к противоположению материи духу, физического психическому»²¹⁶.

«Достаточно ясно поставить вопрос, — заключает В. И. Ленин, — чтобы понять, какую величайшую бессмыслицу говорят махисты, когда они требуют от материалистов такого определения материи, которое бы не сводилось к повторению того, что материя, природа, бытие, физическое есть первичное, а дух, сознание, ощущение,

---

²¹⁴ Там же, с. 84.

²¹⁵ Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 47.

²¹⁶ Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 48.

психическое — вторичное»²¹⁷.

И мы видели, что для получения знания о действительном, о том, что существует независимо от сознания, нужно непременно указывать на эту независимость и, таким образом, уже этим рассматривать действительность в отношении с сознанием.

Нетрудно заметить, что этим самым устанавливается необходимая связь бытия и сознания. Ф. Энгельс беспощадно критиковал взгляды тех, кто видит «... с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль»²¹⁸.

Стремление совершенно отгородить, изолировать материальное от мышления, абсолютизировать его, рассматривать и признавать только эту одну сторону в решении вопроса о материи неизбежно приводит по давно известному закону к абсолютизации другой стороны. Недаром К. Маркс, подчеркивая, что всякая крайность есть своя собственная противоположность, говорит, что «*абст,ра,ктный материализм есть абстрактный спиритуализм материи*»²¹⁹.

Но как раз действительность, природу невозможно отразить такую, как она есть сама по себе, без того, чтобы человек (как совокупность общественных отношений, а не просто индивид) не изменял ее. Он никак не может постигнуть ее такую, какая она есть без того, чтобы не нарушить ее нетронутости, оставляя ее саму по себе. Человек должен сделать ее предметом своей деятельности, активно вторгнуться в нее, нарушая и изменяя ее. И это не только не является помехой познанию природы такой, какая она есть, а, наоборот, является необходимейшим условием верного отражения действительности. Простое созерцание нетронутой природы, не сделанной предметом субъективной практики, никогда не может дать подлинного познания действительного положения вещей. Созерцательность не знает настоящей природы, хотя и исходит из того, чтобы отражать природу без малейшего нарушения.

В этом, в конечном счете, и содержится секрет необходимости включения гносеологического отношения бытия и сознания в определение материи. И это понятно, если верно понимать, как

---

²¹⁷ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — ПСС, т. 18, с. 150.

²¹⁸ Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 545.

²¹⁹ Маркс К. К критике гегелевской философии права. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 321.

человеческая деятельность опосредствует отношение бытия и сознания как движение, через которое осуществляется превращение действительности в истину. Ведь в вопросе о понятии материи речь идет об истине, а это значит — о содержании знания о том, что выражается понятием «материя». Принципиальной разницы между вещью в себе как самой по себе, и тем, что является в содержании знания, как известно, нет, но некоторая, непринципиальная разница все же есть. Само движение действительности в факт сознания есть развитие, продолжение развития самой действительности. И в ходе этого процесса развития, называемого отражением (в диалектическом смысле слова), происходит как бы «переработка» самой действительности, в итоге чего в содержании знания получается результат в форме истины. Это уже не просто *отпечаток* действительности, а нечто такое, о чем К. Маркс говорил, что это то же самое материальное, пересаженное в человеческую голову и *переработанное* в ней²²⁰. В этом смысле можно говорить о нетождественности сознания и бытия. Тайна всего этого заключается в деятельности, в практике материальной, а не в органическом строении мозга. В *переем,живании* практическом все дело. Руки всему голова.

Но прежде чем раскрывать роль, место и суть деятельности в решении вопроса о соотношении бытия и мышления, нужно решить вопрос, почему собственно нужно разрушать саму природу вещи, чтобы получить верное ее отражение.

Дело, оказывается, в том, что общность, выступающая объективным содержанием соответствующей степени общности понятий, в том числе и предельная общность, обуславливающая предельно широкое понятие «материя», не существует в каком-либо непосредственно-чувственном виде, наряду с вещами. Вместе с тем она реализуется в самой действительности через движение, взаимопревращение конкретных конечных вещей (всех во все другие). Общее — это отрицающее себя отдельное. При этом каждая конкретная преходящая конечная вещь, уничтожая себя, отрицая как данное конечное, отдельное, относительное (но вместе с тем не уничтожаясь вообще), этим самым как бы приближается к

---

²²⁰Это положение хорошо раскрыто в статье Э. В. Ильенкова «Идеальное» во втором томе «Философской энциклопедии».

противоположному своей отдельности — к общему, бесконечному, абсолютному, тому самому, которое не исчезает при этом и не появляется, а в бесконечном взаимопревращении всех вещей и через бесконечное отрицание ими своей конечности («мелькания»), отдельности полностью реализуется, снимается и утверждается в соответствующем понятии как предельная всеобщность. Как общее оно только так и существует, как некоторый непрерывный результат, «продукт» отрицания, превращения; оно как бы живет в исчезании конечных форм. Это его такой способ существования в виде некоторого обнаженного единства бытия и небытия.

Чтобы вскрыть, обнаружить эту общность и через нее — закономерность, необходимость, нужно подвергнуть вещь изменению, отрицанию, превращению²²¹. И все это в *практике* по общественной потребности и целеполаганию, что и должно войти в полное определение предмета. Отсюда общее, в конечном счете, — это общественное. Лишь превращая практически одно отдельное в другое, мы обнажаем общность, на основании которой возможно такое превращение.

В этом отношении нам представляется очень метким замечание Гегеля о том, что самое разумное, что может сделать ребенок, так это сломать игрушку. И действительно, для удовлетворения потребности в формировании разума ребенку как раз и не хватает объективного содержания для образования общих понятий. Соответствующую общность он находит практически, сломав игрушку, переделав ее. Обломок игрушки (например, парохода), потеряв свою жесткую определенность, может в руках ребенка (+ фантазия) стать и автомобилем, и самолетом, и человеком и т. д. до бесконечности, что нельзя было сделать с целым пароходом, очень похожим на настоящий, который сковывал своей однозначностью разумную деятельность, не давал простора мысленному творчеству. Так ребенок через практическое действие, разрушение, превращение вскрывает действительное единство многообразия вещей, бесконечное в конечном, вскрывает общность, на основании которой все различия выступают лишь как различные формы одного и того же, и таким образом приближается к сущности вещей (где все относительно).

---

²²¹ Движение — способ существования, атрибут материи.

Своим упорным стремлением (к удивлению взрослых) играть с какими-то неопределенными обломками, железками и т. п. ребенок как бы спасает свое духовное развитие.

Для нас все это представляет интерес еще и потому, что ребенок повторяет примерно то же самое, что и первобытный человек, который в ходе своей деятельности добывал «сырье» для образования общих понятий, для развития разума.

Но деятельность, как видим, не просто разрушает существующие в природе вещи и этим-де ускоренно обнажает общность. Она же устанавливает общность, «тождество» бытия и мышления, обеспечивает переход общности действительной в общность мыслительную, понятийную. Когда в ходе деятельности создаются совершенно новые вещи, которых не было в самой действительности до человека, но которые вместе с тем гармонично «вписываются» в систему связей, взаимодействий и закономерностей вещей в природе, которая вне нас, то эти созданные человеком вещи, будучи сами продуктом некоторого синтеза сознания (нашедшего свою материализацию в данной вещи) и природы (нашедшей одухотворение в этой вещи), своим этим естественным нормальным включением во всю универсальную мировую взаимосвязь раскрывают и выражают, таким образом, тем тождеством (общностью), которое заключено в них, а также тождеством их самих, с одной стороны, и природой — с другой, «тождество», общность, диалектическое единство бытия и сознания. Этим самым предельная общность, господствующая в действительности в виде тождества всех вещей, реализуемого через их взаимопревращение, исчезание и т. д., раскрывается через установление (посредством деятельности) связи, тождества между самой общностью и предельно всеобщим понятием о ней. Это и находит свое выражение в гносеологическом отношении бытия и сознания. Другими словами, в деятельности, носящей общественный характер, происходит и отождествление различий самой действительности, и отождествление этого полученного тождества с мышлением о нем. И это отождествление отождествления, которое реализуется в совместной общественной деятельности (являющейся *материальным*, процессом, но не без сознания), находит свое выражение в содержании предельно всеобщего понятия материи в виде гносеологического отношения бытия и сознания. Неразрывность движения и материи

доходит до неразрывности материи и сознания (как живого противоречия).

Важно иметь в виду, что сознание как идеальное выступает здесь не как какой-то отчужденный, пассивный продукт, рожденный материальным, но-де существующий оторвано от него в виде некоторой самостоятельной сущности, а выступает как нечто органически входящее в само материальное, как содержащееся в нем, существующее для него и через него. Порожденное из материального — практически, сознание не может претендовать на самостоятельную сущность, находящуюся с бытием во внешних отношениях, но находится с ним во внутренней противоречивости как его бытие — *свое* другое, а это значит — в тождестве противоположностей, находящихся во взаимопроникновении как стороны одной и той же сущности²²². Одной и той же субстанции (материи) при всей вторичности идеального.

Выражение этого диалектического тождества борющихся противоположностей (с одной — материальной — стороной в качестве ведущей) мы и имеем в понятии материи в виде заключенного в нем гносеологического *отношения* бытия и сознания. Противопоставление бытия и сознания, имеющее здесь место, вовсе не говорит об абсолютном разрыве между тем и другим. Наоборот, этим самым через необходимость гносеологического противопоставления бытия и мышления фактически устанавливается необходимая связь мышления и бытия, связь понятия материи с самой материей. И когда мы, рассматривая материю, указываем на это гносеологическое отношение, то этим самым мы и устанавливаем соответствие наших понятий о ней с действительным положением вещей. В. И. Ленин не раз подчеркивал, что противопоставление материи и духа «...не должно быть «чрезмерным», преувеличенным, метафизическим, это бесспорно... Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют *направление* гносеологических исследований. За этими

---

²²²Тождество не в бытовом смысле слова, а в диалектическом. И, разумеется, речь идет не об отождествлении бытия и сознания, а о связи, которая всегда имеет место в противоположностях, составляющих внутреннюю противоречивость, которые доводятся до тождества, отражения и становления и суть такого единства — в борьбе противоположностей.

пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой»²²³. Ту же мысль мы встречаем и в «Философских тетрадах» В. И. Ленина: «Различие идеального от материального тоже не безусловно, не *überschwenglich* (чрезмерно — *Ред.*)»²²⁴. Мы в основном вопросе философии имеем, абсолютное противопоставление, но относительных противоположностей. Прodelай мы это с абсолютными противоположностями, получили бы абстрактный материализм, перешедший в абстрактный спиритуализм.

Можно было бы многое сказать о диалектической неразрывности связи бытия и духа. Но нам в нашей гносеологической постановке вопроса: «что такое материя?»—обращение к этому понадобилось для того, чтобы показать, как эта связь выступает показателем не какого-то их абсолютного единства, а *лишь* единства *противоположностей*, одна из сторон которой первична, определяющая, а другая — вторична (определена). Указание на эту связь нужно при этом для того, чтобы раскрыть их гносеологическую противоположность.

В свете такой противоречивой гносеологической природы понятия материи, конечно, и речи не может быть о том, чтобы мысль, сознание включать в понятие материи²²⁵. Та же самая, например, общественная форма движения материи, существенным моментом которой является общественное сознание, как только рассматривается в гносеологическом плане, а это значит как материя, выступает как противопоставленное, противопологаемое сознанию, как первичное и т. п. Сама «логика» (живая жизнь, развитие) общественного бытия рассматривается только как независимая от сознания.

До сих пор ведутся еще споры вокруг вопроса: материально сознание или идеально? При этом упускается из виду, что коль скоро именно так поставлен вопрос, то этим самым он ставится в гносеологическую плоскость, и уже ответ должен быть дан только в этой плоскости. И он в таком плане может быть категорическим (отвлеченным от вопросов естественнонаучного анализа),

---

²²³ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — ПСС, т. 18, с. 259.

²²⁴ Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 104.

²²⁵ Когда речь идет о понятии материи вообще, т. е. непременно о гносеологической природе его, то сознание в этом плане выступает только в противопоставлении к материи.

указывающим на место в гносеологическом отношении. С позиций диалектического материализма такой ответ может быть только один — сознание идеально само по себе, хотя самого-то по себе его и не бывает, а оно есть продукт материального (материального особого рода — общественного, практического). Как видим, без категорического «или-или» тут не обойтись, но вместе с тем это «или» (как противопоставление) дальше сферы выяснений основного вопроса в философии не идет. И без указания на связь здесь тоже не обошлись²²⁶.

В плане сказанного выше, в частности об относительности «нечрезмерности» различия материи и духа, представляет интерес еще одна проблема, высказанная Ф. Энгельсом, что мыслящий дух с такой же необходимостью, с какой гибнет в одном месте, возникает в другом (и вместе с этим гносеологическая проблема отношения материи и сознания). В этом смысле можно говорить об атрибутивности сознания в его отношении к материи вообще с ее способом существования, заключающим в себе необходимость.

Атрибутивность мышления как бы включена в атрибутивность движения вообще, материи вообще. Когда мы читаем у Ф. Энгельса, что «движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением»²²⁷, то понятно, что мышление само как бы претендует на атрибутивность (в филогенетическом плане) в мировом круговороте.

Недаром Ф. Энгельс в беседе с Г. В. Плехановым на его вопрос: «Так, по-вашему, старик Спиноза был прав, говоря, что *мысль* и *протяжение* не что иное, как два атрибута одной и той же субстанции?» ответил: «Конечно, старик Спиноза был вполне прав»²²⁸.

²²⁶Характерно, что и материю, и сознание можно определить одной и той же формулой (и уже это указывает на связь), но в том и в другом случае дело сводится к показу и подчеркиванию, что материя первична по отношению к сознанию, а сознание вторично по отношению к материи. И это указывает на то, что их тождество есть не абсолютное тождество, а тождество *различий*.

²²⁷ЭнгельсФ. Диалектика природы. — МарксК., ЭнгельсФ. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 391.

²²⁸Г. В. Плеханов. Бернштейн и материализм. Избранные философские произведения, т. 2, с. 360.

В самом способе существования материи, в ее саморазвитии заключается необходимость реализации всех ее диалектических возможностей, в том числе и порождение духа. Разумеется, что речь идет не о том, что каждый «кусоч материи» порождает или заключает в себе мысль и т. п., а о свойстве, заключенном в способе существования материи вообще в целом, которое она с необходимостью реализует (при определенных благоприятных условиях) в ходе саморазвития необходимости²²⁹.

И точно так же, как в рассмотренном выше плане, сознание, с необходимостью возникая из материального бытия, в деятельности выступает как продолжение материального и для него, так и в мировом круговороте оно возникает с необходимостью как необходимая форма, условие для продолжения саморазвития необходимости. На определенном этапе саморазвития необходимость переходит (посредством деятельности, общественного производства, революционной практики) в свободу и продолжает свое развитие в форме свободы (которая есть осознанная необходимость). Это — продолжение развития той же необходимости, но уже в *осознанном* виде. И если раньше необходимость развивалась в форме случайности, то теперь уже продолжает свое развитие в форме свободы. Она не может дальше развиваться, не будучи осознанной²³⁰ (действие со

---

²²⁹ГГ

Для недиалектического мышления, которое материю сводит к структурам, строениям, и для которого материя — это поле, вещество, элементарные частицы, масса и т. п., утверждение об атрибутивности сознания звучит кощунственно. Ему так и представляется под этим утверждением претензия на то, будто любой кусок вещества способен мыслить или заключает в себе дух. Если же материю не сводить к конкретным формам ее существования, а рассматривать как материю вообще (и это значит — гносеологически), то все становится на место. И жизнь, и общественная форма, и мыслящий дух выступают как необходимость, как необходимое порождение материи, как неизбежное порождение, продукт способа существования материи, как одна из неизбежных форм необходимого саморазвития материи, в которых материя реализует себя. Именно отсюда у нас уверенность, что живое, и, соответственно, — сознание с необходимостью снова, и снова возникают в разных частях Вселенной (в отличие от наивного мнения, будто, раз случайно возникнув в одном месте, жизнь переносится по Космосу в разные миры).

²³⁰В этом плане и категория свободы носит всеобщий характер. И опять-таки, в отличие от распространенного созерцательно-недиалектического мнения, по которому всеобщность того или иного положения диалектического материализма понимается как наличие, присутствие его в любом и каж-

знанием дела).

Вряд ли нужно доказывать сейчас, что человеческое общество дальше не может развиваться, не перейдя к социалистической, коммунистической организации, предусматривающей непременно сознательное, планируемое, освещенное теорией, осознавшей требования объективных законов необходимости, развитие.

И мы знаем, что в свободном коммунистическом обществе, наступающем с необходимостью, с ликвидацией например, разделения труда на умственный и физический, с превращением науки в непосредственную производительную силу, а производства — в научное и т. д. и т. п., достигается высшее единство бытия и сознания²³¹. И это в свою очередь своей необходимостью указывает на атрибутивность сознания, как и на атрибутивность общественной формы движения материи и такой ее формы развитости как коммунистичность.

дом отдельно взятом «куске» действительности или как приложимость к любому «куску» вещества (к которому у них сведена материя вообще), диалектико-материалистическое представление о всеобщности категории или закона основывается на следующем: занимает ли содержание данной категории или закон определенное необходимое место в системе саморазвития необходимости мирового круговорота и превращения всего во все как способа существования материи вообще. О всеобщности категории свободы не говорят, например, на том основании, что она «срабатывает» только в сфере общественного развития. Но стоит ли в угоду ходячему представлению, которое-де может заподозрить, что свобода приписывается всем вещам, закрывать глаза на действительное положение этой категории. И разве она не занимает необходимое место в системе категорий, охватывающих собой всю сеть связи системы развития действительности, и разве она не с неизбежной необходимостью возникает и как общественная форма движения из более простых? Свобода, коммунизм — это не случайность, не пожелание хороших людей, не эксперимент, не модель, не идеал. Все это наступает с железной необходимостью. Сама необходимость в ходе своего саморазвития неизбежно рано или поздно превращается в свободу. И от этого никуда не деться. Это вытекает из самих закономерностей развивающейся материи, закономерностей самого существования материальной действительности. Недаром В. И. Ленин говорит, что свобода как осознанная необходимость есть «признание объективной закономерности природы и диалектического превращения необходимости в свободу...» (Ленин В. И. Карл Маркс. ^ПСС, т. 26, с. 53).

²¹И заметьте, что происходит это опять-таки в сфере деятельности, но общественной деятельности высшего порядка — без разделения труда, без нормы и вознаграждения.

Вместе с тем если не забывать, что свобода есть не что иное, как осознанная необходимость, как действие со знанием дела, то можно заметить, что и здесь обнаруживается все то же *отношение* (гносеологическое) бытия (необходимость) и сознания (свобода).

Именно на это обращает наше внимание В. И. Ленин в работе «Карл Маркс»: «В особенности надо отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости» и рассматривает превращение «необходимости в свободу (наравне с превращением непознанной, но познаваемой “вещи в себе” в “вещь для нас”, “сущности вещей” в “явления”»)»²³².

Когда в своем необходимом саморазвитии материя достигает такого высокого уровня, что приходит к самосознанию и в состоянии поставить вопрос об определении себя (материи) в понятии (через противоположное себе — нематериальное, идеальную форму), то это определение не может быть иным, кроме как указанием на то, что она, материя, — первичное, определяющее по отношению к тому, что она порождает и через что она отражает себя, а также — на гносеологическое отношение этого определения к действительности, к материи, с указанием на ее (материи) первичность, абсолютность, субстанциональность. В понятиях оно находит свое выражение в предельно всеобщей форме в виде гносеологического противопоставления предельно широких понятий: физическое — психическое, бытие — мышление²³³, природа — дух и т. п.

Таким образом, даже когда в мировом круговороте материя приходит с необходимостью к самопознанию, к такому уровню, что может поставить вопрос об определении себя, то она не может выйти за свои пределы, потому что кроме материи в сущности ничего другого нет²³⁴, и вынуждена указать на свою первичность, абсолютность, независимость от определения, от сознания и т. п., и

---

²³² Ленин В. И. Карл Маркс.—ПСС, т. 26, с. 53.

²³³ Уместно обратить внимание, что абсолютное противопоставление мышления и его претензия на самостоятельную сущность являются продуктом разделения труда на физический и материальный и отчуждения, в результате чего происходит стремление сознания к эмансипации от материи. Господствующий классовый вид деятельности — умственный труд — ставит себя на первое место и производит закрепление идеализма в виде основы своего классового сознания.

²³⁴ Дать определение — это значит менее общее (широкое) понятие подвести под более широкое.

только через такое отношение обнаружить свою сущность.

***

«Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признается реальность последнего. В том обстоятельстве, что эти тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение. Уже здесь обнаруживается, что материя немислима без движения. И если далее материя противостоит нам как нечто данное, как нечто несотворимое и неуничтожимое, то отсюда следует, что и движение несотворимо и неуничтожимо. Этот вывод стал неизбежным, лишь только люди познали вселенную как си-

9⁶»

стему, как взаимную связь тел» .

«Но движение материи — это не одно только грубое механическое движение, не одно только перемещение; это — теплота и свет, электрическое и магнитное напряжение, химическое соединение и разложение, жизнь и, наконец, сознание. Говорить, будто материя за все время своего бесконечного существования имела только единственный раз — и то на одно лишь мгновение по сравнению с вечностью ее существования — возможность дифференцировать свое движение и тем самым развернуть все богатство этого движения и что до и после этого она навеки ограничена одним простым перемещением, — говорить это значит утверждать, что материя смертна и движение преходяще»²³⁵.

«Но в теоретическом естествознании, которое свои взгляды на природу насколько возможно объединяет в одно гармоническое

²⁷ЭнгельсФ. *Диалектика природы*. — МарксК., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 360.

²³⁵Там же, с. 360.

целое и без которого в наше время не может обойтись даже самый скудоумный эмпирик, нам приходится очень часто оперировать с не вполне известными величинами, и последовательность мысли во все времена должна была помогать недостаточным еще знаниям двигаться дальше. Современное естествознание вынуждено было заимствовать у философии положение о неуничтожимости движения; без этого положения естествознание теперь не может

27

уже существовать» .

«Вот вечный круговорот, в котором движется материя, — круговорот, который завершает свой путь лишь в такие промежутки времени, для которых наш земной год уже не может служить достаточной единицей измерения; круговорот, в котором время наивысшего развития, время органической жизни, и, тем более, время жизни существ, сознающих себя и природу, отмерено столь же скудно, как и то пространство, в пределах которого существует жизнь и самосознание; круговорот, в котором каждая конечная форма существования материи — безразлично, солнце или туманность, отдельное животное или животный вид, химическое соединение или разложение — одинаково преходяща и в котором ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи и законов ее движения и изменения. Но как бы часто и как бы безжалостно не совершался во времени и в пространстве этот круговорот; сколько бы миллионов солнц и земель ни возникало и ни погибало; как бы долго ни длилось время, пока в какой-нибудь солнечной системе и только на одной планете не создались условия для органической жизни; сколько бы бесчисленных органических существ не должно было раньше возникнуть и погибнуть, прежде чем из их среды разовьются животные со способным к мышлению мозгом, находя на короткий срок пригодные для своей жизни условия, чтобы затем быть тоже истребленными без милосердия, — у нас есть уверенность в том, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она

238 *Босенко В. А. Диалектика мстит за пренебрежение к ней*
когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух,
она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в
другое время»²³⁶.

Весь круговорот начинается с механической формы движения физических форм движения. Даже на нашем солнечном карлике еще нет химизма, нет химических элементов. Они, не успев образоваться, разлагаются, распадаются. Лишь на самой поверхности, где температура почти такая, как в доменной печи, появляются атомные упаковки простейшего атома водорода, гелия. Но это только начало. Дальше идет восхождение и усложнение как целая система таблицы Менделеева. Уже на уровне 82 номера начинается самораспад атомов, который присущ всем урановым и трансураниевым. На коих кончается химизм вообще, химическая атомная связь. Но уже элементов столько и таких, что они создают, в состоянии создать такую связь, такое химическое соединение, которое перестает подчиняться собственно химическим законам. Появляется комочек белка живого, от которого пойдет восхождение органических форм (вплоть до таких, которые перестанут подчиняться органическим законам приспособления). Следует обратить внимание, что появление живого происходит не в конце цикла химических элементов, не от трансураниевых, удел которых уже — самораспад, а не зарождение нового, высшего, а где-то раньше, так сказать, на полпути, в районе / на уровне углерода (это всеобщий закон).

Вот как об этом говорит Энгельс:

«И человек возникает путем дифференциации, и не только индивидуально, — развиваясь из одной-единственной яйцевой клетки до сложнейшего организма, какой только производит природа, — но и в историческом смысле. Когда после тысячелетней борьбы рука, наконец, дифференцировалась от ноги и установилась прямая походка, то человек отделился от обезьяны, и была заложена основа для развития членораздельной речи и для мощного развития мозга, благодаря чему пропасть между человеком и обезьяной стала с тех пор непроходимой. Специализация руки означает появление *орудия*, а орудие означает специфически че-

²⁷ЭнгельсФ. *Диалектика природы*. — МарксК., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 360.

²³⁶Там же, с. 362.

ловеческую деятельность, преобразующее обратное воздействие

29

человека на природу — производство» .

«Но вместе с развитием руки шаг за шагом развивалась и голова, возникало сознание — сперва условий отдельных практических полезных результатов, а впоследствии, на основе этого, у народов, находившихся в более благоприятном положении, — понимание законов природы, обуславливающих эти полезные результаты. А вместе с быстро растущим познанием законов природы росли и средства обратного воздействия на природу...

Вместе с человеком мы вступаем в область *истории*. И животные имеют историю, именно историю своего происхождения и постепенного развития до своего теперешнего состояния. Но они являются пассивными объектами этой истории; а поскольку они сами принимают в ней участие, это происходит без их ведома и желания. Люди же, наоборот, чем больше они удаляются от животных в узком смысле слова, тем в большей мере они делают свою историю сами, сознательно, и тем меньше становится влияние на эту историю непредвиденных последствий, неконтролируемых сил, и тем точнее соответствует исторический результат установленной заранее цели. Но если мы подойдем с этим масштабом к человеческой истории, даже к истории самых развитых народов современности, то мы найдем, что здесь все еще существует огромное несоответствие между поставленными себе целями и достигнутыми результатами, что продолжают преобладать непредвиденные последствия, что неконтролируемые силы гораздо могущественнее, чем силы, приводимые в движение планомерно. И это не может быть иначе до тех пор, пока самая существенная историческая деятельность людей, та деятельность, которая подняла их от животного состояния до человеческого, которая образует материальную основу всех прочих *видов их деятельности*, — производство, направленное на удовлетворение жизненных потребностей людей, т. е. в наше время общественное производство, — особенно подчинена слепой игре не входивших в их намерения воздействий неконтролируемых сил и

²⁹ЭнгельсФ. *Диалектика природы*. — МарксК., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 357.

пока желаемая цель осуществляется здесь лишь в виде исключения, гораздо же чаще осуществляются прямо противоположные ей результаты. В самых передовых промышленных странах мы укротили силы природы и поставили их на службу человеку; благодаря этому мы безмерно увеличили производство, так что теперь ребенок производит больше, чем раньше сотня взрослых людей. Но каковы же следствия этого роста производства? Рост чрезмерного труда, рост нищеты масс и каждые десять лет — огромный крах. Дарвин не подозревал, какую горькую сатиру он написал на людей, и в особенности на своих земляков, когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование, прославляемая экономистами как величайшее историческое достижение, является нормальным состоянием *мира, животных*. Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще. Историческое развитие делает такую организацию с каждым днем все более необходимой и с каждым днем все более возможной. От нее начнет свое летосчисление новая историческая эпоха, когда сами люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что это совершенно затмит все сделанное

40

до сих пор» .

Одно ясно — продолжать свое развитие человечество не может иначе, как осознав законы развития (в том числе и общественного) и построив научно соответственную с ними человеческую жизнь.

Точно так же и органическое восхождение порождает противоположное органическому — общественное, человека — не на высшем конституированном конечном уровне. Появляется дифференциация конечностей у животного, прямохождение, формируется в ходе практической деятельности орган, который в состоянии превратиться в руку, появляется практическая деятельность производственная, по изменению не организма в его принтах же, с. 358-359.

способлении, а по практическому изменению природных вещей, среды

и руки. И вот производство, способ производства порождает производственные отношения, определенные соответственно. Появляется человек — не как организм очередного уровня, не детище обезьяны, а оторвавшийся от обезьянности животной, как совокупность (ансамбль) общественных отношений. Когда производительность труда достигает уровня, когда начинает производиться немного больше, чем этого достаточно, чтобы не умереть с голоду, то прибавочный продукт начинают пускать в обмен. С этим появляется дифференциация, разделение труда. Происходит присвоение чужого труда, появляются неравенство, эксплуатация, классы, разделяющие большие группы людей, из которых один присваивает труд другого.

Дальше развитие идет по восходящей опять-таки по циклам закона отрицания отрицания в виде системы способов производства, формаций. От первобытнообщинного, затем рабовладельческого, феодального до капиталистического. Переход через революционный перерыв после капиталистического, который ныне в *самораспаде* — это будет не только и не столько переход от капитализма (от капиталистической формации) к социализму²³⁷, сколько переход от всей предыстории человечества в настоящую действительную историю. От истории эволюционного совершенствования отношений господства и подчинения к революционной ликвидации неравенства, эксплуатации по основанию.

Итак, получается, что раз есть физические элементарные частицы, то рано или поздно будут атомы, будет химизм. А там, где есть химизм, при определенных условиях появляются белковые тела — организмы. Те доразвиваются до возможности деятельности целенаправленной по изменению условий жизни и производству пищи, одежды и т. д. (сперва каждый себе, а потом посредством общения). Да так, что у человека нет ничего не общественного, ничего не сделанного многими, сообща²³⁸.

Второе примечание: смогут ли вообще разумные существа различных миров при встрече в мировом пространстве понимать друг

---

²³⁷ Социализм — еще не формация, а лишь начальная фаза коммунизма, «недоразвитый коммунизм» (Ленин)

²³⁸ В современных средствах массовой информации насаждается представление, что люди будущего, достигшие высокого уровня развития техники, пребывают в состоянии «звездных войн». Глупее ничего нельзя придумать.

друга? Несомненно, поймут, ибо формируется разум на основании практической деятельности специфической логики дела, которая строит адекватную логику человеческого мышления. Понимают же друг друга различные народы нашей планеты, даже когда они в прошлом никогда не контактировали друг с другом, но логика языка сходна. И опять-таки потому, что логика *трудовой деятельности*, которая сформировала человека вообще, одна и та же. Не будь ее, не было бы и человека, и проблемы общения.

И наконец, третье примечание — это то, что, как видимо, заметил читатель, новое качество, в развитии обеспечивающее переход в новое, высшее основание, происходит не в конце витка предыдущей стадии развития, не тогда, когда особь уже находится в состоянии старости и потеряла потенции, гибкость, стабильность, а в состоянии молодости. То же самое и с биологическим видом, и с формацией. Капитализм стар и дряхл, он не в состоянии породить из себя что-то более совершенное. Самое разумное, что он может сделать, это умереть без сопротивления, разумно, как говорит Маркс, уступить дорогу, а если нет, то нужно устранить его силой. Это всеобщий закон. На него в свое время обратил внимание философской общественности Ю. А. Жданов. И с этим нельзя не согласиться. Это имеет место во всех формах движения.

Если общество достигнет такого уровня производительных сил, что они с легкостью гасают от планеты к планете, то к ним должны быть соответственные производственные отношения, отношения непосредственно общественные, не теряющие никаких антагонизмов, войн и т. п.

Дополнение 3

О мировоззренческом и методологическом содержании принципов и категорий диалектики²³⁹

Принципы и категории материалистической диалектики становятся предметом особого (пристального) внимания философов. И это понятно, если иметь в виду их большое мировоззренческое, методологическое и эвристическое значение.

Теперь становится все более очевидным, что методологические функции принципов и категорий заключаются не в приложении их к явлениям природы, формам бытия, — не в выискивании в окружающем мире диалектикоподобных явлений, картин и подведении последних под эти принципы и категории. Ведь «подведение большого количества случаев под один принцип не является диалектикой», а является тем, что В. И. Ленин называет неправильным применением диалектики. В «Философских тетрадах» В. И. Ленин критикует Ф.Лассаля именно за то, что он, как и Гегель, исходил из принципов движения, а не из анализа действительного движения и выведения из него понятий и принципов. (У Лассаля принципы, понятия предстают как самостоятельные сущности).

В. И. Ленин не зря предупреждал против опошления истины, возможного даже в случае признания всеми принципа развития. Стоит упустить из виду предупреждение Ф. Энгельса о том, что принципы должны быть в конце, а не в начале исследования, что «принципы — не исходный пункт исследования», и мы получим идеализм. Любое

---

²³⁹В. А. Восенко. О мировоззренческом и методологическом содержании принципов и категорий диалектики (украинск.). Фшософська думка.— 1967. — № 4. — с. 23-29.

преувеличение этой ступени познания, абсолютизация, разбухание ее приводит к мистификации. Поэтому В. И. Ленин, прочитав в статье Деборина «Диалектический материализм» о том, что «внешний мир устанавливает также принцип закономерности», замечает на полях: «неуклюжее и бессмысленное слово!»

Нередко принципы, понятия, категории рассматривают как самоцель, как единственный предмет диалектического исследования. Можно даже наткнуться на мысль, будто бы диалектика вообще — это наука о категориях и принципах, о системе категорий. Конечно, выяснение природы понятий, принципов и др. является существенной предпосылкой диалектического способа познания, но лишь предпосылкой. Предмет этого исследования — реальное движение (определенные конкретные формы движения). Совершить углубление (погружение) от внешнего движения к внутреннему, необходимому самодвижению (развитию) и его законам, безусловно, невозможно без теоретического мышления, без искусства оперирования понятиями, принципами, категориями (но только с помощью мыслительных форм, не подменяя при этом анализ реальной объективной действительности анализом этих форм самих по себе). Цель познания — получение истины (объективной и конкретной), а не переключение, соскальзывание на познание способов такого получения. Именно против этого предупреждает К. Маркс, указывая на то, что у Прудона, например, решение социальных проблем заключается «не в общественном действии, а в диалектических круговоротах, совершающихся в его голове. Так как для него категории являются движущими силами, то незачем изменять практическую жизнь для того, чтобы изменить категории»²⁴⁰. «Совсем наоборот», — подчеркивает К. Маркс. И в этом «наоборот» содержится глубокое гносеологическое, монистически-материалистическое содержание, которое касается сути диалектико-материалистического подхода к проблеме категорий (когда материализм «доводится» до исторического материализма). Вышеприведенное переворачивание происходит от непонимания общественной (в конечном итоге, предметно-практической) природы категорий и того материалистического

---

²⁴⁰Маркс К.—П. В. Анненкову 28 декабря 1846 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 410.

положения, что «люди, производящие общественные отношения соответственно своему материальному производству, создают также и *идеи и категории*, то есть отвлеченные, идеальные выражения этих самых общественных отношений»²⁴¹.

Не выясняя пока, как именно совершается вычленение этих идеальных выражений, заметим, что именно непонимание того, что они — категории, принципы и т. п. — обязаны своей природой общественным отношениям, как это следует из исторического материализма, преодолевающего ограниченность натуралистического материализма, который порождает вышеупомянутое, перевернутое, поставленное на голову представление, к тому же одинаковое и в идеализме, и в созерцательном, антропологическом, механистическом материализме. «Так, — писал Ф. Энгельс, — бывает всегда, когда “сознание”, “мышление”, берется вполне натуралистически, просто как нечто данное»²⁴², что и Логике (с большой буквы) откровенного идеалиста Гегеля, и «мировой схематике» вульгарного материалиста Дюринга присущ суеверный предрассудок, будто логические категории ведут свое таинственное существование до мира и за пределами мира, к которому они должны «применяться». К слову, такое отчуждение этих форм (как и непонимание самих его причин) неминуемо именно через непонимание их исключительно общественной природы и зависимости от характера общественных отношений, само-разорванность которых, например, с необходимостью порождает внешнее противопоставление материи и духа, а также претензии последнего на значение «самостоятельной сущности» и внешнее приложение его форм к материальной деятельности. Вследствие этого «мы имеем, — пишет Ф. Энгельс, — у обоих применение этих схем — соответственно, логических категорий, — к природе, что дает философию природы (*сравни современную так называемую “философию естествознания” — В. Б.)... применение их к человечеству — то, что Гегель называет “философией духа”*). Следовательно, «принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них...» — замечает Ф. Энгельс. «Таково единственно материалистическое воззрение на

---

²⁴¹Там же, с. 408-409.

²⁴²ЭнгельсФ. Анти-Дюринг. — МарксК., ЭнгельсФ. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 34.

предмет»²⁴³. В противном случае выходит, будто бы природу и человечество «приспосабливают» к принципам. И такое непременно случается тогда, когда анализ действительности подменяется анализом понятий и правил их построения. Тут фактически «отображение принимается за отображаемый объект». Претензия на самостоятельное существование и развитие мыслительных форм является одним из тех «обломков», по определению В. И. Ленина, сложной спиралевидной линии познания, который, будучи превращенным в самостоятельное целое, в прямую линию, вырастает в соответствующую философскую систему (например, логический позитивизм).

Диалектический материалист и в выяснении природы общих понятий, принципов и категорий не может не исходить из анализа реальных конкретных форм движения и их превращений (кроме которых, по Ф. Энгельсу, в мире ничего другого нет и познавать больше нечего). Но не любая форма бытия подходит для этого, а только та, что является отдельной, конкретной, конечной формой движения и, одновременно, ее отрицанием в том же самом отношении, общим бесконечным, необходимым движением материи и т. п.

Именно такой является наивысшая — общественная — форма движения, которая включает в себя и снимает в себе все предыдущие формы движения: органическую, химическую, физическую и механическую. Функционирование ее заключается в постоянном превращении всех форм движения в себя и друг в друга, воссоздании всех форм движения и их превращений (каждой и всех их во внутренней связи, аж до единственной (единой) мировой связи. И совершается это в процессе общественного производства, в предметно-практической, революционно-преобразующей деятельности человечества.

Не останавливаясь подробно на этом вопросе, следует, однако, обратить внимание на то, что особенность общественной формы движения заключается, прежде всего, в практическом воссоздании всех форм движения и создании новых форм соответственно человеческим потребностям и целям, в том, что вещи, предметы человеческой культуры вступают в такие особенные (присущие только общественному движению) отношения, что они могут представлять

---

²⁴³ Там же, с. 34.

друг друга в форме, которая не выражает природных, физических их свойств, строения. Именно это является существенным моментом формирования идеального («отображения отображения»), непосредственным условием формирования категорий и вместе с тем форм их выражения (форма формы), собственно мыслительных форм.

То, что называется категориями, — это отвлеченные «... идеальные выражения ... общественных отношений». В общественных отношениях содержится разгадка природы категорий (их рождение и жизнь).

Понятно, что такие идеальные образования не имеют собственного развития, собственной истории, их живая жизнь — в общественно-чувственной, практической жизни человечества. Главным и определяющим тут является то, что всегда выступает главным и определяющим во всей совокупности общественных отношений, — производственные отношения. Можно сказать, что способ общественного производства и его восходящие ступени развития в конечном итоге определяют «способ производства» категорий (и объективные тенденции его развития).

Строго говоря, категории — не просто формы мышления. Они детища не мышления, а прежде всего человеческой (общественной) деятельности, формы, ступени выделения человека (человечества) из природы, т. е. степени, ступени превращения природного в человеческое, а именно в совокупность («ансамбль») общественных отношений (то, что делает человека человеком).

Соответственно, для каждого индивида эти формы человеческой деятельности и освоения действительности, сформированные общественным человечеством и существующие независимо от воли отдельных людей, выступают во всей своей совокупности как формы присвоения человеческой сущности (общественности). Не случайно, среди отраслей знания, «из которых должна сложиться теория познания и диалектика», В. И. Ленин называл историю умственного развития ребенка.

Заметим, что ребенок тут вызывает интерес не в биологическом развитии, в котором фактически нет никакой психологии человека, а тем, как именно формируется человечность (общественность) такого человека, и как по мере присвоения общественного природное превращается в человеческое. Даже органы чувств у человека, и тем

более, орган мышления — мозг, формируются через присвоение общественного и превращение общественного в личное (собственное).

Каждый отдельный человек не создает сам категории и, тем более, не придумывает их. Он приобщается, вернее, его приобщают с самых первых дней после рождения к активному действию, направленному на превращение (преобразование) действительности согласно общественным целям, соответственно с существующими общественными отношениями и выработанной человечеством системой категориальных форм. Речь идет не о познании, осмыслении категорий и соответствующих им понятий, а прежде всего о практическом приобщении к человеческим делам по человеческим, общественным потребностям, и следовательно, о воспроизведении своей деятельности категориально, т. е. о том, что своей деятельностью и отношениями люди воспроизводят всеобщественно-человеческую деятельность, способы этой деятельности, те отношения, в которых она происходит.

Рассматривая формирование и развитие категорий, обратим внимание и на следующее: если суть природы категорий заключается в общественной форме движения (общественных отношениях), то и ответ на вопрос о развитии самих категорий (каждой и всех в единой системе) надо искать в развитии общественных отношений. Одно дело, например, общественно- преобразующая деятельность крестьянина как совокупность феодальных отношений, отношений общинного землевладения. Конечно, эти общественные отношения вызывают к жизни категорию всеобщего и дают ей объективное содержание (а правильное, реальное обобщение формирует соответствующее идеальное их выделение). Как отмечал К. Маркс, удивился бы старый Гегель, узнав, что категория «всеобщее» происходит от общего (общинного) землевладения, т. е. от материального, общественного в деятельности, производстве, отношениях.

Совсем другое дело — непосредственно общественный характер коммунистического труда, свободной деятельности как самодеятельности. Тут — та же самая по внешней форме категория, но совсем другого уровня смыслового наполнения. Другому уровню развитости общественности самих отношений отвечает другой уровень обобщественности категорий.

Одно дело — бытовые отношения на уровне ремесленнической

деятельности в четырех стенах домашнего обихода, или частичная деятельность частичного рабочего, непосредственного агента частичного орудия труда, производства, работа и взаимосвязь которого с действительностью (тоже частичной, что вызвано слабо развитыми орудиями производства, где господствует общественное разделение труда и т. д.) опосредуются частичными орудиями труда — модифицированными предметами природы. Следовательно, логике дела, основанной на таком способе производства, может отвечать такой способ мышления, такая логика, которую Ф. Энгельс называет «логикой домашнего обихода, домашнего употребления, мелкой торговли в науке» и т. п. И совсем другое дело — практическое участие масс в революционном движении, в борьбе, совершаемой с позиций революционного класса и по его классовым интересам, борьбе, которая приводит к решению общественных противоречий революционным путем, через доведение классовой борьбы до политической ее формы. Поэтому до захвата власти, установления диктатуры пролетариата и построения бесклассового общества. Такому способу жизнедеятельности, борьбы, живой жизни противоречий, доведению их до решения отвечает только диалектический способ мышления, диалектическая логика.

Будучи прежде всего формами деятельности, «логики дела» обобществленного человечества, собственно мыслительными формами, логикой мышления категории становятся как бы потом (несколько с запозданием). При всем этом их объективная жизнь происходит вовне этой внешней формы (формы формы), которая, как известно, собственного развития не имеет. Не форма наполняется содержанием извне, а содержание оформляется. Соответственно, следует ставить вопрос не о том, что соответствует данной категориальной мыслительной форме действительности, а, наоборот, чему она отвечает. Следовательно, категориальными «извлечениями» категории являются не потому, что они — мыслительные формы, они потому становятся мыслительными формами, что являются идеальными. Т. е. в своей идеальности они — не мыслительные абстракции, не просто формы человеческого разума, а прежде всего формы реальных человеческих отношений.

Следовательно, в живой общественной жизни, а не в «мертвых костях скелета» (по выражению Гегеля), которыми являются внешние

формы мышления, суть природы логического. Сами «кости» не жизненны. Их жизнь — в имманентной человеческой деятельности. То, что называется «логичным», не сводится к формам мышления.

Категории являются целиком общественными. Причем не такими, к которым обращаются, прибегают, употребляют, используют как некие внешние орудия (инструменты). Они «служат людям на практике ... в создании мыслей и обмене ими». (Если вообще можно говорить о службе того, что не внешнее относительно нас, а такое, «что мы сами им являемся»). Тут ситуация аналогична тому, как бессмысленно говорить о службе рук или других органов человеческого тела или о службе «чувств» и т. п., которые обычно являются общественными органами общественного тела человека (как совокупности общественных отношений). «И о формах мысли (ОепкГогтеп)—подчеркивает В. И. Ленин, — нельзя сказать, что они нам служат, ибо они проходят “через все наши представления”... »²⁴⁴, они есть «всеобщее как такое». В. И. Ленин подчеркивает, что «категории не помощники человека, а выражение закономерности и природы, и человека». Мыслительные, логические формы — это не «внешние формы», «способы для пользования», «пособники» человека, они — формы живого содержания, «связанные неразрывно с содержанием», «свое другое» содержания, а не что-то такое, что имеет самостоятельную сущность.

Если при этом иметь в виду, что живая жизнь содержания — в общественной человеческой практике, то и логика является учением не о внешних формах мышления, а о законах развития «.. .всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его... »²⁴⁵. Следовательно, нельзя рассматривать категории эклектически, как рядоположенные: и формы деятельности, и формы мышления и т. д. Такой эклектизм — от неправильного подхода и применения формального метода в анализе, когда исследование отталкивается от понятий и их определений, сопоставлений, выявления сходного и отличного в «сущностях», рассматриваемых одна рядом с другой. Категории необходимо «схватывать» в развитии, процессе, восхождении, с включением гносеологического отношения как тенденции движения, тяготения от

²⁴⁴ Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 83.

²⁴⁵ Там же, с. 84.

бытия к мышлению, а не уравнивать то и другое, констатируя взаимовлияние и взаимосвязь между такими равнозначными, сосуществующими сторонами. При этом не следует упускать из виду «субстанциональное содержание» «духовных вещей». Субстанциональным содержанием категорий (идеального выражения форм деятельности, общественных отношений) является то, что добыто из «бесконечной массы» «частичностей внешней жизни и деятельности», форма мышления — это вторичное, это следующая ступень, момент развития, «свое другое» формы деятельности, с необходимостью порождаемое последней: из нее и для нее.

Важной стороной понимания общественной сущности категорий является выяснение «механизма обобщения» в самой природе формирования категориальности. Ясно, что это дело практики в ее диалектико-материалистическом понимании (когда практика предстает как революционное превращение самой общественной формы движения). Это и есть «высший интегратор» в формировании категорий.

Именно эта общественная революционная практика прежде всего должна войти в полное определение предмета «... и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»²⁴⁶. Таково требование диалектической логики. Только на этой основе становится понятным общественно-историческое происхождение категорий.

---

²⁴⁶ Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина. — ПСС, т. 42, с. 290.

Дополнение 4

Философский материализм как принцип²⁴⁷

«С каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму»²⁴⁸. Приведенное положение Энгельса нередко рассматривают как указание на то, что по мере развития естествознания будут изменяться (сменяться, появляться новые, исчезать старые и т. д.) философские принципы, категории, законы, положения; на смену одной философии будет приходить другая, и так без конца. В частности, существовал домарксовский метафизический материализм, затем ему на смену пришел диалектический материализм, а в будущем его сменит еще какой-то новый материализм и т. д.

Не говоря уже о том, что такая тенденция — ставить развитие современной философии в прямую и непосредственную зависимость от развития естествознания — ошибочна (а порождена она распространенным предрассудком, будто философия как наука не имеет своего предмета, а только то и делает, что истолковывает, интерпретирует, обобщает естественнонаучные открытия, факты т. е. кормится тем, что подадут от стола естественных наук). Заметим, что в упомянутом замечании Энгельса речь идет вовсе не об изменении философии, философских положений и связи с новыми естественнонаучными открытиями. Его слова о смене *форм* материализма относятся не к философскому материализму, а к естественнонаучному. По мере углубления знаний об изменяющейся материальной действительности обязательно изменяется научное

---

²⁴⁷В. А. Восенко. Философский материализм как принцип. В кн.: Диалектика и современное естествознание. — М.: Наука, 1970. — с. 327-331.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. МарксК., ЭнгельсФ. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 286.

материалистическое представление об окружающем мире, т. е. меняется форма (естественнонаучная) материализма. Но при всех этих изменениях сохраняется то, что лежит в самой основе научного знания (как отражения) и составляет его суть и содержание. Это — сам принцип материализма: материя первична, сознание вторично. И вот этот-то материалистический принцип есть уже философский материализм, и изменению он не подвергается. Никакие новейшие открытия в естествознании, никакие изменения в представлениях людей (даже бесконечно далеких от нас поколений) об окружающей картине мира, т. е. никакие изменения формы (естественнонаучной) материализма не могут поколебать или поставить под сомнение данное (по сути гносеологическое) философское содержание материализма. В таком же смысле говорится и у Ленина, что когда речь идет о «ревизии формы» материализма Энгельса, то должна подразумеваться «ревизия его натурфилософских положений». «Махистам, — говорит он, — мы ставим в упрек отнюдь не такой пересмотр, а их *чист,о ревизионистский* прием — изменять *суть* материализма под видом критики *формы* его»²⁴⁹.

Корни неверного представления, будто под изменением формы материализма следует понимать то, что на смену метафизическому пришел диалектический материализм, а дальше-де можно ожидать появления еще какого-то сверхдиалектического материализма и т. д., заключаются в том, что, как указывает Энгельс, путают «материализм как общее мировоззрение, основанное на определенном понимании отношения материи и духа, с той особой формой, в которой выражалось это мировоззрение на определенной исторической ступени, именно в XVIII веке»²⁵⁰.

А выражалось оно, мало сказать, в неверной, искаженной форме. Более того, смешивают его (в том числе и Фейербах) с той опошленной, вульгаризированной формой, «в которой материализм XVIII века продолжает теперь существовать в головах естествоиспытателей и врачей и в которой его в 50-х годах преподносили странствующие проповедники Бюхнер, Фогт и

---

²⁴⁹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — ПСС, т. 18, с. 266.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 286.

Мошотт»²⁵¹.

На ранней стадии развития философский материализм и естественнонаучный материализм были нерасчлененными. Философские материалистические воззрения в значительной степени были фактически натурфилософскими. Здесь имело место совпадение философского материалистического принципа с естественнонаучной картиной мира. Когда же появилась возможность вычленить материализм как всеобщий принцип и сформулировать понятие материи в предельно всеобщей форме, не сводимой ни к одной из конкретных форм проявления материи, а именно, как объективной реальности, независимой от сознания и данной нам в ощущениях, то те или иные конкретные формы существования материи остались в компетенции естествознания; сам же принцип, как гносеологический, предельно всеобщий,— в компетенции философии. При этом философский материализм остается методом, главным стержнем материалистических представлений о природе.

То, что обычно имеется в виду, когда говорят о высшей форме материализма (подразумевая диалектический материализм) — это не та форма, об изменении которой говорится у Энгельса в упомянутом положении, и даже вовсе не форма в отношении к тому материализму, о котором в этом положении идет речь.

Собственно, философский материализм как принцип, став диалектическим и получив предельно всеобщую форму выражения, как раз по форме-то никогда больше и не претерпевает изменения. Чтобы это понять, нужно не забывать, что диалектический материализм — это не просто одна из возможных преходящих форм материализма (который в таком случае не мог бы претендовать на роль всеобщего универсального метода), а высший и последний этап, завершающий развитие единого и единственно возможного философского материализма (материалистического монизма), который выступает как всеобщий принцип, как общее мировоззрение, основанное на определенном понимании *отношения* материи и духа.

Некоторых смущает утверждение, что материализм может быть завершен: в этом выражении не видят ничего другого, кроме как прекращение развития. Но как можно представить себе, например,

---

²⁵¹Там же, с. 286.

изменение понятия материи и заключенного в нем принципа материализма, изменение основного вопроса философии? Что вообще можно еще сказать о материи как таковой, кроме того, что это объективная реальность, независимая от сознания и данная в ощущениях? Здесь, как говорит Ф. Энгельс, дойдя до формы суждения всеобщности, «закон достиг своего последнего выражения. Посредством новых открытий мы можем доставить ему новые подтверждения, дать ему новое, более богатое содержание. Но к самому закону, как он здесь выражен, мы не можем прибавить больше ничего. В своей всеобщности, в которой и форма и содержание одинаково всеобщны, он (закон В. Б.) не способен ни к какому дальнейшему расширению: он есть абсолютный закон природы»²⁵².

Указание на завершенность²⁵³ материалистического философского принципа может показаться догматическим призывом консерваторов, сводящих суть материализма к нудному повторению того, что материя первична, а сознание вторично. Но такие обвинения с позиций «новейших открытий» не новы, и в свое время на подобные претензии Ленин уже дал ответ. И характерно, что ему пришлось отвечать как раз на обвинение в повторении вопроса об отношении бытия и сознания: «Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы понять, какую величайшую бессмыслицу говорят махисты, когда они требуют от материалистов такого определения материи, которое бы не сводилось к повторению того, что материя, природа, бытие, физическое есть первичное, а дух, сознание, ощущение, психическое — вторичное»²⁵⁴.

После достижения философским материалистическим принципом завершенного выражения дальнейшее развитие материализма отнюдь не останавливается. Видимо, противоположностям, возникшим в

---

²⁵² Энгельс Ф. Дialeктика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 540.

²⁵³ А это завершение и достроенность доверху происходит тогда, когда появляется материалистическое понимание истории и подлинный диалектический материализм есть тот, который исторический материализм, т. е. доведенный до исторического материализма. Воле того, — до научного социализма.

Если, как говорит Энгельс, марксисты — это «практические материалисты», что, кроме прочего, значит, что они исходят не из объяснения мира, а изменения его (революционно-практически), и, прежде всего, мира общественного, то вполне ясно, как нужно понимать изменение формы материализма с каждым новым открытием, составляющим эпоху, «не говоря уже об общественном... открытии».

²⁵⁴ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — ПСС, т. 18, с. 150.

результате раздвоения единого материализма на философскую и естественнонаучную области, в соответствии с диалектическим принципом развития предстоит прийти к тождеству, к разрешению. И действительно, формулирование философского материалистического принципа вовсе не является самоцелью, он проникает во все конкретные области знания о природе и обществе и «работает» там как основа, как подход к действительности, как всеобщий принцип отражения (включая и практическое освоение действительности), как выражение принципиальной познаваемости природы, как неизбежное содержание любой научной истины, как мировоззрение.

Называть при таком положении основывающуюся на материалистическом принципе отражения науку (вернее, систему конкретных наук) естествознанием или материализмом, или, наконец, просто историей (складывающейся из истории природы и истории общества) — одно и то же. Под этим будет подразумеваться научная, непрерывно совершенствующаяся и верно материалистически истолковываемая картина материального мира, т. е. подлинная история действительности. Всеобщий гносеологический принцип материализма будет как бы постоянно функционировать и безраздельно господствовать в конкретных науках²⁵⁵ и, став само собой разумеющимся в изучении действительности, видимо, просто перестанет быть положением, которое нужно было бы «распространять» на конкретные (положительные) науки. Он будет буквально «жить» («работать») в самих науках о природе (вернее, в единой науке истории как ее стержень, метод, движитель, мотор). Вместе с тем отпадает необходимость в специальной науке, которая была бы теперь только хранилищем таких *всеобщих*, достигших предельно широкого выражения и по содержанию, и по форме принципов (в чем была необходимость в ходе становления, формирования последних).

Как видим, здесь имеет место «возврат» принципов (получивших выражение и формулирование в предельно всеобщей понятийной форме, т. е. на более высоком уровне) туда, откуда они выведены (из

---

²⁵⁵ Вернее, уже в науке, единой. Маркс говорит, что в сущности есть одна наука — история, которая складывается из истории природы и общественной истории (как продолжение в общественной форме движения).

практики) — и в практику же, во все конкретные науки, в результате чего и возникает новый синтез — наука история и практический материализм. Такой возврат есть не шаг назад к исходному состоянию, а движение вперед, на более высокую ступень. Правда, не всегда этот процесс верно осознается современниками. Одни воспринимают это как возврат к натурфилософии, другим кажется, что нужно «пересмотреть оценки Энгельса»; при этом пускается в обиход термин «философия естествознания».

Но иллюзия в необходимости создания особой науки натурфилософии, философии естествознания и т. п. в конечном счете является результатом неумения видеть роль деятельности общественного человека в освоении природы. Это — продукт отделения от человека производительных сил, представляемых как «особый мир наряду с индивидами»²⁵⁶. Новая «натурфилософия» призвана заполнить собой разрыв между абстрактно понимаемым человеком и природой, а фактически заполнить пробел в знании подлинной сущности человека и его взаимоотношения с природой. При таком подходе можно понять противопоставление природы и человека, но нельзя понять суть их единства (не идут дальше чисто естественнонаучного, натуралистического единства; и человек, и природа рассматриваются при этом абстрактно). Взаимопревращение природы в человека и человека в природу или не понимается совсем, или понимается натуралистически. Ф. Энгельс был совершенно прав, когда говорил, что «.. натурфилософии пришел конец. Всякая попытка воскресить ее не только была бы излишней, а *была бы шагом назад*»²⁵⁷.

---

²⁵⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Соч. 2-е изд., т. 3, с. 67.

²⁵⁷ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 305.

Дополнение 5

О познании бесконечного в 1 ДВИЖЕНИИ

Вся сложность в познании бесконечности заключается в том, что путь познания бесконечного лежит через познание конечного. И не только потому, что бесконечное существует не наряду с конечным как какая-то самостоятельность, а в ней и через нее, но и потому, что с конечности начинается всякое познание вообще. Миновать это невозможно, такова природа познания. Нельзя миновать также того, что с конечным познание имеет дело прежде всего посредством представления. Выхватывая *из* всеобщих связей отдельности, конечности, познание фиксирует их с этой стороны в представлении. Но как раз представление принципиально не в состоянии по самой своей природе, а также в силу несоответствия этому природы (всеобщей) бесконечного, постигнуть истинное бесконечное; его уделом является только конечное. Однако, наглухо, намертво связанное с конечностью в его внешнем проявлении, представление, оказывается, не может постигнуть также и сущность самого конечного; именно поэтому же оно не может постигнуть бесконечное, так как последнее собственно заключается в сущности конечного.

Будучи приспособленным к познанию конечности, представление «оконечивает» (сводит к конечности) и бесконечность. Бес-

¹В. А. Восенко. О познании бесконечного в движении. В кн.: Философские проблемы теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии. — К.: Наукова думка, 1965.-с. 288-292.

конечное такому мышлению представляется лишь в виде некоторого безграничного ряда расположенных одна подле другой конечных форм, в виде не имеющей конца суммы конечностей, то есть как сведенное опять таки к конечности. Недаром Гегель говорит, что

«конечность есть наиболее упрямая категория рассудка»²⁵⁸. Даже взаимоотношение самой конечности и бесконечности, в свою очередь, строится по образцу и подобию природы самой конечности. Они располагаются в представлении одно рядом с другим как абсолютно конечные самостоятельные реальности.

В результате такая сведенная к конечности бесконечность обречена на сосуществование с конечностью по принципу координации, наряду с конечностью, как некоторая самостоятельная сущность. Взаимодействие этих различных сущностей дальше взаимодействия внешнего порядка, внешней противоречивости не идет. В самой действительности нет конечности и бесконечности. Разделение, рассмотрение и, соответственно, противопоставление, различение конечного и бесконечного начинается лишь тогда, когда происходит процесс познания действительности и вычленение и одностороннее фиксирование в сознании этих сторон. Трудность в том и заключается, что рассудок не может освоить *единства*, бесконечности и конечности. Когда познание вырывает из всеобщих связей и фиксирует в представлении (всегда) некоторую конечность, и уже этим не только схватывается лишь одна сторона противоположностей, но и происходит неизбежная абсолютизация такой односторонности, то последняя может быть преодолена с помощью введения диалектики движения понятий. В мысли производится раздвоение единого (конечного) на противоположные стороны и затем эти противоположности доводятся до тождества. (В тождестве противоположностей и заключается, по словам В. И. Ленина, суть диалектики²⁵⁹. С этим мы в теоретическом мышлении получаем (в форме истинности) соответствие подлинному единству бесконечного и конечного в действительности.

Бесконечность, несомненно, неразрывна с конечностью, но дело не в такой внешней связи, где конечность и бесконечность взаимодействуют как две самостоятельные сущности, влияя друг на друга. Задача заключается как раз в том, чтобы конечность и бесконечность рассматривать не как различные качества, а лишь как различия одной и той же сущности.

В этом случае сущность бесконечности раскрывается совершенно в

²⁵⁸Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 1. — М., «Мысль», 1970, с. 192.

²⁵⁹См. Ленин В. И. Философские тетради. ПСС, т. 29, с. 98.

ином свете. По-иному выглядит и ее взаимоотношение с конечностью. На смену ярко представляемой картине взаимодействия конечности и бесконечности приходит (непредставимое) взаимопроникновение (диалектическое единство) этих противоположностей. Взаимоотношение их принципиально различается, так же как различны взаимососуществующие, взаимовлияющие друг на друга сущности и сосуществующие друг в друге и снимающиеся друг в друге лишь различные стороны одной и той же сущности. В свете этого сама конечность бесконечна в себе и наоборот. Больше того, бесконечность выступает как отрицание (отрицающая себя) конечность (в диалектическом понимании отрицания) и, таким образом, как отрицание отрицания.

Именно в этом смысле следует понимать неразрывность бесконечности и конечности, т. е. она заключается не в том, что они неотрывно друг от друга сосуществуют, а в том, что сама бесконечность есть не просто бесконечность как таковая, а отрицание отрицания конечности. Можно даже сказать, что бесконечность, в известном смысле, это есть конечность, отрицающая себя (не подвергаемая извне отрицанию со стороны бесконечности, а отрицающая сама себя конечность, здесь не соединение конечности и бесконечности, а раздвоение единого, конечности), снимаемая, затем, еще во втором отрицании, т. е. это все та же конечность, но как бы подорванная изнутри своей противоположностью, содержащая в себе эту противоположность, но опять-таки не как просто имеющую место, находящуюся в конечной форме, а как постоянный (постоянно возникающий) продукт отрицания конечностью самое себя, как способ существования самого конечного, как создающееся в самом конечном и затем разрешающееся противоречие. Как видим, это не нечто такое, что может существовать наряду с конечностью, с конечными вещами, а существующее в них самих как их свое другое, как их отрицательное существование, как они сами в своем другом (противоположном, противопологающем себе) состоянии.

В свете сказанного о диалектике взаимоотношения бесконечности и конечности и, в частности, о существовании бесконечности в конечном более ясной становится проблема познания бесконечности. При непосредственно чувственном познании действительности мы имеем дело прежде всего и только с конечным. Но ведь задача

познания заключается в том, чтобы вскрыть, сделать истиной сущность вещи. А всякое истинное познание природы есть познание вечного, бесконечного²⁶⁰. Поэтому Энгельс считал, что положение о том, что мы можем познать только конечное, будучи совершенно верным, «поскольку в сферу нашего познания попадают лишь конечные предметы», нуждается вместе с тем в дополнении: «по существу мы можем *познавать только бесконечное*»²⁶¹.

Но это уже находится не в компетенции непосредственного чувственного познания, а в компетенции теоретического мышления. Бесконечное раскрывается через всеобщность, ибо как раз «... форма всеобщности есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности...»²⁶². Поскольку же всеобщность находится в сфере господства мысли, в сфере компетенции теоретического мышления, то и бесконечное доступно лишь теоретическому (диалектическому) мышлению.

И действительно, только через такие конечности, какими являются отдельные вещи, мы познаем бесконечную всеобщую материю в них. И это не в том смысле бесконечность, что мы познаем бесконечное *множество* конечных вещей, которые в своей совокупности составляют бесконечность. Такое количественное представление о бесконечности как о сумме конечностей (конечных вещей) оставило бы непознаваемой бесконечную материю вообще, поскольку последнюю, как некоторую суммарную бесконечность конкретных форм существования материи, невозможно никогда целиком охватить. В действительности задача состоит в том, чтобы вскрыть материю (а значит, всеобщность, бесконечность) в самой каждой отдельной конечной вещи, форме проявления материи; видеть, что при всем том, что она является данной определенной конечной вещью, в то же время является и материей вообще, бесконечностью. Бесконечности, которая существовала бы в форме некоторой самостоятельной сущности в чувственно воспринимаемом виде наряду с конечным, — нет в природе.

Подобно тому, как пространство и время не имеют смысла без

---

²⁶⁰См. Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 549.

²⁶¹Там же, с. 548.

²⁶²Там же.

совокупности кубических метров и часов и вместе с тем не сводятся к этой совокупности (или их сумме), так и бесконечность не может существовать без конечных вещей, но вместе с тем не сводится к их совокупности, выступая как нечто иное, нежели совокупность конечностей. Бесконечность как таковую невозможно видеть или испытать каким-либо иным чувственным образом и представить. Поскольку мы познаем конечные конкретные вещи, мы познаем и бесконечность как таковую.

Поиски некоторого субстрата, в котором наличествовали бы конечность и бесконечность, неизбежно приводят к тому, что последние ставятся в координации, рядом. Мысленно они как бы удерживаются вне друг друга во времени внешне, представляются как бы чередующимися. Положение Энгельса о том, что всеобщность является формой внутренней завершенности и тем самым бесконечности, как раз и позволяет еще глубже понять, как бесконечное заключается в самих конечных вещах. «Для нас достаточно знать, указывал Ф. Энгельс, что при одинаковых обстоятельствах повсюду *должно иметь место* одинаковое...»²⁶³.

Законы природы вечны, бесконечны, абсолютны, но вместе с тем они обусловлены определенными относительными конкретными условиями, в рамках которых проявляют эту свою вечность, бесконечность и абсолютность. Это и делает их единством противоположностей²⁶⁴, противоречием, но не внешне, а внутренне противоречивыми: бесконечно-конечными, относительно-абсолютными, вечно преходящими. Все конкретные конечные формы движения есть лишь отдельные проявления всеобщего движения вообще, единственно обладающего абсолютной бесконечностью. Познавая отдельные конечные формы движения, мы в них и через них (через их самоотрицание) познаем движение вообще (материи вообще) — абсолютное, всеобщее, бесконечное.

---

²⁶³ Там же, с. 554.

²⁶⁴ Бесконечность есть свое другое конечности, другое себя.

Дополнение 6

О предмете

1

диалектической логики

Довольно распространено еще мнение, будто предметом диалектики являются просто окружающие нас и обнаруживающие диалектический характер явления действительности. И задача диалектической логики в том-де и состоит, чтобы выразить такие увиденные, демонстрирующие свою диалектичность процессы в не менее диалектической мысленной форме.

Часто забывают, что подлинную диалектику (противоречие) невозможно увидеть, представить или воспринять каким-либо непосредственно чувственным образом. Ее можно только понять. Понять же, значит, — выразить в логике понятий. А это находится в компетенции диалектической логики. Причем меньше всего имеются в виду вопросы собственного отображения, изображения, фиксирования диалектических процессов в мысленных формах, в соответствующих понятиях, как это может показаться в связи с наличием здесь слова «логика». Известное положение Ленина — «...вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий»²⁶⁵ — иногда так буквально и понимают, как указание на задачу выражения в мысли увиденного в природе движения, т. е. задачу нахождения, подбора нужных мысленных форм для того, чтобы изобразить движение, ставшее предметом созерцания. И если это-де будет изображено гибко, противоречиво, «хитро», то можно считать, что цель достигнута.

С подобными представлениями, сводящими работу диалектической логики к проблемам собственно форм мышления, к вопросам технологии процесса мышления, к исследованию этих форм и т. п.,

---

²⁶⁵ Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 230.

нельзя согласиться.

Дело не только в том, что не существует каких-то диалектических картин в «готовом» виде, которые остается только заметить и отобразить (по типу: увидел дерево — отразил дерево, увидел противоречие — отразил противоречие, встретил развитие — описал развитие), а в том, что вообще такой поиск и обнаружение тех же, например, противоречий не является самоцелью познания. Задача — вскрыть сущность вещи. Но поскольку в сущности — противоречие, то мы неизбежно приходим к необходимости постигнуть, освоить его, причем осуществляется это только путем логического развертывания противоречия понятий.

В этом единственно возможном способе постижения, видимо, и заключается смысл и назначение диалектической логики. Говоря о диалектической логике, нельзя пройти мимо того, как именно с помощью теоретического диалектического мышления осуществляется постижение сущности вещи, ставшей объектом исследования, в ее (вещи) самодвижении, саморазвитии, а значит, и во внутренней противоречивости. Другими словами, речь идет об универсальном (логическом) «аппарате» проникновения в сущность предмета, который позволяет посредством движения понятия в сфере теоретического, осуществляя это движение по собственным определениям самого предмета, по его внутренним противоречиям, в его самодвижении, воспроизводить действительное движение предмета, раскрывать его суть, заключающуюся во внутренней противоречивости. Осуществляется это раскрытие непременно теоретически, логически, через движение понятия, но оно есть раскрытие того, что заключается в движении самой вещи, ставшей предметом постижения.

Вещи являются нам прежде всего односторонне, со стороны себеравности, покоя, формы, конечности, отдельности, явления и т. д. Именно в такой односторонности они фиксируются в рассудочном понятии. Вторая сторона — сущность, общее, бесконечное, самодвижение, необходимость и т. д. — остается скрытой и недоступной непосредственно чувственному восприятию. Чтобы освоить, постигнуть эту вторую сторону и вместе с тем единство, тождество этих противоположностей, нужно осуществить в сфере теоретического мышления логический процесс движения понятия и

уже таким образом воспроизвести через развитие понятия, через развертывание его противоречия внутреннюю имманентную противоречивость (и значит, сущность) исследуемого предмета. Для этого указанное понятие, в котором зафиксирована односторонность, подвергается раздвоению на взаимоисключающие стороны. Осуществляется это путем отрицания, для чего вводится второе понятие, отрицающее первое. Все дело именно в таком диалектическом отрицании. Оно и раздваивает единое, и сохраняет внутреннюю связь, показывая таким образом, что второе понятие не просто другое (наряду с первым), а другое первого, его «свое другое» («другое себя»), его момент. Оно в нем, а не при нем. Оно показывает, что существует собственно само первое понятие, которое не неподвижное, мертвое, а живое, самодвижущееся, сомоотрицающее себя, превращающееся во «в себе переход».

Но так как первое понятие, заключающее в себе односторонность, само есть фактически отрицание действительного объективного единства противоположностей, то вышеупомянутое отрицание такой его односторонности будет уже вторым отрицанием, отрицанием отрицания и, таким образом, преодолением односторонности и «возвратом» к действительному единству противоположностей. Получается так, что вышеописанное доведение до тождества раздвоенных противоположностей в сфере логического является не только разрешением и исчерпанием указанного противоречия понятия, но и разрешением противоречия движения внутренней противоречивости вещи в содержании знания, т. е. противоречия гносеологического порядка, и приведением к «тождеству», к соответствию содержания мысли действительному положению вещей во всей сущностной, необходимой внутренней противоречивости последнего. Происходит как бы некоторый «возврат» от мысленного, теоретического, логического к самому исходному пункту движения предмета познания в содержание знания — в сферу действительности, но уже на более высоком уровне, как проникновение, углубление в сущность вещи. Другими словами, вещь, ставшая предметом исследования (теперь уже не односторонне, а во всей противоречивости), «приходит» в содержание знания, в истину и выказывает себя как самоотрицание, самодвижение, единство противоположностей, т. е. диалектически. Но характерно, что именно

через раскрытие в понятии «его другого» и, этим самым, развитие понятия, мы обнаруживаем, что сама вещь выступает как нечто, отличное от самое себя, и существует лишь постольку, поскольку она есть отрицание себя, превращение, становление, противоречие, самодвижение, а путь развертывания, развития понятия выступает как аналог, воспроизведение— и, в то же время, некоторый «итог», резюме — того развертывания, развития, самодвижения, которое заключается в самом объективном, исследуемом таким логическим способом процессе, в его живой жизни, в его способе существования.

Чтобы понять, как, раздваивая понятие на противоположности и затем доводя его до тождества в сфере теоретического мышления, мы можем получить раскрытие сущности объективной вещи, нужно в логическом движении, как бы продолжающем собой действительное развитие действительного предмета, по внутренней противоречивости которого движется (и воспроизводит его) это логическое раздвоение в идеальной форме понятий, определений, видеть отрицание и отрицание отрицания, которое обеспечивает как бы «возврат» в объективность и внутреннюю связь, сцепление с объективным, действительным предметом, ставшим объектом постижения²⁶⁶. И в этом отрицании вся суть.

В. И. Ленин в «Философских тетрадах» приводит слова Гегеля, которые он считает «солью диалектики»: «Она (отрицательность.— В. Б.) есть простая точка отрицательного соотношения с собой, внутренний источник всякой деятельности, живого и духовного самодвижения, диалектическая душа, которую все истинное имеет в самом себе и через которую оно только и есть истина; ибо исключительно на этой субъективности основывается снятие противоположности между понятием и реальностью и то единство, которое есть истина. — Второе отрицательное, отрицательное отрицательного, к которому мы пришли, есть указанное снятие противоречия, но это снятие так же мало, как и противоречие, есть *действие некоторой* внешней рефлексии; оно есть *сокровеннейший*,

---

²⁶⁶Вряд ли следует подробно говорить, какую решающую роль в этой связи играет человеческая предметная практическая деятельность, суть, внутренний механизм и логика которой постоянно заключаются и сохраняются в логическом движении. Логика мышления, по существу, и есть иноформа, логика человеческой деятельности.

объективнейший момент жизни и духа...»²⁶⁷.

Комментируя эти слова, В. И. Ленин замечает: «Здесь важно: 1) характеристика диалектики: самодвижение, источник деятельности, движение жизни и духа; совпадение понятий субъекта (человека) с реальностью; 2) объективизм в высшей степени (“das objektivste Moment” / “объективнейший момент”. — *Ред./*)»²⁶⁸.

Без верного понимания отрицания в понятии нет не только подвижности понятия, но и познания, отражения действительной сущности вещей, нет поворотного пункта, скачка. Происходит разрыв между сознанием и действительностью, теряется объективность, порождается агностицизм и скептицизм.

Таким образом, в диалектической логике понятия не просто служат для обозначения, отображения процессов и явлений, но и сами «работают». Логика понятий не есть нечто пассивное. Это не процесс копирования обнаруженного, не фотографирование форм бытия, а истинный момент проникновения в сущность вещи, которая теперь раскрывается как движение, но не как просто форма движения, а как развитие.

Говоря о воспроизведении в логическом действительного развития (как борьбы противоположностей и т. д.), мы не имеем в виду, что в сфере понятий создается как-то параллельно с действительным развитием просто его подвижная копия, репродукция. Нужно учитывать, что от действительного развития в развитие мыслительных форм тоже идет развитие. Поэтому развертывание развития в мысли нужно считать в некотором роде как бы продолжением действительного движения. И именно в таком плане (в ходе доразвития) получается воспроизведение, через отрицание отрицания, подлинного внутреннего развития вещи.

В. И. Ленин, анализируя диалектику вообще, подчеркивает, что если говорить без гегелевского идеализма, то она есть следующее: «... человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни». Как видим, диалектика предусматривает движение понятий, которое должно быть таким, чтобы оно обеспечивало постижение, воспроизведение, отражение действительности живою,

²⁶⁷ Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 209-210.

²⁶⁸ Там же, с. 210.

подвижной. В этом плане диалектика включает в себя искусство оперировать понятиями, которое «требует всегда изучения *движения* понятий, их связи, их взаимопереходов». Продолжая характеризовать диалектику, В. И. Ленин пишет: «В частности, диалектика есть изучение противоположности вещи в себе (*an sich*), сущности, субстрата, субстанции... Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности... В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия в *самой сущности предметов...*»²⁶⁹. И именно противоречия в *сущности*, куда проникнуть, углубиться можно только с помощью теоретического мышления. Таким образом, мы видим здесь фактическую теоретико-познавательную работу диалектической логики, которая через движение понятий проникает в сущность вещей и этим раскрывает внутреннюю противоречивость, самодвижение вещи — развитие.

В сути диалектической логики как «механизма» постижения логики самодвижения вещи через логику развития понятия можно довольно ясно видеть то самое совпадение и «отождествление» в одну логику логики движения мышления, логики движения постигаемой действительности и, так сказать, логики движения действительности в движение мышления. Все это, собственно, и есть одна диалектическая логика, причем такая, из которой нельзя выбросить или выделить ни одну из указанных сторон, ибо они сняты и «исчезают» в единстве, тождестве в диалектическом понимании последнего, а значит суть и не стороны, не части²⁷⁰. Почему В. И. Ленин и говорит, что «логика, диалектика и теория познания (не надо 3-х слов: это одно и то же)»²⁷¹. (Диалектика-логика не наряду с диалектикой-теорией познания и диалектикой-диалектикой). Только такой единой она и функционирует, живет, действует, «работает» (диалектико-логико-теоретико-познавательно) по постижению сущности вещей.

После всего сказанного, задача собственно отображения в

²⁶⁹ Ленин В. И. *Философские тетради*. — ПСС, т. 29, с. 227.

²⁷⁰ Они исчезают в единстве функционирования и функционируют в исчезновении — таков способ живого существования диалектики. Здесь, как и в организме, рассмотрение органов в виде отдельных частей бессмысленно, они сняты в единстве. Непонимание этого исходит в конечном счете из непонимания категории превращения.

²⁷¹ Ленин В. И. *Философские тетради*. — ПСС, т. 29, с. 301.

соответствующих формах мысли, высказывания постигнутого развития, противоречивости, выступает не как самоцель, а как некоторый момент общего процесса диалектического постижения и освоения сущности объективного самодвижения, органически вплетенный, «вживленный» в общую «физиологию» «организма» диалектической логики и неотделимый от единой диалектико-логико-теоретико-познавательной жизни ее. Т. е. вопрос выражения постигнутого неотделим от самого процесса постижения и решается не как-то самостоятельно, а в самом ходе последнего, в самом процессе функционирования механизма постижения, процессе углубления в сущность вещи (движение понятий — это одновременно и есть углубление). Мысленное отображение противоречивой сущности строится, формируется в самом процессе движения тех же самых понятий, с помощью логики развертывания которых (по закону отрицания отрицания) осуществляется воспроизведение и постижение логики развертывания противоречия предмета по его внутренним противоположностям. По мере того, как вещь выказывает себя диалектически (под воздействием человеческой целенаправленной предметной деятельности и логической обработки) — как самодвижение, самоотрицание, единство противоположностей, эта внутренняя противоречивость, подвижность постигаемого предмета находит одновременно с этим соответствующее подвижное, противоречивое, гибкое, развертывающееся мысленное, понятийное, языковое выражение, формулируемое в диалектической форме высказывания.

«Жить — это умирать», «Случайное имеет основание, потому что оно случайно, и не имеет основания, потому что оно случайно», «Движущееся тело и находится в данном месте, и не находится в данном месте» и т. п. Нетрудно заметить в таких выражениях противоположности, которые отрицают друг друга. Но это именно диалектическое отрицание, заключающее и себе момент связи²⁷². Оно сохраняет противоположности в пределах одной и той же сущности, а не разбрасывает их как некоторые абсолютные крайности,

---

²⁷²Это то самое отрицание, которое мы отмечали и в движении понятия, и в действительности, и в движении второго в первое. Здесь оно остается как бы в «застывшем» виде, указывая на подвижность данного высказывания, а также на подвижность того, что заключается в объективном: его содержании.

выступающие самостоятельными сущностями, каждая из которых претендует на собственное определение. Рассудок именно так и поступает. Считая, что обе стороны в отдельности истинны, он стремится каждой дать определение. Естественно, что между такими определениями может быть только абстрактная, формальная отрицательность, абсолютное противопоставление. Противоречия здесь не доведены до разрешения, противоположности — до тождества, отрицание — до отрицания отрицания. Понятно, что при такой недоразвитости, недовершенности логического процесса нет и «возврата» в сферу действительности на более высоком сущностном уровне, нет скачка²⁷³. В отличие от рассудка разум рассматривает противоположности «... одно в другом, познает, что в одном содержится его другое (№6 “его другое”)²⁷⁴. Чтобы не разрывать взаимопроникающие противоположности, они должны войти в одно определение (внутренне отрицательное, противоречивое, доводящие эти противоположности до диалектического тождества и т. д.²⁷⁵. «Движение — это прерывность пространства и времени и непрерывность простран-

ства и времени», «покой — это движение», «торможение — это возбуждение», «вещь остается той же самой и в то же время непрерывно изменяется» (Энгельс) и т. д.

Такое доведение противоположностей до диалектического тождества в высказывании диктуется природой реальной проти-

---

²⁷³Нет также понимания истины как процесса, нет понимания конкретности истины как единства в многообразии. Рассудок тоже знает противоречия, но он в состоянии сделать первую часть теоретико-познавательной работы — раздвоить, поляризовать единое на противоположности и так и оставить их в раздвоенном виде, омертвив движение познания на полпути, не дав осуществиться поступательному движению мысли от утверждения к отрицанию и от отрицания к единству с утверждением, оставив познание без движения понимания. При этом важно заметить, что как только прекращается, приостанавливается движение (развитие) понятия, то прекращается и движение (развитие) познания, углубление. В самой логике движения понятий заключено то, что она есть также и теория познания (как и наоборот).

²⁷⁴Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 234.

И это будет единственно верное диалектическое решение, учитывающее, что «диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности...» (Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 98).

воречивости вещей. В самой действительности, в сущности нет дуализма, нет противоположностей, сосуществующих наряду друг с другом (например, прерывность и непрерывность, конечность и бесконечность), нет разъединения и затем объединения таких противоположностей, чередования того и другого. Там есть одно — есть борьба противоположностей как живая жизнь противоречия в каждый данный момент, где единство есть свое другое борьбы, момент борьбы. В движении познания, в движении понятий по постижению противоречивой самодвижущейся сущности происходит растянутое (как в ускоренной киносъемке) раздвоение, расчленение на «отдельные» противоположности, между которыми затем устанавливается связь, осуществляется доведение до тождества и т. д. Диалектическая логика в состоянии преодолеть указанную разъединенность, растянутость, так необходимые процессу логического постижения, понимания реального движения, развертывания противоречия. Будучи самосознающей себя теорией познания, она в состоянии внести «поправки на смещение». Для этого в диалектическом высказывании часто можно встретить указание в той или иной форме на одновременность и одно и то же отношение²⁷⁶.

Говоря о диалектической логике, нельзя не упомянуть о принципе (методе) восхождения от абстрактного к конкретному. Это, можно сказать, стержень диалектической логики. Последняя без него просто немыслима. Именно он обеспечивает «направление» (мотив, закон) развитию, развертыванию понятия в его движении.

Итак, если попытаться в свете вышеизложенного ответить одним

---

²⁷⁶Характерно, что не менее противоречивое выражение имеет и сам основной закон диалектики: закон единства и борьбы противоположностей. Заметьте, и борьба, и единство в одно и то же время и в одном же отношении. Имеются в виду не два закона — закон единства и закон борьбы, а один закон — единства и борьбы. Противоположности здесь взаимоисключают ДРУ^Г ДРУ^Г! доходя в таком взаимоисключении до взаимопроникновения, до тождества. Они поставлены в форме отрицательности, но не формальной, абстрактной, а диалектической. И единство здесь не наряду с борьбой, а как свое другое борьбы, момент борьбы. Получается, что суть дела в единстве единства и борьбы. Отрицание тут доведено до отрицания, противоположности — до разрешения и снятия в новое, высшее. Абсолютно господствует борьба. Единство есть та же борьба, но со стороны ее формы, т. е. это данность борьбы, определенность. Формы борьбы (единства) сменяются, приходят и уходят, мелькают, а борьба остается. Единство преходяще, временно, относительно. Борьба — абсолютна.

словом на вопрос о том, что же можно считать предметом диалектической логики, то нужно указать на развитие. При этом надо оговориться, что имеется в виду не то развитие, которое бытует в обычном понимании, в виде некоторых картин усложнения форм бытия, увиденных, наблюдаемых, созерцаемых в окружающем мире, для фиксации которых в представлении вовсе не требуется диалектическая логика, диалектический способ мышления. Не следует также рассматривать развитие как нечто такое, что существует наряду с просто движением, не являющимся развитием, или как частный случай движения, как одна из разновидностей его (более сложная) и т. п.

На наш взгляд, всякое движение в своей сущности есть развитие. Движение в любой форме реализует себя как борьба противоположностей, как развертывание противоречия, осуществляется по закону отрицания отрицания, с «возвратами», цикличностью, скачками, переходами количества в качество и обратно, как поступательность, восхождение и т. д. В этом заключается способ всякого движения, непременно реализуемый таким диалектическим образом. Все это и есть то, что называется в диалектике развитием. В диалектике деление на движения-неразвития и движения особого рода — развития, поиски и сортировка эпизодов, случаев (примеров) того и другого типа, бытующих в бесконечном мире в виде различных конечных систем, не имеет никакого смысла (как и утверждение о том, будто движение — более широкое понятие, чем развитие)²⁷⁷.

Есть одно — движение, которое всегда развитие, но последнее, однако, нужно еще *вскрыть, постигнуть*, т. е. до развития в движении нужно еще «докопаться», проникнуть в сущность движения в каждой рассматриваемой его форме. Однако обнаруживается, что сделать это без диалектической логики, без ее способа постижения невозможно. То есть, без доведения действительного движения до движения понятия и, таким образом, продолжения действительного развития в развитии мысли, о самом действительном развитии и нечего сказать. Поэтому конкретные науки, имея дело непосредственно с формами движения,

---

²⁷⁷Более детально проблема соотношения понятий «движение» и «развитие» рассмотрена мною в книге «Диалектика как теория развития». Киев, 1966 (вошедшей в качестве первой части в книгу «Всеобщая теория развития». Киев, 2001 — *Ред.*).

не могут «сами» постигнуть содержание движения, самодвижение вещей — развитие. Они вынуждены прибегать к диалектической логике, которая с помощью диалектических категорий, принципов (в том числе и вышеупомянутого метода восхождения от абстрактного к конкретному) способна обеспечить соответствующее движение понятий каждой из конкретных наук, преодолеть односторонность, абстрактность формы движения, проникнуть в содержание, в сущность движения и получить конкретное движение — единство в многообразии, движении противоречия, самодвижение, одним словом, развитие.

Говоря о развитии и, соответственно, о диалектической логике, и не допуская ни малейшего сомнения насчет объективности развития, мы не можем не учитывать сам процесс диалектического способа постижения, раскрытия, обнаружения, воспроизведения движения, так как в ходе такого постижения и через механизм функционирования последнего раскрывает себя действительное развитие. В этом отношении то, что в некотором смысле может называться предметом диалектической логики, выступает как познание развития через развитие познания (если в данном случае вообще подходит сама постановка вопроса о «предмете» и «науке» в обычном понимании этих слов, переносимом из области конкретных наук).

Разумеется, вопрос: «Действительность или мышление является предметом диалектической логики?» — не имеет смысла. (Даже утверждение «и то, и другое», очевидно будет не совсем точным, по крайней мере, оно нуждается в существенном дополнении: «и одновременно ни то, ни другое»).

Говорить о диалектической логике как науке о мышлении можно лишь в смысле науки о способе мышления, способе постижения действительного развития посредством развития мысленных форм, т. е., не упуская из виду аспекта отражения. Неверно, будто диалектика имеет предмет своего познания сферу собственно мышления, занимается анализом мысленных форм самих по себе и в этом отношении является якобы наукой о мышлении²⁷⁸.

---

²⁷⁸Познание мышления — природы движения собственно мысленных форм, вопросов раскрытия их структуры, построения и «технологии» мыслительного процесса в т. ч. — является делом соответствующих конкретных наук о мышлении, разумеется, привлекающих для такого познания диалектический метод, но не делом

Исследование природы логических форм мышления, категорий, принципов, безусловно, является важной предпосылкой диалектического способа мышления, и только. Цель же, непосредственная задача, назначение и собственный предмет диалектической логики не в изучении этих форм (их «устройства», «структуры»), не в разработке и построении системы категорий и т. п.

Само действие познанной, освоенной, понятой (и включенной в содержание такого действия) системы понятий, категорий, законов, сама теоретико-познавательная деятельность мышления, логики постижения развития действительных вещей и есть то, что можно назвать диалектической логикой, где весь арсенал логических форм, понятий о понятиях является не просто объектом исследования, а средством, орудием теоретико-познавательной работы и, в этом отношении, субъектом активного теоретического (и, в конечном счете, практического) освоения действительности²⁷⁹. В этой функции вся суть диалектической логики. По мере своего формирования она все больше становится «рабочей», познающей, активно отражающей и преобразующей (т. е. такой, какая она в «Капитале» Маркса), чем просто «Логикой» с большой буквы. Можно сказать, диалектическая логика есть лишь постольку логика, поскольку она теория познания, и постольку материалистическая диалектика, поскольку она диалектический материализм (который, в свою очередь, лишь тогда подлинный диалектический материализм, когда он — исторический материализм).

Если приложить диалектические принципы и законы к категориям

непосредственно диалектики как логики (как тождества диалектики, логики и теории познания). Если, собственно, мышление и его структуру, формы сделать предметом исследования диалектической логики, то последняя предстанет в плоско-онтологическом плане, ищущей диалектические картины (примеры), но уже в сфере мышления.

²⁷⁹Получается, что вышеупомянутый аппарат диалектической логики выступает как своего рода логический «циклотрон», «ускоритель» для приведения в движение и «разгона» понятий, которые, таким образом, начинают осуществлять теоретико-познавательную функцию по постижению действительного развития вещей. Направление (которое для развертывания такого движения понятия по его внутренним определениям дают ему принципы развития, диалектический категориальный лад, строй системы категорий) обеспечивает возможность воспроизведения действительного развития исследуемой вещи по ее внутренним противоположностям.

политэкономии, учил Маркс, получим логику политэкономии (что он и сделал в «Капитале»). То же самое следует делать и в других областях познания. Задача, видимо, не столько в том, чтобы строить, сооружать, конструировать систему самой по себе диалектической «Логике» с большой буквы, сколько понять логику как живую, самоконструирующуюся, самовоспроизводящуюся в каждом отдельном акте познания сущности. Поняв же — действовать со знанием дела. Без такого действия нет материалистической диалектической логики.

Дополнение 7

Диалектика прерывного и непрерывного и некоторые вопросы биологии²⁸⁰

В понимании развития, как известно, существуют две концепции, одна из которых, по выражению В. И. Ленина, рассматривает развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, другая — как единство противоположностей. Но только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к «уничтожению старого и возникновению нового»²⁸¹. В свете диалектической концепции развитие выступает как процесс скачкообразный. При этом следует иметь в виду, что под скачкообразностью подразумевается не просто прерывность движения, а единство непрерывности и дискретности. Единство не в том смысле, что эти противоположности чередуются и таким образом составляют цепь сменяющихся состояний, но и потому, что они взаимопревращаются друг в друга и выражаются друг через друга.

---

²⁸⁰В. А. Восенко. Диалектика прерывного и непрерывного и некоторые вопросы биологии. Вопросы философии.—№ 10. — 1961. — с. 120-126.

²⁸¹Ленин В.И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 317.

Всякая непрерывность не является абсолютной, а содержит внутри себя ряд перерывов. Взятая в целом в определенном отношении, она может выступать перерывом какой-то другой постепенности. В свою очередь, перерыв также не является абсолютным, он выступает как некоторое состояние перехода от одного качества к другому и, следовательно, непрерывен в себе.

Без учета этого обстоятельства невозможно понять, как в бесконечном мировом круговороте конечных форм движения материи при сохранении количества движения осуществляются переходы движения от одной формы к другой. Такие бы переходы были невозможны, если бы перерывы постепенности были бы абсолютны и не несли в себе своей противоположности — непрерывности.

Абсолютного перерыва движения в природе не бывает, так как движущаяся материя не исчезает и не появляется из ничего. Речь только может идти о превращении форм движения, при котором прерывается, прекращается не движение вообще, а лишь движение в определенной конечной форме, в определенном качестве, но при этом продолжается в другой форме, в другом качестве. В том, что движение не прекращается, а переходит из одной формы в другую и продолжается в ней, выражается непрерывность, связь между переходящими друг в друга противоположностями. А поскольку такой переход есть всегда переход одного конкретного бытия, одной конечной формы (которая как таковая исчезает) в другую конечную дискретную форму, то он характеризует прерывную сторону данного процесса. При этом определенное количество движения одного качества как бы переносит себя, переходит (через перерыв), в иное качество и продолжается в нем.

Этот процесс, имеющий в каждом конкретном случае свою длительность протекания, представляет собой некоторый период, опосредующий переход в противоположность и выступающий в этом отношении как переходный период. Момент разрешения противоречия и замены одной меры (единства качества и количества) другой мерой выступает как скачок, в котором осуществляется переход качества в количество и обратно, одновременно. Поэтому это — момент, и нет отдельно переходов количества в качество и наряду с этим перехода качества в количество. Количества как такового не бывает. Нет такой

категории отдельно. Количество — это отрицающее себя качество. Наличие таких переходных периодов обязательно для любых качественных превращений. «... все противоположности переходят друг в друга через посредство промежуточных членов.. .»²⁸².

Большее или меньшее количество переходных форм или периодов, их характер и длительность зависят от степени общности (или различия) переходящих друг в друга противоположностей. Например, при переходе одного биологического вида в другой переходный период, очевидно, является менее длительным и обладает меньшим количеством опосредующих форм, чем при переходе неорганической природы в органическую.

Было бы неправильно рассматривать переходные периоды, промежуточные опосредствующие звенья как нечто среднее, сглаживающее противоположности. Так представляют себе суть дела метафизики. Качественный переход диалектичен. «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? — пишет В. И. Ленин. — Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности. Единством (тождеством) бытия и небытия»²⁸³. И если качественный переход осуществляется через целый ряд опосредующих форм, то все они в целом остаются скачком, единством бытия и небытия по отношению к переходящим противоположностям.

В каждый момент качественного превращения происходит уничтожение определенной конкретной качественной формы бытия и создания новой, в которой продолжается движение. Во время такого перехода качество уже не то, что было, но еще не то, что будет. Здесь налицо процесс отмирания старого и формирования нового, процесс стремления к новому, интенсивного движения от первого ко второму: новое только рождается, но еще не родилось, а старое, хотя и умирает, но еще не умерло. При этом наиболее отчетливо наблюдается взаимопроникновение переходящих друг в друга противоположностей и отсутствие абсолютных разграничительных линий.

---

²⁸²ЭнгельсФ. Диалектика природы. МарксК., ЭнгельсФ. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 527.

²⁸³ЛенинВ.И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 256.

Вполне понятно, что когда говорится о небытии, то имеется в виду не небытие вообще, а лишь определенная конкретная форма бытия. И так как бытие вообще не исчезает, не превращается в абсолютное ничто, то момент небытия уже содержит в себе начало другого, нового конкретного бытия. В этом смысле Энгельс и ссылается на положение Гегеля о том, что «ничто от некоторого нечто есть некоторое определенное ничто»⁵.

Таким образом, очевидно, что качественный скачок, который выступает как перерыв лишь определенной конечной формы бытия, вместе с тем содержит в себе момент связи, взаимопроникновения конкретных противоположностей, переходящих друг в друг через единство бытия и небытия.

Для метафизиков, которые не видят такого взаимопроникновения противоположностей, и для которых, наоборот, противоположности носят абсолютный характер, только взаимоисключают друг друга по принципу «или — или», вещи существуют совершенно раздельно как законченные и сами себе равные дискретные тела. Но «*Hard and fast lines* (Абсолютно резкие разграничительные линии. — *Ред.*) несовместимы с теорией развития»²⁸⁴. Ибо при этом одно генетически не вытекает из другого, а существует только рядом с другим, как нечто замкнутое. Если, как говорит Энгельс, диалектика переводит друг в друга различия и опосредствует противоположности (см. там же), то метафизика ставит непроходимые грани между дискретными формами и взаимоисключает противоположности. А без признания единства и взаимопроникновения противоположностей невозможен переход одной качественной формы в другую.

Нельзя сказать, что метафизики не стремятся установить единство, тождество, источник различных вещей, форм, но делается это соответствующим метафизической концепции развития односторонне аналитическим методом, который состоит в том, что, мысленно разлагая вещи на все более и более дробные элементы, приходят ко все более абстрактным определениям,

¹³Энгельс Ф. *Диалектика природы*. — Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд., т. 20, там же, с. 527.

оказывающимся в силу своей абстрактности приложимыми ко все более широкой совокупности конкретных явлений. Так устанавливается формальное тождество различных форм. Наиболее абстрактный результат такого аналитического расчленения объявляется затем последней простейшей, неизменной исходной формой всего качественного многообразия, с которого был начат анализ. Многообразие форм в мире, согласно этой концепции, оказывается лишь количественно различными сочетаниями этой низшей первоформы (ср. поиски т. н. «праматерии»).

Метафизическое объяснение возникновения нового упрощается, таким образом, предположением, что возникающее существовало раньше уже в готовом, хотя и скрытом (благодаря своей микроскопичности) виде. Так что ему оставалось только количественно дорасти до ощутимых размеров и стать видимым. Этим самым все многообразие в мире сводится к различию только по величине. Подобный взгляд лежит в основании представления о «постепенности» возникновения нового. Без признания опосредствующих форм, звеньев иного вывода нечего и ожидать.

К. Маркс не раз критиковал метафизический метод исследования, игнорирующий прерывность в развитии и значение промежуточных звеньев. Так, критикуя представителей классической политэкономии, Маркс отмечал, что последние «пытаются непосредственно, без посредствующих звеньев все свести к единству и доказать тождество источников различных форм». Это происходит потому, что они интересуются «не тем, чтобы генетически вывести различные формы, а тем, чтобы свести их посредством анализа к их единству»²⁸⁵.

Односторонне аналитический подход ведет к извращению сути процесса развития, ибо пойти по такому пути, значит свести развитие, в конце концов, к количественному, эволюционному развертыванию из начального элемента, к пространственновременной координации различных форм. Генетический же метод предусматривает принцип субординации, который не может быть последовательно проведен без признания опосредующих звеньев, воплощающих в себе единство бытия и небытия (скачков). Если не признавать промежуточные

---

²⁸⁵Маркс К. Теории прибавочной стоимости, ч. 3. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 526.

формы, то невозможно объяснить качественные превращения противоположностей и их генетическую связь.

Рассмотрим в свете вышеизложенных теоретических положений некоторые проблемы дарвинизма.

В борьбе за утверждение поступательности развития видов Дарвин неустанно подчеркивал непрерывность этого процесса. Тем более, что надо было разбить господствующую тогда теорию абсолютной непрерывности, согласно которой органические формы рассматривались как сами себе равные, неизменные, законченные, извечно существующие. Но в этой битве с концепцией абсолютной дискретности органических форм Дарвин в ходе утверждения непрерывного характера развития сам приходит к абсолютизации непрерывности. Традиционные формы мышления, сложившиеся к тому времени в естествознании, основанные на взаимоисключающих «или — или», требовали от Дарвина альтернативы: или признания скачков (под которыми в то время подразумевалась абсолютная прерывность и рядоположенность видов), или отрицание скачков, а это означало признание абсолютной непрерывности. Дарвин решает эту проблему в пользу непрерывности, без которой он не видел возможности установления связи и преемственности между различными формами. «Понадобится гораздо больше доказательств, чтобы заставить меня допустить, что формы часто менялись путем скачков», — писал Дарвин Дж. Д. Гукеру в феврале 1860 года, усматривая в признании прерывности «больше от теологии, чем от науки»^{8,9}.

Для подтверждения непрерывности развития видов Дарвину не хватило промежуточных форм. В одном из писем он писал: «Невершенство геологических данных — одно из величайших затруднений... На протяжении древнейшего периода эти данные должны быть наиболее неполными, и это кажется мне достаточным для объяснения того, что нами не найдены промежуточные формы между классами одних и тех же великих царств»²⁸⁶.

Со временем палеонтология открыла множество переходных форм. Но роль их в развитии оказалась не такой, какую приписывал им Дарвин. В действительности переходные формы являются не только

---

²⁸⁶Там же, с. 117.

соединяющими, но и качественно разъединяющими прерывающими непрерывность развития. И вымерли они вполне закономерно.

Не вдаваясь в подробности видообразования, следует сказать, что процесс приспособления, а тем самым и развития видов, протекает неравномерно и противоречиво: от соответствия в конечном счете среде — к несоответствию, и от несоответствия — к соответствию. Разрешение этого основного противоречия происходит через определенные (в каждом конкретном случае свои) интервалы между периодами относительно стабильного существования вида. При всей своей длительности и кажущейся постепенности процессы перехода и разрешения противоречий по сравнению с периодами стабильного существования вида протекают довольно быстро. В это время и происходит интенсивное превращение вида из одного качества в другое. Идет ломка старого и созидание нового: данный вид уже не тот, что был, но и еще не тот, что будет.

Переходные формы организмов, являющихся носителем становления, превращения, несут на себе печать быстрой ломки старого и возникновения нового. И в этом смысле они преходящие, временные, неприспособленные, еще только приспособляющиеся, так как через непрерывный ряд этих форм еще идет процесс приспособления. Вполне возможно, что такие еще не приспособленные формы быстро исчезали. И когда Дарвин для установления непрерывной связи между видами, утверждал что, некоторые из них вымерли, а потому-де получились между видами перерывы, то он этим самым угадал, что вымерли именно *такого рода* формы, которые в действительности не могли не вымереть в силу своей переходности, неустойчивости, неприспособленности.

Об этом же говорит и Ф. Энгельс в «Диалектике природы». Он показывает, что в процессе приспособления к изменившимся условиям «более стабильные индивиды погибают и в конце концов вымирают вместе с несовершенными промежуточными формами»²⁸⁷. Поскольку же критерием совершенства в органическом мире в конечном счете является приспособленность к данному состоянию среды, то промежуточные формы вымирают вполне необходимо как неприспособленные. Такое господство переходных форм, через ряд которых вид как бы находится в пути от одного относительно устойчивого качественного состояния к другому, существует сравнительно недолго и в ходе завершения перехода (как бы выполнив задачу переноса движения) со временем

12

прекращается.

Однако Дарвин, фактически угадавший объективную закономерность необходимости вымирания промежуточных форм, не видел их действительной роли, роли перерыва (в диалектическом смысле этого слова), обуславливающего качественное различие видов и вместе с этим устанавливающего генетическую связь. Сообразить, что именно перерыв обеспечивает непрерывность развития восходящего, было не дано в ту эпоху. С его точки зрения, такое вымирание было случайным и серьезно противоречило концепции непрерывности развития. Промежуточные формы он рассматривал как непосредственное продолжение постепенности. И промежуточными, по его мнению, они стали в силу случайного их выпадения из сплошной линии непрерывности. По Дарвину получается, что не случись с ними такого, эти формы вовсе бы не считались бы промежуточными и просто составляли бы часть абсолютно непрерывной, сплошной постепенной линии, на которой мы условно выделяем ту или иную форму, характеризуя ее как вид.

Дарвин считал, что задача науки состоит в том, чтобы восстановить сплошную линию развития органических форм. Геология и палеонтология, с его точки зрения, должны поставить на свои места выпавшие формы, которые позволили бы восстановить связь предыдущих и последующих из сохранившихся видов и сглаживали бы

---

²⁸⁷ЭнгельсФ. Диалектика природы. — МарксК., ЭнгельсФ. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 621.

их различия в ряду постепенных изменений. Вполне понятно, что никакой объективной роли прерывности за этими формами Дарвин не предполагал, ибо всякое утверждение прерывности, скачкообразности у него ассоциировалось с признанием существования абсолютно изолированных, ничем не связанных форм организмов, появившихся независимо друг от друга и находящихся лишь в координации между собой. А это шло вразрез со стремлением ученого установить единство происхождения органических форм одна из другой, то есть в соответствии с генетическим принципом развития — субординации. Борясь за субординационный принцип развития, но исходя из ошибочной основной установки, связующий этот принцип со сплошной постепенностью, Дарвин не мог знать, что такое отстаивание абсолютного эволюционизма с его необходимостью приводит его к утверждению принципа координации, сводящего развитие к простому количественному развертыванию рядом расположенных совершенно дискретных форм, то есть опять-таки утверждению абсолютной прерывности, против которой он выступал.

Таким образом, при всем стремлении Дарвина установить генетический принцип субординации развития генетических форм, способ, к которому он прибегал, мешал ему осуществить это. Ученому было неизвестно, что для торжества этого метода как раз и требуется признание скачков, перерывов постепенности, благодаря которым только и находит свое выражение генетическая связь различных форм и которые опосредствуют переходы различных качеств друг в друга. Дарвин неправильно истолковывал динамику опосредствующих форм, являющихся не только промежуточными, но и переходными, и выступающими не как простое продолжение предыдущего, а как прерыв его, содержанием которого (перерыва) является ломка старого и формирование нового, динамическое единство бытия и небытия.

Затронутая здесь проблема является одной из самых значительных в биологии; она сохраняет свою актуальность и по сей день, ибо занимает немаловажное место в решении вопроса видообразования.

Некоторые современные естествоиспытатели, безоговорочно отрицая переходные периоды, опосредствующие формы и звенья и думая, что тем самым они борются с постепенщиной, ищут более

резких, ярких наглядных скачков, которые удовлетворяли бы запросам «здорового смысла». С этого и начинается абсолютизация прерывности, а такая абсолютизация неизбежно ведет к противоположному результату от исходного тезиса, — к утверждению той самой постепенности, против которой эти естествоиспытатели, собственно, и начинали борьбу.

Получается то, что имел в виду Ф. Энгельс, когда он, говоря о необходимости соответствия отражения в сознании диалектике вещей, предостерегал: «...неправильное мышление, если его последовательно проводить до конца, неизбежно приводит, по давно известному диалектическому закону, к таким результатам, которые прямо противоположны его исходному пункту».

В подобном положении оказываются и те, кто, считая себя «защитниками» дарвиновской теории, отрицают скачкообразность в органическом развитии. Эти ученые оказывают медвежью услугу дарвинизму, ибо защищают не действительно объективно существующую (и подмеченную Дарвином) закономерность переходных форм, а ошибочное толкование их роли в развитии. У некоторых из них дело доходит до противопоставления и взаимоисключения переходных форм и скачкообразности развития.

На самом же деле скачки и переходные периоды — это, по сути, одно и то же. В обоих случаях речь идет об одном и том же: о качественном превращении, представляющем собой перерыв эволюционно подготовившей его постепенности, скачок, а не продолжение предшествовавшего ему и породившего его качества.

Положение не меняется и в том случае, если такой переходный период проявляется в виде некоторого ряда переходных (обычно неустойчивых, временных в данном отношении) форм, через которые, собственно, и осуществляется перенос движения от одного относительно стабильного качества к другому. При этом важно помнить, что формы эти не просто служат некоторым промежуточным связующим «мостом» между качествами, а составляют собой все вместе, в целом, от начала ряда до конца, период скачка, ибо они

¹³ЭнгельсФ. *Диалектика природы*. — МарксК., ЭнгельсФ. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 382.

прерывают непрерывное развитие предыдущего качества.

Следует отметить, что непонимание диалектической роли опосредствующих форм и переходных периодов обусловлено, в конечном счете, получившим распространение в философской литературе игнорированием единства (тождества) противоположностей и абсолютизацией борьбы противоположностей, вследствие чего ускользает та основа (то общее), на которой мог бы осуществиться их переход.

Противоположности, находящиеся в непрерывном единстве, не являются абсолютно взаимоисключающими друг друга, они взаимопроникают и выражаются друг через друга. Их единство и борьба и определяют диалектический непрерывно-прерывный характер движения.

Дополнение 8

Почему естествознание, которое познает формы движения, не может обойтись без философии²⁸⁸

Вопрос о необходимости для естествознания брать на вооружение философию и, соответственно, вопрос о так называемом союзе естествоиспытателей и философов теперь не является дискуссионным. Сам объективный ход познания диктует необходимость этого союза. Дело состоит только в том, своевременно ли поймут и осознают это представители конкретных наук. А что они это обязательно должны сделать, в этом сомнения быть не может, ибо другим способом дальнейшее познание неосуществимо.

Одной из причин, почему современное естествознание не может понять необходимости для естественнонаучного познания философии вообще и диалектики особенно, является то, что сама природа, действительность на современном уровне ее исследования проявляет свою диалектичность. Конкретное естествознание не может обойтись без осознания диалектических законов и категорий, например, перехода количества в качество, единства

---

²⁸⁸В. А. Восенко. Почему естествознание, которое познает формы движения, не может обойтись без философии (украинск.). В кн.: Фшософсьш проблеми сучасного природознавства. — 1965. — № 3 — с. 62-72.

и борьбы противоположностей, случайности и необходимости и других элементов диалектики, ибо сами процессы действительности, которых касается современная научная практика, с каждым шагом все ярче, нагляднее демонстрируют диалектический характер действительности, который может быть охвачен только этими наиболее общими категориями. В этом отношении можно сказать, что в определенном понимании естествознание буквально порождает материалистическую диалектику. И независимо от того, хотят этого или не хотят представители естественных наук, на каких бы позициях они не стояли в частных вопросах в своей области знаний, диалектика природы существует, и обойти ее невозможно.

Сам объект познания толкает исследователей к диалектичности, осознанию своей сущности.

Так например, то, что одна из конкретных естественных наук — физика — в наше время на каждом шагу сталкивается с потребностью в философии, обусловлено тем, что промышленная практика позволила физике в ее физической форме движения иметь дело с движением, превращениями такой интенсивности, что через такие взаимопревращения отдельных форм открывается общность этих форм, тождество их отличий, тождество не только в границах данной физической формы движения, но и за ее пределами.

Интенсивные и многообразные взаимопревращения физических форм начали открывать закономерности их общности, на основании которой все отличия выступают как только отличные формы этого одного и того же самого, аж до проявления состояния движения, близкого к движению вообще и, соответственно, закономерностей, близких к закономерностям материи вообще. Это именно такое состояние, когда каждая из форм, словно не успевая стать собой, мгновенно превращается в свое другое (это, в свою очередь, в свое другое и т. д.), состояние, про которое с определенностью можно сказать только, что это противоречивость, единство бытия и небытия, единство непрерывности и прерывности.

В связи с этим перед физиками могут возникнуть вопросы, которые выходят за границы данной формы движения и, соответственно, — компетенции науки физики и даже за границы естествознания в целом. Например, вопрос про материю вообще, а не просто про ту или другую

форму существования материи, про сущность движения вообще, а не только физической формы движения, про пространство и время вообще, про единичное и общее, про количественные и качественные отношения, про тождество и отличие, про относительность и абсолютность и т. п. Понятно, что на все эти вопросы может ответить только философия, и все они разрешаются в сфере философии. Каждая из конкретных наук не может претендовать на разрешение таких вопросов, как: что такое материя? движение? и т. п.

Рядом с этими возникают и такие вопросы, которые, в отличие от вышеуказанных общеполитических проблем, являются проблемами диалектического понимания закономерностей той или другой формы движения, выражения диалектических по своей природе процессов данной конкретной формы движения той или другой сферы действительности в диалектике, (логике) научных понятий, взятых из арсенала данной области знаний и соответствующих особенностям явлений данной сферы действительности.

Такого рода теоретические обобщения, скажем, областного характера, и представляют собой то, что, обычно зовется философскими вопросами физики, философскими вопросами биологии и т. п. — одним словом, философскими вопросами естествознания. Разрешаются они самими естествоиспытателями (а не философами) *с помощью* философии. Для этого естествоиспытатели берут (должны, обязаны взять) на вооружение философские, диалектико-материалистические принципы, овладевают диалектическим теоретическим мышлением (*создают его каждый сам, по себе*), диалектической логикой, гносеологией и т. п.

Кроме того, когда мы говорим, что физика нуждается в диалектике, так как объектом ее знания стали сферы интенсивного движения, то это совсем не в том понимании, что исследуются явления микромира, и, таким образом, мы словно имеем дело с материей вообще в субстанциональном смысле (это было бы даже более чем метафизически и примитивно). В действительности производственная промышленная практика в процессе практического превращения отдельных вещей, форм единичного порядка (через целый ряд таких непрерывных превращений, которые стали возможны только благодаря высокому уровню развития промышленности) оголяет,

выявляет общности как отношения. Это уже не просто вещи, а такое, что уже не сводится к единичности себе равных вещей. Для выражения уровня этих отношений требуется соответственный уровень общности отношений форм мышления. А это уже категории (рациональные) и их отношения, которые, понятно, пребывают в компетенции философии. Следовательно, «атом, который прежде изображался как предел делимости, теперь — только *отношение...*»²⁸⁹. Отсюда атом, молекула или любая из так называемых «элементарных» частиц как «мельчайшая часть материи, способная к самостоятельному существованию, — вполне рациональная категория»²⁹⁰.

Излишне доказывать, что при таком положении вещей естествознанию не обойтись без оперирования понятиями, категориями. Логика этого оперирования, как и природа категорий, является делом философии.

Кроме того, поскольку вышеуказанное оголение, совершаясь в сфере практики, опосредуется *деятельностью*, субъективной практикою, в процессе которой совершается синтез объективных вещей и мышления в новых вещах, которых раньше не было²⁹¹, то не учесть такой субъективно-практический аспект, не учесть такое взаимодействие объективной и субъективной стороны и механизм их взаимодействия нельзя.

Естествознание, которое вступило в теоретическую сферу, на каждом шагу оказывается перед необходимостью решить этот вопрос. Нетрудно заметить, что все это выходит за границы возможностей конкретных наук и переходит в сферу гносеологии, науки про познание, то есть, опять-таки — философии.

Более того, если в естествознании (особенно в эпоху теоретического естествознания) оперируют больше мышлением (не эмпи-

---

²⁸⁹Энгельс Ф. — Марксу К. 16 июня 1867 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 258.

²⁹⁰Там же, с. 258.

²⁹¹ Всем известно, что в современном естествознании, в том числе и в физике, познание строится далеко не на простом созерцательном наблюдении и, таким образом, на открытии явлений природы, а на производстве явлений, которые в природе в таком виде могут и не существовать. (Не зря наука претендует стать непосредственной продуктивной силой).

рически) и даже символами и моделями (про физические, биологические и другие процессы), то понятно, что при таком положении перед ними постоянно возникают вопросы: отвечают ли эти мыслительные формы действительному положению вещей? Какой уровень этого соответствия? Где заканчивается объективное и начинается субъективный образ объективного мира, то есть, что в них остается от объективного, а что от субъективного? Что является продуктом синтеза того и другого в результате практической творческой деятельности? Какие поправки на субъективность нужно внести при этом, и как это сделать?

Дело усложняется еще и тем, что теоретическое естествознание, оперируя абстрактными понятиями, символикой, математическим аппаратом и тому подобным, очень отдалено от чувственно воспринимаемых вещей, и поэтому словно вступает в противоречие с представлениями, на которых эта абстрактность построена. Но и это еще не все. Мышление ученого (даже теоретика) непременно при этом ищет, стремится к образному выражению в сфере представления уже этих, полученных им чисто теоретическим путем, результатов. При этом возникает еще одно противоречие, теперь уже между абстракцией мысли и новым представлением, с помощью которого естествоиспытатель пытается установить связь между сферой «чистого» мышления и природой. Разрешить такую своеобразную цепь противоречий без знания диалектики процесса познания вообще невозможно.

То, что все эти проблемы нелегко даются естествознанию, видно из-за бесконечных споров вокруг темы взаимоотношения объекта и прибора, или про так называемую неисчерпаемость электрона и другие. Не секрет, что некоторые ученые стремятся разгадать природу саму по себе, совсем оторвать материальное от мышления, абсолютизировать его. Считая, что в этом состоит последовательная преданность материализму, они провозглашают все, включая представления, объективным и тем самым запутываются. Другие, наоборот, не видят связи представлений, и тем более теоретического мышления, с объективным в их содержании и удовлетворяются идеалистическими выводами, устанавливая абсолютные пределы между вещами самими по себе и представлениями.

В этом действительно нелегко разобраться, а без диалектики просто-таки невозможно, как оно происходит так, что нечто, существуя объективно, в то же время не существует как некоторая вещь, на которую можно было бы указать каким-нибудь чувственным способом как на что-то чувственно существующее, и в этом понимании выступает как некоторое ничто, как единство бытия и небытия.

Взять, например, пространство и время, которые объективно существуют, выражаются в совокупности, скажем, метров и часов, но и не сводятся к ним и, таким образом, не существуют как таковые, и не воспринимаются как таковые каким-то чувственным способом. Философии диалектического материализма известно, что в некоторых вопросах не разобраться без знания диалектики единства бытия и небытия и гносеологии. А всегда ли знают это естествоиспытатели, когда оперируют современными им представлениями о пространстве и времени, и делают это нередко самым что ни на есть эмпирическим способом, то есть пользуются представлениями, целиком сведенными фактически к совокупности метров и часов, оперируют буквально «руками», чувственно?

Конкретные науки и, прежде всего, механика и физика, на первых порах имели дело с определенными пространственновременными измерениями в виде некоторой совокупности метров и часов или сантиметров и секунд и т. п. в каждом конкретном случае. Все это целиком соответствовало такому начальному этапу научного познания со стороны единичностей, который Энгельс называет периодом собирания фактов. Вскоре, при раскрытии больших общностей, уже нельзя было обойтись без того, чтобы не иметь дело с пространством и временем наибольшей общности. А это уже вне возможностей эмпирического познания. Это может охватить только абстракция. Такое время (как и пространство) вообще, время (и пространство) как таковое, в наших представлениях является изъятым из отдельных пространств и времен (то есть, из упомянутой совокупности), которые присущи каждой конечной отдельной системе, форме движения с конкретной интенсивностью и т. п. С этих отдельных форм пространственно-временных отношений снимается нечто общее и, как единичное через особенное и общее, поднимается нашим мышлением

к наибольшей общности в виде мысли о пространстве и времени как таковых.

Пространство и время, существуя как нечто абсолютное, выражаются и доступны нашему познанию только через отдельные конкретные относительные пространства и времена, соответственно тому как абсолютное, вечное и бесконечное движение выражается и познается только через конечные отдельные и относительные формы движения, но не существует в каком-то чувственном способе, а является абстракцией, которая соответствует действительному положению вещей и является противоречием между бесконечным и конечным, абсолютным и относительным и т. д. как противоречие между совокупностью конкретных метров и часов с одной стороны и пространством и временем — с другой, где последнее иначе не существует и не раскрывает себя как через такие конкретные формы, но и не сводится к ним, осуществляет свое существование через них и в то же время выступает как нечто другое, чем простая их совокупность.

Все это без овладения диалектикой трудно понять и, тем более, учесть естествоиспытателям. Противоречивость, переливы противоположностей, отсутствие резких граней, взаимопроникновение — недоступны их привычному элементарному, не специально диалектическому мышлению: или подавай им время вообще в чувственном виде, или время — это априорная форма разума.

Очевидно, что без знания «механизма» движения единичного в особенное и общее, то есть без понимания того, как в мышлении осуществляется такое вознесение, дальше нельзя обойтись в естествознании, ибо последнее не может обойтись без обобщений, без поднятия от единичного к общему и реализации его уже в особенном — в виде сохранения формы выражения особенности формы движения. И хотя естествознание вынуждено делать это при каждом шаге, «механизм» всего этого, принцип остается за пределами его собственных возможностей. Получить его (принцип) естествознание должно от философии.

В процессе познания мы имеем дело всегда прежде всего с конечными отдельными формами, вещами. И стоит нам ограничиться эмпирическим познанием с его созерцательным наблюдением, чтобы

далее регистрации этой единичности не пойти (почти точно так же, как это делают высшие животные), ибо никакое эмпирическое познание не может дать (естественнонаучный) закон как закон данной формы движения (в целом) в искаженном частностями и случайностями виде. Действительно исчерпанное познание является познанием, которое доведено до познания законов. Закон же — это опять-таки форма общности, которая раскрывается в процессе взаимопревращения конкретных форм. Поэтому путь к познанию законов является путем к общности. Пройти его мы не можем иначе, как с помощью теоретического мышления, ибо мы только «.. в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность.. .»⁵.

Вполне понятно, что без философии, без диалектики мышления, без диалектической логики этого не сделать. Прибавим к этому, что общность в данном случае выступает как форма внутренней завершенности и форма выражения необходимости. Последняя же недоступна эмпирическому наблюдению, которое самое большее, что может сделать, так это дать нам восприятие изменений, которые осуществляются одно за другим, но оно не показывает нам необходимости связи.

Общность, которая раскрывается современным уровнем производства и науки (аж до наивысшей общности), все больше оголяется и заставляет иметь с собой дело, является как раз необходимостью, освоение которой не под силу эмпирическим методам. Доступна же необходимость в диалектической логике. И это потому, что последняя и есть самосознанием содержания необходимости. В ней необходимость находит свое наивысшее развитие, благодаря чему может выступать теоретическим методом, инструментом познания.

На невозможность обойтись естествознанию без философии указывает и такая проблема. Естествознание, имея дело с описанными в начале статьи явлениями отношений, попадает в такое положение, при котором никакие приборы или любые эмпирические методы помочь непосредственно не могут. Тот же, например, атом никто не видел, эмпирически не воспринимал, тем более, что последний

выступает как отношение на узловой линии мер. И в то же время ученые оперируют представлениями и понятиями о таком роде физической реальности и получают результат. «А здесь волей-неволей приходится *мыслить*: атом и молекулу и т. д. нельзя наблюдать в микроскоп, а только посредством мышления»²⁹², — подчеркивал Ф. Энгельс. Как известно, Ф. Энгельс одобрительно относился к взгляду Гегеля на молекулы как на «мыслительные» определения, «..относительно которых должно решать *мышление*»¹. Действительный атом фактически заменяется приблизительным, созданным в голове представлением, своеобразной познавательной моделью, которая соответствует действительному положению вещей (если это подтверждено практикой), но не гарантирует в представлениях абсолютно точной и тождественной действительному атому картины — картины того, что мы называем атомом и так далее. Эта модель не только не гарантирует, но и совсем не требует точной копии. Какой-то фиксированной картины в чувственно-созерцательном понимании, в представлениях, понятиях, точного «портрета» не может быть принципиально²⁹³. С любыми такого рода физическими формами при всем их объективно реальном существовании мы вынуждены иметь дело, таким образом, прежде всего, как с рациональными категориями.

---

²⁹²ЭнгельсФ. Диалектика природы. — МарксК., ЭнгельсФ. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 519-520

²⁹³ Лишенное диалектического смысла ходячее представление с позиции наивного материализма, будто естествоиспытатели имеют дело непосредственно с естественными процессами, действительным развитием и тому подобное, хоть и кажется внешне материалистическим, но по сути просто мешает познанию действительных вещей, процессов действительного развития, ибо, снимая вопрос об уровне соответствия между мыслительным выражением, понятиями и действительными процессами, но фактически имея дело с представлениями, этим самым абсолютизируют последние, ограничиваясь сферой понятий, так и не доходя до того, что является их объективным смыслом, — до действительности. Создается иллюзия полного соответствия в каждом конкретном случае между вещами и представлениями, между отражением и действительным положением вещей. Неслучайно В. И. Ленин так настойчиво требует в работе «Материализм и эмпириокритицизм» не допускать подобного отождествления. Последнее, за известным диалектическим законом, обязательно приводит к противоположному результату, а именно: к отрицанию материализма. И действительно, именно абсолютизация (будто бы в пользу материализма) соответствия сознания и бытия приводит к отрицанию самого материализма.

И обойти это, выйти за границы такой необходимости не может ни один естествоиспытатель, как бы он не представлял, что имеет дело не с представлениями (например, о физической частице p -мезон), а непосредственно с тем, что фактически является содержанием этого представления, верным, соответствующим действительному положению вещей и подтвержденным практикой представлением, но все-таки представлением и поэтому не тождественным (ни в коем случае, не абсолютно тождественным) с тем, что отражается. Думать иначе — значит снова желать почувствовать частичку как таковую. Больше того, если такой естествоиспытатель будет настаивать на объективном существовании этой категории, то ему не выйти из искажений, и как не удивительно, но именно из идеалистических искажений, хотя сделано им это будет в пользу материалистической концепции (в его представлении).

Искать, например, гиперон (или какую-нибудь еще подобную частичку) как таковую — такая же наивность, как и поиск l - 1 в реальности. Где заканчивается тут объективное материальное и начинается идеальное, в чем они похожи и в чем различны, каково их соотношение и каково их соответствие, как через различие реализуется их тождество и тому подобное — эти вопросы именно конкретное естествознание не может решить. Это может сделать только гносеология, философия.

Нередко естествоиспытатели, стихийные материалисты, но вместе с тем и метафизики, не желая оторваться от материи, сами того не замечая, через абсолютизацию материальности и неуважение к разуму впадали в идеализм и даже стали жертвами наиболее реакционного идеализма, подобного спиритуализму. Недаром К. Маркс, подчеркивая, что любая крайность является своей же собственной противоположностью, говорил, что «... абстрактный материализм есть абстрактный спиритуализм материи»²⁹⁴.

Философия мстит за неуважение к ней. И мы видим на каждом шагу, как даже самые заядлые физики-эмпирики, что бы они не говорили на словах, не могут сегодня обойтись без философии, ибо не могут обойтись без теоретического мышления (которое, заметим,

---

²⁹⁴Маркс К. К критике гегелевской философии права. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 321.

пребывает в компетенции философии). Там, где объектом познания, по словам Энгельса, становятся сами понятия, — там философия.

«Чистыми физиками, — как метко заметил Гегель, — только физиками, являются на самом деле лишь животные...»²⁹⁵. И действительно, чистых физиков, которые имели бы дело только с вещами, с природой, без мыслительных форм, представлений о ней и, таким образом, без мыслительного опосредования, не бывает²⁹⁶.

Игнорировать философию в наше время — это все равно, что игнорировать мышление, а от этого естествоиспытатели не могут освободиться, не перестав быть естествоиспытателями.

Только *сознательное* знание «механизма» противоречивого превращения материальной действительности в свою противоположность — идеальное, и с этим «возвращение» его (в процессе человеческой деятельности, практики, в диалектическом понимании последнего) в материальное, и учет всех этих отношений позволяет верно отображать действительное положение вещей и использовать, таким образом, осознающую себя в теории познания диалектику как метод познания. Настанет время, когда в процессе познания потребуется раскрывать не только сущность движения, но и учитывать «механизм» раскрытия его сущности. А это, в свою очередь, возможно через осознание того, что такое эта сущность вообще, и какова ее гносеологическая природа.

Таким образом, знать как осуществляется движение явлений действительности в сущности, то есть диалектику действительного движения, нельзя, не зная, не учитывая движение, превращение движения вещей в движение мыслительных форм. И дело состоит не

---

²⁹⁵Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 240.

²⁹⁶Гегелевское сравнение с животными не случайно. Элементарное, недиалектическое мышление у человека похоже на животное и имеет общую с ним основу (даже в физиологическом случае в виде первой сигнальной системы). Животным не присуща субъективная практика, у них нет отношений, они не осознают себя, свой инстинкт. Собака, например, не знает, что она собака. Животные не абстрагируют от вещей общее и не создают абстрактных понятий. У них нет *живого* созерцания, которое содержало бы в себе условия для создания абстракции. Элементарная логика человека благодаря деятельности содержит в моменте созерцания именно такие условия. Но созерцательность, которая закрепилась как способ мышления, основываясь на непосредственно чувственном отражении, не может пойти дальше раскрытия внешних связей и не разрешает проникнуть во внутреннюю сущность вещей

столько в том, чтобы признавать движение, видеть его, сколько в том, чтобы выразить его в понятиях, в логике понятий.

Но естествоиспытатели для того, чтобы получить верные результаты, должны иметь на вооружении диалектику не только как диалектику понятий, как логику, но и как теорию познания (и все это в том понимании, что существует одна диалектика без «трех слов»), «...воспроизведенное в сознании всегда содержит в себе налет всеобщности и истины»²⁹⁷. В движении к истине на таком уровне общности, на котором в наше время это должно делать естествознание, вступив на теоретический уровень своего развития, оно не может этого делать верно без знания «механизма» диалектики движения. Без знания диалектики взаимоотношения абсолютности и относительности в движении истинности, а также без диалектической связи абсолютной и относительной истины современный научный деятель не может овладеть истиной. Колебание мысли, отбрасывание объективной реальности, сомнение в объективности научно-естественных представлений станет участью такого естествоиспытателя.

Сама необходимая релятивность процессов природы, относительность, что непременно раскрывается и имеет все больше значения (особенно в меру бесконечной революции в науке), вместе с этим угрожает естествоиспытателям релятивизмом (в наихудшем понимании этого слова) и искажением действительности по типу физического идеализма, если не взять на вооружение диалектику.

Все же сам факт познания является вырыванием предмета из общих связей всего со всем. Этим самым оно несколько обедняет его в своих представлениях, понятиях. Не вырвать нельзя, без этого и таким образом без ограничения, без абсолютизации невозможно познание. Но один — эмпирик — вырывает и рассматривает вырванное как себе равное, а другой — диалектик — также вырывает, но делает поправку на вырывание, учитывает максимально возможное количество связей и отношений, которые остались неохваченными в процессе вырывания. Возобновить их и проникнуть в сущность можно только с помощью абстрактного теоретического мышления и при знании теории познавательного «механизма» вырывания и проникновения в

---

²⁹⁷ Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 236.

сущность, следовательно, не без философии диалектического материализма.

Дополнение 9

Диалектика скачкообразности развития и проблем видообразования²⁹⁸

Выяснение закономерностей эволюции организмов представляет собой особенно важную задачу. Успешное решение этой задачи, прежде всего, зависит от глубокого овладения диалектико-материалистической теорией и умения надлежащим образом применять ее к изучаемым фактам и явлениям. Систематические деловые обсуждения методологических вопросов биологической эволюции дают возможность установить истину в спорных вопросах, которые из-за сложности процесса познания, естественно, возникают и у биологов-материалистов.

Нет нужды доказывать, что для правильного решения вопросов эволюции органического мира, видообразования необходимо глубоко понимать диалектику скачкообразности движения — одну из решающих проблем диалектико-материалистической теории развития.

Мы все признаем «скачкообразный» характер развития. И действительно, «скачки» являются необходимым, абсолютным условием перехода от старого качества к новому. Однако некоторых биологов смущает то, что органический мир в общем ярко не демонстрирует скачкообразности своего развития. Не видя в органической природе таких процессов, которые соответствовали бы их представлению о скачках, некоторые естествоиспытатели приходят даже к отрицанию скачков в органическом развитии.

Представление же о скачкообразности нередко базируется на так

---

²⁹⁸В. А. Восенко. Диалектика скачкообразности развития и проблем видообразования. В кн.: Философские проблемы современной биологии. — Киев: Издательство академии наук Украинской ССР, 1962. — с. 153-165.

называемом «здравом смысле», о котором Ф. Энгельс говорил, что он плохой советчик в науке. С точки зрения «здорового смысла» скачок представляется чем-то похожим на «прыжок» со всеми его отличительными особенностями, вроде резкости, быстроты, кратковременности и т. п.

Подходя с такими критериями к рассмотрению биологических процессов и не встречая наглядных примеров ни резкости, ни кратковременности качественных переходов в органическом развитии, некоторые естествоиспытатели приходят к выводу, что в этой области нет места скачкам.

Другие, зная положения материалистической диалектики о том, что любой переход от одного качественного состояния к другому обязательно скачкообразен, но представляя скачки упрощенно и не умея объяснить отсутствие в органическом мире наглядных примеров таких резких превращений, пытаются спасти положение, выдвигая утверждение о так называемых «постепенных скачках», якобы существующих в природе наряду с разовыми. Мы уже не говорим о тех, кто в усердных поисках наглядной скачкообразности приходит к извращениям и даже подтасовке фактов, или о тех, по мнению которых развитие и переход от одного качества к другому может осуществляться и не скачкообразно, постепенно. При этом силится найти примеры того и другого рода, которые бы удовлетворили субъективному представлению ищущего о скачках и постепенности. Представление о том и другом часто основывается на отождествлении скачка с быстротой, наглядной резкостью процесса, а постепенности — с медлительностью, плавностью и т. п., не имеющим отношения к диалектике этих понятий. Критерием разделения процесса на резкие (и значит, скачки) и медленные (постепенности) в таких случаях часто служит субъективное мнение исследователя, основывающееся на кажущемся.

Поскольку качественные изменения в органическом мире в основном осуществляются в периоды, гораздо большие, чем жизнь одного-двух поколений исследователей, то представление о них у естествоиспытателя (с точки зрения «здорового смысла») складывается большей частью как о медленных, длительных и значит, плавных, постепенных, не резких, не скачкообразных и, таким образом,

удовлетворяющих «ходячему представлению об эволюции».

Ошибка многих в том и состоит, что изучив диалектику процесса превращения на сумме конкретных примеров типа превращения воды в пар, они стремятся увидеть нечто аналогичное, соответствующее этой модели и в других областях. И если они не встречают сходной картины в исследуемой области, где процессы протекают сложнее, как, например, в биологии, то или подгоняют факты под свои упрощенные представления, или говорят об отсутствии скачков в этой области, ничуть не смущаясь при этом тем, что таким образом произвольно ограничивают сферу проявления объективных, предельно всеобщих законов диалектики. Условие нескольких из бесконечного многообразия конкретных форм проявления скачков со стороны их частности, специфичности часто превращается в те деревья, за которыми не видно леса, ибо в таком случае за специфичностью проявления скачка упускается из виду общий «механизм» прерывности и абсолютизируется возводимый таким образом во всеобщность тот или иной частный случай его. Отсюда же требование наглядной резкости и т. п.

Для того, чтобы разобраться в скачкообразности биологических процессов, нужно прежде всего правильно представлять, что такое скачок и скачкообразность развития вообще, во всеобщей форме, то есть в такой, в какой это будет иметь место везде и всегда, независимо от того, в какой области природы или общества они проявляются. И только применив выраженную в предельно всеобщей форме диалектику скачкообразности к любому конкретному случаю, в том числе и в биологической области, можно будет получить верный естественнонаучный вывод.

В предельной же всеобщности суть скачка не заключается ни в кратковременности этого момента, ни в резкости и т. п., как иногда думают. Все эти качества, конечно, могут иметь место в процессе скачка, но это относится больше к формам его протекания, которых бесчисленное множество и которые таким образом проявляются как лишь различные формы одного и того же — скачка (во всеобщем значении). Содержание же того, что является скачком вообще, заключается в том, что это перерыв постепенности, и только. Причем в каждом конкретном случае это всегда перерыв конкретной

постепенности, породившей его из себя для прерывания самое себя.

Скачки в смысле резкости или быстроты протекания процесса могут признавать и метафизики. Рассуждения о скачках в развитии мы находим у известного критика Ч. Дарвина — реакционного английского зоолога С. Д. Майварта, говорившего о непосредственном происхождении лошади от гиппариона, у Гуго деФриза и ряда других метафизически мыслящих биологов. Однако всем нам хорошо известно, какой смысл они вкладывали в понятие скачка. И в этом отношении Ч. Дарвин вполне был прав, когда отрицал такие скачки.

Суть скачков вовсе не в быстроте и не в резкости, а в том, что в этот момент нарушается одна мера (единство количества и качества) и создается другая (новое единство количества и качества).

К тому же быстрота протекания процессов не может быть показателем деления их на скачки и не скачки еще и потому, что не существует такого критерия длительности, на основании которого можно было бы их принципиально разделять. Никто не может указать ту границу длительности, перейдя которую данный процесс перестает быть таким, чтобы считаться скачком, и наоборот. И это вполне естественно. Бесконечное и вечное пространство и время выражаются только через конечные относительные пространства и времена, присущие конкретным конечным формам материального движения. У каждой из таких конкретных форм существует своя определенная длительность, имеющая смысл как такая только лишь в отношении к каждой конкретной форме.

Поскольку любой конкретный процесс, в том числе и те, которые выступают качественными переходами (скачками), всегда существуют в конкретном конечном пространстве и времени, то время его протекания всегда определенное, конкретное, относительное, в каждом конкретном случае свое. И всякая конкретная попытка установления определенного времени протекания процесса для того, чтобы оно служило границей и критерием определения скачков вообще, будет абсолютизацией относительной длительности, присущей лишь определенной конечной форме движения из бесконечности множества, и возведением ее во всеобщность.

Поиски универсального критерия длительности, на основании которого качественные переходы можно было бы делить на быстрые и

небыстрые, соответственно на скачки и не скачки, успеха иметь не могут и, кроме путаницы и произвола, в этом вопросе ничего не принесут.

В самой природе нет быстрых, как нет и медленных явлений самих по себе, безотносительно. В самом объективном движении они непрерывно переходят друг в друга. То, что там тогда было быстрым, тут теперь является медленным. Один и тот же процесс является быстрым в одном отношении и он же — медленным в другом.

Не имеет смысла также распространенное деление прерывов на так называемое «разовые» и «постепенные» скачки. Любой момент качественного превращения, поскольку он при этом прерывает определенную постепенность, при всей его длительности и независимо от формы протекания, является разрывом. И в то же время поскольку в этой роли скачка выступает не какой-то абсолютный перерыв вне времени и пространства и не абсолютное мгновение, а процесс, протекающий, как и все явления объективного мира, в пространстве и времени с определенной в каждом конкретном случае своей протяженностью и длительностью, то он всегда и непрерывен в себе. При этом роль процесса, в пределах которого он выступает как скачок (перерыв), совершенно нейтральна, безразлична к форме его протекания, а есть перерыв, и только. И независимо от того, как происходит этот процесс — медленно или быстро, сразу целиком или по частям, сконцентрирован ли он или несколько растянут, — от этого его роль перерыва определенной непрерывности не перестает быть той же, и качественный результат таких переходов будет принципиально один и тот же. Говоря словами Ф. Энгельса: «При всей постепенности, переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом»².

Не следует думать, будто то, что называется скачком, представляет собой какой-то специальный процесс — скачок как таковой, раз и навсегда. Сам по себе это обычный процесс, который лишь в определенном отношении, а точнее, по отношению к такому процессу, постепенность которого он прерывает, выступает скачком, перерывом. Поскольку он опосредствует переход одного качественного состояния в другое состояние, то по отношению к этим переходящим друг в

друга противоположным качествам он выступает как единство бытия и небытия, то есть как такое состояние, когда это уже и не то, что было, но еще и не то, что будет, как прекращение движения в одном качестве, в одной форме и продолжение в другом качестве, в другой форме, как отмирание старого и становление нового, как прерывание того, что постепенно развивало себя, и созидание постепенного развития в новой форме, как нарушение одной меры и созидание другой, как разрешение одних противоречий и создание новых. В этом смысле такой момент и есть скачок.

Таким образом, как скачок, как перерыв этот процесс выступает в определенном конкретном отношении, лишь по отношению к определенным своим противоречиям, разрешением которых он является. Сам же по себе, безотносительно он никакой не скачок. Больше того, в определенном другом отношении этот же самый процесс может выступать в роли постепенности, которая со временем, в ходе своего развития, потребует и своего перерыва, завершающего эту постепенность. Это возможно

благодаря тому, что все объективные процессы, в том числе и те, которые в определенном отношении выступают перерывами-скачками, представляют собой не просто разделенные на только прерванные или только непрерывные, а есть единства того и другого. Каждое из таких единств прерывности и непрерывности в том или ином определенном отношении может выступать той или иной из этих противоположных сторон. В этом плане при всем их единстве противоположности взаимоисключают друг друга. В том отношении, в каком этот (непрерывно-прерывный) процесс выступает в роли перерыва, то есть по отношению к тому процессу, постепенность которого он прерывает, — он только перерыв (при всей своей постепенности), в том же другом отношении, в котором он выступает как постепенность, — он только постепенность, какую бы прерывную роль он не играл в другом отношении.

Если не учитывать такое взаимоисключение, так же, как и не принимать в расчет вышеупомянутую относительность скачка, то это приведет к путанице. Сперва определенные процессы называют

скачком — раз и навсегда, безотносительно, а потом, обнаружив, что это процесс также и постепенный, называют его «постепенным скачком», наивно пытаясь в таком понятии выразить неразрывность прерывности и непрерывности. При этом как правило забывают, что в этом отношении, в каком он, скачок, перерыв постепенности, он не постепенность, а в том, в котором он постепенность, — не скачок. Выражение «постепенный скачок» бессмысленно.

А ведь непонимание и неправильное освещение этого вопроса дало повод некоторым биологам и философам, занимающимися теоретическими проблемами биологии, толковать о «двух формах видообразования». Под этим подразумевается, что биологический процесс совершается как путем разового, быстрого появления новых качеств, так и путем постепенного накопления элементов нового качества и постепенного отмирания старого.

Последняя формулировка получила довольно широкое распространение, хотя она и не вносит никакой ясности в действительное положение вещей. Не удивительно, что о том, чем отличается так называемая качественная постепенность путем накопления элементов и т. д. от обычной эволюционной количественной постепенности, никто ничего вразумительного сказать не может. Бытующая в научной литературе предостерегающая фраза о том, что переход от старого качественного состояния к новому путем постепенного накопления элементов нового качества и отмирания старого качества нельзя смешивать с эволюционной формой, вовсе не показывает этого отличия.

Если же проанализировать многочисленные факты, в том числе и из области органической природы, то нетрудно заметить, что хотя процесс качественного превращения (скачка) и осуществляется часто через некоторый ряд перерывов, в результате которого появляются отдельные качества, этот ряд накоплений по отношению к переходящему через него качеству (и соответственно тем противоречиям, которые через него разрешаются) осуществляется не постепенным накоплением качества («элементов») нового, того нового, в которое при этом совершается переход. И то, что будет после окончания этого непрерывного ряда перерывов, опосредствующего переход, то есть действительно новое по отношению к предыдущему,

не будет похоже ни на один из членов этого ряда, ни на всю их сумму вместе. Оно будет совершенно новым и по отношению к тому, посредством чего осуществляется переход к этому новому качеству. То же, что в этом ряду постепенно, как постепенность проявляется в другом отношении, в котором вовсе не является скачком, а выступает лишь количественным накоплением, которое уже привело к своему новому качеству, потребовав для этого перерыва уже этой постепенности. Следовательно, если речь идет о накоплении элементов, да еще постепенном, то это не может быть накоплением нового, которое как новое возможно только в результате перерыва постепенности и наступит в данном случае лишь только после того, как это постепенное накопление достигнет определенной своей узловой точки и будет прервано своим перерывом.

Итак, в любом случае новое всегда до своего появления имеет перерыв и является непосредственным результатом, продуктом такого момента перерыва. А это делает старое и новое несовместимыми в том отношении, в каком это новое — не постепенное накопление, а в том, в каком оно — постепенное накопление,— оно еще не новое (до перерыва). Между тем и другим всегда есть перерыв, который разделяет собой постепенное накопление и новое качество, а также опосредствует переход во второе. Накапливается одно в другом, а появляется нечто совершенно новое, непохожее ни на то, что накопилось, ни на то, в чем оно накапливалось. В этом суть того, что называется скачком.

Не меняется положение, если накапливаются в подобных случаях однородные качества, каждое из которых появляется, в свою очередь, прерывно, скачкообразно.

Дело в том, что любое количественное накопление или убавление является убавлением и накоплением не какого-то абстрактного количества, а всегда определенного (в каждом конкретном случае своего) количества определенных (в каждом конкретном случае своих) качеств. Эти же накапливающиеся качества, появившиеся каждое в отдельности посредством своего скачка в результате разрешения своих противоречий в своем масштабе и отношении, в другом отношении, в котором они являются частью чего-то, остаются лишь количественным накоплением. Вполне понятно, что ни одно из качеств, составляющих

такое накопление, еще не является тем, что будет после перехода этого накопления за границы меры и перерыва уже этой постепенности. Точно так же это будет и не то, чем является простая сумма их, ибо на определенном этапе этого количественного накопления, завершающегося перерывом, происходит перестройка взаимодействия даже однородных накапливающихся качеств и появление совершенно нового качества. В свою очередь, и это новое качество при всем том, что оно появилось прерывно в данном масштабе, остается лишь количественной единицей в другом масштабе. И в этом плане определенное постепенное накопление этих качеств приведет к нарушению своей конкретной меры, своего единства определенного количества таких качеств и к переходу через этот перерыв еще в другое качество. И так до бесконечности в мировом круговороте. (Природа без скачков, говорит Энгельс, потому что она сплошь состоит из скачков).

При этом у каждого из бесконечного множества качеств своя мера (как свое единство качества и количества), которая обуславливает существование определенного качества как данного. В то же время каждое из этих качеств является составной частью какого-то количества таких определенных качеств, составляющих меру другого качества. Части в этом случае остаются до поры до времени количеством по отношению к вещам в целом. И хотя качества составных частей входят в меру качества данной вещи в целом, в ней они выступают с количественной стороны, как бы отчуждая при этом свое качественное состояние. Между таким качеством части и качеством целого существует всегда перерыв, через который они переходят друг в друга как количество (старого качества) и качество (новое).

Отсюда и получается, что прибавление определенного количества каких-то определенных качеств всегда ведет к своему другому качеству, которое совсем не то, что накопилось. И именно в том, что в результате количественного накопления появляется совсем не то качество, которое количественно накопилось, и состоит *прерывность* появления нового качества²⁹⁹. Признание этого и отличает

---

²⁹⁹Это как раз и обуславливает скачкообразность движения вообще и каждый

диалектическую точку зрения от метафизической, отрицающей такую прерывность и сводящей все многообразие форм лишь к количественному разворачиванию качественно постоянных, абсолютно дискретных форм.

Рассматривая то или иное явление объективной действительности, мы видим, что, например, организм состоит из клеток, то есть из определенного количества определенного качества, но он не просто сумма клеток, а совершенно иное, чем их сумма, и тем более — чем каждая из них. Клетки, в свою очередь, состоят из определенного количества определенных качеств (различных химических элементов). Но ни одно из этих качеств, которые составляют данное количество, ни их сумма не являются тем качеством, которое характеризует клетку как данное качество. В свою очередь, во всем комплексе химического состава клетки содержится, например, вода — H_2O , состоящая из определенного количества таких качеств, как водород и кислород, которые ни в отдельности, ни в простой сумме качественно совсем не то, чем является вода. Точно так же нельзя сказать, что атомы, составляющие молекулу воды, похожи на то, что они составляют и т. д. Между всеми этими качествами всегда перерыв, который и обуславливает качественные определенности существования вещей, их различия между собой и опосредствует их переходы друг в друга. Чтобы не запутаться в таком сложнейшем переплетении взаимопроникающих и непрерывно переходящих друг в друга количеств и качеств, нужно из многих противоречий, которые обуславливают многокачественное состояние вещи, уметь увидеть именно те, которые обуславливают каждое данное качество. Так разрешение противоречий масштаба клетки дает через скачок новое качественное состояние именно в отношении клетки. Но это же изменение остается лишь количественным по отношению к противоречиям организма в целом, который от такого изменения не перестал быть тем же организмом. Для качественного же изменения организма необходимо

отдельный перерыв в частности. И никакая быстрота протекания процесса и внезапность, резкость и т. п. (как это часто представляют) не характеризует скачок, а только вышеуказанный качественный перерыв в виде нарушения, прерывания одной меры как единства количества и качества и созидания другого единства определенного количества и определенного качества.

разрешение своих противоречий и т. д.

Таким образом, то, что является новым качеством по отношению к клетке, — совсем не ново (ибо отчуждает себя и снимает в количестве) по отношению к тому, в меру чего включаются эти качества, то есть по отношению к такому качеству, как организм в целом. Важно при этом точно знать, в каком конкретном отношении данный процесс выступает количественным образом, а в каком — качественным. И в этом отношении, в каком он прерывает определенную свою постепенность, в том масштабе, в каком это есть разрешение определенных противоречий, он выступает как качественное изменение, как новое. В том же отношении, в каком это изменение выступает как еще один элемент в ряду количественных накоплений, — это изменение не ново, а остается в рамках старого.

Если не учитывается конкретный масштаб, как и конкретное отношение, в котором осуществляется качественный перерыв и постепенность, то это нередко приводит к подмене одного другим. Примером подобной подмены является утверждение некоторых авторов, особенно среди биологов, будто в старом качестве зарождаются крупинки нового качества, которое, постепенно накапливаясь, как бы вытесняет старое качество и утверждает себя.

В действительности же то, что зарождается в старом (еще не родилось), еще не то, что будет после рождения, после разрешения противоречий, после скачка. (А между старым и новым всегда перерыв). Новое же не появляется в старом как новое, а существует в нем лишь как тенденция нового, стремление к новому, как одна из противоположных сторон внутренних противоречий старого, противоречий, обуславливающих существование самого старого и движущих это самое старое вплоть до перерыва. Между новым и старым всегда перерыв, который опосредствует переход.

Следовательно, все упомянутые «крупинки», или «элементы», о рождении которых идет речь, находясь по ту сторону перерыва (до перерыва), не могут претендовать на новое, а создаются старым для самого старого и остаются в его сфере вплоть до скачка.

Нельзя уяснить всю сложность качественных изменений в органическом мире, не учитывая диалектической многокачественности

организмов. Это касается не только живых тел, но и любых вещей. «При всей постепенности, переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом»⁴. Каждая вещь есть не просто что-то тождественное с определенным одним качеством, а представляет собой некоторую многокачественную систему. Практика на каждом шагу демонстрирует, как один и тот же предмет выступает одновременно в совершенно различных и даже противоположных качествах.

Исследование процессов биологической эволюции показывает, что организмы претерпевают качественные изменения не прямолинейно, не всеми своими сторонами одновременно. (Этим и объясняется сложность процессов видообразования). Неодновременность изменений качеств организмов в процессе развития обнаруживается, например, посредством того факта, что физиологические изменения предшествуют морфологическим.

Так, известно немало случаев морфологического сходства форм при ярко выраженных физиологических различиях. Например, некоторые ржавчинные грибки, морфологически между собой совершенно не различимые, отличаются тем, что паразитируют на различных видах растений, обнаруживая при этом строгую специфичность. Многие паразитические животные, также при полном морфологическом сходстве, различаются лишь по тем хозяевам, на которых они поселяются, что очевидно указывает на физиологические различия между ними. В частности, можно назвать морфологически неразличимых аскариду человеческую и аскариду свиную, некоторых чесоточных клещей, например представителей рода *Asagiv*, и др.

Вполне понятно, что такое множество качеств предмета нужно рассматривать в диалектическом взаимопроникновении этих качеств, составляющих данную вещь как единство многообразия. И не в координации, как существующие одно рядом с другим, а во взаимообусловленности.

Анализируя развитие организмов, мы не должны также забывать,

что каждый из них в отдельности заключает в себе качества не только индивидуума, но также и вида, рода и т. д.

Каждое из этих качеств осуществляет превращение в своем отношении, масштабе, в своей степени общности, в результате разрешения своих внутренних противоречий.

Нетрудно представить, что организм в целом находится, таким образом, в состоянии непрерывного качественного превращения. Поскольку качества, находящиеся в такой совокупности, осуществляют свое превращение не одновременно, не все сразу, а каждое в свое конкретное время и периоды, соответствующие характеру и темпу созревания своих внутренних противоречий изменения в органическом мире происходят постепенно, нескачкообразно.

Трудность обнаружения скачкообразности заключается не только в том, что некоторая система качеств осуществляет свое превращение через некоторый ряд отдельных превращений, составляющих ее качество. Все дело как раз в том и состоит, что качества, составляющие свою совокупность, некоторое единство, — не просто сумма качеств, а находятся во взаимопроникновении и обуславливают друг друга. Изменение одного из них находит свое отражение в другом. И осуществляется такое взаимодействие в определенной закономерности. Взаимодействие упомянутых качеств — индивидуум, вид, род — характеризуется еще тем, что каждое из них относится к другому как менее общее или как более общее, оставаясь в каждый данный момент и тем, и другим одновременно и, таким образом, внутренне противоречивым.

Качественный переход такого явления общего порядка в другое явление, как, например, переход одного типического единства — вида — в другое, может осуществлять себя только через превращение того, что является конкретным носителем этого общего — через превращение индивидов. Но от того, что отдельный носитель определенной общности претерпевает качественное изменение индивидуального характера, общее, выражающееся через такие единичности, еще не меняет своего качества. И в этом отношении упомянутое выше качественное изменение (со стороны индивидуального), остается лишь количественным по отношению к

общему. От того, что, например, в отдельных особях происходят качественные изменения чего-либо индивидуального, еще не изменяется то, что в них есть видовое, всеобщее, присущее им как представителям данного единства — вида.

Поскольку более общее выражает себя только через менее общее, то естественно, что качественное превращение общего порядка возможно только через отдельные превращения менее общего порядка и, в конечном итоге, через определенные изменения конкретных носителей общего. Иначе говоря, качественное превращение одного вида в другой — новый вид — осуществляется только путем изменения составляющих их особей.

Качественные изменения индивидуального (популяционного, подвидового) характера выступают как количественные по отношению к более общему — видовому качеству. Именно через них подготавливается перерыв, ведущий к возникновению такого нового качества, как вид.

Таким образом, качественное превращение видового масштаба происходит через ряд отдельных качественных превращений внутривидовых таксономических единиц. В ходе этих превращений осуществляется концентрирование, синтезирование, обобщение отдельных изменений в видовые.

Новое качество, новый вид, понятно, не представляют собой простой суммы индивидуальных изменений и изменений подвидовых (внутривидовых) комплексов организмов, сосуществующих друг с другом, а являются действительно новым интегрированным качеством на основе того же закона перехода количества в качество.

В это время, в свою очередь, проявляется закон перехода количества в качество, то есть таких превращений должна быть определенная множественность (количество), которая и приведет к качественному превращению в масштабе общего.

Этим самым такая опосредствующая множественность (ряд) выступает в роли переходного периода от единичного к общему, как единство их бытия и небытия, как движение к общему, становление его.

К сожалению, некоторые биологи, забывая об этом, сводят процесс видообразования к формообразованию. Так, например Смолл в

отношении диатомовых водорослей утверждает, что новые виды у них возникают путем «внезапного, быстрого изменения в одном ядре одного организма». Широко известны и другие подобные утверждения о «порождении» грабом лещины, сосной — ели, заразихой — гречихи, дрожжевыми микробами — зеленых водорослей и т. д. Понятно, что такие утверждения не имеют нечего общего с наукой, с диалектико-материалистической концепцией развития.

Резкие морфологические изменения отдельных форм никак нельзя смешивать с видообразованием. Хотя процесс формообразования и тесно связан с процессом видообразования, однако их отождествление связано со сведением вида к особи, из ошибочного смешения индивидуальных изменений с видовыми. Как бы ни были значительны изменения, возникающие у отдельных особей (формообразование), появление их еще не означает «рождения» нового вида, хотя и может являться необходимым этапом на этом пути. Только тогда, когда совокупность поколений, происходящих от таких измененных предков, займет определенное место в «экономике» природы, мы можем говорить о появлении нового вида. Не только изменение вида, но и качественно изменение организма в целом может осуществиться только через огромный ряд превращений, то есть организм не сразу весь изменяется всеми своими частями одновременно, а лишь той или иной из своих бесчисленных сторон. И только через некоторый ряд таких превращений осуществляется качественное превращение организма в целом. В свою очередь, через ряд поколений организмов с такими превращениями качественно изменяет себя вид и т. д. А этот ряд всегда непрерывный, хотя и состоит из вышеуказанных перерывов, которые опосредуют переход. И именно непрерывность этого ряда обеспечивает такому явлению видимость постепенности. Скачки же, нашедшие свое выражение в непрерывной форме (через непрерывный ряд перерывов), естественно, остаются незаметными.

Лишь последовательное применение принципов диалектического материализма при исследовании процессов видообразования, лишь глубокое проникновение в суть конкретных внутренних противоречий, непрерывно возникающих и разрешающихся в сложных взаимоотношениях организма и сред, дают возможность все точнее и глубже отображать процесс развития органической природы.

Дополнение 10

Уничтожение парламентаризма

Нетрудно заметить в среде избирателей растущее разочарование парламентом, его неэффективностью, недовольство говорильней, пустословием, подковерными играми, напрасной тратой средств. Сперва многим казалось, что дело в не совсем удачном подборе личностей в депутаты. Вот подобрать бы более качественных, образованных, порядочных, убедительно ораторствующих, они придумают хорошие законы, и все пойдет хорошо. Вместе с тем, прошло уже несколько смен составов, но сколько ни тасуй колоду, а результат один — нерезультативность.

Закрадывается подозрение: а может дело вовсе не в персоналиях, а в самом парламентаризме, в принципе непригодном, исчерпавшем себя исторически, а потому работающем вхолостую?

Есть смысл ознакомить читателя с научным мнением авторитетного знатока этой проблемы.

Мы предлагаем для ознакомления некоторые мысли В. И. Ленина, изложенные им в книге «Государство и революция», в разделе, который называется «Уничтожение парламентаризма»:

«Коммуна — писал Маркс, — должна быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей, и исполняющей законы...

... Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять (*ver- und zertreten*) народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю».

Эта замечательная критика парламентаризма, — продолжает Ленин, — данная в 1871 году, тоже принадлежит теперь, благодаря господству социал-шовинизма и оппортунизма, к числу “забытых слов” марксизма. Министры и парламентарии по профессии, изменники пролетариату и “деляческие” социалисты наших дней предоставили критику парламентаризма всецело анархистам и на этом удивительно-разумном основании объявили *всякую* критику парламентаризма “анархизмом”!!

... Маркс умел беспощадно рвать с анархизмом за неумение использовать даже “хлев” буржуазного парламентаризма, особенно когда заведомо нет налицо революционной ситуации, — но в то же время он умел и давать действительно революционно-пролетарскую критику парламентаризма.

... Но если ставить вопрос о государстве, если рассматривать парламентаризм, как одно из учреждений государства, с точки зрения задач пролетариата в *этой* области, то где же выход из парламентаризма? Как же можно обойтись без него?

... Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении, представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из *говорилен* в “работающие” учреждения. “Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а работающим, в одно и то же время законодательствующим и исполняющим законы”.

“Не парламентское, а работающее” учреждение, это сказано не в бровь, а в глаз современным парламентариям и парламентским “комнатным собачкам” социал-демократии! Посмотрите на любую парламентскую страну, от Америки до Швейцарии, от Франции до Англии, Норвегии и проч.: настоящую “государственную” работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надувать “простонародье”.

... Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими

избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь *нет*. Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии, без парламентаризма — можем и *должны*, если критика буржуазного общества для нас не пустые слова, если стремление свергнуть господство буржуазии есть наше серьезное и искреннее стремление, а не “избирательная” фраза для уловления голосов рабочих...

... Крайне поучительно, что, говоря о функциях *того* чиновничества, которое нужно и Коммуне, и пролетарской демократии, Маркс берет для сравнения служащих “всякого другого работодателя”, т. е. обычное капиталистическое предприятие с “рабочими, надсмотрщиками и бухгалтерами”.

... Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это — утопия. Но *разбить* сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нет всякое чиновничество, это *не* утопия... это прямая, очередная задача революционного пролетариата.

Капитализм упрощает функции “государственного” управления, позволяет отбросить “начальствование” и свести все дело к организации пролетариев (как господствующего класса), от имени всего общества нанимающей “рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров”.

Мы не утописты. Мы не “мечтаем” о том, как бы *сразу* обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархистские мечты, основанные на непонимании задач диктатуры пролетариата, в корне чужды марксизму и на деле служат лишь оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без “надсмотрщиков и бухгалтеров” не обойдутся.

Но подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся — пролетариату. Специфическое “начальствование” государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми функциями

“надсмотрщиков и бухгалтеров”, функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за “заработную плату рабочего”.

Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, *сами* мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных сменяемых, скромно оплачиваемых “надсмотрщиков и бухгалтеров” (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней) — вот *наша*, пролетарская задача, вот с чего можно и должно *начать* при совершении пролетарской революции. Такое начало, на базе крупного производства, само собою ведет к постепенному “отмиранию” всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка, — порядка без кавычек, порядка, не похожего на наемное рабство, — такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надмотра и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как *особые* функции особого слоя людей.

Один остроумный немецкий социал-демократ семидесятых годов прошлого века назвал *почту* образцом социалистического хозяйства. Это очень верно. Теперь почта есть хозяйство, организованное по типу государственно-капиталистической монополии. Империализм постепенно превращает все тресты в организации подобного типа. Над “простыми” трудящимися, которые завалены работой и голодают, здесь стоит та же буржуазная демократия. Но механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов. Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства — и перед нами освобожденный от “паразита” высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу *всех* их, как и *всех* вообще “государственных” чиновников, заработной платой рабочего.

... *Все* народное хозяйство, организованное как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и все должностные лица,

получали жалование не выше “заработной платы рабочего”, под контролем и руководством вооруженного пролетариата— вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе, нам необходимо. Вот что даст уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений, вот что избавит трудящиеся классы от протитуирования этих учреждений буржуазией»³⁰⁰.

Некоторые граждане, разочаровавшись в буржуазном парламентаризме, ничего лучшего не придумали, кроме как не принимать участия в очередных выборах (которые и в самом деле представляют собой, в известном смысле, акт позволения гражданам страны раз в пять лет выбирать себе эксплуататора). Скорее, наоборот, нужно идти и голосовать, но за ту общественную силу, которая в состоянии преодолеть отвратительные особенности анемичного буржуазного парламентаризма, прикончить буржуазную государственную машину подавления, осуществить все рекомендованное в приведенной статье. А такой надежной организованной силой является политическая партия коммунистов.

Настоящие коммунисты не унижутся (и не унижат вас) обещаниями-соблазнами: каждому по автомобилю, роялю, мобилке, футбольному мячу с автографом благодетеля, который уверен, что ему авторитет у избирателей обеспечен, раз он на всю страну в газете с миллионным тиражом кичливо заявил, что может в любой момент запросто купить любую иномарку или виллу за рубежом. Подумайте, труд скольких тысяч трудящихся он присваивал, чтобы так жить. Это, конечно, «впечатляет» миллионы наших граждан, которые не каждый день могут купить кусок хлеба.

Ленин сразу после революции настоятельно подчеркивал, что в случае если нас отбросят в парламентаризм, то действовать нужно так, чтобы дело шло в сторону возобновления Советов. Это и зарплата на уровне рабочего, и никаких привилегий. Никакого разделения законодательной и исполнительной власти. Сами создают законы и сами их исполняют, проверяют исполнение и отвечают за результаты. Депутат продолжает жить и работать в том же трудовом коллективе и

---

³⁰⁰ Ленин В. И. Государство и революция. — ПСС, т. 33, с. 45-50.

быть под контролем масс, а не уезжает на несколько лет в столицу. Это и выдвижение производственным коллективом, а не «выбери меня, выбери меня», это и отзыв этим же коллективом, который его рекомендовал в депутаты, отчет перед ним и подконтрольность ему.

Вся власть Советам!

Дополнение 11

Карл и карлики

В 1999 году все зарубежные средства массовой информации облетела весть, что по данным опроса общественного мнения, проведенного Би-Би-Си через интернет, величайшим мыслителем тысячелетия был признан Карл Маркс. Автор теории прибавочной стоимости и учения о коммунизме опередил Альберта Эйнштейна, Исаака Ньютона. Четвертое место досталось Чарльзу Дарвину.

Как ни странно, пресса левого направления ограничилась беглой, краткой информацией. А почему бы не воспользоваться случаем и не попытаться взглянуть на современность глазами самого большого мыслителя тысячелетия, не взять кое-что из арсенала его мудрых мыслей в качестве орудия познания происходящего ныне с нами?

Чего только нет на страницах нынешней прессы, вплоть до откровенного шарлатанства — предсказателей, целителей, гадалок, астрологов, мистиков и т. п. Только до мудрых мыслей и открытых Марксом законов развития человечества дело не доходит. Не заинтересованы узнать правду? Так оно и есть. Нет объективной потребности в объективной истине. Например, каждый второй объявляет себя демократом, понятия не имея, что это значит в научном смысле.

«Но демократ, представляя мелкую буржуазию, т. е. *переходной класс*, в котором взаимно притупляются интересы двух классов, — воображает поэтому, что он вообще стоит выше классового антагонизма. Демократы допускают, что против них стоит привилегированный класс, но вместе со всеми остальными слоями

нации они составляют *народ*. Они стоят за *народное право*³⁰¹; они представляют *народные интересы*. Поэтому им нет надобности перед предстоящей борьбой исследовать интересы и положение различных классов. Им нет надобности слишком строго взвешивать свои собственные средства... Но если оказывается, что их интересы не заинтересовывают, что их сила есть бессилие, то виноваты тут либо вредные софисты, раскалывающие *единый народ*. . . , либо все рухнуло из-за какой-нибудь детали исполнения, либо, наконец, непредусмотренная случайность привела на этот раз к неудаче. Во всяком случае демократ выходит из самого позорного положения настолько же незапятнанным, насколько невинным он туда вошел, выходит с укрепившимся убеждением, что он должен победить, что не он сам и его партия должны оставить старую точку зрения, а, напротив, обстоятельства должны дорасти до него»³⁰².

Особенно большое неприятие и раздражение у либерального демократа вызывает упоминание в его присутствии о классах и классовой борьбе.

Говоря словами Ленина, «либерализм трусливо проповедует» «социальный мир» (то есть мир с рабовладением), отречение от классовой борьбы³⁰³ и т. д., осуществляет «...прикрытие буржуазной сущности демократических преобразований якобы социалистическими фразами о «народе», о «справедливости», «праве»

И Т П

«В условиях частной собственности общность, единство не может быть не иллюзорным. Буржуазные политики любят поговорить о

³⁰¹ «Что касается права, то мы, наряду со многими другими, подчеркнули оппозицию коммунизма против права как политического и частного, так и в его наиболее общей форме — в смысле права человека» (Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 197).

³⁰² Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 151.

³⁰³ «Ибо одно из их худших свойств — это именно филистерство, стремление уговорить противника вместо борьбы против него... » (Энгельс Ф. — А. Бебелю. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36, с. 394).

Интересно высказался в адрес демократии руководитель освободительной борьбы африканского народа бывшей английской колонии Мозамбик Роберт Мугабе, отвечая на поучения британского премьера Т. Влера: «Мы

единстве нации. Фактически же, «частные интересы... разделяют каждую нацию на столько же наций, сколько в ней имеется взрослых людей... >>^{5,6}.

Интересно в этом отношении рассуждение Ортеги-и-Гассета.

«Этот процесс начинается на наших глазах. Т. е. общества, которые мы зовем нациями, уже столетия, или, быть может, чуть меньше, как достигли пика своего роста. Сейчас они уже не могут существовать в том виде, в каком существовали. Пришло время им выйти за пределы своих границ. Европейский воздух пропитан прошлым. Это прошлое тяготеет и над нами, оно нас давит. И сейчас, когда мы получили такую жизненную свободу как никогда, мы особенно остро чувствуем, как задыхаемся в тесных границах своей нации, как нам не хватает общего воздуха. Любая европейская страна, открытая в прошлом веяниям всех ветров, превратилась теперь в провинцию, в «глубинку». Последний вздох умирающего — самый глубокий. Прежде чем исчезнуть навсегда, военные и экономические границы агонизируют в тяжелых мучениях»³⁰⁴.

Ленин считает, что «мы обязаны воспитывать рабочих в “равнодушии” к национальным различиям»³⁰⁵.

«С точки зрения социал-демократии,—говорил он,—недопустимо ни прямо ни косвенно бросать лозунг *национальной* культуры. Этот лозунг неверен, ибо всякая хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже и при капитализме. Социализм уже целиком интернационализирует ее. Интернациональная культура, уже теперь создаваемая систематически пролетариатом всех стран, воспринимает в себя не «национальную культуру» (какого бы то ни было национального коллектива) в целом, а берет из *каждой* национальной культуры *исключительно* ее последовательно демократические и социалистические элементы»³⁰⁶.

Значит не эклектическое суммирование культур, а снятие в новом качестве посредством скачка, перерыва постепенности, переход в принципиально новую сущность, на новом основании. И не

---

³⁰⁴Ортега-и-Гассет. Восстание масс. — Москва: Искусство, 1992. — с.

³⁰⁵ Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. — ПСС, т. 30, с. 44.

³⁰⁶ Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу. — ПСС, т. 23, с. 318.

межнациональные связи есть интернационализм (этого «добра» хватит и в капиталистическом обществе), а пролетарский интернационализм.

Только и слышны настоятельные рекомендации обратиться за образцами и эталонами к «шведскому социализму», «австрийскому», «испанскому». Правительства этих стран называют левыми. Будто такие социализмы бывают в природе. «Все учения о неклассовом социализме и о неклассовой политике оказываются пустым вздором»³⁰⁷. «Кто... говорит о неклассовой политике и о неклассовом социализме, того стоит просто посадить в клетку и показывать рядом с каким-нибудь австралийским кенгуру»³⁰⁸.

Клеток не хватит, хватят.

Но как определить, действительно ли перед вами социалистическое государство или это подделка, мимикрия? Есть надежный способ установить истину. «Лакмусовой бумажкой» является ответ на вопрос, каково политическое и экономическое содержание рекламируемого общественного строя. Первое — обобществление собственности. И второе — политическая власть диктатура пролетариата. Первое без второго — еще не социализм, а, например, госкапитализм. Претендента на депутатское место можно тоже определить. Если он имеет капитал в банке, бизнесмен, то давайте ему от ворот поворот. Нечего ему идти во власть. Нечего пускать козла в огород.

Называющие себя демократами любят ссылаться на происхождение этого слова, обозначавшего в древней Греции «демос» — «народ». При этом забывают, что тогда народом-то считались только рабовладельцы. А рабы считались говорящими орудиями. Кстати, такое соотношение остается фактически по сей день. Демократ — значит присваивающий чужой труд³⁰⁹. Демократия, как форма политической, государственной власти — это диктатура буржуазии, а не просто термин для обозначения процессов с привлечением широких народных масс. Понятие «народная революция» означает буржуазно-демократическую революцию (например, 1905 года в России).

---

³⁰⁷ Ленин В. И. Исторические судьбы учения Карла Маркса. — ПСС, т. 23, с. 2.

³⁰⁸ Там же, с. 4.

³⁰⁹ «Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить» (Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 192).

Даже в своей среде демократы стараются отдифференцироваться. Некоторая часть из них претендует на статус более полноценных и более заслуженных демократов. Они называют себя элитой (наподобие того, как раньше называли в колхозном стаде бугая «элитным осеменителем»). К этой элите, в первую очередь, причисляют себя так называемые диссиденты (би-би-сиденты). Они любят называть себя «шестидесятниками». Эти обожают выпячивать свои прошлые «заслуги» (весьма сомнительные и чаще всего придуманные задним числом) по разрушению изнутри ненавистного «тоталитарного» строя. Особенно касается это представителей творческой или околотворческой интеллигенции из цеха «инженеров человеческих душ» — тех явных баловней советской социалистической системы. «Шестидесятников» хлебом не корми, дай повспоминать свое «героическое» прошлое в роли «бойца невидимого антисоветского фронта», смакуют подробности своей личной (двуличной) жизни и пятиколлоновской деятельности во вред коммунистическому режиму. Когда все безмятежно спали, он, мятежный, просил бурю. И неважно, что «буря» — в стакане воды на диссидентской кухне. Ах, как они «боролись»! Не жалея живота своего. А животы на жирных харчах Союза писателей они, как правило, отращивали немалые. Как они, оказывается, «страдали»! Так, что аж пальцы сводило от долгого держания фиги в кармане. Думаете, это легко было делать?! А один раз даже смело рассказал антисоветский анекдот сам себе на ушко.

Послушаешь очередного такого по радио или телевидению, и хочется крикнуть: «Раздайся, море, шестидесятник плывет!» Косяком пошел андеграунд. Правда, в основном уже мелкий частик. Более крупная залежалая рыба, вроде Солженицына, получила снижение цен, как товар с душком, который уже не в ходу, неприлично даже предлагать. Основная масса недовольных демократов сама не знает, чего хочет: не то конституции, не то севрюжины с хреном или совсем хрен знает чего. Как говаривал Бунин: «Запить или собаку купить?»

Как не вспомнить горькие (но такие актуальные ныне) слова А. М. Горького в адрес дореволюционной российской интеллигенции: «Каждый русский посидев «за политику» месяц в тюрьме или пожив год в ссылке, считает священной обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал». И дальше: «. У нас все

книги пишутся на одну и ту же тему: о том, как мы страдаем — в юности и зрелом возрасте от недостатка разума, от гнета самодержавия, от женщин, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной; в старости: от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварения желудка и от необходимости умереть»³¹⁰.

Убийственно точная характеристика и в отношении нынешней интеллигенции. С той только разницей, что нынешние страдальцы заикнулись на одном пункте: на «страдании от гнета тоталитарного режима», в том числе и те из них, кому явно стоило бы полностью переключиться и сосредоточить все свое внимание на последних трех пунктах: недостаток зубов, несварение желудка и смерть.

А как вам нравится такое мнение (само мнение) одного нашего руководящего демократа: «Ми, демократи, перемогли в 91 році тому, що Божа воля співпала з нашими діями» (Украинское телевидение, Первый канал. Программа «Не так все погано»), Угадайте с трех раз, кому принадлежит данное высказывание:

Наполеону, бабе Параске, спикеру парламента? Кто не угадал, тот слабое звено, выбывает.

Заметьте, не действия демократов совпали с божьей волей, а, наоборот, воля божья подчинилась воле демократов. Нехорошо, господин Господь. Ты оказался четвертым лишним там, где соображали на троих.

Недаром демократы так рьяно стали креститься (знают свой грех). Как увидят, что на них телекамера направлена, так поспешно начинают крестить свое пузо. Видать много грехов накопили, особенно на посту спикера или премьера.

Народ знает, что в Беловежском лесу собиралась компания блатная. Паханы демократии, демократы в законе с братами заказали прикончить Советский Союз. Но, что участвовал в этой разборке примкнувший к ним Господь Бог, присоединивший свою волю к воле демократов — это новость. Если это вправду так, и он, господи прости, действительно спутался с этой шайкой-лейкой, то это не делает ему

---

³¹⁰См. А. М. Горький. В. И. Ленин // В сб.: Воспоминания о Ленине. — М.: Молодая гвардия, 1954.

чести. Нам такой верховный или там «всевышний» спикер не нужен. Хватит того, что на олимпиаде судьи погрязли в коррупции. Не хватало еще, чтобы всевышний судья на самом верховном Олимпе устраивал такое.

Вряд ли вы встретите рабочего-пролетария, который бы, бия себя в грудь на каждом шагу, провозглашал, что он, видите ли, демократ. Оно ему надо? Ему безразличны и объединенные и разъединенные, и совокупающиеся в блоки демократы. А в демократы подались, в основном, представители умственного (слабоумственного) труда, которые, кстати, от Советской власти получили едва ли не наибольшую часть выгод и наиболее благоприятные условия для своего развития и занятия любимым делом в науке, искусстве, литературе и т. п. Вместе с тем при первых же толчках и мелких пробоинах в корпусе государственного корабля эти крысы стали с перепугу покидать родной корабль, прибиваться стайками к чужому берегу, группироваться на островках, рифах. Тот же трюк совершил и капитан корабля, сиганув с капитанского мостика, предварительно открыв кингстоны и задраив люки трюмов, в которых остались 18 миллионов преданных (вчера преданных ему, а сегодня преданных им) товарищей по партии. Через некоторое время снова вынырнул — уже социал-демократом. И опять же снова — лидером, первым руководителем этой шайки-лейки. В промежутке времени между руководством партиями, Горбачев удачно рекламировал пиццу, чем убедительно доказал западным друзьям, что он настоящий демократ.

Нетрудно заметить, что демократы подались в основные перебежчики-колл аборанты, скурвленные политики (думаю, рабочие поймут эту латынь без перевода). А для малообразованной части интеллигенции переведем: сигуш на латинском значит кривой. И это самое подходящее определение для демократа: искривленный, скособоченный, проституированный политический извращенец, ревизионист и оппортунист.

Вместо послесловия

Итак, чтобы ответить на мучающий всех вопрос, что с нами

произошло, что случилось, и случилось ли, или это не случайность, а такой естественный, неотвратимый ход объективного развития, и что нужно делать, чтобы делать то, что нужно — для этого, прежде всего, следует определиться, где мы находимся в системе саморазвития необходимости, в мировом круговороте развития материи. Но не в пространстве в системе координат, а в мировом времени по степени развитости.

Определить-ся, определить (себя) значит о-пределёть, ограничить, то есть определить границу, оконтурить, установить предел, в котором возможно продолжение движения на данном основании. В рамках, пределах этой границы осуществляется отрицание. Первое отрицание — это постепенное движение вещи, не переставшей быть собой, к своему концу, не исчерпывая свою меру (единство количества и качества, утверждающее данное нечто как то, что оно есть и одновременно то, что оно не есть, осуществляя через второе отрицание). Второе отрицание — это отрицание этого первого отрицания, выхождение за этот предел, границу, меру, на новую качественную ступень, на новое основание (перерыв постепенности, революционный скачок). Не перейдя, не нарушив, не переступив границу, нельзя установить, где она проходит. Граница не существовала бы, не будь нарушений ее. Кому нужна граница государств, не будь нарушителей? Ненарушенная граница не есть граница. Познать предел (и, следовательно, по контуру изучаемого нечто, тела, без /самого/ предмета) можно, только перейдя через него, выйдя за его отдельность, особенность, конечность и оглянувшись на перейденную границу.

Отсюда, быть современником событий и понимать, что происходит, почти невозможно³¹¹. Ни увидеть, ни воспринять непосредственно чувственным образом свое движение в его сущности (в развитии) невозможно (как в закрытом вагоне, не поймешь: едешь ты или нет). Его можно только понять. А это значит — выразить посредством (опосредование — от слова средства, а не от середина) логики движения понятий.

Но это во-вторых. А во-первых, — постигнуть, исследовать от-

---

³¹¹ Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8.

дельное нечто в его процессионности, как развитие, можно, лишь установив его место в системе саморазвития необходимости, мирового круговорота, движущейся материи и превращении всего во все, всех форм во все другие, которые при этом интегрируются в пять «типических единств» (Маркс) основных форм движения: механическую, физическую, химическую, органическую и общественную. Поэтому когда мы ставим вопрос «где мы находимся?», то имеется в виду — не в системе координат, а в мировом пространстве времени предельной степени развитости. С этим мы постигаем общую закономерность материи (а не просто вещи как частичные формы бытия), без понимания которой будем постоянно спотыкаться о частности. И тут, опять-таки, без теории диалектического способа мышления, без логики не обойтись. Недаром говорил В. И. Ленин, что никто из марксистов не понял Маркса полвека спустя³¹². И показал, почему. Не читали «Логикку» Гегеля, поэтому и не поняли «Капитала», а вместе с ним и марксизма. Ленин после Октябрьской революции даже так ставил вопрос: или вы постигнете гегелевскую диалектику, или погубите науку. *Искусство* (Ленин, Энгельс) же диалектического оперирования понятиями диалектической логики — это прерогатива философии. Понятия и принципы — это не внешние формы для обозначения форм бытия, а формы деятельности, орудия постижения сущности, причинности, закономерности.

Пока же, если попытаться в доступном рассудочному мышлению виде как-то объяснить результаты того, что с нами произошло, то дело выглядит примерно так же, как после удара по поверхности цветущей планеты космическим телом (болидом, астероидом, посильнее тунгусского метеорита), который оставил после этого «шрам» на планете Земля, воронку в одну шестую суши и продолжающимися соответствующими последствиями, которые еще долго будут одно за другой разрушительными волнами перекатываться вокруг земного шара. «Цунами», разрушающие социалистические образования, не пощадят и капиталистические страны тоже. Особенно разрушительной

---

³¹²Смотри Энгельс «Введение» из «Диалектики природы» о круговороте и Ленин «Философские тетради» о необходимости, связи, соединении, совмещении всеобщего принципа развития с всеобщим принципом единства мира, движения, материи.

бывает обратная волна цунами. Нам еще придется увидеть и это.

Но это внешняя сторона, хотя и впечатляющая своей катастрофичностью, но только видимая. Ее разрушительная работа очевидна, ее непосредственный результат — отброшенность назад в развитии на много лет. И не только касательно народов и стран, по которым непосредственно пришелся такой удар, но всего человечества в целом. Откат человечества в своем саморазвитии несомненен. Пройдут годы на восстановление и реставрацию утраченных позиций и возврат до отметки, соответствующей прежнему уровню, который бы стал стартовой площадкой для *продолжения* развития. Но при всей избирательности направления удара, однако, он не может не зацепить, не задеть другие страны (капиталистические), которые вроде бы не собирались себя разрушать, но независимо от их намерений, ударная волна задела и их, и создала несколько иные условия, чем прежде.

И тут их настигает «мечь» диалектики. Эти страны (капиталистические), они как гигантские мастодонты, динозавры, которые затрачивают всю энергию на перетаскивание своего огромного хвоста и тела, совсем не пригодны для новых условий и уступают место новым, «теплокровным организмам», более гибким, чем рептилии, для продолжения развития (на смену предшествующим общественным формам придет новая общественная форма непосредственной коллективности). Те, например, кто совершил разрушение гигантской дамбы, называемой «Берлинской стеной», еще пожалеют о содеянном, и этому мы будем свидетелями тоже.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Соч., т. V, М., 1937.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. т. 1.
3. Горький А. М. Ленин В. И. В сб.: Воспоминания о Ленине.—М.: Молодая гвардия, 1954.
4. Ленин В. И. I всероссийский съезд по внешкольному образованию. КПСС, т. 38.
5. Ленин В. И. А. М. Горькому — ПСС, т. 48.
6. Ленин В. И. Государство и революция. — ПСС, т. 33.

7. Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина.— ПСС, т. 42.
8. Ленин В. И. Исторические судьбы учения Карла Маркса. — ПСС, т. 23.
9. Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении.—ПСС, т. 30.
10. Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма.— ПСС, т. 2.
11. Ленин В. И. Карл Маркс.— ПСС, т. 26.
12. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.—ПСС, т. 18.
13. Ленин В. И. О некоторых особенностях исторического развития марксизма.— ПСС, т. 20.
14. Ленин В. И. Памяти графа Гейдена. — ПСС, т. 16.
15. Ленин В. И. Поворот в мировой политике. — ПСС, т. 30.
16. Ленин В. И. Последнее слово “искровской” тактики или потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания. — ПСС, т. И.
17. Ленин В. И. Разногласия в европейском рабочем движении.— ПСС, т. 20.
18. Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу. — ПСС, т. 23.
19. Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма. — ПСС, т. 23.
20. Ленин В. И. Уроки революции. — ПСС, т. 34.
21. Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29.
22. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воют против социал-демократов? —ПСС, т. 1.
23. Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад. — ПСС, т. 8.
24. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г-на Струве. — ПСС, т. 1.
25. Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8.
26. Маркс К. К критике гегелевской философии права.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1.
27. Маркс К. Капитал.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23.
28. Маркс К. Теории прибавочной стоимости. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 46, ч. I.

29. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — Маркс К., Энгельс®. Соч. 2-е изд. т. 42.
30. Маркс К., Энгельс®. Берлинская «National-Zeitung» — первичным избирателям. — Маркс К., Энгельс®. Соч. 2-е изд., т. 6.
31. Маркс К., Энгельс®. Немецкая идеология.— Маркс К., Энгельс®. Соч. 2-е изд., т. 3.
32. Маркс К., Энгельс®. Святое семейство.—Маркс К., Энгельс®. Соч. 2-е изд., т. 2.
33. Маркс К. — Анненкову П. В. 28 декабря 1846 г.—Маркс К., Энгельс®. Соч. 2-е изд., т. 27.
34. Маркс К. —Фердинанду Лассалю 31 мая 1858 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29.
35. Ортега-и-ГассетХ. Восстание масс. В кн.: Избранные труды. М., «Весь мир», 1997.
36. Павлов Т. Д. Информация, отражение, творчество. София, 1965.
37. Плеханов Г. В. Избр. философские произведения, т. 2.
38. Плеханов Г. В. Избр. философские произведения, т. 3.
39. Чарльз Дарвин. Избранные письма. М., 1950.
40. Энгельс Ф. Анти-Дюринг.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20.
41. Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20.
42. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.
43. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке.—Маркс К., Энгельс®. Соч. 2-е изд., т. 19.
44. Энгельс Ф. — А. Бебелю. 18 марта 1886 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36.
45. Энгельс®.—МарксуК. 16 июня 1867 г.— МарксК., ЭнгельсФ. Соч. 2-е изд., т. 31.

Содержание

Вместо предисловия	3
--------------------------	---

Пролог	18
Очерк 1. Заметки о кризисе	32
Очерк 2. Марксизм о кризисе марксизма	47
Очерк 3. Кризис социализма.....	73
Очерк 4. Объективизм или материализм.....	84
Очерк 5. По поводу и по существу	116
Дополнение 1. К вопросу о неисчерпаемости электрона	232
Дополнение 2. Гносеологическое содержание понятия материи ..	246
Дополнение 3. О мировоззренческом и методологическом содержании принципов и категорий диалектики	266
Дополнение 4. Философский материализм как принцип	276
Дополнение 5. О познании бесконечного в движении .	283
Дополнение 6. О предмете диалектической логики ...	289
Дополнение 7. Диалектика прерывного и непрерывного и некоторые вопросы биологии	303
Дополнение 8. Почему естествознание, которое познает формы движения, не может обойтись без философии	314
Дополнение 9. Диалектика скачкообразности развития и проблем видообразования.....	327

Научное издание

Дополнение 10. Уничтожение парламентаризма	343
Дополнение 11. Карл и карлики	349
Вместо послесловия	357

Босенко Валерий Алексеевич Диалектика мстит за пренебрежение

к ней

Ответственный за выпуск А. Самарский Компьютерная верстка
М.Жолобак Литературный редактор Л. Ивашкевич Корректор И.
Лемешко

ОБЩЕСТВО «ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА»

Подписано в печать 29.04.2010 Тираж 1000 экз. Зак. 128

ЗАО «Мироновская типография», ул. 48, г. Мироновка, Киевская обл.
ДК № 2101 от 16.02.2005

⁴Маркс К. Капитал. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 327.

⁵ Сколько ни смотрите на видимые с Земли Магеллановы облака, вы не сможете непосредственно что-либо сказать о их строении, составе. Что это — сгусток микрочастиц, газопылевое облако, скопление молекул или скопление звезд? Невозможно представить, что именно последнее верно. Но это именно так. И это делается понятным не благодаря непосредственно чувственному восприятию и представлению, а, зная, что понять — значит выразить посредством движения понятий, логики понятий. То есть теоретически, диалектически. И это будет значить, что бесконечно малое и бесконечно большое доводятся как диалектическое противоречие до тождества и взаимопереходов (переливов) (... еще шаг в том же направлении и ... — переход в противоположность /скачком/ (например, элементарная частица — в звезду), количество в качество и наоборот и т. д. Любая отдельная конечная вещь — бесконечна, (неисчерпаема) во все стороны. А «природа без скачков,

¹⁸ В наши дни часто пишут о так называемом «конце истории» (Фукуяма и др.) Речь должна идти о конце *предыстории*, определенном периоде истории. Умирающий капитализм, который не может освоить переход (скачок) от вещного производства к непосредственному производству человека, пытается свою историческую гибель приписать всему человечеству.

²¹ На это и предусматривается низшая предварительная фаза коммунизма, которая еще не формация, а только ее становление. Построенный коммунизм — это последняя формация в том смысле, что она уже не формация, а становление. То, что зовется становлением — это не то, что до коммунизма, а сам коммунизм, но на другом основании, не таком как формация, а как абсолютное движение. Не становление одного, а потом другого, а абсолютное изменение. Подробнее об этой проблеме, особенно о том, как осуществилось разрешение поставленных задач и неудачах в этом деле, будет дальше, в разделе о кризисах.

²² Интересно к этому примечание: против тех, кто грезит насчет пришествия коммунизма в виде реального гуманизма, когда «земля станет небом, небо землей», «Тогда радость и блаженство будут звучать небесными гармониями из века в век». И дальше Маркс и Энгельс продолжают: «Святой отец церкви будет немало изумлен, когда неожиданно для него наступит день страшного суда, в который все это совершится. У святого Вруно меньше всего оснований рисовать себе неутешительную картину радости и блаженства из века в век».

Научное издание

¹И именно слово, а не понятие. До понятия дело не доходит. Понять — значит выразить в движении понятий. А это без диалектического теоретического мышления невозможно. И чего нет у пересічного (укр.) обывателя, того нет.

² И воспринимается это как показатель стихийного бедствия, с которым ничего не поделаешь, своего рода рок, и потому остается терпеть. Любые «негаразды» (укр.) называют кризисом и всем все ясно своей неясностью. Не судьба — значит не повезло, но ничем помочь невозможно. Чего вы хотите, если в стране кризис.. . Почти как в известном украинском анекдоте. В ответ на неприличный адрес, куда крестьянка в троллейбусной толчее в сердцах послала нового украинца— «патриота», тот делает ей замечание: «Паш, держава в скрута, а вам все пестош! подавай».

¹⁴Там же, с. 282.

¹⁵Там же, с. 293.

¹⁹МарксК. **Маркс** — Фердинанду Лассалю 31 мая 1858 г.— **МарксК.**, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 458.

²⁰Кто же хочет сохранять вещи такими, как они есть? Имя им эмпирики: «Но немедленно становится ясно, что это есть извращение вещей и что познание, желающее брать вещи так, как они *есть*, впадает при этом противоречие с самим собой». На этой точке зрения стоят Локк и эмпирики. «Например, химик “martert” (“пытает” — *Ред.*) кусок мяса и открывает азот, углерод etc. “Но эти абстрактные вещества уже не являются более мясом”» (ЛенинВ.И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 216).

¹⁷Как говорил Маркс, в условиях частной собственности будет столько наций, сколько взрослых людей. Подлинной национальной идеей в нашу эпоху является пролетарский интернационализм.

¹⁸ Единство — относительно, борьба — абсолютна. Чем интенсивнее борьба, тем прочнее единство. Единство — в моменте отрицания. Система тем устойчивее, чем она более интенсивна, «неустойчива», подвижна. Пролетарии всех стран соединяйтесь в борьбе! Единство — это форма борьбы, а не что-то противоположное ей, рядоположенное с борьбой.

²³Справедливости ради следует сказать, что были отдельные товарищи, которые поднимали голос против. Например, Нина Андреева или Сажи Умалатова, которая в Верховном Совете СССР громко заявила с трибуны Горбачеву, что не доверяет ему. Но этот инцидент быстренько замяли и выступающую оттерли.

На Украине на пленуме ЦК КПУ нашелся смелый человек, который бросил в президиум нелицеприятные слова, сказав, что создается впечатление, что руководство ищет, кому бы сдать, вместо борьбы за прочность позиции партии. И даже упомянул

об автомате Калашникова. Но таких орлов, которые откликнулись бы и поддержали, больше не нашлось.

²⁶Там же, с. 62.

³⁰ Ленин В. И. Разногласия в европейском рабочем движении. — ПСС, т. 20, с. 65.

³¹Там же, с. 65.

³⁴ Ленин В. И. Разногласия в европейском рабочем движении. — ПСС, т. 20, с. 65-69.

⁴² Ленин В. И. Разногласия в европейском рабочем движении. — ПСС, т. 20, с. 69.

¹⁹Маркс К. Дебаты VI Рейнского ландтага. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 141.

²³Маркс в письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 года подчеркнул, что открытие классов и классовой борьбы — не его заслуга. Это сделано до него. Его заслуга в том, что классовая борьба доводится до диктатуры пролетариата, которая — не самоцель, а средство для ликвидации классов и неотвратимого построения бесклассового общества. К. Маркс подчеркивает: дело не в том, что делает в данный момент отдельный пролетарий, и даже пролетариат в целом, а в том, что он вынужден будет делать соответственно его историческому, экономическому положению в системе саморазвития исторической необходимости. Пролетарий исторически, в сущности, выражает революционную тенденцию общественных производительных сил, а буржуазия — реакционную, консервативную тенденцию производственных отношений, формы господствующей частной собственности.

²⁸МарксК., Энгельс Ф. Берлинская «National-Zeitung»—первичным избирателям. — Соч. 2-е изд., т. 6, с. 211.

²⁹В условиях частной собственности общность, единство не может быть не иллюзорным. Буржуазные политики любят поговорить о единстве нации. Фактически же, «частные интересы... разделяют каждую нацию на столько же наций, сколько в ней имеется взрослых людей...» (Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. — МарксК., ЭнгельсФ. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 102.).

«Нечто подобное уже происходит сейчас. Те единства, что до сих пор именовались нациями, приблизительно век назад достигли своего апогея. С ними нечего больше делать, кроме одного - преодолеть их. Сегодня это уже только прошлое, которое копится под ногами европейца, обступает, угнетая и отравляя, его. При большей, чем когда-либо, жизненной свободе особенно ощутимо, как удушлив воздух внутри каждой нации, ибо это воздух тюрьмы. Национальные государства, с их когда-то вольной атмосферой открытости и свежести, обернулись захолустьем и превратились в

Научное издание

“интерьер”... Последний вздох самый глубокий. Границы перед отмиранием болезненно воспаляются и военные, и экономические» (Ортега-и-ГассетХ. Восстание масс. В кн.: Избранные труды. М., «Весь мир», 1997, с. 159).

³³МарксК., ЭнгельсФ. Немецкая идеология. — МарксК., ЭнгельсФ. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 30.

³⁷Недаром Ленин считает возможным говорить об «умном идеализме».

³⁸Хотя, строго говоря, логика — это учение не о формах мышления, а о всеобщем движении материальных и духовных вещей и их познания. Диалектическая логика— это не наряду с теорией, она «и есть» теория познания. Не надо трех слов.

¹³ЭнгельсФ. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 22.

¹⁹Общее с поведением у животных.

²¹Кстати, об очевидности. В книге-обзоре современных философских школ (более 600 страниц) уделено Марксу с полстранички (всего!) для того? чтобы объявить устарелым «клятый диалектический материализм» с его арсеналом «тяжелых и неочевидных понятий»... .

²⁹Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Соч. 2-изд., т. 42, с. 123-124.

немецкой кинохронике, показывающей вступление германских войск в советские города, населенные пункты. Ни одного флага. Ни одного? Никогда! В этих фактах заключается многое, отличающее нашего Советского человека, являющегося совокупностью общественных отношений — коллектива, от буржуазного обывателя, представляющего собой абстракт товара.

⁴⁰ЭнгельсФ. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 359.

^{к о} Не говоря уже о таком ходовом товаре как детские органы на «запчасти» или женское тело живьем на экспорт (400 ООО тел в год с Украины). И со всего мира для этой же цели около двух миллионов детей ежегодно — в притоны «цивилизованных стран».

⁶²Комментируя Гераклита, Гегель говорит: «Познание того, что бытие и небытие суть только лишённые истины абстракции, первым же истинным является только становление, представляет собой большое достижение. Рассудок считает, что оба в отдельности истинны и имеют значимость; напротив, разум познает одно в другом, познает, что в одном содержится его другое»

⁶⁹Пришлось наблюдать любопытную реакцию читателей на прочитанную статью. Чаще всего это рекомендация автора статьи в депутаты парламента. Наивная вера в очередное «сообщество».

⁷³Там же, с. 47.

¹²Это же аналитическое направление пытается свести и органические формы к физическим структурам. Не трогают пока сферу общественного бытия, о чем, пожалуй, можно сожалеть, т. к. именно в этой области наиболее наглядно обнаружилась бы вся нелепость такого примитивного натуралистического представления о материи.

²⁵Энгельс Ф. Дialeктика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 392.

¹⁰ предмете диалектической логики. В кн.: Актуальные проблемы диалектической логики. — Алма-Ата : Наука, 1971. — с. 38-49.

¹³В.И. Ленин считает верной мысль Гегеля о том, что «движение как понятие, как мысль высказывается в виде единства отрицательности и непрерывности; но ни непрерывность, ни точечность сами по себе нельзя полагать в качестве их сущности». (Ленин В. И. Философские тетради. — ПСС, т. 29, с. 231).

⁸Очевидно, при этом Дарвин отвергал такое представление прерывности, какое в то время претендовало на господство и, как известно, подразумевало творца. Вот почему Дарвин в утверждении прерывности видит «больше от теологии, чем от науки».

⁹Чарльз Дарвин. Избранные письма. М. 1950, с. 121.

¹²Практически этот процесс, очевидно, выглядит так, что с отмиранием конкретных организмов — носителей переходных общих видовых форм — отмирало и то общее, что они несли в себе и что еще не стабилизировалось в ходе видового приспособления как типическое единство определенного будущего вида. По мере же становления и некоторой стабилизации вида как нового типического единства, составляющие его организмы, отмирая, уже не уносили с собой целиком общего родового; оно теперь сохранялось и, закрепленное наследственностью, передавалось как общее в поколениях.

⁷Там же, с. 521.

и отношений, в необходимость. Это может сделать только диалектический теоретический способ мышления, для которого созерцание выступает только как момент в познавательном процессе, да и то уже как живое созерцание, деятельное, субъективно-практическое.

не нуждаемся в учителях. Тем более в таких незрелых, как вы. Мы изучали демократию, глядя на вас сквозь прорези прицелов!»

⁵Как ни странно, но еще бытует байка, что богатые капиталисты «поделятся с бедняками», «богатые капстраны помогут Украине» и т. п. чушь.

⁶Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 102.